

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОТДЕЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В.А. БУХАНОВ

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ
ГЕРМАНСКОГО
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА
И ЕЕ КРАХ

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Екатеринбург
1998

ОТ РЕДАКТОРА

Судьба отвела Валентину Александровичу Буханову всего 47 лет жизни. Его не стало 19 июня 1995 года после быстротечной, тяжелой болезни. Но в этот короткий для историка срок он успел завершить главный научный труд, обращенный к идеологии и практике германского национал-социализма.

На эту тему написаны “монбланы” книг в отечественной и зарубежной историографии. В чем же заключается особенный, “бухановский” подход в интерпретации этого исторического факта?

В отличие от многих исследователей В.А. Буханов рассматривает национал-социалистический феномен в контексте европейского и мирового цивилизационных процессов, как специфически германскую реакцию на вызов массовизации общества. Во взаимоотношениях между властью и обществом он пытался понять истинные причины установления консенсуса между нацистской властью и большинством общества.

В этом плане представляются заслуживающими внимания его подходы к пониманию тоталитарного общества. В опубликованных работах В.А. Буханова мы не находим понятия “тоталитарной демократии”, которое широко использовал, например, Дж. Талмон. Тем не менее, его понимание тоталитарного общества выходило за рамки известного противопоставления тоталитаризма и демократии.

В одном из выступлений за “круглым столом” В.А. Буханов затронул вопрос о ключевом понятии “свободы” в тоталитарном обществе и ответил нетривиальным образом. “У нас до самого последнего времени бытовало такое мнение, что тоталитаризм – это несвобода, а вот демократическое общество – это свобода. Но дело в том, что в конкретно исторических условиях, в конкретно историческом сознании, точнее, переход от, скажем, демократического общества к тоталитарному означает переход не от свободы к несвободе, а от одной свободы к другой свободе. И этим заинтересовались все слои общества Германии, скажем, в 20-е годы, эта проблема интересовала всех: и философов, и простого слесаря каких-то мастерских или завода, и домохозяйку, поэтому постановка очень привлекательной цели, которая показывается через призму новой свободы, означала освобождение от старых пут – это очень важный элемент внедрения в сознание тоталитарного мышления...”¹.

Как объективный историк, он пытался постичь притягательную силу нацизма. Он тщательно избегал идеологизированных, карикатурных штампов в оценке национал-социалистической идеологии, которая представлялась ему

¹ Памяти Валентина Александровича Буханова. – Екатеринбург, 1996. – С.17.

прежде всего историческим фактом, требующим серьезного научного анализа. Валентин Александрович отмечал, что “национал-социалистическому движению удалось вобрать в себя элементы различных идейно-политических течений, скажем, консерватизма, либерализма, даже социализма. В частности, проблема социальной справедливости была поставлена очень остро именно национал-социалистами. В результате получилась не эклектика, а очень любопытная тщательно продуманная философия, которая звала к новой свободе, опять же возвращаясь к этому, под лозунгом нового порядка, реорганизации”².

Многим в XX веке, и не только нацистам, казалось, что представительное парламентское правление вступало в противоречие с выражением всеобщей, народной воли. Как писал авторитетный исследователь германского нацизма Дж. Моссе, “то, что мы называем фашистским стилем, было всего лишь кульминационным моментом “новой политики”, основанной на идее народного суверенитета, возникшей в XVIII веке”³.

Можно предположить, что последующий научный интерес Валентина Александровича был бы направлен в сторону изучения философских основ нацистской идеологии. Во всяком случае, темы курсовых и дипломных работ его учеников были обращены к самым разнообразным сторонам жизни нацистского общества в областях культуры, образования, науки.

Уходящий XX век войдет в историю как век разработки и попыток реализации масштабных проектов мирового переустройства, среди которых наиболее амбициозными предстают коммунистический интернационал, либеральный глобализм и национал-социалистический порядок.

В.А. Буханов, пожалуй, первый и единственный российский историк, попытавшийся заглянуть в научную лабораторию нацистских идеологов. В центре его внимания оказалось одно из наиболее влиятельных идеологических подразделений национал-социализма: так называемая “служба Розенберга”.

Как писал сам автор исследования, его интересовал, прежде всего “процесс принятия решений, истоки, содержание и последствия разногласий в нацистском руководстве по вопросам осуществления европейской политики”. Так, в центре исследования В.А. Буханова оказалась эволюция европейской политической стратегии германского нацизма в 1933-1945 гг.

Для меня по-прежнему остается загадкой, почему В.А. Буханов при выборе названия второй книги был непоколебим в отстаивании связи “гитлеровский новый порядок”, а не, скажем, “нацистский новый порядок”. Можно предположить, что он стремился таким образом подчеркнуть наличие определенной дистанции, разрыва между теоретическими разработками и их

² Там же. – С.18.

³ Mosse G. La nazionalizzazione delle masse. – Bologna, 1975. – P.7.

практическим воплощением в жизнь. Однако, даже если эти предположения являются верными, наличие “зазора” между теоретиками и реализаторами имело для В.А. Буханова значение с точки зрения понимания механизма принятия политических решений и не более того.

Напротив, с первых строк научных трудов Валентин Александрович заявлял о прямой ответственности нацистских разработчиков проектов “нового порядка” за реки пролитой крови при строительстве “Новой Европы”.

По своей натуре В.А. Буханов был совестливым, душевно чувствительным и токим человеком. Нравственным началам он придавал первостепенное значение в отношении с друзьями, в семье, в оценки исторических событий. В ходе одной из дискуссий по проблемам тоталитаризма он настаивал: “Когда мы говорим о тоталитарных режимах, мы опять же, прежде всего, акцентируем внимание на насилии, которое осуществляет государство, тоталитарный режим по отношению к обществу, но забываем, что в такие времена существует иллюзия единения государства и большинства людей, и это даже не иллюзия, люди искренне верят в цели, провозглашаемые государством. Избавиться от этой слепой веры, быть критичными по отношению к самим себе – это и есть очень важный элемент покаяния”⁴.

Незадолго до его кончины мы беседовали о роли науки в политике, в частности, о геополитике. Ссылаясь на опыт нацистской Германии, Валентин Александрович указывал на огромную опасность, которую таит в себе подчинение науки политике. Большинство немецких геополитиков были реакционерами, консерваторами, но не до такой крайности, чтобы уничтожать евреев, цыган, славян. Некоторые из них встали на путь открытого служения нацистам, другие, как один из их признанных лидеров, Хаусхоффер, колебались, третьи оказались среди борцов Сопротивления. Но, по существу, национал-социализм как государственная идеология подчинил себе геополитику. После окончания второй мировой войны готовился международный процесс по делу геополитиков. Тогда союзники рассматривали геополитику как идеологию национал-социализма. Хаусхоффера вызывали на бесконечные допросы, не выдержав которых, он покончил жизнь самоубийством.

Наш разговор переключился на геополитические обоснования Чеченской войны, которая в тот момент достигла кровавой, критической черты. “Геополитика – это инструмент прошлого, и, если им пользоваться чисто академически, то есть не абсолютизировать его, то можно обсуждать, дискутировать в научных трудах и т.д., но распространять в общественное сознание, в нашу политическую культуру, возрождать общественное сознание демократическое, вообще рождасть его, и в этих условиях, конечно, геополитика

⁴ Памяти Валентина Александровича Буханова. – С.22.

в какой-то степени является препятствием, поэтому мода на геополитику... пройдет, по крайней мере, может быть, и не скоро, но с течением времени”⁵.

В его рассуждениях о сильном государстве проявлялись характерные черты демократического сознания. “Сильное государство – это такое государство, которое находит наиболее оптимальные отношения с гражданским обществом и поддерживает его всячески, то есть наиболее оптимальные отношения между гражданским обществом и государством – это сильное государство... Я все-таки предпочитаю демократию, потому что здесь учитываются права каждого человека, гарантируются и реализуются эти гарантии”⁶

Валентин Александрович Буханов был истинным гуманистом с развитым чувством человеческого достоинства. Его политические прогнозы чаще оправдывались. В период горбачевских реформ он вступил в партию, но все понял раньше многих и покинул ее ряды “по-английски”, с достоинством, в свойственной ему манере.

Его недостает всем – семье, друзьям, ученикам, науке, обществу...

В.И. Михайленко

⁵ Там же. – С.33.

⁶ Там же. – С.34-35.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ
ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА**

1933-1939

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время пробудился огромный интерес к судьбам Европы, ее прошлому, настоящему и будущему. Перспектива безъядерного, мирного континента, где народы будут жить как добрые соседи, увлекла сегодня, кажется, всех. Европейская идея, по-разному сознаваемая различными социальными, политическими и интеллектуальными силами, превращается в наши дни в мощный фактор ускорения международного развития. Преодолеть инерцию конфронтационного мышления, отражающегося в концепциях “силового давления”, “равновесия страха”, искусственного разделения континента на части, построить “общий европейский дом” от Атлантики до Урала в духе нового политического мышления – сложная, но по-настоящему благородная задача.

И раньше в философских учениях, политических программах, а то и просто в лозунгах дня присутствовала идея общности европейских народов¹. Она выдвигалась как революционерами, так и консервативными либо контрреволюционными группировками. Множились пацифистские идеи объединенной Европы, особенно в первой половине XX в., когда планету охватил пожар мировых войн. Борьба вокруг европейской идеи приобрела в то время небывалую остроту, достигнув своего апогея в 30–40-е годы в связи с реальной опасностью нацификации Европы. Дело в том, что план установления полного господства фашистской Германии над континентом составлял основу внешнеполитической программы германского нацизма во второй мировой войне². Поход Гитлера против Европы завершился безоговорочной капитуляцией вермахта крупнейшим поражением германского империализма и крахом национал-социализма. Все это необратимо сказалось на судьбах европейских народов, да и народов всего мира.

Несмотря на обилие книг по истории агрессивной внешней политики национал-социалистического режима, его европейская стратегия (и в более широком смысле – его европеизм) все еще остается крупной исследовательской проблемой, многие важные вопросы которой ждут своего решения. В самом деле, можно ли, например, говорить о европейской концепции (или концепциях) НСДАП, и если да, то что она собой представляла? Ограничивалась ли она только сферой практической политики или коренилась в мировоззрении национал-социализма? Какие связи в этом отношении существовали между нацистской идеологией, политикой и экономикой? Кто, когда и как занимался формированием национал-социалистического европеизма? Как он претворялся в жизнь? Какие изменения претерпевал? Ответы на эти и другие вопросы могут привести к интересным, а порой и к неожиданным результатам. Кроме того, они позволят еще глубже осмыслить германский фашизм как общественный

феномен, однажды поставивший под угрозу само существование многих европейских народов.

Занимаясь изучением европейской стратегии нацизма, авторы, как правило, ограничиваются анализом либо сочинений Гитлера и его высказываний относительно преобразования Европы, либо конкретных дипломатических акций рейха накануне и в годы второй мировой войны. Тридцатые годы как один из периодов “европейского строительства” национал-социализма обычно выпадает из поля зрения историков. Действительно, и в “Майн кампф”, и во второй своей книге, и в секретных выступлениях, конфиденциальных интервью, доверительных беседах с приближенными в конце двадцатых – начале тридцатых годов Гитлер довольно часто обращался к европейской тематике, уже тогда в общих чертах обозначив ту ужасную катастрофу в истории континента, которая произошла спустя 10–15 лет. Один из нацистских вариантов преобразования Европы наложен в длинных монологах Гитлера, записанных главным редактором газеты “Лейпцигер нойестен нахрихтен” Р. Брайтингом в мае–июне 1931 г.³ Лейтмотивом гитлеровских монологов была идея о расширении Германии до размеров Европейского континента и создании нацистской континентальной Европы. Ровно через десять лет многое из задуманного фюрером было выполнено, и фашистская Германия, вероломно напав на СССР, приступила к завершению своей антиевропейской программы. Лишь ценой неисчислимых жертв народам Европы удалось отстоять свою свободу и независимость.

В исследованиях по истории второй мировой войны явное предпочтение отдается таким вопросам, как оккупационная политика нацистского рейха, ход военных действий на фронтах, дипломатия агрессора, его отношения с союзниками, прежде всего с фашистской Италией и милитаристской Японией. Европеизм германского фашизма изучается в данном случае постольку, поскольку рассматриваются те или иные конкретные вопросы. Нацеленную на захват и подчинение Европы Континентальную стратегию национал-социализма можно исследовать и под иным углом зрения. Имеется в виду пресловутый гитлеровский. “новый порядок”, словосочетание, которое со времени войны буквально въелось в наше сознание. Термин этот обычно применяется для обозначения немецко-фашистской политики массового террора, насильственной германизации, физического истребления целых народов. Менее известно, однако, что идей “нового порядка” была пропитана по существу вся теория и практика нацизма.

С помощью террора, искусной пропаганды и других средств клея “нового порядка” проникла во все поры общественной жизни рейха, создав, без преувеличения, уникальный психологический климат, позволявший диктатуре

без особых затруднений манипулировать сознанием и поступками большей части населения страны. Европейская политика фашистской Германии представляется в этой связи одним из важнейших – если не самым важным – составных звеньев тотальной реорганизации Германии, Европы и мира, за которую взялась гитлеровская партия. Нацистская идея “нового европейского порядка”, без сомнения, коренилась в идеологических догмах нацистского движения. “У германского фашизма существовала своя чрезвычайно действенная идеология”⁴, – пишут советские историки Д.Е. Мельников и Л.Б. Черная. Мы все еще плохо знакомы с идеологической системой национал-социализма, с логикой его теоретиков, с тем, что можно назвать методологической базой нацистского учения, а без этого трудно разобраться в европейской стратегии НСДАП.

В тридцатые годы в недрах национал-социализма существовали разные представления о будущей “новой Европе”, учет и анализ которых является насущной необходимостью. На основе “розенберговского варианта идеологии”⁵ нацизма мы попытаемся рассмотреть европейскую концепцию Розенберга. Различия внутри нацистской элиты по идеологическим вопросам, зачастую трудноуловимые, неизбежно вели к появлению альтернативных подходов во внешнеполитической сфере. Наблюдалась и противоположная тенденция. Если “внизу и в центре национал-социалистской партии, – еще в 1935 г. подчеркивал советский публицист Э. Генри, – противоречия определялись социальными различиями, наверху расхождения идут по линии стратегии и тактических идей”⁶. Основные вехи довоенной внешней политики фашистской Германии известны достаточно хорошо, и нег нужды на них специально останавливаться. Гораздо больший интерес представляет выявление реально существовавших расхождений внутри верхних эшелонов нацистской власти по вопросам европейской стратегии рейха в 1933–1939 гг. Здесь перед нами может открыться впечатляющая картина борьбы всех против всех, стремительного взлета одних и неожиданного падения других, перманентного состояния “дружбы – соперничества”, и все это под знаком нового европейского порядка”.

Как же подступиться к столь сложной теме – “Европейская стратегия германского фашизма. 1933–1939 гг.”? Реальный выход можно найти, исследуя “новый европейский порядок” через призму деятельности какого-нибудь нацистского ведомства, занимавшегося разработкой европейской концепции и претворением ее в жизнь. История такого ведомства составит некую ось, вокруг которой будут вращаться все интересующие нас процессы. В центре нашего внимания находится так называемая служба Розенберга, куда входили внешнеполитическое бюро НСДАП, аппарат уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов

национал-социалистской партии, ряд других подчинявшихся Розенбергу организаций, а в годы второй мировой войны и министерство по делам оккупированных восточных областей. В “империи” Розенберга занимались всей проблематикой “нового европейского порядка”, начиная с отвлеченного, на первый взгляд, теоретизирования и кончая практическими делами в области как внутренней, так и внешней политики фашистской Германии.

Несмотря на то, что Розенберг всеми силами боролся за нацификацию Европы, причем не только Восточной, но и Западной, со времени окончания войны на Западе обнаружилась устойчивая тенденция представлять его только теоретиком, “великим идеалистом”, интеллектуалом, не имевшим ничего общего с наиболее одиозными проявлениями нацистского режима. На этом основании периодически звучат призывы к его посмертной реабилитации⁷. Но имя автора “Мифа XX столетия” неотделимо от преступлений германского фашизма.

“Империи” Розенберга в зарубежной историографии посвящено несколько крупных монографий. Подробная характеристика внешнеполитического бюро НСДАП, основных направлений его деятельности в 1933–1939 гг. дана в капитальном труде западногерманского историка Г.-А. Якобсена⁸ и в книге финского автора З. Куусисто⁹. Розенберговский вариант идеологии и практики национал-социализма изучали Р. Сесил из Великобритании¹⁰, представители исторической науки ФРГ Р. Больмус¹¹, Г.-Д. Лоок¹² Г.-Ю. Лутцхефт¹³ и Р. Баумгэртнер¹⁴, американские ученые А. Даллин¹⁵ и Р. Херцшайн¹⁶, историки Франции¹⁷ и других стран¹⁸. Несколько документальных сборников и монографий, в которых нашлось место и для розенберговской “империи”, опубликовали историки ГДР¹⁹ и исследователи-марксисты ФРГ²⁰.

В гораздо меньшей степени в зарубежной литературе изучена европейская концепция Розенберга, особенно под углом зрения “нового порядка”, а также ее роль в эволюции европейской стратегии и политики национал-социализма накануне второй мировой войны.

В СССР наметилось известное отставание в исследовании европейских аспектов гитлеровского “нового порядка”, хотя именно у нас изданы фундаментальные труды о происхождении и социальных корнях фашизма, его идеологии и государственно-политической практике, об агрессии Германии в Европе, ее оккупационной политике и банкротстве ее стратегии в годы войны²¹. Все это – прочная основа для дальнейших исследований германского национал-социализма.

Вместе с тем историков интересуют сейчас не просто перипетии дипломатической борьбы в Европе в 30-е годы, а процесс принятия решений, истоки, содержание и последствия разногласий в нацистском руководстве по

вопросам осуществления европейской политики. Разве не важно знать, какие силы стояли за тем или иным внешнеполитическим актом в фашистской Германии? Кто оказывал противодействие, предлагая альтернативные варианты? Ослабляла ли эта ситуация национал-социалистический потенциал в сфере внешней политики? Все эти вопросы представляют отнюдь не академический интерес. Их исследование в нашей стране уже началось²².

Итак, назрела потребность заняться изучением европейской политической стратегии германского фашизма в 1933–1939 гг., особенно ее обоснования с позиций нацистского “нового порядка”. При таком подходе можно не только глубже осознать роль европейской политики в традиционных внешнеполитических устремлениях правящих классов кайзеровской и Веймарской Германии, но и выявить специфические черты “новой Европы” национал-социализма, за которой – реки пролитой крови.

Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю признательность всем, кто при подготовке рукописи к печати сделал критические замечания. Сердечная благодарность сотрудникам Центрального государственного исторического архива в Потсдаме, любезно предоставившим в наше распоряжение интересующие нас документы и материалы.

ГЛАВА 1

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИСТСКОГО ЕВРОПЕИЗМА

§ 1. Исходные элементы национал-социалистического мировоззрения

В заключение книги А. А. Галкина “Германский фашизм” сформулирована важная мысль, которая может послужить отправной точкой нашей работы. “Каждый, кто обращается к изучению фашистского феномена, его корней и конкретных носителей, – пишет автор, – должен помнить, что эта проблема не представляет чисто академического интереса и вряд ли приобретет его в ближайшие годы. И не только потому, что живы поколения, познавшие на личном опыте, – что такое фашизм в его реальном, практическом воплощении. Фашизм, хотя и в модифицированном виде, остается явлением современности, а, следовательно, представляет собой актуальную угрозу. Чтобы парализовать ее, важно быть во всеоружии” – иными словами, знать идейный и политический арсенал фашизма, его тактические приемы, сильные и слабые стороны¹. Таким образом, исследование мировоззрения, идеологии и политики германского национал-социализма имеет большое научное значение.

Взятое в гносеологическом и историко-генетическом плане, нацистское мировоззрение предстает перед нами как продолжение и завершение крайне реакционных антигуманистических тенденций предшествующего мышления философских теорий и социальных утопий о роковой предопределенности отношений господства и подчинения². Среди них различные натуралистические и близкие к ним идеи вроде мальтузианства, социал-дарвинизма, расизма, географического детерминизма, вошедшие в моду в последние десятилетия XIX в. На вызревание в Германии натурфилософских систем, представлявших собой “наиболее массовый продукт немецкой интеллектуальной индустрии с девизом “дешево, да гнило”³, Ф. Энгельс указывал еще в 1878 г.

Никогда всевозможные реакционные теории не пользовались в кайзеровской Германии столь широким влиянием, как на рубеже нового и новейшего времени. Оплодотворенные идеями “немецкого реакционного социализма, восходящего своими истоками к концу XVIII столетия, расистские и им подобные философско-натуралистические концепции составили фундамент идеологических систем нового типа, авторам которых удалось согласовать ранее не согласуемое – философию жизни или, скажем, геополитику со смутными социально-утопическими устремлениями неспособных возвыситься над уровнем обыденного сознания масс.

Слияние, взаимопроникновение реакционных антигуманистических направлений в конечном итоге значило культивирование благоприятной мировоззренческой почвы, на которой было выращено ядовитое семя национал-социализма. Одной из самых знаменательных вех на пути к нацизму явились сочинения видного представителя немецкой философии жизни О. Шпенглера о “прусском социализме”⁴. Другие изыскания подобного рода связаны с деятельностью крайне правых течений и движений, в великом множестве расплодившихся в Веймарской Германии. Изыскания эти до предела политизировались и в связи с поражением Германии в первой мировой войне обильно сдабривались идеям “реванша, национальной ненависти, мифами о “немецкой народной общности” и др. Общим для всех группировок-движений фелькише, младоконсерваторов, геополитиков, нацистов и т. д.⁵ – был ярый антикоммунизм. Между ними имелись и различия, порой довольно существенные. В конце концов, верх взяло движение с самой изощренной и наиболее уродливой идеологии ей, которой оказались пропитаны широкие слои населения страны, – национал-социализм.

Но какова содержательная сторона нацистского мировоззрения? И, главное, каков ее розенберговский вариант? Ответ на эти вопросы сможет приблизить нас к более полному осознанию “нового европейского порядка” в его нацистском обличье, к пониманию европейской стратегии гитлеровского режима. Рассмотрим некоторые теоретические установки Розенберга и его ближайшего окружения в конце 20-х – начале 30-х годов. Под мировоззрением Розенберг понимал определенный способ рассмотрения мира вне и внутри нас. “Каков мир есть и как мы относимся к нему?”⁶ – с этого вопроса начинались его рассуждения. Мир природы и “мир свободы”, материя и жизнь, вселенная и я, почва и кровь – это “конечные полярные условности”; нужно только интуитивно ощутить эти связи и привести их в состояние гармонии. Ничто еще как будто не предвещало преступной практики национал-социализма.

У теоретиков германского фашизма не было сомнений в том, что их мировоззренческая система способна адекватно отражать процессы, происходящие в природе и обществе, что только она в состоянии дать верный ответ на актуальные вопросы развития рейха, Европы и мира. Лишь эта система, утверждал Гитлер, “соответствует глубинному желанию природы”, она “принципиально привержена основной аристократической идее природы” и следует ее законам⁷. Другой нацистский теоретик, В. Дайц, с апреля 1933 г. ближайший сотрудник Розенберга по внешнеполитическому бюро НСДАП, говорил о национал-социализме как о “непосредственном, осознанном и прямом продолжении процесса развития, происходящего в природе”⁸. Национал-

социалисты мыслят и творят так, как мыслит и созидает природа⁹. Более того, нацистское движение было объявлено Дайцем “частью самой природы”¹⁰, и именно в силу того, что за него “сражаются законы природы”, оно провозглашалось непобедимым¹¹. Впоследствии подобные рассуждения привели теоретиков розенберговской “империи” к биополитике, которую они свели к биологии, используемой в политических целях¹².

На такой весьма рыхлой основе формировались методологические подходы национал-социализма, генетически ничем принципиально не отличавшиеся от методологических оснований философии жизни, геополитики, младоконсервативных течений и т. д. По утверждению Розенберга, “природой можно овладеть не колдовством... и не логическими схемами, а лишь глубочайшим наблюдением за ней”¹³. Отсюда следовало, что в сущность любого процесса нельзя проникнуть формально-логическим путем, его можно постигнуть, обращаясь лишь к интуиции и инстинкту. К аналогичному заключению пришел и В. Дайц. Даже “появление обычной травинки, – писал он, – превышает всякую возможность ее интеллектуального постижения и становится понятным только тогда, когда она уже выросла”¹⁴. Что же тогда говорить о таком сложном феномене, как национал-социализм, рожденном из “глубинных, находящихся за пределами человеческого разума законов природы”¹⁵.

Дайцу принадлежит развернутая формулировка методологического приема нацистских теоретиков: “Не выдумывать какую-то интеллектуально-материалистическую конструкцию, претендующую на то, чтобы быть умнее природы, а созерцать вещи (в гетевском или кантовском смысле), провозглашать их и подчиняться им... Ни во что не вмешиваться¹⁶ в смысле Лао-Цзы, но бессознательно входить в развитие событий и развиваться вместе с ними, стремиться быть не умнее их, а подчинять интеллект внутренней логике вещей”¹⁷. Вот почему главной задачей, стоящей перед теоретиками национал-социализма, считалось “восстановление внутренней логики и внутреннего смысла вещей”, всего того, что природа интуитивно поддерживала в формах жизни, но что было разрушено вмешательством “материалистического интеллекта”¹⁸. При этом нацизм уподоблялся квалифицированному врачу, помогающему природе самоизлечиться¹⁹. Трудно поверить, но именно с такого, казалось бы совершенно нейтрального “созерцания”, с призывов к восстановлению “внутренней логики” всего сущего берет свое начало розенберговская концепция преобразования Европы.

Какой смысл нацистские “эскулапы” вкладывали в понятие самоизлечения природы? Тут необходимо перейти к характеристике таких категорий национал-социалистического учения, как “мир свободы”, “жизнь”, “кровь”, “я”. По

Розенбергу, природа, взятая сама по себе, ни хороша, ни плоха, она просто существует. Человек находится внутри нее и подчиняется ей. Вместе с тем его способность оценивать внешний мир есть признак его свободы, силы²⁰. Поэтому история – это не процесс, зависимый исключительно от законов природы, а, скорее, развертывание человеческой воли, “мистического синтеза, деятельность души, которую невозможно объяснить ни умозаключениями, ни изложением причины и следствия”²¹. От того или иного понимания истории, полагал Розенберг, зависит все – сначала формирование соответствующего мировоззрения, а затем и радикальное изменение народной жизни. “Я” и “вселенная”... противостоят друг другу как две конечные полярные условности, и предпочтение, которое душа отдает той или иной стороне, определяет сущность, колорит и ритм мировоззрения и жизни”²², – подчеркивал сочинитель “Мифа XX столетия”. И снова перед нами тот же мыслительный прием: интуитивно познаваемая история – основанное на иррационализме мировоззрение – преобразованное в соответствии с придуманной идеологией общество, “новый порядок”.

Итак, натуралистически воспринимаемый внешний мир (природа) и мир внутренний (непознаваемая, но деятельная душа) – исходные элементы [конструирования] национал-социалистического мировоззрения. Из них вытекали как расовая теория и концепция однокровной народной общности, так и “целостная картина мира”, на создание которой претендовал германский фашизм.

В самом деле, что же это такое – “мистический синтез”, “душа”, которую не в состоянии постичь интеллект? По представлениям Розенберга, душа означает расу, вернее, ее внутреннее состояние; раса же есть не что иное, как внешнее проявление души. “Раса, душа и дух, – уточнял он свою мысль, – суть одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон”²³. Извечные ценности “расовой души” мнились Розенбергу движущими силами историй. Каждая раса имеет свою душу, каждая душа – свою расу, внутреннюю и внешнюю архитектонику, свою особую форму проявления и свой образ жизни; каждая раса имеет, наконец, свой высший идеал. Смешение народных идеалов, духовных ценностей и образов жизни ни в коем случае не допустимо, иначе, полагали теоретики национал-социализма, наступит всеобщий хаос и вселенская катастрофа. Ради сохранения культуры следует немедленно подавлять расово чуждое, и не потому, что оно “плохое”, а просто потому, что расово чуждые элементы разрушают внутреннюю структуру народной субстанции²⁴. В пробуждении рас, их очищении от всего чуждого нацисты видели смысл или, если воспользоваться терминологией Розенберга, миф XX века. Все это

провозглашалось законом природы, которая выступала гарантом начатого национал-социализмом расового преобразования Германии, Европы и всего мира. Оказывается, именно природе угодно, чтобы в человеческом сообществе сохранялось и культивировалось неравенство между народами, чтобы “худшие” погибали либо подчинялись “лучшим”. Как неоднократно подчеркивал автор “Майн кампф”, национал-социализм “признает значение человечества в его исходных расовых элементах ...никоим образом не верит в равенство рас, а ...признает их более высокую или более низкую ценность и благодаря этому чувствует себя обязанным – в соответствии с вечным желанием, царящим во вселенной, – способствовать победе лучшего, более сильного, требовать подчинения худшего и более слабого”²⁵.

Как раса, так и народ интерпретировались нацистами в иррационально-мистическом, расовом духе. “Народ, или, лучше, раса”²⁶, – так понимал этот термин Гитлер. В его первой книге национал-социалистское миропонимание названо “фелькишским мировоззрением”. Подобно другим фелькише, теоретики НСДАП воспринимали народ вне всякого социального содержания, придавали этому термину биологический, даже биополитический смысл, предпочитая говорить не столько о народе, сколько о народности, а еще лучше – о народной общности. Концепция однокровной и связанной пространством народной общности интенсивно разрабатывалась идеологами германского фашизма, поскольку вместе с расовой идеей она считалась важнейшей в теоретико-пропагандистском арсенале национал-социализма. Индивидуум получает в народной общности свою жизнь, поэтому, как утверждали нацисты, каждый человек обязан всемерно крепить эту народную общность: “Народная общность – все, отдельный человек – ничто”²⁷. Создание “единого в духовном и материальном отношении народного организма” совершенно естественно провозглашалось конечной целью национал-социалистического преобразования Германии²⁸.

Достичь этой цели предполагалось путем “социализации” (!) человека, то есть его ориентации на служение расовой народной общности²⁹. “Общее благо выше частного”, “Один за всех, все за одного” – именно эти целевые установки легли в основу мифа о “социальной справедливости”, в третьем рейхе и даже самого определения национал-социализма. Выступая на всегерманском совещании профессоров-экономистов 4 октября 1934 г., Дайц, к примеру, заявил: “Национал-социализм не является ни националистическим социализмом, ни социалистическим национализмом... Существует лишь одно определение национал-социализма... Национал-социализм есть народная общность! Только тот, кто прошел испытание народной общностью, может быть настоящим национал-социалистом”³⁰.

Народной общности нацисты придавали столь большое значение, что были сформулированы положения о примате народа над государством, о тотальности народа в противоположность тотальности государства, о суверенитете народа в отличие от государственного суверенитета прежней, так называемой либеральной, эпохи. Соотношение понятий “народ” и “государство” сопоставляли с соотношением категорий “содержание” и “форма”, причем формой, зависимой от содержания, объявлялось государство. Содержание первично, за ним скрывается “живая жизнь” народной общности, а форма всегда представляет собой “свернувшуюся жизнь”. Более того, “сам факт провозглашения тотальности формы несет в себе определенную агрессивную тенденцию”³¹, а национал-социализм никогда не считал себя агрессивным. Государство, писал Розенберг в январе 1934 г., есть лишь “инструмент национал-социалистской философии жизни”³².

Стало быть, идеи расы и народной общности действительно играли основополагающую роль в мировоззренческой системе национал-социализма, на их основе формулировалась натуралистически-биополитическая картина мира. Контур будущего “нового порядка” просматривались через призму “мировоззренческих переломов”. “Природа вообще не знает состояния покоя, а только прогресс либо регресс; все в ней есть движение”³³, – писал Дайц. И дальше: “Неподвижность всегда есть лишь начало регресса”³⁴. В статье, опубликованной 28 февраля 1934 г. в “Дипломатенцайтунг”, он говорил о “великих мировоззренческих переломах”, которые, по его мнению, “случаются, вероятно, раз в 500 лет”, предоставляя “жизнеспособным народам” шанс нового подъема³⁵. Возникновение нацистского мировоззрения Дайц сравнивал с извержением вулкана. Подобно тому, как время от времени извергаются вулканы, считал он, периодически хлопаются и “мировоззренческая корка” ведущих народов мира. “Тогда из живой субстанции, созидательной крови расы... прорываются новые, мировоззренческие формы, которые революционным путем по-новому формируют все сферы человеческой жизни – политику, культуру, экономику и религию – и реорганизуют их в новый, созидательный жизненный порядок”³⁶. Начало современному мировоззренческому перелому, по мнению нацистского теоретика, положила философия Ницше.

Дайцу понадобилось еще полгода, чтобы из идеи о мировоззренческих переломах вывести заключение об исторической обусловленности национал-социализма. На совещании в Берлине в октябре 1934 г., куда были приглашены все германские профессора-экономисты, а также представители монополистических кругов, он прочитал два доклада, первый из них на тему: “Обновление экономической этики. Переоценка всех ценностей”. Оба доклада

полностью перепечатала газета “Берлинер берзенцайтунг” – влиятельнейший орган немецких финансовых кругов.

В своих выступлениях Дайц вслед за Ницше, Гитлером и Розенбергом провозгласил лозунг переоценки всех ценностей. “Мы живем в неслыханно великое время, – с апломбом возвестил он. – Рассеянная по всему земному шару биологическая субстанция нордической расы... снова сотрясается от судорог мутации, родовых схваток мировоззренческого обновления. Во всех частях мира идет борьба вокруг одного и того же принципиального вопроса: о замене прежнего, небιологического мировоззрения биологическим, неорганического – органическим. Повсюду – в политике, искусстве, философии, науке и технике – мысль движется от физического и химического к биологическому... Ни одна страна белой расы не может уклониться от этого кризиса”³⁷. Важнейшим проявлением современного мировоззренческого перелома, подчеркнул докладчик, предстает национал-социализм – это “мощное извержение раскаленного сердца природы”. Национал-социализм, по Дайцу, это не просто новая политическая система, а, прежде всего немецкая форма “мировоззренческого перелома”. Это, “великое центральное извержение, которое покрывает устаревшую интеллектуальную корку новым раскаленным огненным слоем – новым мировоззрением и новой культурой”. Под воздействием национал-социализма и в других странах “белой расы” проснутся “соседние вулканы”, и там тоже начнется желаемое природой обновление”³⁸.

Представляется важным, что нацистские теоретики, еще только намечая исходные элементы и категории своего учения, видели в национал-социализме отнюдь не изолированное явление, а интегральную часть глобального преобразования на расовой основе. Задуманная ими нацификация Европы зиждилась, таким образом, на идеологических постулатах национал-социализма, опираясь в первую очередь на идею расовой народной общности. Высказывания В. Дайца полностью созвучны розенберговским. Например, в “Мифе XX столетия” Розенберг, ссылаясь на историю европейских и неевропейских народов, пытался убедить читателя, будто “белая раса” не сможет удержать, своего господствующего положения в мире, предварительно не преобразовав Европу”³⁹, а 16 января 1937 г. в узком кругу он заявил: “Мы живем фактически в таком великом перевороте, что в него втягивается не только Германия, но и все народы Европы”⁴⁰.

Возникал вопрос, почему природа нуждается в периодических мировоззренческих переломах, почему все прежние идеологические системы не выдержали испытания временем? Пытаясь на него ответить, Дайц, как и другие нацистские теоретики, обратился к анализу термина “интеллект”.

Интеллект, утверждал он, есть “внешнее знание”, способное в лучшем случае лишь объяснить уже свершившиеся события. Напротив, здоровый человеческий разум – это “знание внутреннее”, глубинное, инстинктивно-интуитивное, схватывающее жизнь в ее целостности, биологически. Только в интуиции и инстинктах воплощается, “если рассматривать вещи изнутри, то есть биологически, самая глубинная сущность сил роста жизни нации и отдельного человека”⁴¹. Интеллект возникает там, где человеческий разум, отрываясь от инстинктов и интуиции, возводит себя в абсолют. Тогда начинается его разрушительная деятельность, “интеллект поднимается против духа”⁴².

Интеллект – одностороннее знание, подобно призме разлагающее на части целостную жизнь. Поэтому стремление интеллекта к объективности закономерно приводит к противоположному результату – отрыву от действительности, мертвому абстрагированию, релятивизму, нейтральности. “Интеллектуально сконструированная теория стоит над живой жизнью. Повсюду придуманная форма ставится над живым содержанием. Везде целостность созидательной жизни расчленяется на функции, застывающие в самоцели. Посредством внешнего принуждения человек насильно, а не добровольно подчиняется вышестоящей воле”⁴³. Так в рассуждениях нацистского теоретика возникает проблема свободы. Этот термин присутствовал уже в гитлеровской “Майн кампф” и в розенберговском “Мифе XX столетия”, но именно Дайц, искусно им манипулируя, объяснял причины “великих мировоззренческих переломов”. Разрешение противоречия между старыми и новыми представлениями о свободе – вот в чем виделась сущность мировоззренческого перелома сотруднику внешнеполитического бюро НСДАП. “Глубочайший смысл каждой истинной революции, – заявил Дайц в своем выступлении перед членами Немецкой академии в Берлине, – заключается в том, что она заново отвечает на вопрос о свободе и необходимости... Подлинный мировоззренческий перелом происходит... лишь тогда, когда в истекшую эпоху произошло вырождение понятия свободы”⁴⁴.

Таким образом, термин “свобода”, как это ни парадоксально, являлся одним из центральных в национал-социалистской мировоззренческой системе. Более того, нацистский вариант “свободы”, имея непосредственное отношение как к внутригерманской, так и к европейской стратегии национал-социализма, был свое образным ее ядром. Иными словами, гитлеровский “новый порядок” в Европе осуществлялся под знаком и во имя “свободы”. В годы второй мировой войны под флагом “свободы” проводилась политика геноцида по отношению ко многим европейским народам. Старой, “выродившейся в интеллектуализме” свободе нацисты противопоставляли свободу “естественную”, “органическую”,

“кантовскую”. Интеллектуальная свобода, утверждали Они, всегда покоится на принципах внутренних, догматических ограничений и безбрежной внешней свободы – на принципах интернационализма. Однако абсолютной внешней свободы не существует, всякая свобода имеет свои пределы, за которыми она неизбежно сталкивается с другой такой же свободой. Свобода индивидуума кончается, в частности, там, где она вступает в противоречие со свободой народной общности. Задача национал-социализма состояла в том, чтобы внимательно следить за развитием отдельных элементов целостного процесса природы, ни в коем случае не допуская перехода ими границ их естественных свобод. Тогда “целое останется в органическом, плодотворном равновесии, не знаящем внутренних кризисов и внешних катастроф”⁴⁵.

Разработанный в апреле 1932 г. дайцевский принцип “органической, созидательной свободы” сводился к “естественной связанности, то есть ограничению по отношению к внешнему миру и к свободе мира внутреннего”⁴⁶. Спустя некоторое время это положение получило более точную формулировку: “Любая вещь имеет свои естественные внешние пределы, зато внутри она безгранична”⁴⁷. Национал-социалистический закон “органической свободы”, корнями уходящий в немецкую философию жизни, означал безусловное следование принципу “внутренней свободы и внешних пределов”. Он сыграл важнейшую роль в формировании той концепции “нового европейского порядка”, которая разрабатывалась в “империи” Розенберга.

Итак, придуманный нацистами “великий мировоззренческий перелом современности” – это, по их словам, не что иное, как принципиальное столкновение старого и нового понимания свободы, когда “оскорбленная природа” революционными действиями разрушает все проявления искусственного интеллекта и восстанавливает “естественное право”. “Для естественной реорганизации, – говорил Дайц в октябре 1934 г., понимая под реорганизацией “новый порядок”, – ...необходимо во всем вернуться к простейшим основам всего сущего”⁴⁸. В соответствии с биологическими законами восстановить единую, целостную жизнь, вновь поднять понимание свободы с механического уровня на уровень биологический – вот в чем заключалось “желание природы”, вот в чем состоял глубинный смысл начавшегося в мире нового – национал-социалистического – “мировоззренческого перелома”. Но как, следуя “желанию природы”, осуществить это коренное преобразование, как возродить подлинный смысл свободы? Согласно нацистскому учению, носителем свободы является не отдельный человек, а народ (народная общность). Индивидуум становится по-настоящему свободным только в свободной народной общности и, напротив,

теряет свободу с потерей свободы и независимости своим народом. Следовательно, восстановление “органической свободы” возможно лишь посредством глубочайшей реорганизации самой народной общности, путем полного подчинения ее жизни законам природы и формирования совершенно “нового образа жизни”⁴⁹.

При этом теоретики нацизма исходили из интуитивного осознания народной общности, которая, по их словам, получает свою жизнь от природы – созидательного “божественного всемогущества”, не связанного ни с пространством, ни со временем, не имеющего ни начала, ни конца. Ради жизни немногих, избранных природа жертвует многими миллионами “человеческих ростков”. Вот почему жизнь народной общности представляет собой абсолютную ценность, выше которой на земле нет ничего. Верить в созидательную жизнь, служить ей, отдавать ей всего себя без остатка – такими были призывы нацистских проповедников, обращенные к пастве. Национал-социализм, утверждали они, верит лишь в одно: в непобедимость созидательной жизни, в то, что вечная жизнь способствует возникновению новых, лучше приспособленных форм вместо старых, отживших. Основным содержанием XX века является, по их мнению, возрождение “народов-личностей” – самого ценного, что есть на нашей планете. “Рождение народов-личностей, – писал тот же Дайц, – ...есть великий мировой революционный процесс нашего времени, который повсюду заменяет “механическую систему мира биологической”⁵⁰. Однако появление “народов-личностей”, то есть расовых народных общностей по нацистскому образцу, просто немыслимо без возрождения “органической свободы”. По закону “органической свободы” любая народная общность, если она желает сохранить свою свободу и независимость, обязана жить автаркически, то есть за счет собственной силы и собственного пространства. Рано или поздно природа уничтожает те формы жизни, которые стремятся существовать на чужих пространствах и за счет других. Такие паразитирующие формы в принципе нежизнеспособны. Народная общность, посмевавшая нарушить природное табу, предрасположена к агрессии и экспансии, к эксплуатации других народов. Она преступает закон расы и по этой причине обречена на угасание, а в перспективе на биологическую гибель. Наоборот, безусловное следование закону автаркии гарантирует народной общности всемерное укрепление всех ее жизненных сил, биологическое возрождение, а в перспективе – с учетом ее воли к жизни – превращение в “народ господ”. Как же совместить призывы жить за счет собственной силы и собственного пространства с развязанной фашистской Германией второй мировой войной и оккупацией многих европейских стран? Дело в том, что теоретики национал-социализма собственным пространством

немецкой общности объявляли как минимум всю Европу. Следовательно, и действие закона автаркии они автоматически распространяли на весь континент.

Вопрос об автаркии встал перед нацистами во время мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., когда к решению этой проблемы обратились и многие германские монополии⁵¹. От того, как будет решен этот вопрос, зависела поддержка НСДАП финансовым капиталом. Термины “автаркия”, “оборонная экономика” и т. п. были теми понятиями, использование которых сближало позиции партии и монополистических группировок. Со стороны национал-социалистской партии разработкой проблемы занимались К. Хирль, Г. Хунке, К. Крюгер и другие. В. Дайц обратился к анализу вопроса об автаркии раньше всех – не в годы мирового экономического кризиса, не в середине 20-х годов и даже не сразу после поражения кайзеровской Германии в первой мировой войне, а еще раньше – во время войны, практически одновременно с первым геополитиком мира шведом Р. Челленом. В статье “О перестройке народного и мирового хозяйства”, опубликованной в 1916 г., будущий теоретик нацизма писал: “Только экономика, которую не в состоянии поразить враг, дает исходную предпосылку, и вообще возможность окончательной победы оружия”⁵².

Точка зрения Дайца на проблему автаркии логически вытекала из закона “органической свободы”. Как только он вывел категорический императив этого закона – “жить собственной силой и за счет собственного пространства” (а произошло это в 1932 г.⁵³), для него в принципе было уже ясно, что автаркия есть не просто что-то связанное с военной экономикой (это разумелось само собой), не какой-то более-менее кратковременный акт с целью одержать победу в войне, а постоянное, естественное условие существования растительного, животного мира и Народной общности. Точно так же, как “раса”, “душа” и “дух” означали для Розенберга “одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон”, так и “органическая свобода”, жизнь “собственной силой и за счет собственного пространства” и “автаркия” воспринимались Дайцем как одно и то же проявление основного закона всякой жизни – закона “жизни и роста”.

На что же это за закон? Как следовало из нацистского учения, при своем рождении каждый народ наделяется природой особым, свойственным только ему, законом жизни. Только следуя этому закону, он способен устоять в борьбе за существование с другими народами и сохранить свою “органическую свободу”. Соблюдением основного биологического закона жизни и роста и ничем иным обеспечивается максимальный расцвет всех жизненных сил народной общности. Натуралистически-историческая миссия национал-социализма заключалась в организации немецкой народной общности в соответствии с основным законом ее жизни⁵⁴.

Как же можно сформулировать основной закон жизни и роста немецкого народа? При ответе на этот вопрос идеологи германского фашизма вновь использовали понятие свободы. Иначе и быть не могло, ибо все рассматриваемые здесь проблемы – не более чем вариации на тему “органической свободы”. Провозглашенный Гитлером основной закон немецкой народной жизни гласил: “Свобода через самозащиту. Помоги себе сам, тогда тебе поможет бог”⁵⁵. Для обоснования этой довольно странной формулы вводилось понятие нравственного закона. Ход рассуждений нацистских теоретиков был следующим. Согласно расовой теории, все народы отличаются друг от друга, каждый народ неповторим, ибо получил от природы свой собственный закон жизни и роста. Раз это так, то иррациональное биологическое требование – жить собственной силой и за счет собственного пространства – реализуется различными народами по-разному и не прямо, а опосредованно, через их характер, нравственные идеалы и добродетели. В таком случае основной закон жизни всякого народа проявляется на уровне сознательных действий как основной нравственный закон. Нравственные идеалы и достоинства немецкого народа включают в себя храбрость, преданность, самоотверженность и честь. Все они воплощаются в солдатских принципах: “Сначала служение, затем заслуга”, “Один за всех, все за одного”, “Общее благо выше частного”.

Утвердить эти “нравственные ценности” в жизни немецкой народной общности – такую задачу провозглашала НСДАП. Но тем самым национал-социализм изначально объявлялся не только “великим” идеологическим и политическим движением, но движением, направленным на глубочайшее “нравственное возрождение” немцев⁵⁶, на биологических началах преобразующим весь уклад их жизни. Недаром в сочинениях В. Дайча, да и не только его, нет-нет, да и проявлялось стремление отождествить “национал-социалистскую революцию” с “великой нордической культурной революцией”⁵⁷, которая была призвана радикальным образом реорганизовать все стороны жизни нордических народов.

Итак, лозунг “свобода через самозащиту” в интерпретации нацистских теоретиков означал не что иное, как осуществление иррационального требования природы (“жить собственной силой и за счет собственного пространства”) с помощью нравственных идеалов новой, перестроенной на основах национал-социализма немецкой народной «общности. Только новая – автаркическая – организация народной жизни в состоянии гарантировать немцам “органическую свободу” в этом мире. Это автоматически поднимало проблему установления в Германии “нового порядка” на уровень международных отношений. Как же иначе, если неперменным условием намеченного преобразования объявлялось фиксирование “внешних пределов”!

Какой образ жизни навязывали немецкому народу национал-социалисты? В чем заключался глубинный смысл их “культурной революции”? Эти вопросы требуют хотя бы беглого рассмотрения для более полного понимания мировоззренческих первооснов европейской стратегии германского фашизма, особенно ее розенберговского варианта. Согласно натуралистически-биополитической диалектике Розенберга, культура, или “созидательная деятельность”, возникает в результате взаимодействия полярно противоположных элементов. Существуют полярности физического (расы) и мировоззренческого (души) порядка. Наряду с ними природа создала также полярность полов – мужского и женского, взаимодействие которых приводит к “органическому напряжению, зачатию, разрядке в качестве предварительного условия всякого созидания”⁵⁸. Принципиально видоизменить отношения между расами, душами и полами на основе признания биологически изначального неравенства внутри каждой из трех категорий, исходя из этого организовать “новый порядок” господства и подчинения между ними, вернувшись таким образом к “простейшим основам всего сущего” – таковы цели “немецко-нордической культурной революции”. Первичной организацией подобного рода нацистские теоретики считали семью. Семья, по их утверждениям, это целостная общность с полнейшим биологическим равновесием между неравными ее элементами, равновесием, предопределенным самой природой. Мужчина в семье – творец, созидатель, женщина – вечная хранительница подсознательного, расы⁵⁹. Мужчина – активный полюс семьи, женщина – пассивный ее полюс. Мужчина – глава семьи, которому совершенно естественно, органически подчиняется женщина. Потому в семье нет внешнего принуждения и грубого насилия, там существует естественное руководство мужчины и добровольное, биологически обусловленное подчинение женщины. И все это в интересах целого. В натуралистически понимаемой семье царит дух “органической свободы”. Опираясь на естественные функциональные различия между мужем и женой, родителями и детьми, она обладает значительной устойчивостью. Она автаркична, поскольку живет собственной силой и за счет собственного пространства. По отношению к внешнему миру она выступает как целостное единство с одними расово-духовными ценностями. Высшая цель семьи – собственное укрепление – реализуется при осуществлении принципов “Один за всех, все за одного”, “Общее благо выше частного”, “Сначала служение, потом заслуга”. В интерпретации нацистов семья представляла собой основу и одновременно биологическую ячейку расовой народной общности.

Народная общность, с точки зрения национал-социализма, есть не что иное, как семья, увеличенная до размеров народа, – народная семья, семья народа. Народная общность представляется в таком случае “биологически единой

немецко-нордической Народной индивидуальностью”, “неразлагаемой формой духа”, “общей верой всех в одни и те же идеалы”, созданным богом иррациональным единством, способным реализовать социальное согласие своих членов и успешно защищаться от угрозы пространственно и расово чуждых сил⁶⁰. Свято соблюдая принцип “внутренней свободы и внешних пределов”, подлинная народная общность становится автаркичной и органически свободной. Как и отдельная семья, она переживает период расцвета только тогда, когда живет собственной силой на своем жизненном пространстве и не эксплуатирует других. Как и в семье, в ней воплощаются высшие нравственные нормы национал-социализма.

Народной общности так же, как и отдельной семье, свойственно органическое членение на полярные противоположности. Если в семье это природное неравенство между мужчиной и женщиной, то в народе – столь же биологически обусловленное неравенство между вождями и массой. Вожди-созидатели, творцы, активный полюс народной общности, масса – пассивный ее полюс. Неравенство между ними естественно и вполне соответствует “желанию природы”. Такой вывод послужил основой национал-социалистской концепции “естественной демократии”, сущность которой близкие к Розенбергу теоретики видели “не в искусственном... равенстве всех людей, а во взаимном уважении и почтении перед их естественным неравенством... Формальная (буржуазно-либеральная. – В. Б.) демократия заменяется естественной демократией”⁶¹.

Ядром концепции “естественной демократии” была идея немецкого, или нордического, вождизма, возводившая на уровень народной общности принципы органического подчинения в отдельной семье. “В противоположность идее господства – “разделяй и властвуй”, – подчеркивал В. Дайц, – идея нордического вождизма гласит: “объединяй и веди”⁶². “Господство является противоположностью вождизма, – писал он. – Вождизм в смысле германской организации народа добровольно объединяет людей и народы в сплоченное силовое поле только посредством огромной энергии и примера. Следовательно, только внутренним побуждением, самопринуждением, как магнит образует свое силовое поле”⁶³. Нордический вождизм, таким образом, покоился на добровольном подчинении, следовании за более сильным и энергичным исходя из внутреннего побуждения. Вместо внешнего насилия “либеральной” эпохи – самодисциплина во всех сферах народной жизни, вместо грубого произвола – естественный, биологически обусловленный вождизм. Как и семья, народная общность представляет собой полнейшее биологическое равновесие.

Не довольствуясь этим выводом, теоретики нацизма определили, что для расовой народной семьи характерны не только органическая, т. е. естественная

свобода, не только естественная демократия со своим вождизмом, но и естественный социализм. Впрочем, если следовать их логике, мысль о естественном социализме сначала в отдельной семье, а затем на уровне народной общности – в семье народа не покажется слишком уж неожиданной. Ведь “естественный социализм, народная общность, является солдатским социализмом. Он означает социальное согласие внутри страны и способность защищаться от внешней угрозы”⁶⁴, иными словами, перенесение закона “органической свободы” в сферу общественных отношений и ничего более. Социального согласия в нацистской семье народа предполагалось достичь путем растворения классов и социальных групп в расово однородной общности. Возникнет народная общность, будет реализован принцип “Общее благо выше частного”, автоматически разрешится и социальная проблема – еще в 1931 г. писал в статье “Наш социализм” будущий министр пропаганды третьего рейха И. Геббельс. Рабочий вопрос не сводится к бессодержательной “романтике полочки”; речь идет о гораздо большем, а именно о том, чтобы посредством растворения пролетариата в биологически обусловленной народной семье “основательно решить вопрос освобождения трудящегося человека”⁶⁵.

Итак, при помощи “немецко-нордической культурной революции” национал-социализм предполагал осуществить “полное структурное изменение не только образа мыслей, но и прежних форм жизни немецкого народа”⁶⁶, причем в качестве доказательства неизбежности столь глубокой мировоззренческой “революции” приводились законы, якобы действующие в отдельной семье и семье народа. Уже здесь, в семье первого и второго уровней, нацистские идеологи обнаружили зачатки тех принципов организации “нового европейского порядка”, которые активно пропагандировались ими накануне и в годы второй мировой войны. Достаточно было провозгласить теперь создание семьи, так сказать, третьего уровня – семьи народов, чтобы затея, манипулируя тем же законом “органической свободы”, объявить немецкий народ вождем всех остальных народов Европы. Последние были бы просто обязаны подчиниться фашистской Германии ввиду действия иррациональной биологической закономерности.

Впервые термин “семья народов” (точнее, “индогерманская семья народов”) встречается в розенберговском “Мифе XX столетия”⁶⁷. В 1936 г. о европейской семье народов упомянул в одной из своих речей Гитлер⁶⁸. В том же году этот термин применил известный геополитик А. Хаусхофер⁶⁹. Тем не менее, вплоть до начала войны он использовался в идеологии и пропаганде сравнительно редко, гораздо чаще обращались к лозунгу “Европа европейцам”. Но для нас важно проследить направление, в котором развивалась мысль нацистских теоретиков. Несмотря на эти терминологические различия,

некоторые исходные положения “немецко-нордической культурной революции” в Европе сознавались национал-социалистами с самого начала. В первую очередь речь шла о необходимости во что бы то ни стало поддерживать чистоту нордической расы, в противном случае, писал сочинитель “Майн кампф”, будет рождаться не человек, призванный повелевать, другими, а уродец, нечто среднее между человеком и обезьяной⁷⁰. Правда, и здесь Гитлер надеялся на поддержку природы, которая не допустит смешения нордических людей с представителями низших рас – “негром либо славянином”, а также с “ферментом декомпозиции” – евреем. “В общем уже природа обычно принимает определенные корректирующие решения в вопросе расовой чистоты, – утверждал фюрер НСДАП. – В многочисленных случаях, когда раса сохраняется, гибрид терпит крах. В этом следует видеть коррективы природы”⁷¹.

Отталкиваясь от гитлеровского расизма и развивая его в направлении “органической свободы” нордической расы, Розенберг пришел к выводу, что суть международного кризиса XX века составляет борьба за реорганизацию “духовных ячеек нордически определяемых народов”, за сохранение “самой расовой субстанции”, а не за “внешнее перемещение сил при внутреннем компромиссе”, как в буржуазно-либеральную эпоху⁷². Ради достижения этой цели необходимо радикальным образом преобразовать Европейский континент: “Белая раса не сможет удержать свое положение в мире, если она не создаст порядок в Европе. Отсюда возникает требование:... внешнеполитическое обеспечение Европейского континента”⁷³. “Немецко-нордическая культурная революция” в отдельной семье, народной семье и в семье европейских народов была, следовательно, немислима без ее внешнеполитического обеспечения. Для национал-социализма вообще характерна крайняя политизация идеологии и идеологизация политики. Теснейшая связь между идеологией, политикой и экономикой особенно ярко проявлялась в нацистском европеизме. Поэтому имеет смысл рассмотреть мировоззренческую мотивировку некоторых внешнеполитических принципов национал-социализма, использовавшихся в 30–40-е годы во внешней политике фашистской Германии и имевших целью создание на континенте гитлеровского “нового порядка”.

§ 2. Формирование внешнеполитических принципов национал-социализма.

Внешнюю политику национал-социализм рассматривал в качестве “определенной стороны мировоззрения”. Она была призвана служить возвышению немецкой народной общности, предварительно перестроенной на принципах нацизма, до положения “народа господ”, а этого можно было достичь

только путем применения в сфере внешней политики закона “органической свободы”. “Внешняя политика, – писал сочинитель “Майн кампф”, – есть лишь средство достижения цели, а цель состоит исключительно в поощрении нашей собственной народности”. “Целью германской внешней политики сегодняшнего дня, – отмечал он далее, – должна быть подготовка к восстановлению свободы завтра”. Наконец, “внешняя политика фелькишского государства должна обеспечить на этой планете... естественное соотношение между численностью и ростом народа, с одной стороны, и размерами и качеством земли, с другой... Лишь достаточно крупное пространство... обеспечит народу свободу существования”⁷⁴.

Поставив в прямую зависимость свободу от пространства, Гитлер фактически подал идею, которая впоследствии нашла *свое* выражение в концепции “органической свободы”; у Розенберга и Дайца она подверглась лишь биополитической корректировке. И хотя из рассуждений фюрера следовало, что германская раса почувствует себя свободной, только подчиняв себе весь мир и, превратившись в “господина земного шара”⁷⁵, он отчетливо сознавал колоссальные трудности на этом пути – в таком случае против Германии объединились бы все. Поэтому в качестве промежуточной и вместе с тем более реальной внешнеполитической цели Гитлер наметил превращение будущего третьего рейха в мировую державу, по мощи и размерам сопоставимую с Британской империей, США, СССР или Францией с колониями. Но для этого Германия должна была расшириться по крайней мере до пределов Европейского континента.

Как же достичь этой цели? Единственный выход виделся Гитлеру в проведении “земельной” внешней политики, то есть политики захвата новых земель. Динамичному, способному на постоянное созидание немецкому народу следует проводить политику германизации, но не чужих, низших народов и рас – это привело бы к нежелательному кровосмешению, ослаблению, а затеям и биологическому упадку нордической расы, – а германизации земель, пространства. “То, что в истории было с пользой германизировано, – отмечал Гитлер, – была земля, которую наши предки приобрели с помощью меча и заселили немецкими крестьянами”⁷⁶. “Земельная” внешняя политика означала не просто завоевание чужих территорий, а уничтожение или по меньшей мере изгнание местного населения как обязательное условие немецкой колонизации и достижения “органической свободы”. Теоретическое обоснование политики геноцида – черта, изначально присущая национал-социалистской идеологии, именно этим она отличалась от прочих реакционных течений веймарских времен.

В “Майн кампф” содержался призыв перейти к “сплоченной европейской политике земельного приобретения на континенте”, к “укреплению

континентальной мощи (Германии. – В. Б.) посредством добывания новой земли в Европе”⁷⁷. Отказом от “мировой, политики” кайзеровской Германии и провозглашением “здоровой европейской земельной политики” Гитлер внес важное дополнение в теорию международной политики германского империализма. Конечно, оно отнюдь не означало отречения от курса на мировое господство, а лишь намечало новые вехи на этом пути. Неизбежно возникал вопрос, где – на восточных, западных, северных или южных границах – начинать “земельную” внешнюю политику. Фюрер недвусмысленно высказывался за проведение “восточной политики в смысле приобретения земли “для немецкого народа”, создание примыкающих к рейху “окраинных колоний, жителями которых будут исключительно носители высшей расовой чистоты и тем самым высших расовых способностей”⁷⁸. Для других места там не останется. И все это выдавалось за “желание природы”! Именно под этим углом зрения следует рассматривать часто цитируемое в литературе требование фюрера захватить жизненное пространство в Восточной Европе: “Мы начинаем там, где закончили шесть столетий назад. Мы прекращаем вечное движение германцев на юг и запад Европы и обращаем взоры на восточные земли. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к земельной политике будущего. Но, говоря сегодня о новых землях в Европе, мы можем думать в первую очередь только о России и подчиненных ей окраинных государствах”⁷⁹.

Вслед за Гитлером за разработку внешнеполитических принципов взялись Розенберг, Дайц и другие теоретики НСДАП. К началу 30-х годов Розенберг уже успел опубликовать несколько книг и статей о мировоззрении и международной политике будущего третьего рейха⁸⁰. В них он выступил с обоснованием нового принципа внешней политики. На место прежнего, который действовал в “либеральную” эпоху и сводился к борьбе великих держав за мировое господство, Розенберг вводил принцип, предложенный во второй книге Гитлера, – “пространственный”. “Пространственная” внешняя политика Розенберга являлась непосредственным продолжением гитлеровской “земельной” политики. Розенберг заговорил о новой созидательной силе в международных отношениях – “воле немецкого народа” или – что для него было одним и тем же – о “народном империализме”, единственным смыслом, оправданием и одновременно целью которого является “просто-напросто борьба за существование”. В отличие от ориентирующихся на безграничную экспансию универсально-империалистических сил, “народный империализм” не выходит за свои естественные пределы, он обусловлен природой и исполняет ее волю. Более того, эпоха борьбы за мировое господство, полагал Розенберг, заканчивается, на смену ей идет эпоха “внутреннего сплочения (концентрации),

которая приведет к образованию расовой, органически члененной системы государств”⁸¹. Императивом новой эпохи станет проведение “пространственной” внешней политики, в результате чего в мире возникнет несколько “органически свободных” жизненных пространств.

Концепцию “пространственной” внешней политики Розенберг развивал столь искусно, что могло возникнуть впечатление об отказе национал-социализма от “мировой политики” кайзеровских времен. Но впечатление это обманчиво, так как жизненное пространство в розенберговской трактовке являлось ни чем иным, как важнейшей ступенью на пути к мировому господству. Местом германского жизненного пространства главный нацистский теоретик объявил Европу. Поэтому он призывал к внешнеполитическому сплочению Европейского континента⁸², естественно, на мировоззренческих основах национал-социализма. Не безрасовая “Срединная Европа”, как ее провозглашал Ф. Науман, не “франко-еврейская Пан-Европа”, а “нордическая” Европа – вот лозунг будущего. Не “интернациональный частный синдикат”, за образование которого выступал В. Ратенау, не международные тресты, не безрасовая Лига наций, а “расово определенные системы государств” в Европе и во всем мире, находящиеся в симбиозе и на основе этого обеспечивающие мировое господство белой расы, – вот смысл “пространственной” внешней политики, за которую ратовал Розенберг⁸³.

Еще один принцип национал-социалистской внешней политики сформулировал В. Дайц, в сочинениях которого идеология, политика и экономика переплелись самым тесным образом. Совместив принцип “пространственной” внешней политики с законом “органической свободы”, он первый распространил на внешнеполитическую сферу термин “автаркия”⁸⁴. Дайц утверждал, что внешняя политика нацизма должна быть автаркичной, то есть сознательно ориентированной на завоевание покоящегося на автаркии жизненного пространства для немецкой народной общности. Пространственная, или автаркическая, внешняя политика и пространственно ограниченная, или автаркическая, внешнеэкономическая деятельность наиболее адекватно, как он считал, отражали суть внешнеполитической концепции германского фашизма. Цель и политики, и экономики состояла в расширении жизненного пространства и его освоении – вплоть до Достижения абсолютной “органической свободы”. Но в какой стороне искать жизненное пространство? Конечно, на Европейском континенте, и первую очередь в восточной его части. Отправной точкой рассуждений Дайца было, требование осуществить “поворот на Восток”, возобновить и продолжить “завоевание, колонизацию и заселение Востока” вплоть до Сибири⁸⁵. Только после решения этой задачи Германия окажется в состоянии подчинить всю Европу.

Итак, еще до прихода к власти нацисты разработали некоторые фундаментальные принципы своей будущей внешней политики – “земельный”, “пространственный” и “автаркический”. Одновременно они заложили основы внешнеэкономического учения национал-социализма, без учета которого наше представление о европейской концепции Розенберга и внешнеполитической стратегии германского фашизма вообще было бы далеко не полным.

§ 3. Становление нацистской внешнеэкономической концепции

Внешнеэкономическая концепция, как и все экономическое учение национал-социализма, зиждилась на примате идеологии. Это объявлялось совершенно открыто. Например, в январе 1936 г. один из руководителей пропагандистской службы О. Дитрих заявил: “Все экономические идеи имеют мировоззренческий корень. Поэтому надо начинать с мировоззрения”⁸⁶. О том же неоднократно говорил и Розенберг, который подчеркивал, что “немецкая экономика более не мыслима без мировоззренческой основы”⁸⁷. Но, пожалуй, всех превзошел консультант по экономическим вопросам берлинской организации НСДАП профессор Г. Хунке. “Национал-социалистская экономическая программа, – во всеуслышание заявлял он, – может быть понята только с позиций национал-социализма”⁸⁸. Эти слова относились и к Нацистской внешнеэкономической концепции.

Утверждая примат натуралистически-биополитического мировоззрения над экономикой, теоретики германского фашизма распространяли действие интуитивно осознанных ими “законов” природы на экономическую сферу, широко используя в своем экономическом учении термины “раса”, “народная общность”, “органическая свобода”, “автаркия” и т. д. Политика, культура, социальные отношения, экономика – это, как они считали, различные формы проявления жизни расовой народной общности. Вновь вернемся к “авторитету” по данному вопросу – профессору Хунке. “Народ и пространство – решающие факторы в экономической жизни, – читаем в его книге. – ...Исходным пунктом является народ. Народ... не объект, а субъект экономики. Экономика в конечном итоге есть не что иное, как проявление жизни народного организма. Поэтому законы жизни... нашего народа обязательны для немецкой экономики... Экономика есть функция народа”⁸⁹. Не забывает Хунке и “органическую свободу”: “Каждый шаг к автаркии расширяет национальную свободу”⁹⁰.

Понятно поэтому, что общеупотребительным в лексиконе нацистов стал термин “народное хозяйство”⁹¹, олицетворявший собой основную идею экономического учения германского фашизма. Не национальная, социальная или органическая экономика, и не экономика вообще, а народное хозяйство –

хозяйство народа, понимаемого в качестве расовой, биополитической общности. Народное хозяйство, согласно многочисленным высказываниям В. Дайца, являет собой “организм, живое единство, в котором царит органическая закономерность”⁷², оно есть “органическое существование, единство с одной душой”, покоящееся на законе “органической свободы”⁷³ с его требованием безусловного соблюдения “внутренней свободы и внешних пределов”. Такое “народное хозяйство”, понимаемое как “пространственная, или, точнее, “пространственно ограниченная экономика”, удивительным образом совпадало с розенберговской “пространственной” внешней политикой.

Нацистское “народное хозяйство”, свободное от “внутренних кризисов и внешних катастроф”, целиком и полностью отвечало также интересам германской финансовой олигархии. В годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. в Германии произошло – отнюдь небезболезненно плутом взаимных уступок⁷⁴ – далеко идущее сближение национал-социалистской идеологии со взглядами наиболее реакционных кругов монополистического капитала. На этой почве формировалась общая программа переустройства политических и экономических отношений внутри и вне страны, экономический аспект которой зиждился на принципах государственно-монополистического регулирования в его крайнем, нацистском варианте. В теоретическом плане ее структура и основные компоненты только намечались, основательная проработка, а тем более апробация, отодвигались на последующие годы. Но и этого для немецкой финансово-промышленной элиты было вполне достаточно, чтобы в январе 1933 г. способствовать приходу Гитлера к власти, – ведь впереди мерещился призрак мирового господства.

Неразрывная связь между внутренним экономическим развитием страны и ее внешнеэкономической деятельностью с самого начала отчетливо сознавалась теоретиками НСДАП. Они говорили о “единстве методов” при разработке внутрихозяйственных и внешнеэкономических проблем⁷⁵. Уже знакомые нам термины – “автаркия”, “пространственно ограниченная экономика”, “органическая свобода” – умело использовались для доказательства положения о том, что германская экономическая экспансия движима “законами” и “желаниями” природы.

Национал-социалистское экономическое учение категорически отвергало само понятие мирового хозяйства. Мирового хозяйства, утверждал В. Дайц, не существует, оно еще никогда ничего не производило, в нем нет и намека на собственное производство. То, что называют мировым хозяйством, на самом деле является межгосударственной торговлей, системой распределения, целиком зависимой от состояния национальных народных хозяйств. Только народное

хозяйство имеет веские основания называться “хозяйством”, то есть органически члененной, созидательной сущностью. Только хозяйство народа представляет собой организм, функционирующий по закону “органической свободы” и в соответствии с его основным требованием не переступать внешние пределы и соблюдать внутреннюю свободу⁹⁶. Напротив, мировое хозяйство – это “нежизнеспособный, мертвый, утрированный механизм”, “фальшивое образование”, “нелепость”, “иллюзорный организм” именно потому, что оно строится на противоположных народному хозяйству организационных и нравственных принципах. В отличие от последнего, мировое хозяйство не представляет интересы расовой народной общности и не обладает авторитетом государственной власти. Для него характерны абсолютизация корыстолюбия и безграничной внешней свободы я, наоборот, пренебрежение общим благом и свободой внутренней. Как полагали нацистские теоретики, примат мирового хозяйства неизбежно приводит ко всеобщему краху и развалу народных хозяйств⁹⁷.

Анализируя процессы, происходившие в недрах “нежизнеспособного механизма” мирового хозяйства с начала XX в., – экономические кризисы, возникновение Оттавской системы и др. – эксперты НСДАП пришли к выводу, что “так называемое мировое хозяйство” распадается на “самостоятельные, то есть сами себя определяющие экономические пространства”, и это есть не что иное, как “разливающийся по своим собственным законам процесс природы”⁹⁸. Проявление этого процесса они усматривали в создании великих экономических пространств в Америке и на Дальнем Востоке и, как следствие, в изоляции Европы от системы международных экономических отношений. Но что означает экономика великого пространства, как не постулируемую нацистами “пространственно ограниченную экономику”!

В условиях интенсивного распада мирохозяйственной структуры, формирования великих пространств теоретики национал-социализма ратовали за организацию европейского “великого экономического пространства” во главе с Германией, иначе Европа обречена на гибель. Первым актом этого “созидательного” процесса станет, по Дайцу, размещение баз продовольственного и сырьевого снабжения рейха в пределах собственной сферы влияния. Основы народного хозяйства и его важнейшие “жизненные сосуды” могут и должны быть защищены “сухопутными и военно-морскими силами”⁹⁹. Только это обеспечит “органическую свободу” сначала для фашистской Германии, а затем и для “новой Европы”. Как видно, проблема автаркии рассматривалась здесь уже не только в рамках немецкого “народного хозяйства”, но и на более высоком уровне – в пределах сферы влияния. Идея насильственного

образования покоящегося на автаркии жизненного пространства с восторгом принималась наиболее реакционными кругами германской монополистической буржуазии¹⁰⁰. Ведь и их мысли развивались в этом же направлении.

В феврале 1932 г. В. Дайц подготовил меморандум “Национал-социалистская политика в восточном пространстве и Ганзейский канал”¹⁰¹, который, по сути, дал ответ на вопрос о том, где будет располагаться жизненное и экономическое пространство будущего нацистского рейха и, главное, как приступить к его формированию. В нем развивались изложенные в “Майн кампф” и “Мифе XX столетия” принципы пространственной внешней политики и предлагалась внешнеполитическая и внешнеэкономическая программа рейха после прихода нацистов к власти. Документ получил одобрение Гитлера¹⁰².

По мнению автора меморандума, задачу “завоевания, колонизации и заселения Востока” вплоть до Сибири, где будет располагаться германское жизненное и экономическое пространство, одним махом не решить. Сначала нужно приблизиться к границам СССР, создав две сферы влияния в малых странах Восточной и Юго-Восточной Европы. Первая – это район Балтийского моря, вторая – группа небольших государств, расположенных между Балтийским, Черным и Средиземным морями – “от Латвии до Греции”. Эти регионы должны стать первоочередным объектом экономической эксплуатации и политических экспериментов будущего нацистского рейха. “Когда-нибудь группа этих восточноевропейских государств с естественной необходимостью достанется Германии”¹⁰³, – цинично откровенничал Дайц. Тогда неизбежно возникнет вопрос об их судьбе: включать их в состав Германии или, проведя “известные корректировки границ”, оставить им иллюзорную политическую самостоятельность. В 1932 г. Дайц высказывался в пользу второго варианта, добавляя, впрочем, что вопрос о том, “в какой мере народ приближает свои политические границы к границам своей сферы влияния, является исключительно вопросом целесообразности”¹⁰⁴.

Создав сферы влияния в Прибалтике и Юго-Восточной Европе, Германия, утверждал Дайц, впоследствии сможет взять в клещи собственно восточное пространство – Советский Союз. После “крушения большевизма”, которое, как полагали тогда нацисты, произойдет в результате внутренних причин, нацистский рейх приступит к освоению несметных богатств Восточной Европы и Северной Азии¹⁰⁵. Германское экономическое и жизненное пространство станет явью. Наступит состояние полной автаркии. Если следовать не букве, а духу меморандума Дайца, окажется, что и это далеко не предел, ибо пространственно ограниченная экономика, подобно розенберговской пространственной внешней политике, имела тенденцию к безграничному расширению. Автаркическое

народное хозяйство, автаркическая экономика на уровне сфер влияния в малых странах Северной, Восточной и Юго-Восточной Европы, автаркическое германское жизненное пространство, автаркическая экономика европейского континента... Правда, с переходом на более высокий уровень автаркия становилась все более полной, но как раз это не являлось аргументом для нацистских идеологов. Наоборот. “Немецкий человек, как человек нордический, всегда является завоевателем, – писал В. Дайц. –...Поэтому он вновь и вновь... стремится прорваться в части мира, еще доступные такому завоеванию. Для этого с помощью автаркии надлежит построить надежную крепость, из которой он может осуществлять свои вылазки и завоевательные походы...”¹⁰⁶.

Такая крепость виделась теоретикам национал-социализма в великом экономическом пространстве, охватывающем весь европейский континент и находящемся под патронажем фашистской Германии. Как “пространственная” внешняя политика, органически выраставшая из политики внутренней, противопоставлялась империалистической “мировой” политике ради всеобщего умиротворения, так и великое экономическое пространство, “естественно” возникающее на основе национальных народных хозяйств, противопоставлялось “утрированному механизму” мирового хозяйства, смягчая исходящие от него экономические потрясения и содействуя развитию сил жизни и роста входящих в него народов. В таком пространстве будет царить полнейшее биологическое равновесие, а следовательно, “естественная демократия” и “естественный социализм”, поскольку на его знамени будет начертано: “Общее благо выше частного”, “Один за всех, все за одного”, “Сначала служение, затем заслуга”. Но идее образования “великого континентально-европейского сообщества культуры и труда на основе непоколебимой естественной демократии”¹⁰⁷ неизбежно сопутствовала мысль о Германии как вожде Европы. Так через призму замещенного на биополитическом мировоззрении закона “органической свободы” все более отчетливо просматривались контуры европейской концепции, формировавшейся в “империи” Розенберга. В отличие от альтернативных концепций, розенберговская имела ярко выраженную историческую окраску.

§ 4. “Биологическая история Европы”

Окружение Розенберга видело в Европе существующий по иррациональным законам природы биологический организм, естественную целостность, простирающуюся от Гибралтара до Урала и от Нордкапа до Кипра и находящуюся в состоянии полнейшего биологического равновесия. Ее высшим законом является закон жизни и роста ее народов, который требует для нее

“органической свободы”, основанной на автаркии. В Европе существует биологическая гравитация, исходящая от нордической расы. Как мощный магнит. Германия втягивает в свое силовое поле все европейские народы, одни в большей, другие в меньшей степени. Благодаря этому в магнитном поле Европы обнаруживается вектор, направленный от Германии в сторону ее хинтерланда, полярной противоположности – на Восток. Сохранение вектора Запад–Центр–Восток гарантирует Европе биологическое равновесие. Напротив, отказ Западной и Центральной Европы от восточной ее части грозит биологическим ослаблением, а затем и гибелью “европейской семьи народов”.

Последний раз биологическое равновесие в Европе было нарушено в 1500 г. в связи с началом великих географических открытий. Восстановить это равновесие, преобразовать континент в соответствии с “желанием природы”, установить “новый европейский порядок” – такова “всемирно-историческая” миссия германского национал-социализма. Но для осуществления столь “гигантских” замыслов необходимо прежде всего интуитивно ощутить расовую, биологическую историю Европы¹⁰⁸, познать суть великого мировоззренческого перелома” XX века.

Согласно исторической концепции национал-социализма, колыбелью нордической расы являлся регион вокруг Северного и Балтийского морей. Из этого огромного резервуара по всему свету разливалась нордическая субстанция, своей кровью она пропитала не только все народы Европы (правда, в разной степени), но и народы Азии и даже Северной Африки. “Арийцы появлялись повсюду, – утверждал Розенберг, – где люди в древности... начинали пахать землю”¹⁰⁹. Повинуясь “желанию” природы, нордические племена начали первое переселение через Балканы и Северное Причерноморье в Малую Азию и Иран вплоть до Индии”. Повсюду на своем пути они создавали доисторические культуры, достигшие высочайшего расцвета благодаря поддержанию расовой чистоты нордических вождей. Однако вследствие того, что руководящий нордический слой, забыв законы своей расы и не получив подкрепления из региона Северного и Балтийского морей, смешался с местным населением, эти культуры Востока прекратили свое существование.

Резкое ухудшение климата в Европе около 800 г. до н.э. заставило нордическую народность вновь прийти в движение. На сей раз германские племена, повинуясь иррациональному влечению души, передвигались на Юг. Они основали древние Грецию и Рим, проникли в Испанию и Северную Африку. Но со временем, вновь оторвавшись от своего расового ядра, пришельцы утратили расовую чистоту и смешались с подчиненными им народами. Так погибли нордические культуры Древней Греции и Рима. Более того, в результате расового

перерождения в районе Средиземноморья возникли новые духовные формы, основанные на “еврейском интеллектуализме” и, следовательно, чрезвычайно агрессивные. После первых христианских миссионеров и походов римлян носителем интеллектуальной экспансии стала Священная римская империя немецкой нации. В соответствии с империалистическим принципом “разделяй и властвуй?” она раз дробила европейский Север на множество частей, тем самым надолго задержав становление немецкого и других нордических народов.

Однако внутреннее сопротивление этих народов не было сломлено. Наоборот, чужеродные империалистические духовные формы действовали в качестве возбуждающего средства, и в северобалтийском пространстве медленно сжималась пружина сопротивления. Во главе его стояла так называемая Священная германская империя немецкой нации, не имевшая формальной государственности, но опиравшаяся на жизненную волю нордических народов. Ее носителями были Ганза и Тевтонский орден, а главными средствами борьбы – возобновление колонизации Востока, формирование великого экономического и жизненного пространства и восстановление нарушенной биологической целостности Европы. В отличие от южной ориентации Священной римской империи Ганза и Тевтонский орден в полном согласии с законами природы ориентировались на Восток. Путем переселения излишка населения Центральной Европы на “старую восточногерманскую землю от Днепра и Волги вплоть до... Эльбы”¹⁰ удалось повысить биологическое давление в Восточной Европе и успешно противостоять агрессии расово чуждой континенту Азии. Одновременно было создано первое в европейской истории великое экономическое пространство, мир Ганзы, простиравшийся от Фландрии до Новгорода и охватывающий своим экономическим и культурным круговоротом все народы вдоль линии Черное море–Дунай–Рейн–Майн–Фландрия–Англия–Скандинавия–Дания–Ладожское озеро– Днестр–Черное море.

Благодаря “созидательной” деятельности Ганзы и Тевтонского ордена в Европе стала восстанавливаться нарушенная было естественная целостность ее народов. Западная и Центральная Европа вновь обратили свой лик на Восток. Воссоединение с Западом восточной части континента на принципах народности и нордического вождизма превратило бы Европу в автаркическую, “органически свободную” часть света, внутренняя свобода которой совмещалась бы с запрещением переходить “внешние пределы”. Казалось, противостояние двух полярно противоположных духовных позиций – идеи интеллектуального господства и идеи нордического вождизма, Священной римской и Священной германской империи немецкой нации должно было завершиться полной победой “иррациональных сил”. Но в тот момент, когда схватка, вылившись в кровавые

религиозные войны, достигла необычайной остроты, случилось неожиданное. По каким-то неведомым человеческому разуму законам природы были совершены великие географические открытия Америки, Африки, Дальнего Востока и Австралии. События 1500 г. сыграли роковую роль в судьбе Европы.

Пожалуй, впервые появилась заманчивая возможность переступить внешние европейские пределы. Забыв о своей европейской миссии, нордические народы отвернулись от Востока и обратили взор на Запад. В Северную и Южную Америку, Австралию на Дальний Восток переселилось 150 млн. “лучших европейцев” на американском континенте была предпринята попытка создать “Заокеанскую Европу”. Началась четырехсотлетняя полоса существования Европы за счет эксплуатации чужих народов и пространств, что привело к серьезнейшему нарушению естественно-биологических законов существования Европы. Старый Свет постепенно лишился “органической свободы”, автаркии и превращался в зависимый от остального мира континент. Положение усугублялось тем, что в результате переселения европейцев на американский континент в Восточной Европе возник вакуум. Образовавшуюся пустоту немедленно заполнили расово чуждые европейцам формы жизни, проникшие из Центральной Азии. Они возвели на престол сначала царизм, а затем большевизм. Биологическая целостность Европы была нарушена.

Интеллект возоблада над инстинктом и интуицией, а это первый симптом начинающегося распада. Освободившийся от биологических связей интеллект медленно, но верно подтачивал органическое равновесие в Европе между расой и пространством, кровью и почвой, душой и природой. Разрушились основные нравственные нормы народной и европейской жизни – “Общее благо выше частного”, “Один за всех, все за одного”, “Сначала – служение, затем заслуга”, “Свобода через самозащиту”. Свобода отдельного человека перестала зависеть от народной общности, а свобода отдельного европейского народа – от сообщества “европейских народов. Были созданы разрушающие общность каждого народа и всей Европы искусственные теории о государстве, праве, культуре, экономике. Появились далекие от жизни концепции формального равенства между людьми, формальной демократии и парламентаризма, свободного переселения людей из одной страны в другую, идеи мирового хозяйства и международного разделения труда, не учитывающие потребности народной общности или группы расово родственных народов. Везде были заброшены законы расы. Повсюду форма ставилась над содержанием, интернациональное над национальным, индивидуальное над общественным. Все это создавало благоприятные предпосылки для возникновения как капитализма, так и социализма.

Либеральные учения о свободной торговле и международном разделении труда способствовали разрушению социального мира. Возникла социальная несправедливость. Прибыль, максимальный доход стали цениться выше свободы и безопасности народа или семьи народов. Вместо “справедливой цены”, существовавшей в расовой общности, появилась несправедливая “самая дешевая цена”. Вместо народного хозяйства, тысячами нитей связанного с расовой общностью и служащего ей, возникла так называемая “свободная экономика”, полностью оторванная от своей народности. Такую “свободную экономику” нацистским идеологи называли капитализмом, разлагающим народный организм¹¹¹. Капитализм, по словам Геббельса, сводится к тому, чтобы обеспечить отдельному человеку беспредельную свободу и максимальную прибыль за счет всего народа¹¹². Национал-социализм выступает не против капитала как такового, а против капитализма: “То, что существуют рудники, фабрики, железные дороги... деньги и т. д., все это не причина нашего социального упадка”. Главное заключалось в том, что капитал использовали в ущерб народной общности¹¹³. Капитализм – это такая без нравственная система, которая покоится на использовании капитала в корыстолюбивых целях, во вред расово обусловленное народной общности.

Капитализм и социализм – близнецы-братья. Разница состоит лишь в том, что первый являл собой “экономический”, а второй – асоциальный интеллектуализм”. И тот и другой – продукты разложения расовой народной общности, поэтому они всегда сопутствуют друг другу. Социализм рождается из капитализма, вырастает из него. В. Дайц писал по этому поводу: “Вследствие своей неверной духовной позиции либерал живет только крайностями. В экономическом отношении он знает либо беспредельную “свободную экономику”, либо абсолютно закрытое, т.е. централизованно управляемое хозяйство... Поэтому очень часто, запутавшись со свободной экономикой, либерал мгновенно превращается в сторонника централизованно управляемой экономики. Поэтому и большевистская экономическая система... является неизбежной противоположностью либеральной “свободной экономики. Обе “тяготея детьми одного и того же духа, только с противоположными знаками”¹¹⁴. Будучи интернациональными по своей сути, капитализм и социализм представляют смертельную угрозу расовым народным общностям, будь то отдельный народ или европейское сообщество. В отличие от внешнеполитического принципа последних – “Кто свободен, тот миролюбив” – капитализм и социализм руководствуются принципами внешней экспансии, агрессивных войн, порабощения народов и целых континентов, мирового господства. Для них характерно служение в корне безнравственному императиву,

который сводится к безбрежной **внешней** свободе и отсутствию свободы внутренней.

Из-за нарушения основного **закона жизни** Европа оказалось на краю гибели. Она лишилась важнейшей своей **части** – пространства на Востоке, – и чем дальше, тем больше впадала в **зависимость** от остального мира, ведь ее импорт сырья и продовольствия **отныне** превышал ее экспорт. На фоне прогрессирующего упадка Европы **отчетливо** выделялась тенденция заселенных прежними европейцами континентов **к политической**, а затем и к экономической самостоятельности. Последнюю **точку** в этом процессе поставила первая мировая война, которая привела к **поражению Европы** и в которой Новый Свет объединился против материнского **континента**, давшего ему жизнь. После победы большевизма в России **Европа оказалась** в критической ситуации. Для расового возрождения Европы **необходимо** реорганизовать ее в соответствии с законами природы, восстановить **ее естественную** целостность, вновь повернуть лицом к Востоку и присоединить **“русско-сибирское пространство”**. Тогда вновь возникнет континентальное **биологическое равновесие**, воскреснут жизненные силы Европы, восстановится **ее суверенитет**¹⁵. Только национал-социалистический **“новый порядок”** **вернет** Европе **“органическую свободу”**.

“Стратегическое положение **Европы...** в настоящее время таково, – писал в одном из мартовских номеров 1934 г. **газеты “Фелькишер беобахтер” В. Дайц.** – В результате провозглашение **независимости** континентов, открытых и заселенных после 1500 г. ...Европа **оказалась** под совместным давлением Запада, Юга и востока, чего раньше не было. **Континентальная Европа** должна защитить себя... утвердить свою самостоятельность от других континентов под лозунгом **“Европа европейцам”**”¹⁶. Продолжая **европейскую** тему в выступлении перед всеми немецкими профессорами-**экономистами** в октябре 1934 г., Дайц заявил, что национал-социалистское **экономическое** учение не имеет ничего общего с придуманными чисто интеллектуальным путем **“горизонтальными конструкциями”** европейского **переустройства** вроде **“Соединенных Штатов Европы”, “Пан-Европы”, “Европейско-таможенного союза”** и т. п.; все они, в конечном итоге служа **биологическому разложению континента**. Целью национал-социализма является **“новое европейское сообщество труда и культуры с высоким жизненным уровнем для всех участников”**, **“истинное сообщество народных хозяйств, взаимно дополняющие друг друга ради общего блага своих народов”**. **“Европа – европейцам!”** – торжественно провозгласил Дайц, но добавил, что только народы **“круга Балтийского моря”**, иначе говоря, **нордическая раса**, в состоянии решить эту великую **европейскую задачу**¹⁷. Тем самым были подтверждены основные принципы **европейского** строительства национал-

социализма – примат рас над расовым смешением, народа над государством, нордического вожизма над империалистическим насилием.

Итак, на вопрос о том, можно ли говорить о национал-социалистическом европеизме, следует ответить утвердительно. Он возник на рубеже 20–30-х годов из идеологической доктрины нацистского движения. В его основе лежал выдвинутый теоретиками НСДАП постулат тотальной реорганизации жизни европейских народов с целью установления на континенте гитлеровского “нового порядка”. Исходные положения нацистского европеизма были сформулированы при активном участии философов, правоведов, историков, экономистов крайне правого толка. Мощный импульс его разработка получила в результате вмешательства наиболее реакционных деятелей германской финансовой олигархии. Ко времени установления своей диктатуры НСДАП уже располагала на первый взгляд довольно стройными представлениями о будущем Европы. Но это только на первый взгляд, ибо иррациональные основания национал-социалистического мировоззрения являлись питательной средой для волюнтаризма, произвола и аморальности. Ярким подтверждением тому был сам категориальный аппарат нацизма с его “законами” природы, постижимыми только инстинктом и интуицией, с аморфными “расой” и “народной общностью”, с волей народа к жизни, с его “органической свободой”, которая непонятно где начинается и где кончается, и обязательной предпосылкой которой являлось насилие над расово и пространственно чуждыми народами. Насилие же вело к беззаконию и произволу.

Для национал-социализма существовал лишь один закон – “закон расовой народной общности”, следуя которому он намеревался привести нацифицированных немцев к положению “народа господ”. Судьба других народов интересовала его только под этим углом зрения. Вот почему в беседе с главным редактором газеты “Лейпцигер нойестен нахрихтен” Брайтингом Гитлер, нисколько не смущаясь, так изложил нравственное кредо нацизма: “То, что одни считают преступлением, является нравственным для других”¹⁸. С таких позиций даже геноцид считался “высокоморальным деянием”, идущим навстречу иррациональному “желанию” природы! Абсолютная безнравственность, помноженная на беспредельный произвол и крайний волюнтаризм, придавала национал-социализму черты все разрушающей и уничтожающей силы. Впрочем, за его мировоззренческим иррационализмом все же скрывалось, так сказать, рациональное начало, связанное с голым расчетом, циничными калькуляциями наиболее реакционных кругов германского общества и прежде всего финансового капитала. Не случайно именно эти круги выдали Гитлеру вердикт на правление. При этом они учли, что НСДАП располагала массовой базой,

имела реакционную внутривнутриполитическую программу и крайне агрессивную внешнеполитическую платформу, нацеленную в первую очередь на подчинение и порабощение Европы.

§5. Внешнеполитическая платформа нацизма

Историки давно пришли к заключению, что внешнюю политику третьего рейха нельзя понять без знания национал-социалистской идеологической системы¹¹⁹. Этот вывод в полной мере относится и к нацистскому европеизму. Касаясь особенностей внешнеполитической концепции Розенберга, один из его ближайших сотрудников профессор А. Боймлер после войны заявил: “Со связью мировоззрения и политики был привнесен новый элемент в общее положение Европы, даже мира”¹²⁰.

Используя свой натуралистически-биополитический метод в области международных отношений, нацистские теоретики выступали с утверждениями об изначальном неравенстве европейских народов, об их “более высокой” или “более низкой” ценности, анатому призывали содействовать “победе лучшего, более сильного, требовать подчинения худшего и более слабого”. В структурном плане система международных отношений в Европе представлялась Розенбергу в виде построенной по иерархическому принципу пирамиды, незавидная роль основания которой отводилась средним и малым странам. В полном соответствии с “законами” природы все они должны были войти в силовое поле той или иной великой державы, в сферу ее влияния либо даже в жизненное пространство. Здесь безраздельно господствовал принцип “пространственной” внешней политики, подробно разработанной Розенбергом. Вторую ступеньку пирамиды занимали отношения между великими европейскими державами. В зависимости от конкретно-исторической обстановки и решаемых нацистами тактических задач в эту группу включали три или четыре крупных государства. На этом уровне также царил “пространственный” принцип проявлявшийся прежде всего как разделение Европы на несколько “органически свободных” сфер влияния, иными словами, как разграничение между великими державами жизненных пространств. На второй ступеньке построенной нацистами пирамиды находились Германия, Англия, Италия, Франция.

Европейскому директорату в составе четырех или трех держав в “империи” Розенберга предпочитали сговор между двумя самыми мощными капиталистическими державами континента – Германией и Великобританией. Отношения между ними составляли третью ступеньку пирамиды международных отношений. Национал-социалисты розенберговского окружения рассчитывали на то, что благоприятная позиция Англии или даже ее нейтралитет

позволят будущему рейху завоевать **жизненное пространство** на Востоке, а впоследствии обеспечить и **гегемонию на Европейском континенте**. В конечном счете место на вершине пирамиды **оставалось** за одной Германией, которая была призвана играть роль вождя “**европейской семьи народов**”, создать “новое европейское сообщество труда и культуры” и на равных состязаться с другими великими державами за **руководящую роль** в мировых делах. Восхождение по ступенькам до вершины пирамиды **мыслилось** путем активного использования известного в истории принципа “**разделяй и властвуй**”. Об этом прямо заявил Гитлер в одной из бесед с видным **депутатом** НСДАП К. Людеке, состоявшейся в сентябре 1932 г.: “Макиавеллистский метод – единственно возможный, единственный, применяя который, **я смогу что-то сделать** в нашей ситуации”¹²¹.

Проецируя указанные выше **принципы, методы и средства** внешней политики на европейские реалии **конца 20-х годов**, нацисты приступили к составлению своей внешнеполитической платформы. В “Майн кампф” содержалась рекомендация не **открывать** до поры до времени стратегических целей национал-социализма во внешнеполитической сфере, поскольку в таком случае Германии будет **противостоять** весь мир. Такого противостояния рейх не выдержит. Найти союзников гораздо **легче**, если выдвинуть на первый план цель, сформулированную как борьба “**за выживание, за существование** нашего отечества”. В таком случае, полагал **нацистский фюрер**, союзниками рейха могут стать Англия и Италия, поскольку **они** **противятся** французской гегемонии на континенте. Кроме того, в постановке **тактической цели** ни Англия, ни Италия наверняка не почувствуют угрозы своим жизненным интересам в Европе, исходящей от Германии¹²².

В связи с тем, что германское жизненное пространство намечалось расширить прежде всего за счет Восточной Европы, Розенберг считал, что против восточной политики нацистского рейха обязательно выступят Франция и Польша (“Россия – особая статья”, – подчеркивал он). Однако германская восточная политика не затрагивала интересов Великобритании и Италии. Исходя из этого, ставилась следующая задача: “Изоляция Франции посредством заключения союзов с державами, реализация собственных интересов наталкивается на враждебность Франции, если не сегодня, так завтра. И это в первую очередь опять-таки Англия и Италия”¹²³. Как и Гитлер, Розенберг исходил из того, что будущий рейх должен добиваться союза с державами, чья органическая пространственная политика не находится в противоречии с немецкой¹²⁴.

В сочинениях нацистских вождей конца 20-х годов обозначалась перспектива сговора трех великих держав – Германии, Англии и Италии – на основе нового раздела сфер влияния в Европе. Опираясь на этот союз, фюреры

НСДАП намеревались, предварительно расправившись с Францией, приступить к выполнению “европейской миссии” Германии – присоединению к Европе восточного пространства. Основу союза трех европейских держав они видели в англо-германском, соглашении. Об этом прямо говорилось в “Мифе XX столетия”: “Чтобы сохранить Европу, необходимо прежде всего оживить нордические источники силы Европы, то есть Германию, Скандинавию с Финляндией и Англию”¹²⁵. Союз трех держав учитывался Розенбергом при составлении различных вариантов тотального передела всего мира.

Однако с весны – лета 1931 г. руководители партии начали склоняться к мысли о расширении союза трех держав за счет Франции, без которой, по их мнению, нельзя было решить вопрос о судьбе Европы. По этому поводу в июне 1931 г. Гитлер заявил Брайтингу буквально следующее: “Англия и Франция должны объединиться с Италией... и уяснить с нами ситуацию на континенте. Идея пакта четырех держав через преобразование в Европе, которую мы предложим сразу же после взятия власти, должна найти одобрение в Париже и Лондоне. Ради Советского Союза англичане не откажутся от своих бунгалло... Мы нуждаемся в сырье, которое можем получать у Франции и Англии... Когда мы обеспечим наше жизненное пространство в Европе, мы могли бы требовать равноправия на морях”¹²⁶ (выделено нами. – В. Б.). Идея Гитлера была понятна. Она заключалась в том, чтобы присоединением Франции к европейскому директорату усыпить ее бдительность и не допустить в будущем возможной ориентации Франции на союз с СССР. “Национал-социалисты готовы к любой договоренности с Францией, если Германии уступят необходимое жизненное пространство”¹²⁷ на Востоке, – говорилось в секретном меморандуме имперского правления НСДАП, который был предан гласности 15 мая 1932 г. О. Штрассером, незадолго до этого исключенным из партии.

В ноябре того же года идея “пакта четырех” прозвучала из уст Розенберга на так называемом международном конгрессе Вольфа в Риме, который состоялся по случаю десятой годовщины фашистской диктатуры в Италии. Тема конгресса была как нельзя более кстати для теоретиков национал-социализма – “Европейский кризис”. Выступая с докладом “Кризис и возрождение Европы”, Розенберг подчеркнул, что “единство Европы может возникнуть только... из духовного, никогда не подавляющегося многообразия”, только тогда, когда она признает “глубочайший закон своего бытия – разделенную на четыре части душу своей культуры – и даст каждому дереву жизни... рост и цветение в соответствии с его силой”¹²⁸. “Пакт четырех”, продолжал докладчик, полностью сочетается с законом “самосохранения целого”, ибо внимание Германии обращено на восток и северо-восток, Франции – на юг, Италии – на юго-восток

и восток, а Великобритании – в направлении заморских территорий. Таким способом Розенберг предлагал избавиться от “мировой опасности” – большевизма, избежать внутренних европейских конфликтов и обеспечить Европе “господство над теми азиатско-африканскими областями, в которых нуждаются ее люди”¹²⁹.

Для идеологической подготовки “пакта четырех” нацисты довольно ловко пользовались жупелом большевизма. Они из кожи вон лезли, чтобы представить будущий рейх “последним оплотом против красного потопа”¹³⁰. Классическую формулировку эта мысль нашла в первой беседе Гитлера с Брайтингом 4 мая 1931 г. Европейская “буржуазия, – заявил тогда Гитлер, – должна решиться, желает ли она предпочесть большевистский хаос в Германии, а тем самым и в Европе, или национал-социалистскую Германию и новый порядок на нашем континенте”¹³¹. Суть такой политики он разъяснил несколько месяцев спустя: “Политическая победа (национал-социалистской Германии. – В. Б.) достижима только в том случае, если борьба концентрируется)? против минимально возможного количества врагов – пока против марксизма и евреев”¹³².

Вообще сознательное противопоставление западной и восточной части Европейского континента являлось важным стратегическим оружием нацизма. Начиная с 20-х годов, в самой НСДАП проблема “с кем и против кого” вызывала острые дискуссии, а затем конфликты внутри партийного руководства. Несогласие Г. Штрассера с внешнеполитической линией Гитлера – Розенберга являлось одной из причин его отставки со всех партийных постов декабре 1932 г. Многие годы Г. Штрассер и стоявшая за ним группа выступали с антибританских позиций в целях избавления Германии от оков Версальского мирного договора¹³³, а затем для достижения ею гегемонии на Европейском континенте. Они рекомендовали ориентироваться на Восток.

Один из сторонников “восточной ориентации” К. Людеке в сентябре 1932 г. пытался убедить Гитлера в полезности союза рейха с СССР для борьбы с западными державами. Несколькоими мазками он нарисовал картину необъятного европейско-азиатского блока, которому будет по силам диктовать свои условия остальным жизненным пространствам. “Такой союз, – утверждал Людеке, – был бы действительно непобедимым – система, простирающаяся от Северного и Балтийского морей вниз по Дунаю к Босфору и на Восток вплоть до Владивостока. Она составила бы идеальный противовес Британской империи”¹³⁴. Однако Людеке не удалось переубедить Гитлера, который ответил, что предпочтительнее заключить союз с Италией и Японией, одновременно подыгрывая Англии (“Даже если я не смогу заполучить ее дружбу”, – подчеркнул он). “Экономическая мощь версальских государств, – заявил фюрер НСДАП, –

столь огромна, что я не могу рисковать, выступая против них в самом начале... Нет, я должен сотрудничать с капитализмом и удерживать версальские государства призраком большевизма... Это единственная возможность пройти через опасный период, избавиться от Версаля и вооружиться. Я могу говорить о мире, но подразумевать войну”¹³⁵.

Итак, ко времени установления фашистского режима в Германии нацистские теоретики и политики в общих чертах разработали внешнеполитическую платформу НСДАП, генеральной линией которой было установление гитлеровского “нового порядка в Европе. Но уже в 20-х годах появились различные ее варианты, и с поражением Штрассера альтернатива отнюдь не была устранена. В последующее десятилетие несколько альтернативных концепций в области внешней политики были сформулированы Розенбергом, Риббентропом, Гиммлером и некоторыми другими. Возникло состояние перманентной борьбы, и вместе уходом на второй план в национал-социалистской иерархии того или иного деятеля отеснялась и его европейская концепция. Но, что самое удивительное, она сохранялась в резерве и в любое время могла быть снова востребована Гитлером. Крупнейшим “специалистом” по европейским делам” НСДАП слыл А. Розенберг. Именно он и его сотрудники внесли наиболее значительный вклад в формирование нацистского европеизма в первые годы существования гитлеровского режима.

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ “ИМПЕРИИ” РОЗЕНБЕРГА

§ 1. Возникновение внешнеполитического бюро НСДАП

Имя Розенберга неразрывно связано с историей национал-социализма. Одно время – после Мюнхенского путча 1923 г. – он даже возглавлял партию. Розенберг был главным редактором “Фелькишер беобахтер” и теоретико-пропагандистского ежемесячника “Национал-социалистиче монатсхефте”. Второго июня 1933 г. вместе с несколькими высшими партийными функционерами Розенберг получил титул рейхслейтера, то есть имперского руководителя НСДАП. Выше рейхслейтера в нацистской иерархии стоял только сам фюрер. Двадцать четвертого января 1934 г. Гитлер специальным указом назначил Розенберга уполномоченным по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии с целью “прекращения идеологического хаоса” в ее рядах¹. Одновременно Розенберг возглавлял внешнеполитическое

бюро НСДАП – своего рода международный отдел, сотрудники которого занимались разработкой европейской стратегии национал-социализма.

Сообщение о создании бюро появилось в “Фелькишер беобахтер” 1 апреля 1933 г. Сведения о его предыстории весьма скудны. У истоков внешнеполитического бюро стоял К. Людеке, некоторое время числившийся в близких друзьях Гитлера. До 30 января 1933 г. Людеке выполнял деликатные поручения фюрера за пределами Германии, налаживая секретные связи с финансовыми воротилами США и других стран. Но после прихода фашистов к власти он был схвачен и заключен в концлагерь, откуда ему при загадочных обстоятельствах – поговаривали, не без помощи главаря штурмовиков Э. Рема – удалось бежать. В мемуарах обиженный Людеке выболтал факты о внешних источниках финансирования НСДАП в двадцатые годы. По его признанию, в 1924 г. он вынашивал идею образования (конечно, под своим руководством) внешнеполитического отдела партии и с этой целью намеревался использовать часть миллионов, полученных от Форда². Правда, тогда, после подавления Мюнхенского путча, у Людеке ничего не вышло, но он не отказался от своих честолюбивых замыслов.

Вторая известная нам попытка организовать внешнеполитическое бюро НСДАП относится к концу 1930 г. Из переписки “специалиста” по крестьянству В. Дарре явствует, что этот вопрос он затрагивал в разговоре с руководителем Второго организационного управления партии К. Хирлем и депутатом рейхстага А. Розенбергом³. Если Хирль принимал участие в разговоре просто как начальник Дарре, то присутствие Розенберга было отнюдь не случайным: он представлял НСДАП в комиссии рейхстага по внешней политике и был претендентом на место министра иностранных дел третьего рейха.

В годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. гитлеровская партия быстро превратилась во влиятельную политическую силу. Наиболее реакционные круги финансовой олигархии способствовали передаче власти Гитлеру, требуя взамен покончить с антикапиталистической демагогией некоторых нацистских фюреров. В имперском руководстве партии то возникали, то распадались отделы, кружки, объединения, обострялась борьба фракций и групп. Все боролись против всех, как пауки в банке. Не ушел от борьбы и Розенберг, который в январе 1932 г. предпринял попытку заручиться согласием Гитлера и создать внешнеполитическое бюро НСДАП⁴. Однако и на сей раз дело закончилось неудачей. Тем не менее еще до захвата партией власти вокруг Розенберга сформировалась группа лиц, занимавшихся подготовительной работой.

Тридцатого января 1933 г. в Германии установилась открытая террористическая диктатура, было сформировано коалиционное правительство

с участием национал-социалистов, которое возглавил А. Гитлер. Прошли первые часы пребывания НСДАП у власти, а нацистские фюреры все еще делили между собой важные государственные посты. Если верить тогдашнему заведующему отделом зарубежной прессы партии Э. Ханфштэнглю, вечером он случайно подслушал разговор между Гитлером, Фриком и Гиммлером. Среди прочих обсуждался вопрос о назначении Розенберга статс-секретарем министерства иностранных дел. Перепуганный Ханфштэнгль – его отношения с Розенбергом были давно и основательно подорваны – срочно связался с руководителем внешнеполитического ведомства бароном К. фон Нейратом. Усилиями президента Германской империи Гинденбурга и Нейрата первая попытка нацификации министерства иностранных дел была сорвана⁵. Розенбергу пришлось на время оставить надежды завладеть министерским креслом. Тем большим было его желание возглавить разработку внешнеполитических концепций национал-социализма в пику «консерваторам» из МИД. Неожиданную поддержку он получил от К. Людеке. В марте 1933 г тот долго и настойчиво убеждал Гитлера в необходимости создания международного отдела НСДАП в противовес имперскому министерству иностранных дел. На пост руководителя отдела Людеке рекомендовал Розенберга в надежде рано или поздно подчинить его своему влиянию. Тридцать первого марта согласие фюрера было, наконец, получено⁶, а на следующий День из прессы стало известно об организации внешнеполитического бюро нацистской партии во главе с Розенбергом.

Такова вкратце история возникновения партийного ведомства, в котором формировалась одна из европейских концепций национал-социализма. Внешнеполитическое бюро занималось многими вопросами, как теоретическими, так и практическими, в области внутренней и внешней политики фашистской Германии. Его сотрудники принимали активное участие в подготовке агрессивных войн и установления “нового европейского порядка”, руководили широко разветвленной сетью фашистской агентуры за рубежом, вели активную деятельность по вопросам расовой политики⁷. Но чем бы они ни занимались, они всегда исходили из того, что внешнеполитическое бюро призвано хранить и приумножать святая святых национал-социализма – его идеологическую систему. Именно поэтому любой конфликт, возникающий между бюро и другими партийными и государственными инстанциями третьего рейха, немедленно переносился в идеологическую плоскость.

С первых же дней своего существования внешнеполитическое бюро столкнулось со значительными финансовыми затруднениями: казначей НСДАП К. Шварц не спешил с выделением хотя бы минимальных денежных средств⁸.

Но и тут на помощь пришел опытный в подобных делах Людеке. Он посоветовал Розенбергу выступить с изложением задач, поставленных бюро, перед влиятельными представителями германского монополистического капитала, а затем организовать среди них денежную подписку. “Покажите им, – говорил Людеке Розенбергу, – что и у нас есть немного ума, что и мы способны к систематическому мышлению и предусмотрительности. Их интересуют факты, цифровые данные, здравый смысл, практический план. Если вы продемонстрируете им это, вы победите”⁹. Людеке надеялся на повторение результатов встречи Гитлера с крупнейшими промышленниками и банкирами 20 февраля 1933 г., когда по инициативе Шахта было собрано 3 млн. марок.

Двадцать пятого апреля в берлинской гостинице “Кайзерхоф” собрались ведущие деятели германского делового мира – промышленники и банкиры, коммерсанты и владельцы паровых компаний. “Гостей явилось больше, чем приглашали”¹⁰, – не без самодовольства писал в мемуарах Людеке. Розенберг сидел во главе стола. По одну сторону от него расположился председатель имперского союза германской промышленности, пушечный король Г. Крупп фон Болен унд Гальбах, по другую – только что назначенный президентом Рейхсбанка Я. Шахт (еще совсем недавно Розенберг обвинял его в преступлениях против немецкого народа). Чуть поодаль устроился один из руководителей крупнейшего в мире химического концерна “ИГ Фарбениндустри” Г. Шмиц, а также его племянник М. Ильгнер. В своем выступлении Розенберг, подчеркнув реальную опасность международной изоляции нацистского режима в связи с жестоким подавлением политической оппозиции и начавшимися в Германии европейскими погромами, высказался за создание специальной пропагандистской службы, деятельность которой направлялась бы внешнеполитическим бюро НСДАП. При этом монополистам дали понять, что при проведении своей политики бюро Розенберга будет учитывать их интересы. Любопытно, что некоторые присутствующие эти слова поняли буквально, особенно представители “ИГ Фарбениндустри”, которые в последующие дни попытались было использовать контакты внешнеполитического бюро для проведения своих финансовых и коммерческих операций за рубежом¹¹.

После речи Розенберга Людеке обратился к присутствующим с призывом собрать для пропагандистских нужд бюро 1 млн. марок¹². Оживленные переговоры по этому вопросу продолжались вплоть до второй декады мая. Со стороны делового мира в них участвовали Г. Крупп, М. Ильгнер, К. Сименс, глава Калийного синдиката А. Дин, председатель наблюдательного совета горно-металлургического концерна “Хеш Ал” Ф. Шпрингорум и другие¹³. Промышленники действительно вознамерились помочь Розенбергу и, хотя

собрали намного меньше требуемой суммы поддержали внешнеполитическое бюро в наиболее трудный период его становления. По выражению Круппа, они действовали в соответствии с поговоркой: “Вдвойне помогает тот, кто помогает быстро”¹⁴.

Весть о создании внешнеполитического бюро НСДАП вызвала ажиотаж как в самом рейхе, так и в стане пронацистских элементов за рубежом. Широким потоком в адрес бюро хлынули проекты тотального переустройства Германии, Европы и всего мира на расово-биологических основах. Они сослужили Розенбергу неплохую службу, поставляя ему идеи в области идеологии, пропаганды и международной политики. Семнадцатого мая 1933 г. в бюро поступила памятная записка некоего Л. Грюбера “Меморандум об образовании политического генерального штаба”¹⁵. В расовой и пространственной идее национал-социализма автор видел залог проведения “научной” внешней политики. Нужно только создать “политический генеральный штаб”, которого пока нет в других странах и который будет заниматься формированием внешнеполитической стратегии третьего рейха. По своей структуре и целям он являлся бы полным аналогом генерального штаба вооруженных сил, однако вместо изучения стратегии и тактики войны занимался бы “тактикой и стратегией народов”. Главной его задачей был бы учет “этнографических и экономических факторов”, анализ расовых различий, жизненных и интеллектуальных способностей потенциальных противников и потенциальных союзников Германии. Понятно, что подобного рода “политический генеральный штаб” предполагали возвести на базе внешнеполитического бюро НСДАП.

Еще большее впечатление производит составленный Ф. Пеглем меморандум с претенциозным названием “Всемирный блок арийской расы для спасения благородной белой расы”¹⁶. Отталкиваясь от известных идей Розенберга, Пегль ратовал за ликвидацию Версальской системы договоров, за отказ от панъевропейских и тому подобных идей “либеральной” эпохи и за формирование “всемирного блока белой расы”, который покоился бы на “высшем нравственном законе – “Общее благо выше частного”. Цели блока формулировались следующим образом:

“А) Утверждение политического, экономического и культурного главенства арийских народов со строжайшим соблюдением их национальной и государственной самостоятельности.

В) <...> Объявление вне закона войн между народами благородной белой расы.

С) Безусловно обязательное военное соглашение на случай, если цветные народы нападут на государства–члены расового блока. Военное соглашение

должно действовать вне зависимости от расовой принадлежности готовящих войну отдельных лиц, организаций или групп народов, даже если окажется, что они внешне (!) принадлежат к белой расе”⁷.

Иными словами, речь шла о создании агрессивного суперконтинентального расового объединения, вождем которого стала бы нацистская Германия. Членом “всемирного блока арийской расы”, писал Пегль, могут стать все те народы “старого и нового мира”, которые обладают компонентом арийской крови. По его мнению, нет никаких помех для сплочения в таком блоке всех европейских государств при условии соблюдения ими принципов национал-социализма и с учетом своеобразия их народов. Значительным подспорьем Розенбергу стало письмо владельца влиятельной за пределами Германии немецкоязычной газеты “Ла-Плата цайтунг” Тьякса, рекомендовавшего сконцентрировать национал-социалистскую внешнеполитическую пропаганду исключительно на борьбе против коммунизма. Тогда “победа этого движения (НСДАП. – В. Б.) во всем мире не заставит себя долго ждать”¹⁸. Возмущение Запада, которое вызвали антиеврейские погромы в рейхе, Тьякс советовал смягчить официальным заявлением в том смысле, что “евреи в Германии преследуются не из-за своей национальности, а потому что они руководили марксистскими и коммунистическими партиями <...> еврей должен политически идентифицироваться с коммунизмом”¹⁹. Подобные предложения тщательно изучались сотрудниками внешнеполитического бюро и использовались ими при разработке европейской концепции Розенберга.

Итак, с образованием внешнеполитического бюро в фашистской Германии возникла ситуация известного противостояния официальной внешней политики в лице имперского министерства иностранных дел и политики неофициальной, линии Нейрата и линии Розенберга, консерваторов и нацистских радикалов. Розенберг был убежден, что подобная ситуация продлится недолго, а пока – до окончательной победы над дипломатами старой школы – нужно концептуально подготовиться к выполнению будущей миссии. В промежуточный период он намеревался превратить свое бюро в своеобразный “идеологический эпицентр внешней политики рейха.

В апреле 1933 г. о стоящих перед розенберговским бюро задачах несколько раз сообщалось в немецкой прессе. Существовали и документы, не предназначенные для печати, в них намечались цели и определялась структура вновь созданного партийного учреждения. В первой статье о внешнеполитическом бюро НСДАП, появившейся в “Фелькишер беобахтер” 4 апреля, говорилось, что благодаря образованию бюро внешняя политика Германии отныне будет перестраиваться в духе национал-социализма. На следующий день

на страницах той же газеты было опубликовано интервью Розенберга, в котором затрагивался вопрос о сферах компетенции возглавляемого им отдела нацистской партии. Как заявил Розенберг, внешнеполитическое бюро будет курировать прибывающих в рейх иностранцев, заниматься проблемами Восточного и Дунайского пространств, добиваться равноправия Германии в международных делах и, наконец, обучать молодежь для работы на ниве национал-социалистской внешней политики²⁰. На самом деле полномочия бюро были гораздо более широкими.

Еще через несколько дней Розенберг публично высказался об основных направлениях европейской политики своего бюро. В беседе с американскими журналистами, состоявшейся 16 апреля 1933 г., он подчеркнул, что мир в Европе в первую очередь зависит от решения вопроса о германских границах на Востоке²¹. Внимание рейха обращается на европейский Восток, еще раз отметил руководитель внешнеполитического бюро и добавил, что между Германией и Великобританией нет никаких принципиальных разногласий²². В этих словах отчетливо прослеживалась его старая идея англо-германского соглашения на антисоветской основе. В публикациях прессы лишь приоткрывались подлинные намерения Розенберга. Совершенно иначе обстояло дело с документами и материалами, не предназначенными для печати. Некоторые из них могут навести на серьезные размышления. Например, в директивах, составленных в первый же день существования бюро, было отмечено: "Подготовка официальной внешнеполитической деятельности НСДАП стала сейчас одной из важнейших задач, поскольку ясно, что все прежнее представительство германского рейха (за рубежом. – В. Б.) со временем должно быть заменено"²³.

Недвусмысленные заявления и намеки Розенберга привели к перманентному конфликту между ним и министром иностранных дел Нейратом. Последний довольно часто жаловался на действия внешнеполитического бюро статс-секретарю имперской канцелярии Г. Ламмерсу, а Розенберг, со своей стороны, строчил многочисленные жалобы самому Гитлеру. За личным соперничеством Розенберга и Нейрата скрывались не только проблемы, вызванные перспективой нацификации министерства иностранных дел, но и в конечном счете разные представления о методах и сроках осуществления внешнеполитических целей национал-социализма, в первую очередь на Европейском континенте. Ради скорейшего преодоления сложностей, с которыми с первых же дней столкнулся нацистский режим на международной арене, Гитлер вынужден был терпеть консервативных руководителей МИД, он все время сдерживал Розенберга, намекая ему на какие-то важные полномочия в будущем. Последний же был, похоже, охвачен манией величия. Вновь и вновь он ставил своим сотрудникам задачу "изготавливать памятные записки о реорганизации

министерства иностранных дел”²⁴. В меморандуме от 22 мая 1933 г. он выдвинул предложение, чтобы внешнеполитические мероприятия всех без исключения государственных инстанций – следовательно, и МИД – предварительно санкционировались его бюро. В противном случае, утверждал Розенберг, “движение не овладеет непосредственным влиянием на министерство иностранных дел”. В том же документе он настаивал на роспуске либо подчинении внешнеполитическому бюро всех занимающихся международной политикой органов партии²⁵.

Подразумевались в первую очередь отделы пропаганды прессы, а также заграничный отдел имперского правления НСДАП, который был создан в 1931 г. Г. Нисландом, а после его отставки возглавлялся В. Боле; позже заграничный отдел был переименован в Зарубежную организацию НСДАП. В ее компетенцию входило курирование всех находящихся за пределами страны германских граждан (рейхсдойче) – членов нацистской партии: дипломатов, коммерсантов, журналистов, научных работников и т.п. Опираясь на поддержку Р. Лея, Розенберг вознамерился подчинить Зарубежную организацию своему политическому влиянию. В июне 1933 г. он стал руководителем “Союза друзей гитлеровского движения”. В ответ на это министр пропаганды И. Геббельс не без помощи Боле создал противовес розенберговскому “Союзу друзей” – “Общество друзей новой Германии”²⁶. Конфликт между Розенбергом, Боле и Геббельсом продолжался и в последующие годы.

Руководитель внешнеполитического бюро нацистской партии стремился распространить свое влияние и на фольксдойче – этнических немцев, являвшихся гражданами других государств. Фольксдойче на правах национальных меньшинств проживали” практически во всех соседних с Германией странах, как на Западе, так и на Востоке, но особенно много их было в Восточной; и Юго-Восточной Европе – в Польше, Югославии, Чехословакии, Венгрии, Румынии. Национал-социалистская “народная политика” представляла собой один из важнейших элементов европейской политики фашистской Германии именно потому, что за ней скрывался коварный расчет покончить с Версальской системой, перекроить карту Европы, создать “Великую Германию” и тем самым подготовить плацдарм для покорения континента. Эта характерная особенность внешней политики национал-социализма не осталась незамеченной современниками. “В сфере “германской расы”, – писал в 1935 г. Э. Генри, – наци не признают никаких национальных границ; стало быть, все это внутренняя политика... Но эти внутренние дела в совокупности образуют внешнюю политику”. И далее: “Завоевание других германских стран путем внутренних национал-социалистских революций, а затем объединение их с Германией – вот новая гитлеровская тактика во внешней политике”²⁷.

Неудивительно, что Розенберг метил в руководители нацистской “народной политики”. В письме Ламмерсу от 24 марта 1933 г. он выдвинул предложение об образовании центрального органа, который бы ведал политикой по отношению к фольксдойче. На пост заместителя статс-секретаря нового ведомства рекомендовался давний друг Розенберга, выходец из Прибалтики О. фон Курсель. Из-за сопротивления консервативного руководства МИД реализовать это предложение, однако, не удалось²⁸. Первая неудача отнюдь не обескуражила Розенберга. В меморандуме о структуре внешнеполитического бюро НСДАП, помеченном 22 мая, он вновь домогался для себя специальных полномочий в этой сфере. Под предлогом распыленности многочисленных организаций зарубежных немцев Розенберг высказался да образование соответствующего центрального учреждения, и как можно быстрее. “Создание учреждения по вопросам немцев – подчеркивалось в меморандуме, – есть срочная внешнеполитическая необходимость, о чем уже было доложено рейхс-канцлеру”²⁹, то есть Гитлеру.

Розенберг собирался подчинить центральному учреждению такие крупные организации, как “Народный союз немцев, проживающих за границей”, Шуцбунд, Немецкая Академия в Мюнхене, Союз Густава-Адольфа, Объединение немецких католиков за рубежом, государственные ведомства вроде Германского фонда и т.д. С целью предупреждения возможных возражений со стороны конкурентов Розенберг пообещал, что предлагаемый им орган будет находиться в самом тесном контакте с министерствами иностранных и внутренних дел, с министерством финансов и даже с прусским министерством юстиции. Но в действительности он и не думал делить с кем бы то ни было полномочия в этой стратегически важной для нацизма области внешней политики. Какие же задачи призвано было решать центральное учреждение по вопросам немцев? Они виделись Розенбергу главным образом в распространении среди зарубежных немцев информационных материалов внешнеполитического бюро НСДАП³⁰. Другими словами, под руководством Розенберга и его бюро замыслилась широкомасштабная идеологическая экспансия национал-социализма в странах проживания фольксдойче. Забегая вперед, скажем, что замысел в целом не удался как раз по причине резко обострившейся конкурентной борьбы в третьем рейхе. Розенбергу пришлось потесниться, а в конечном итоге весь этот комплекс проблем оказался под контролем СС, то есть “империи” Гиммлера.

Судя по всему, амбиции Розенберга были поистине беспредельны. С апреля – мая 1933 г. он прилагал усилия для того, чтобы использовать в интересах внешнеполитического бюро зарубежные связи немецких монополий. Им было запланировано создание так называемого Комитета действия с участием фон

Винтерфельдта из концерна “Сименс АГ”, представителей химического концерна “ИГ Фарбениндустри” Ильгнера, Гаттино и Штейна, генерального директора Калийного синдиката Дина, деятелей Люфтвафзы, Гамбургского информационного комитета и ряда пароходных компаний. Многие из этих лиц присутствовали на упомянутой выше встрече с Розенбергом в берлинской гостинице “Кайзерхоф”. В свою очередь, Комитет действия послужил бы основой Комитета германской экономики под руководством шефа внешнеполитического бюро. Как полагал Розенберг, его эффективной работе будет способствовать подчинение комитета “непосредственно рейхсканцлеру” и категорический запрет другим, в том числе официальным инстанциям, вмешиваться в его деятельность³¹. Идея создания Комитета германской экономики тоже не осуществилась, неважно другое: задолго до того, как известный в исторической литературе “кружок Кеплера” превратился в “кружок друзей рейхсфюрера СС”³², Розенберг предпринял практические шаги к образованию своего собственного “кружка” из представителей крупнейших германских монополий. Соперничавшие между собой нацистские нувориши спешили заручиться поддержкой определенных финансово-промышленных групп.

С первых же дней существования внешнеполитического бюро НСДАП Розенберг взял курс на подчинение ему внешнеторговой политики третьего рейха. Не без влияния В. Дайца он выступил с инициативой образования “авторитарного центрального ведомства” в области внешней торговли³³, но и здесь ему пришлось столкнуться с противодействием министерства хозяйства и министерства иностранных дел. Кроме Шмитта и Нейрата против этой идеи резко выступили Кеплер и Шахт. В итоге созданный осенью 1933 г. Внешнеторговый совет включал кого угодно, только не представителей розенберговского бюро³⁴. Вскоре он вообще перестал функционировать. Тем не менее, конкурентная борьба вокруг проблемы внешнеторговой политики в фашистской Германии не затухала вплоть до краха нацистского рейха в мае 1945 г.

Наряду с внешней и “народной”, экономической и внешнеторговой политикой Розенберга привлекала сфера науки, тем более, что научные и высшие учебные заведения Германии располагали обширными связями с соответствующими учреждениями за рубежом. Специальная “Немецкая служба академического обмена” во главе с отставным генералом фон Массовым по меньшей мере до второй половины 30-х годов подчинялась внешнеполитическому бюро. Хотя официально перед ней ставилась задача “отбирать особо одаренных студентов и преподавателей для стажировки за границей”, Розенберг использовал ее в целях шпионажа и национал-социалистской пропаганды. Не обошли вниманием и журналистов.

Корреспонденты “Фелькишер беобахтер”, других нацистских газет и журналов, сотрудники информационных и телеграфных агентств фактически были зарубежными представителями внешнеполитического бюро НСДАП⁵. Правда, на этом поприще Розенберг сталкивался с конкуренцией геббельсовского министерства информации и пропаганды⁶.

При упоминании Розенберга и его аппарата в исторической литературе прежде всего говорят о его зоологическом антикоммунизме и антисоветизме. Вся деятельность внешнеполитического бюро была ориентирована в этом направлении. Более того, этот орган и замышлялся в первую очередь как антикоммунистическая и антисоветская институция. В марте 1933 г. Людеке, убеждая Гитлера в необходимости скорейшего создания внешнеполитического бюро, всячески подчеркивал, что оно должно быть подобием Коммунистического Интернационала⁷ – выступать перед общественностью как частное объединение, а на самом деле быть официальным органом. Вероятные протесты Советского правительства, полагал Людеке, нейтрализовал бы трафаретный ответ германского правительства. Внешнеполитическое бюро НСДАП опутало антикоммунистической сетью почти все страны Европы, сетью столь густой, что еще до начала второй мировой войны публицисты заговорили о “коричневом интернационале” Розенберга⁸. Впрочем, и в этой сфере руководитель бюро наталкивался на мощное противодействие и соперничество Геббельса. Последний даже в чем-то обошел его, организовав при своем министерстве пропаганды объединение антикоммунистических союзов, известное под названием “Антикоминтерна”.

В общем, какую бы область внешней и даже внутренней политики мы ни затронули, везде отчетливо просматривается стремление Розенберга к монополии. В случае выполнения его беспрецедентных требований он бы занял второе место в партийной и государственной иерархии, а его бюро стало бы суперорганизацией, контролирующей проблемы идеологии, внешней политики, “народной политики”, внешнеэкономической деятельности, науки, прессы, борьбы с коммунизмом. Но реалии третьего рейха, особенности национал-социалистического политического режима, характер образования нацистской элиты и другие причины объективно не допускали столь колоссальной концентрации власти в чьих-либо руках, за исключением Гитлера. Все стремились к вершинам власти, но именно поэтому обострялась конкурентная борьба, в результате которой каждому претенденту доставалось место по силе. Если в первые годы установления фашистской диктатуры имелись некоторые предпосылки для упрочения позиций внешнеполитического бюро НСДАП, связанные прежде всего с затруднительным международным положением рейха,

то чем дальше, тем больше у Розенберга появлялись новые соперники и конкуренты, не менее амбициозные, чем он сам, и обладающие большей властью. Все это оказывало огромное влияние на формирование европейской стратегии национал социализма в тридцатые годы.

В полном соответствии с честолюбивыми замыслами Розенберга создавалась структура внешнеполитического бюро НСДАП, проводилась особая кадровая политика. В своем бюро Розенберг хотел видеть не рядовой отдел партии, а весьма гибкий и эффективный инструмент “той великой эпохи, которая началась в XX веке национал-социалистской революцией”³⁹, орган, не дублирующий министерство иностранных дел, а концентрирующий внимание на важнейших направлениях внешней политики, организацию, свободную от всяких нравственных препон, в отличие от министерства иностранных дел, консервативным руководителям которого по психологическим причинам трудно сразу порвать с привычками веймарского периода⁴⁰. Внешнеполитическое бюро представлялось его руководителю относительно немногочисленным учреждением, способным быстро перестраиваться в соответствии с постоянно меняющейся международной обстановкой, организацией, которая напоминала бы только видимую часть айсберга, была бы головной, материнской организацией, своего рода холдинг-компанией, типичной для финансового капитала. По данным управляющего бюро Э. Кнауэра, численность ведомства на 1 июня 1937 г. составляла всего 67 человек⁴¹, но число его внештатных сотрудников, доверенных лиц, тайных информаторов и т. д. не поддается никакому подсчету.

Бюро Розенберга являлось не государственным, а партийным органом, что освобождало его от условностей, характерных для официальной инстанции, и давало возможность не церемониться с отбором сотрудников. Критерий отбора был один: сотрудники бюро, как требовал их шеф, “целиком и полностью должны понимать основы национал-социалистской внешней политики, как они видятся А. Гитлером и А. Розенбергом”⁴². Иными словами, прием на работу во внешнеполитическое бюро НСДАП обуславливался абсолютной поддержкой розенберговского варианта идеологии и международной политики национал-социализма. Некоторые сотрудники бюро были его старыми друзьями и помощниками. Это прежде всего А. Шикеданц и Т. фон Трота. Вместе с Розенбергом, Шойбнер-Рихтером и Курселем Шикеданц руководил возникшим еще в Риге эмигрантским студенческим союзом прибалтийских немцев, известным под названием корпорации “Рубония”⁴³. Это был яркий антисоветчик и антисемит, автор двух книг – “Еврейство как контрраса” и “Социал-паразитизм в жизни народов”⁴⁴, идеями которых воспользовался Розенберг, сочиняя “Миф XX столетия”. Трота в течение нескольких лет, вплоть до своей гибели в 1938 г.,

исполнял обязанности личного секретаря Розенберга, вел его переписку, составлял архив, картотеки. Шикеданц и Трота являлись доверенными людьми руководителя внешнеполитического бюро. Однако ядро, своеобразный “мозговой трест” ведомства составляли пришедшие со стороны В. Дайц, Г. Лейббрандт и К. Бёмер⁴⁵. Из них два первых принимали самое активное участие в формировании европейской концепции Розенберга.

Имя Дайца мы уже упоминали. Он родился в 1884 г. в Любеке⁴⁶. После окончания высшего ремесленного и торгового училища изучал техническую химию и философию в Йенском университете. В 1907 г. получил диплом инженера-химика. Начав карьеру с должности технического директора калийных заводов “Ферейнитте хемише Леопольдсхалье АГ”, он уже в 1912 г. стал управляющим фирмы по производству синтетического каучука “Шен унд К^о” и других предприятий Гамбурга и Любека. Его быстрому продвижению по служебной лестнице во многом способствовал тот факт, что он был автором важных, с военно-экономической точки зрения открытий в химической, нефтяной и металлургической промышленности. Он был одним из тех, кто разработал технологию производства синтетического каучука. В годы первой мировой войны Дайц разбогател на военных поставках. Германия потерпела поражение, а он стал владельцем целого ряда пароходных, торговых, строительных и химических компаний, крупным вкладчиком капитала в предприятия металлургической и машиностроительной промышленности Северной Германии. По-видимому, он сыграл определенную роль в организации крупнейшего химического концерна “ИГ Фарбениндустри”, став директором одного из принадлежавших концерну заводов. Он приобрел новые знакомства, вступил в дружеские отношения с членом правления “Дойче банк” К. Вейгельтом. В двадцатые годы Дайц стал членом влиятельных организаций типа Клуба господ, Общества мирового хозяйства и нескольких других объединений германских финансово-промышленных кругов. Но все же его нельзя поставить на одну доску с такими китами-монополистами, как Крупп, Сименс или Шниц. Он находился во второй шеренге немецких промышленников.

Посчитав себя после окончания университета крупным философом, Дайц уже с 1909 г. начал публиковать статьи о “грядущем мировоззренческом переломе” и предстоящих кардинальных изменениях в экономической структуре мира. В 1916 г., в возрасте 32 лет, он напечатал статью “О перестройке народного и мирового хозяйства”⁴⁷, которую впоследствии всегда включал в сборники своих произведений. В этой статье Дайц возвестил о наступлении “новой фазы развития капитализма”, начало которой, по его мнению, положила первая мировая война. Построенный в XIX веке на буржуазно-либеральных принципах, старый

капитализм привел к упадку народного хозяйства, что способствовало интернационализации мирового хозяйства. Вслед за ним автоматически возник и интернациональный социализм. “Капитал созданный трудом народной общности”, все больше отделялся от своей естественной основы, превращаясь в собственную противоположность, и стремился лишь к тому, чтобы получить максимальную прибыль. Став интернациональным, капитал перестал считаться с жизненными потребностями нации. Закономерным результатом такого разрушительного процесса явилась анархия, в конечном счете вызвавшая мировую войну.

Наступающая экономическая эпоха, уверял В. Дайц, покончит с фальшивой ориентацией капитала на максимальную прибыль и вернет его в лоно государственных интересов. Интернациональный капитал нужно снова преобразовать в капитал национальный, заставить его служить народной общности путем подчинения его государственной власти и превратим его в “социальный”. Последнее означало для Дайца ориентацию капитала на выполнение потребностей своего народа. “Наступит новый вид государственного, социализма, – вешал будущий сотрудник внешнеполитического бюро НСДАП. – Совсем не такой, каким его воображал или представлял каждый из нас. Частнохозяйственная инициатива и частнокапиталистическая экономика будут не подавляться, а регламентироваться под углом зрения государственного социализма”⁴⁸. Но с уничтожением не зависящего больше от народной общности капитала автоматически разрушится и интернациональный социализм, полагал В. Дайц: “Это преобразование капитализма с естественной необходимостью обуславливает перестройку противоположной ему силы – интернационального социализма. Оно раскалывает его в национал-социализмы, девизом которых будет “Труд, а не фраза”⁴⁹.

Изложенные в статье идеи о государственном социализме впоследствии использовались при разработке национал-социалистического варианта государственно-монополистического регулирования. Дайц первый на рубеже нового и новейшего времени, на стыке двух эпох употребил термин “национал-социализм”, что давало ему основание писать о себе как о фактически первом немецком национал-социалисте⁵⁰. В интерпретации Дайца национал-социализм представал в качестве важнейшего инструмента противодействия международному рабочему движению и пролетарским революциям. После окончания первой мировой войны эта мысль была сформулирована и другими идеологами и политиками Веймарской Германии. Победа национал-социализма не мыслилась Дайцем без глубочайшей структурной реорганизации всей Европы, прежде всего без формирования покоящегося на автаркии европейского

экономического блока под руководством Германии. “Началось образование центрально-европейского экономического союза, — писал в 1916 г. Дайц, — <...> Он должен протянуть свои рельсовые пути от Гамбурга до Персидского залива. Лишь в таком случае этому экономическому союзу не будет угрожать смертельная опасность”⁵¹. В такой формулировке были заложены основы дайцевского учения о великих экономических пространствах, получившего развернутую характеристику в годы второй мировой войны. Философско-теоретическое обоснование “новой фазы развития капитализма” Дайц первоначально искал на почве некоей “религиозной идеи”⁵², а в двадцатые годы — в иррационально-мистических идеях фелькише, философии жизни, в биологизированных и геополитических представлениях о государстве и человеческом обществе, наконец, в идеях прусского социализма. Он стал последователем “отца” немецкой геополитики генерала К. Хаусхофера, однако его изыскания уходили от геополитики все дальше — в сторону биополитики.

Находясь в рядах младоконсервативного движения, Дайц внимательно присматривался к НСДАП и ее фюрерам. С первых месяцев 1930 г. он начал работать в ней, так сказать, на общественных началах, но только после крупного успеха партии на парламентских выборах осенью того же года решился вступить в ее ряды. Это случилось в феврале 1931 г. В то время ему шел уже сорок седьмой год, по возрасту он превосходил многих функционеров нацистской партии. Учитывая его опыт и образование, Дайца сразу ввели в Экономический совет имперского правления НСДАП — ограниченный всего несколькими особо доверенными лицами орган, занимавшийся формированием экономической доктрины национал-социализма. Одновременно он стал одним из руководящих сотрудников хозяйственно-политического управления партии и, кроме того, уполномоченным партийного руководства по экономическим вопросам в Северной Германии. Будучи членом так называемого общества исследования вопросов денег и кредита, Дайц вместе с другими теоретиками НСДАП, с представителями крупных немецких монополий и реакционно настроенной профессуры принимал участие в подготовке внутри- и внешнеэкономической программы будущего нацистского рейха. Его меморандум “Национал-социалистская политика в Восточном пространстве и Ганзейский канал” был без промедления издан отдельной брошюрой в серии “Национал-социалистская экономическая политика”.

Восьмого августа 1932 г. в издававшейся Дайцем газете “Национал-социалистише виртшафтсдинст” появилась его статья с призывом немедленной передачи всей полноты власти Гитлеру. Она была опубликована после июльских парламентских выборов, показавших, что национал-социализм миновал пик

своей популярности и появилась опасность ее падения⁵³. Возникла ситуация “или–или”, и нацисты взяли курс на захват власти. Дайц был одним из первых, кто сообщил об этом решении в открытой печати. “Национал-социализм по естественному праву (!) требует власти в государстве и экономике, – писал он, – требует сегодня политического и экономического руководства немецким народом, чтобы претворить в жизнь свои идеи... Весь народ (!) требует от нас, национал-социалистов, безотлагательного действия! Мы не должны больше терять ни одного мгновения”⁵⁴. В статье предлагался и способ овладения государственной властью, которым воспользовались в Германии в январе 1933 г. А именно, Дайц рекомендовал идти не парламентским путем, а “через кабинет, значительно дополненный национал-социалистами, возможно, с поддержкой Экономического совета имперского правления НСДАП”⁵⁵. Последнее свидетельствует о том, что автор статьи и сам был не прочь получить министерский портфель в будущем коалиционном правительстве с участием нацистов.

Статья Дайца по существу являлась слабо завуалированным обращением к наиболее реакционным элементам финансового капитала: определиться, наконец, с вопросом о власти в государстве, решив его в пользу нацистской партии. Взамен давались обещания покончить с революционным движением пролетариата. Людей, проголосовавших на выборах против НСДАП (более 60% всех избирателей) Дайц предлагал “сломить”. Он высказывался за то, чтобы сразу после прихода партии к власти нейтрализовать и изолировать “марксизм, а в еще большей степени коммунизм “посредством” радикальных законодательных мероприятий”. Окончательно же ликвидировать марксистскую идеологию в Германии можно будет, полагал он, только после реорганизации страны в национал-социалистическом духе⁵⁶. Как напоминали эти призывы печально известные “боксгеймские документы”⁵⁷, составленные В. Бестом на случай прихода нацистов к власти!

Как указывалось выше, значительное внимание Дайц уделял проблеме нацистской перестройки Европы. Примечательной в этом отношении была его статья “Экономическая философия и экономическая политика национал-социализма”, опубликованная в итальянской газете “Джорнале д’Италия” в связи с десятилетием установления фашистского режима Муссолини. В ней был сформулирован вывод о том, что вследствие центрального положения Германии на Европейском континенте ее поражение в первой мировой войне “неизбежно превратилось в европейскую катастрофу и своими ударными волнами должно было затронуть даже Америку на Западе и Азию на Востоке”. Опираясь на этот вывод, автор статьи ратовал за преобразование образа жизни немецкого народа

в соответствии с принципами национал-социализма, а такое преобразование, в свою очередь, есть “непременная предпосылка новой консолидации Европы и всего западного мира”⁵⁸.

“Новая Европа” виделась Дайцу как сумма жизненных пространств Германии, Великобритании и Италии. Германия организует свое жизненное пространство на Севере, Востоке и частично Юго-Востоке, где оно встречается с жизненным пространством Италии. Итало-фашистское пространство будет находиться в Средиземном море и ориентироваться на Юг и Запад. “Вытекая” из Гибралтарского пролива, итальянское жизненное пространство вновь встретится с “потокм, вытекающим из национал-социалистического пространства Балтийского моря”. В результате “как на Востоке, так и на Западе произойдет соединение фашистского и национал-социалистического жизненных пространств”⁵⁹. За Англией Дайц оставлял ее колониальные владения, охраняемые Оттавской системой имперских преференций. По словам Дайца, на континенте произойдет “формирование по одному достаточно крупному пространству господства и власти – итальянского, немецкого и английского народов, в каждом из которых экономика, транспорт, торговля, внешняя и военная политика используются согласованно и создают органическое единство... Каждый из трех народов снова единообразно использует свои пространственно-образующие силы для формирования органически присущего ему жизненного пространства и не будет впредь беспланово распылять их по всему миру”⁶⁰. Как видно, европейские идеи В. Дайца практически полностью совпадали с розенберговскими. Вот почему он был приглашен работать во внешнеполитическое бюро НСДАП, где первое время, по некоторым данным, исполнял обязанности заместителя Розенберга⁶¹.

Осенью 1933 г. во внешнеполитическое бюро пришел еще один член “мозгового треста” – Г. Лейббрандт⁶². Он родился в 1899 г. в немецком поселении на юге Украины. В годы гражданской войны принимал активное участие в борьбе против Советской власти в так называемых “отрядах самообороны”, участвовал в еврейских погромах, а затем добровольно перешел на службу к немецким оккупантам на Украине. Вместе с ними бежал в Германию. Формально не примыкая ни к одной политической партии, был активистом реакционного крыла студенческого движения. После окончания университета Лейббрандт занялся изучением проблемы зарубежных немцев, опубликовал по этой теме несколько работ, в 1928 г. защитил диссертацию по теме “Эмиграция из Швабии в Россию. 1816–1823”⁶³. С целью пополнения знаний в области внешней политики некоторое время учился в Париже и Лондоне. С ноября 1929 г. он сотрудник имперского архива в Потсдаме. В октябре 1931 г. он отправился в США, где

был стипендиатом “фонда Рокфеллера”. Несмотря на то, что правилами фонда запрещалась всякая политическая деятельность, Лейббрандт активно пропагандировал в США идеи национал-социализма⁶⁴. В общем, этот человек мог принести Розенбергу ощутимую пользу.

В мае 1933 г. Шахт, посетивший Вашингтон с визитом, передал Лейббрандту просьбу Розенберга стать сотрудником внешнеполитического бюро НСДАП. Возвращаясь из США летом 1933 г., Лейббрандт на четыре месяца задержался в Швейцарии и Италии и лишь 1 октября приступил к работе во внешнеполитическом бюро. Там он считался главным специалистом по СССР и зарубежным немцам. Одновременно он занимался преподавательской деятельностью – сначала в Высшей политической школе, а затем в Берлинском университете, где читал лекции по идеологии и внешней политике национал-социализма, а также по истории “народного движения” на Востоке⁶⁵. После второй мировой войны Лейббрандта допрашивали американские следователи в Нюрнберге. На вопрос о том, чем он занимался во внешнеполитическом бюро, он ответил: “Сначала наблюдение за религиозными проблемами за рубежом, потом общие внешнеполитические вопросы, работа переводчиком, сопровождение иностранцев, приезжавших в Берлин... Затем мне поручили разрабатывать восточную проблему. Это было до 1941 г. После начала войны (против СССР.–В. Б.) я был принят в восточное министерство”⁶⁶.

Ни Дайц, ни Лейббрандт, ни остальные сотрудники внешнеполитического бюро НСДАП не были профессиональными дипломатами. Как правило, они подбирались либо из числа друзей и знакомых Розенберга, либо из специалистов в области идеологии, политики, экономики, военного дела. Один из важнейших источников пополнения бюро – эмигранты из восточноевропейских государств. Все сотрудники Розенберга были фанатичными нацистами, ярыми антисоветчиками и антикоммунистами. Это сказывалось на деятельности бюро и даже его структуре. По различным причинам структура внешнеполитического бюро неоднократно менялась, старые отделы уступали место новым, то возникали, то упразднялись специальные подразделения. Особенно частой реорганизации ведомство подвергалось в первые недели и месяцы своего существования⁶⁷,

В феврале 1935 г. в него входили: личная канцелярия Розенберга, которой заведовал Т. фон Трота; штаб во главе с А. Шикеданцем; три отдела – страноведческий (зав. отделом А. Шикеданц), немецкая служба академического обмена (генерал в отставке Массов)⁶⁸ и руководимый В. Дайцем отдел внешней торговли, а также Дом внешнеполитического обучения, отделение прессы (К. Бемер) и управление делами (Э. Кнауэр)⁶⁹. в страноведческом отделе имелись

следующие секторы: Англия и Дальний Восток (руководитель – капитан-лейтенант в отставке Х. Обермюллер), Ближний Восток⁷⁰ (руководитель – Г. Лейббрандт), Юго-Восток (Г. Дуквиц), Север (Т. фон Трота), Восток⁷¹ (В. Малетке). Впоследствии некоторые из упомянутых секторов ввиду их важности были преобразованы в самостоятельные отделы. Отдел внешней торговли распался на два сектора. Первым, под названием “Европа”, руководил Малетке, вторым, занимавшимся главным образом компенсационными сделками, – Эккерт⁷².

Конечно, эта структура не отражала всей деятельности, которой занималось внешнеполитическое бюро. Розенберг был всеядным, его интересы распространялись даже на США и Латинскую Америку, Центральную Азию и Северную Африку⁷³. С другой стороны, из сферы деятельности бюро были изначально изъяты такие государства, как Италия и Австрия, хотя Розенберг предпринимал усилия для изменения обстановки. В целом же активность внешнеполитического бюро НСДАП концентрировалась главным образом на Европе, и это имеет особое значение для нашей темы. В первом кратком отчете о проделанной работе (октябрь 1935 г.) Розенберг из всего комплекса международных проблем, которыми интенсивно занималось его ведомство, выделил три, сформулированные в такой последовательности: германо-английские отношения, Северо-Восточное пространство, Юго-Восточное (Дунайское) пространство вместе с примыкающими к нему народами и Советским Союзом⁷⁴. На первом плане, как видим, стояла английская проблема. В этом не было ничего удивительного, так как Великобритания занимала ключевое положение в европейской концепции Розенберга. Без договоренности с Англией или, по меньшей мере, ее нейтрализации он не видел реальной возможности нацификации Европы, создания на континенте национал-социалистического “нового порядка”. Поэтому Розенберг, фиксируя в дневнике две самые крупные задачи, которые, по его мнению, имеют “решающее значение для будущего”, вновь ставил на первое место “битву за Англию”⁷⁵, то есть достижение всеобъемлющего англо-германского соглашения.

§ 2. “Битва за Англию”

Успех европейской стратегии третьего рейха большинство руководителей НСДАП первоначально связывало с заключением союза с Англией на почве разграничения сфер влияния борьбы против СССР. В 1929–1933 гг. в имперском руководстве партии не появилось ни одного сколь-нибудь значительного документа по вопросам внешней политики, в котором не учитывалась бы позиция Великобритании. Большой интерес в этом отношении представляет меморандум,

рассекреченный в мае 1932 г. группой О. Штрассера. Его авторы утверждали, что объединение европейских государств (конечно, без СССР) было бы в интересах не только Германии, но и всей Европы. Основой же “объединенной Европы” называли англо-германский союз. “Партия,—подчеркивалось в меморандуме,—провозглашает свою принципиальную готовность войти с Англией в тесный контакт”, подготовить с ней политические соглашения и после прихода к власти придать им официальный статус⁷⁶. Но в отличие от Гитлера, готового в случае необходимости только “подыгрывать” Англии и не исключавшего в будущем союза Германии с Японией и Италией, от становившегося все более влиятельным И. фон Риббентропа, который рассматривал германо-английские отношения исключительно с прагматических позиций, Розенберг придавал им принципиальное значение. Его позиция по этому важнейшему внешнеполитическому вопросу, основанная на законе “органической свободы” и императивах “пространственной” внешней политики, была наиболее идеологизированной, ортодоксальной, не поддавалась коррозии из-за постоянно менявшихся политической практики и международного климата вообще. В союзе с Великобританией Розенбергу виделся залог успеха всей “пространственной” внешнеполитической стратегии национал-социализма. Во всяком случае, фашистскую Италию, например, он включал в число первых трех европейских держав, Англия же прочно занимала второе место.

Английские контакты Розенберга восходят к 1929 г.⁷⁷, когда он познакомился с бароном В. де Роппом. Немец по национальности, де Ропп родился в Литве, образование получил в Германии, а в 1915 г. стал гражданином Великобритании. Во время первой мировой войны служил в королевских военно-воздушных силах. В 20–30-е годы, будучи политическим редактором лондонской “Таймс”, зарубежным представителем фирмы “Бристоль аэроплэйн и Ко” и доверенным лицом английского министерства авиации, де Ропп неоднократно посещал Берлин⁷⁸, на долгие годы он стал посредником Розенберга в английских делах.

При помощи барона Розенбергу удалось осуществить свой первый неофициальный визит в Лондон. Это случилось в 1931 г. Там он познакомился с людьми, которые впоследствии оказали влияние на развитие англо-германских отношений. Среди них нацистский идеолог называл “командира авиаэскадрильи У., служившего в генеральном штабе военно-воздушных сил, убежденного в том, что Германия и Англия должны действовать сообща в защите от большевистской опасности”⁷⁹. Имелся в виду майор ф. Уинтерботэм⁸⁰. В результате интенсивных контактов Розенберга в Лондоне генеральный штаб британских ВВС стал быстро превращаться в орган, ратующий за сближение с нацистским движением в Германии на антисоветской основе.

Английские связи Розенберга пригодились сразу после установления национал-социалистического режима. Дело в том, что жестокость гитлеровцев по отношению к политическим противникам, еврейские бойкоты и погромы, манера вести внешнеполитические дела вызвали бурю общественного негодования во всем мире. Тринадцатого апреля 1933 г. О. Чемберлен был вынужден заявить об антиеврейских эксцессах в Германии в британской палате общин⁸¹. Все это представляло для нацистского правительства серьезную опасность, нейтрализовать которую стремились путем умиротворения Запада, прежде всего Великобритании. Здесь-то и вспомнили об “англофиле” Розенберге. Новый визит руководителя внешнеполитического бюро НСДАП в Лондон состоялся 4–13 мая 1933 г. Это был первый зарубежный визит высокопоставленного нацистского деятеля после установления в Германии фашистской диктатуры. Поездка Розенберга в Англию приковала к себе внимание Европы и всего мира. О ней писали крупнейшие газеты, передавали информационные агентства, сообщали дипломаты разных стран. Она упоминается во многих монографиях по истории международных отношений новейшего времени. В нашей исторической литературе, как правило, подчеркивают антисоветскую заостренность визита⁸². Зарубежные авторы акцентируют внимание на неудачном исходе поездки, утверждают, что после ее завершения позиции Розенберга в нацистской иерархии значительно пошатнулись, рухнули его надежды одолеть Нейрата⁸³. По-видимому, все это имело место. Вместе с тем подоплеку, перипетии и последствия пребывания Розенберга в Лондоне можно интерпретировать не столь однозначно. Но сначала несколько слов о самом визите.

В Лондоне руководитель внешнеполитического бюро был принят министром иностранных дел Великобритании Д. Саймоном, военным министром лордом Хайлшемом, постоянным заместителем министра иностранных дел Р. Ванситтартом и другими крупными политическими деятелями. Розенберг имел также встречи с представителями прессы, деловых кругов и т. д., беседовал с де Роппом и Ф. Уинтерботэмом, имел другие контакты. В беседе с Ванситтартом нацистский визитер пытался представить дело таким образом, будто между Германией и Великобританией не существует никаких принципиальных разногласий⁸⁴. Встретившись с Саймоном, он всячески стремился рассеять опасения английской стороны относительно внутривнутриполитического положения Германии, особо отметив тот факт, что приход к власти нацизма предотвратил “коммунистическую революцию” в Германии и на всем континенте. Пытаясь представить гитлеровский режим в качестве единственно возможной для европейских народов альтернативы “большевистской угрозе”, он назвал новое

германское правительство “стабилизирующим фактором в Европе”⁸⁵, тем самым не только до предела обнажив свой подход к европейскому строительству, но и показав направление этого процесса – Англия должна позаботиться о поддержке “новой Германии”, то есть национал-социалистического режима.

Розенбергу как будто не удалось переубедить своих высокопоставленных собеседников. Внешне они остались непреклонными и открыто возмущались дискриминацией евреев в Германии после 30 января 1933 г.⁸⁶ Вместе с тем разъяснения гитлеровского эмиссара, по архивным данным, оказали успокаивающее воздействие на правящие круги Великобритании⁸⁷. Да и сам Розенберг не оценил свой визит как неудачный. “Можно констатировать, – писал он, – что хотя сначала еврейский вопрос использовался (в Англии. – В. Б.) для возбуждения мнений, сейчас он отошел на второй план”⁸⁸. Вскоре после поездки руководитель внешнеполитического бюро НСДАП был приглашен на заседание германского правительства⁸⁹, на котором обсуждался вопрос об активизации нацистской пропаганды за рубежом. Раньше на подобных заседаниях Розенберг не присутствовал.

Лондонский визит Розенберга нельзя рассматривать изолированно от других внешнеполитических мероприятий третьего рейха весной – летом 1933 г. Перед фашистской Германией стояло тогда множество сложнейших международных задач, решение которых могло вывести ее из состояния известной психологической изоляции в Европе, приблизить к политической договоренности между четырьмя, тремя, а еще лучше двумя (Германией и Англией) западноевропейскими державами и создать благоприятные предпосылки для возрождения германской военной мощи. Велись переговоры о заключении “пакта четырех”. Визит Розенберга ясно показал, какой из держав отдают приоритет в Берлине. Любопытно, что консервативный МИД оказывал Розенбергу всяческое содействие во время его поездки⁹⁰. Исходя из этого, нам представляется, что визит руководителя внешнеполитического бюро НСДАП в Лондон выходил за рамки тактических целей. Он занял положенное ему место в европейской политике национал-социализма. Итоги визита дали А. Розенбергу обильную пищу для размышлений. Договориться с Англией оказалось гораздо сложнее, чем ему представлялось раньше. Нужны были новые усилия, чтобы склонить ее на сторону третьего рейха.

В меморандуме от 22 мая 1933 г. о структуре внешнеполитического бюро НСДАП Розенберг с той же убежденностью, что и до поездки, писал: “Центральной проблемой германской внешней политики является проблема Англии с целью удержать ее от окончательного решения в пользу Франции”. Выполнению этой цели, продолжал он, послужили поездки в Лондон, которые

дали возможность познакомиться с английским политическим мышлением и в ходе которых было установлено “значительное количество личных и политических контактов”⁹¹. Оценивая итоги своей поездки и перспективы дальнейшего развития германо-британских отношений с позиций “нового европейского порядка”, Розенберг пришел к заключению, что нельзя питать иллюзий относительно позиции официального Лондона – быстро склонить его на германскую сторону вряд ли удастся. “Речь, скорее, может идти лишь о том, – подчеркивал он, – чтобы путем установления личных контактов, посредством информирования определенных кругов (Англии. – В. Б.) постепенно изменять во влиятельных кругах нынешнее враждебное отношение” к рейху⁹². Воздействовать на британское правительство не только извне, но и изнутри, – таков был новый замысел Розенберга. Такая установка открывала перед внешнеполитическим бюро НСДАП совершенно новые перспективы.

В каких направлениях следовало действовать? Что предпринять в первую очередь? В меморандуме давался ясный ответ на эти вопросы. Прежде всего Розенберг рекомендовал немедленно приступить к изданию пропагандистских брошюр о внешней и внутренней политике национал-социализма, распространению их среди живущих в Великобритании лиц немецкой национальности, а также прогермански настроенных англичан, чтобы “таким образом постепенно переубедить и остальных”⁹³. С этой же целью предлагалось войти в контакт с крупнейшими британскими финансовыми и страховыми компаниями, традиционно играющими важную роль в экономике страны. Наконец, Розенберг настаивал на эффективном использовании контактов по линии науки, обществ дружбы, творческой интеллигенции в целях пропаганды нацистских идей среди “таких же кругов в Англии”⁹⁴. Иными словами, шеф внешнеполитического бюро выдвинул идею проведения в отношении Англии тотальной политики, в которой были бы задействованы и министерство иностранных дел, и партийные органы, и предпринимательские круги, и представители немецкой интеллигенции, и просто лица немецкой национальности, вплоть до контактов на личном уровне; предполагалось максимальное использование тайной дипломатии. И все это под эгидой внешнеполитического бюро НСДАП. В майском меморандуме Розенберг прямо требовал для себя специальных полномочий в этой сфере: “Безусловной необходимостью является руководство всей работой из одного ведомства, чтобы другие ведомства не вмешивались... и неловкими действиями не испортили все дело”⁹⁵.

Рекомендации и предложения, выдвинутые Розенбергом по возвращении из Лондона, свидетельствовали о зарождении розенберговского варианта внешней политики рейха, отличавшегося не только от официальной линии

германского МИД, но (как увидим дальше) и от вариантов других руководителей фашистской Германии. В центре внимания Розенберга находилась нацистская “новая Европа”, путь к которой пролегал через англо-германский союз на антисоветской основе и передел мира (Германия признавала бы целостность британской колониальной империи, а Великобритания – будущий гитлеровский “новый порядок” в Европе). При этом Розенберг рассчитывал на то, что впоследствии, после нацификации континента, рейх сможет диктовать Англии свои условия. Итак, временный, возможно, весьма длительный союз между Германией и Англией в целях национал-социалистического переустройства Европы – вот фундамент европейской концепции, с которой с самого начала выступала, “империя” Розенберга. Одними рекомендациями внешнеполитическое бюро НСДАП не ограничивалось. По инициативе его ведущих сотрудников летом 1933 г. были начаты переговоры с английскими банкирами о заключении специального англо-германского соглашения в области страхования. “Если бы удалось заключить широкое соглашение, – докладывал Розенберг Гитлеру, – то тем самым заинтересовались бы и британские политические круги, что позволило бы затем легче перейти к обсуждению политических вопросов”⁷⁶.

Крупной акцией внешнеполитического бюро в 1933–1934 гг. были переговоры Розенберга, Дайца и Обермюллера с нефтяным магнатом Детердингом. С немецкой стороны принимались во внимание как его вес в международной нефтяной политике, так и влияние в антисоветских кругах Запада. В ходе переговоров Детердинг объявил о своей готовности соорудить за счет компании “Ройял Датч-Шелл” подземные резервуары на территории Германии для хранения 1 млн. т. нефтепродуктов. Однако, когда к переговорам подключились имперские министерства и ведомства, конкурирующие с внешнеполитическим бюро, Розенбергу стало ясно, что в этом вопросе он скорее всего проиграет. “Из-за промедления “наших” ведомств опять была упущена возможность привязать к нам британский капитал”⁷⁷, – с раздражением писал он. Но основное внимание Розенберг концентрировал на укреплении политических контактов с Англией. Усилиями его сотрудников там была создана густая сеть информаторов и доверенных лиц. Среди них фигурировали члены аристократических фамилий, крупные политические деятели, влиятельные журналисты, военные и т. д.

С немецкой стороны посредниками Розенберга в отношениях с Великобританией также являлись видные представители научных, политических, аристократических кругов. Одним из них был принц М. Гогенлоэ-Лангенбург – яркая фигура в тайной дипломатии нацизма накануне и в годы второй мировой войны. Как известно, он принимал активное участие в англо-германских се-

кретных переговорах весной–летом 1939 г., в поисках “компромиссного мира” с Англией в 1939–1940 гг., а в конце войны в переговорах с А. Даллесом в Швейцарии⁹⁸. До сих пор в исторической литературе считалось, что принц Гогенлоэ вошел в круг закулисных интриг влиятельных германских и британских групп, ставивших своей целью антисоветский сговор, с осени 1937 г., то есть примерно за год до Мюнхенского соглашения⁹⁹. Однако уцелевшие после войны фрагменты архива внешнеполитического бюро НСДАП позволяют утверждать, что Гогенлоэ-Лангенбург был связан с европейской дипломатией Розенберга по меньшей мере с февраля 1934 г.¹⁰⁰. Для сотрудников бюро принц оказался подлинной находкой прежде всего благодаря его родственным связям, в том числе в Великобритании: его дед был вторым сыном английской королевы Виктории, а мать приходилась кузиной английскому королю Георгу V.

Отбывавшему в Париж и Лондон принцу Гогенлоэ в розенберговском бюро были даны разъяснения об основных направлениях внутренней и внешней политики национал-социализма. В частности, ему подробно рассказали о предназначении таких подразделений нацистской партии, как СС и СА, в расчете на то, что вопрос о налаживании контактов штурмовых и охранных отрядов НСДАП с некоторыми английскими организациями возникнет в намечавшейся беседе Гогенлоэ с принцем Уэльским¹⁰¹, возглавлявшим организацию британских ветеранов войны. “Точно так же без труда можно было бы устроить встречу между принцем Гогенлоэ и королем Англии”¹⁰², – едва скрывая ликование, сообщали сотрудники внешнеполитического бюро. О подготовке миссии Гогенлоэ-Лангенбурга в западноевропейские столицы, вероятнее всего, был информирован и Гитлер.

Розенберг не упускал ни одного шанса для упрочения своих личных связей с видными представителями политической жизни Великобритании и взял за правило приглашать некоторых пронацистски настроенных английских деятелей на имперские съезды НСДАП¹⁰³. Он использовал контакты с личным секретарем премьер-министра Р. Макдональда Д. Бэрлоу, знакомство с которым состоялось в мае 1933 г. в Лондоне. Пропагандистские и иные материалы, присылаемые из штаб-квартиры внешнеполитического бюро, не раз служили Бэрлоу основой для дискуссий с британским премьером¹⁰⁴. Сохранились самые тесные связи Розенберга с представителями генерального штаба английских военно-воздушных сил, а через них – с прогерманскими кругами Великобритании. Когда в феврале–марте 1934 г. майор Уинтерботэм посетил Берлин, он был принят не только Розенбергом, но и Гессом и даже Гитлером¹⁰⁵.

“Внештатного сотрудника” внешнеполитического бюро НСДАП на самом высоком уровне просветили о европейских проблемах и перспективах германо-

английских отношений. Подробный отчет майора Уинтерботэма о поездке в Германию получил высокую оценку начальника генерального штаба королевских ВВС. Но самое главное заключалось в том, что с отчетом о секретных переговорах пожелал ознакомиться лидер консервативной партии, один из влиятельных членов кабинета С. Болдуин. То, что Уинтерботэм услышал в Берлине от Розенберга, Гесса и Гитлера, произвело на Болдуина “чрезвычайное впечатление”¹⁰⁶. Последствия не заставили себя долго ждать. Восьмого марта 1934 г. Болдуин выступил с важной речью в парламенте, в которой от имени британского правительства заявил о признании за фашистской Германией равного права в области военной авиации. “Форма этой речи, – отметил в дневнике Розенберг, – является, пожалуй, непосредственным результатом поездки майора Уинтерботэма и того, что майору Уинтерботэму сообщили здесь, в Берлине, об отношении Германии к Англии”¹⁰⁷.

В сентябре 1934 г. в Берлин как частное лицо прибыл политический советник военного министерства Великобритании полковник Маккау. Между ним и Розенбергом состоялась беседа, участники которой достигли полного взаимопонимания в вопросе о будущем европейского континента. Слова британского полковника о том, что “Версальский договор был преступлением... В ближайшем будущем надо собраться, чтобы осуществить реорганизацию”¹⁰⁸, Розенберг занес в свой дневник. В июне 1935 г. новым министром иностранных дел Великобритании был назначен бывший министр авиации С. Хор – в предвоенные годы одна из ключевых фигур политики невмешательства и умиротворения фашистских агрессоров. Не успел он вступить в должность, как по его просьбе ему передали подготовленный во внешнеполитическом бюро НСДАП меморандум о мировоззренческих основах национал-социализма¹⁰⁹.

В общем, тайная дипломатия Розенберга медленно, но верно приносила свои плоды, содействуя упрочению политических и даже идеологических позиций английских умиротворителей. Однако она была лишь одним из многочисленных инструментов тотальной политики внешнеполитического бюро по отношению к Англии. Все они использовались одновременно, причем порой предлагались такие варианты решения проблемы, которые не только совпадали со взглядами других партийных ведомств, а иногда и противоречили им.

С этой точки зрения значительный интерес представляет розенберговский меморандум от 12 мая 1934 г. “Англия и Германия – схема возможного всемирно политического развития”, подготовленный специально для Гитлера. В нем ставился вопрос о стратегических союзниках рейха в будущей войне Германии против СССР. Надлежало выбрать либо Англию, либо Японию, и автор документа недвусмысленно высказывался за сближение с первой. Германия,

утверждал Розенберг, находится как бы посередине между сферами влияния Японии и Великобритании; неизбежно возникает вопрос, кого выбрать в союзники. Будучи уверенным в том, что свою миссию на Востоке Европы национал-социализм способен осуществить только с английской поддержкой, руководитель внешнеполитического бюро подчеркивает “Признание всего японского плана было бы явной бесцеремонностью по отношению к Англии, которая при известных обстоятельствах... могла бы стать на сторону Франции, что имело бы для Германии непредвиденные последствия”¹¹⁰ в деле реорганизации Европы. Розенберг рекомендовал сделать Токио “дружественное, но вместе с тем ограниченное определенной территорией заявление”, которое японцы должны были понять как “крайне возможное” с германской стороны. В таком случае, подчеркивал он, “у нас были бы освобождены руки, чтобы проложить путь к сотрудничеству с Англией в более важных для нас областях”¹¹¹, то есть в Европе.

Как видно, взгляды Розенберга по вопросу о стратегических союзниках отнюдь не были идентичны представлениям Гитлера, допускавшего возможность заключения германо-итало-японского союза, и резко расходились с точкой зрения И. фон Риббентропа, по инициативе которого уже в 1936 г. состоялось подписание германо-японского антикоминтерновского пакта, к которому спустя год присоединилась фашистская Италия. В том же меморандуме Розенберг обратил внимание фюрера на то, что имеется еще один “на первый взгляд фантастический, но в своей основе совершенно реальный план” сближения с Англией – в Юго-Восточной Европе. Главная линия коммуникаций, жизненный нерв британской колониальной империи расположены по линии Лондон–Калькутта, “вдоль этой же линии располагаются торгово-политические интересы Германии”¹¹². Если многие руководители фашистской Германии видели в Балканах и Ближнем Востоке регионы острого соперничества с Великобританией, то Розенберг, напротив, предлагал создать англо-германский блок “между Азией и Африкой”, совместную сферу влияния, в которой господствовали бы “два сильнейших германских народа”. Ее образование, по его мнению, означало бы реализацию “первой возможности германо-английского союза”¹¹³.

Предложения Розенберга базировались на принципах “пространственной” внешней политики национал-социализма, означали размежевание англо-германских империалистических интересов. Германский рейх, утверждал руководитель внешнеполитического бюро НСДАП, признал бы в этом случае целостность британской колониальной империи¹¹⁴. Англия же уступила бы Германии континентальную Европу. Своеобразным буфером между двумя

великими жизненными пространствами стали бы балканские и ближневосточные страны. Лондон эксплуатировал бы этот регион посредством экспорта капитала, Берлин – внешнеторговым путем. “Что касается реализации линии Лондон–Берлин–Будапешт–Бухарест–Анкара–Калькутта, – подчеркивалось в меморандуме, – то компенсационные сделки в торговле между Германией и дунайскими государствами предстанут в качестве важнейшей предпосылки германо-британского примирения”¹¹⁵. Наконец, ради сближения с Англией Розенберг рекомендовал в максимально возможной степени возбуждать интерес английских и англо-голландских нефтяных компаний к кавказским нефтепромыслам Советского Союза. Розенберг надеялся на то, что в случае нападения Японии на СССР произойдет “реальное сближение между Англией, Польшей и Германией” на почве дележа добычи¹¹⁶. Ознакомившись с текстом меморандума, Гитлер согласился со всеми его положениями¹¹⁷.

Из меморандума видно, сколь важное место в европейской концепции Розенберга отводилось Юго-Восточной Европе. Составляя по возвращении из Лондона в 1933 г. список первоочередных задач, подлежащих решению внешнеполитическим бюро НСДАП, после английской проблемы он поставил проблему разрушения Малой Антанты¹¹⁸ – блока Чехословакии, Румынии и Югославии, входившего в систему французских военно-политических союзов в Европе и имевшего целью сохранение статус-кво в центральной и юго-восточной части континента.

§ 3. Юго-восток в европейской концепции национал-социализма

В силу своей географической близости к Центральной Европе наличия почти не освоенных природных ресурсов, стратегического значения как плацдарма агрессии в любом направлении балкано-дунайские страны всегда играли особую роль в долговременных планах германского империализма. Но после первой мировой войны права Германии в Юго-Восточной Европе были урезаны до предела. В рамках Версальской системы граничившие с Германией страны Дунайского бассейна и Балканского полуострова занимали важное положение. Державы-победительницы отвели им роль составных звеньев антисоветского “санитарного кордона”. Одновременно Чехословакия и Австрия являлись политическим и экономическим барьером на пути возможного германского продвижения через Балканы на Ближний Восток. Выгодное географическое положение между промышленно развитым центром Европы и ее отсталой окраиной; традиционная специализация австрийского и чешского капиталов на торгово-экономическом проникновении в балкано-дунайские страны; концентрация в Вене и Праге крупных банков европейского масштаба,

подчиненных финансовой олигархии Англии и Франции, – все это делало Австрию и Чехословакию не только младшими партнерами западных держав в балкано-дунайском регионе Европы, но и серьезными конкурентами германского империализма на рынках товаров и капиталов этих стран. А если учесть, что через Австрию проходил кратчайший сухопутный путь с запада континента на юго-восток и что Чехословакия была составным звеном Малой Антанты, становится понятным, почему внешняя политика нацистского рейха ориентировалась на аншлюс Австрии и захват Чехословакии¹⁹.

После поражения Германии в первой мировой войне дунайские и балканские страны вошли в сферу влияния западных держав. Они осуществляли контроль над финансовыми и иными ресурсами региона. Под контролем английских, французских и американских монополий находились основные залежи полезных ископаемых – нефти, свинцово-цинковых и медных руд, хромитов и т. д. Британские компании были филиалами концернов “Ройял Датч-шелл” и “Англо-Ираниен”, а также групп А. Честер Битти и Э. Дэвиса. Французскими горнорудными и банковскими компаниями, действовавшими на Балканах, управляла группа Ротшильдов и тесно связанный с ней парижский банк Мирабо. Капитал США в Юго-Восточной Европе представлял интересы семейств Рокфеллеров, Морганов и Меллонов. Народы балкано-дунайских стран активно эксплуатировали также Бельгия, Голландия, Люксембург и другие малые империалистические государства Западной и Северной Европы. Картину практически монопольного положения западных держав в экономике страд Дунайского бассейна и Балканского полуострова завершали при. менявшиеся ими эффективные методы внешнеэкономической экспансии, такие как международное разделение труда, долгосрочные вложения капиталов, расчеты в конвертируемой валюте, режим наибольшего благоприятствования. При таких обстоятельствах в начале тридцатых годов казалось немыслимым изменение соотношения сил в Юго-Восточной Европе в пользу Германии и тем более включение региона в гитлеровский “новый порядок”. Однако вторая мировая война доказала обратное. Все балканские и дунайские страны на несколько лет оказались под сапогом вермахта.

Разработкой балканской проблемы в рейхе занимались многие государственные, партийные и иные организации, в том числе внешнеполитическое бюро НСДАП. Последнее решало балканскую проблему, во-первых, как на теоретическом, так и на практическом уровнях; во-вторых, комплексно, то есть с учетом политических, экономических, идеологических и прочих факторов; в-третьих, не только в тактической, но и в стратегической плоскости; в-четвертых, под углом зрения европейской концепции Розенберга.

Напомним, что вернувшись из Лондона в мае 1933 г., Розенберг в первом же меморандуме назвал центральной проблемой германской внешней политики английскую с целью не допустить дальнейшего англо-французского сближения. “Другая проблема для нас состоит в том, – продолжал руководитель внешнеполитического бюро, – чтобы вырвать Румынию из Малой Антанты”¹²⁰. Фактически речь шла о необходимости изоляции Франции – на Западе посредством англо-германского соглашения, на Востоке “постепенным разрыхлением структуре, Малой Антанты”¹²¹, иными словами, путем ликвидации французской системы военно-политических союзов в Европе.

Поскольку это было написано Розенбергом в период интенсивных переговоров о заключении “пакта четырех”, можно прийти к выводу, что в действительности руководитель внешнеполитического бюро НСДАП стремился к реализации той верхней ступеньки пирамиды международных отношений в Европе, о которой говорилось раньше, к достижению пакта двух держав за счет элиминирования Франции и фашистской Италии из процесса принятия решений по европейским делам. Сам же англо-германский союз мыслился в качестве важнейшей вехи на пути к национал-социалистическому “новому европейскому порядку”. Практически все первые документы внешнеполитического бюро, не предназначенные для печати, носили ярко выраженный “проанглийский” и одновременно антифранцузский и антиитальянский характер. Об этом свидетельствует, например, памятная записка “Политика на Юго-Востоке”, датированная 27 октября 1943 г.¹²² По всей вероятности, она была подготовлена для внутреннего употребления с целью осмысления различных аспектов балканской проблемы.

В записке содержалась настоятельная рекомендация всеми средствами добиваться “охлаждения отношений” между балкано-дунайскими государствами и Францией в политической, экономической и военной сферах, но прежде всего бороться за ликвидацию Малой Антанты. Чтобы развалить последнюю, автор записки Дуквиц предлагал вырвать из ее состава сначала Югославию, а затем Чехословакию. В его схему идеально вписалось убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту 9 октября 1934 г. в Марселе¹²³. Вслед за ослаблением позиций Франции в Центральной и Юго-Восточной Европе, распадом Малой Антанты, изоляцией Чехословакии и превращением ее в объект агрессивных притязаний Германии, Венгрии и Польши решение балканской проблемы в интересах национал-социализма, как полагал автор записки, не будет представлять особого труда. Останется лишь покончить с итальянской конкуренцией на Балканах, а этого, по мнению Дуквица, можно добиться, углубляя противоречия между балкано-дунайскими странами и фашистской Италией¹²⁴.

В отличие от своего сотрудника, считавшего, что разрушение Малой Антанты следует начинать с Югославии, Розенберг видел ключ всей проблемы в позиции Румынии. Именно здесь, в Румынии, считал руководитель внешнеполитического бюро НСДАП, таилась разгадка балканской проблемы в духе европейской стратегии национал-социалистской Германии. Политику бюро в отношении Румынии Розенберг поставил под свой личный контроль. Уже в апреле-мае 1933 г. он имел беседы с некоторыми Румынскими дипломатами и политическими деятелями. По его собственным словам, он занимался также подготовкой неофициальной встречи министра иностранных дел Румынии Н. Титулеску с Гитлером¹²⁵. Сотрудникам Розенберга удалось наладить тайные связи с многочисленными румынскими группировками и организациями, которые придерживались зачастую противоположных политических взглядов, а перед общественностью выступали порой с проанглийских либо профранцузских позиций. Через посредников поддерживались отношения с группой Г. Брэтиану из национал-либеральной партии и с так называемым Румынским фронтом А. Вайды-Воевода, причем начальник штаба внешнеполитического бюро А. Шикеданц принимал участие в обсуждении тактической линии обоих направлений¹²⁶.

Существовали тесные отношения с прогитлеровской “Железной гвардией”, возглавлявшейся К. Кодряну. В результате усилий розенберговского ведомства произошло слияние национально-аграрной партии О. Гоги с так называемой Лигой национал-христианской защиты (ее возглавлял профессор Ясского университета А. Куза, называвший себя “идейным предшественником Гитлера”¹²⁷), и на этой основе образовалась фашистская национал-христианская партия. Предпринятые внешнеполитическим бюро НСДАП попытки объединить партию Гоги-Кузы с “Железной гвардией” не увенчались, однако, успехом из-за давней грызни между Кузой и Кодряну¹²⁸. Национал-христианская партия была второй по численности (после “Железной гвардии”) фашистской партией в Румынии, и Розенберг гордился своими “достижениями” в этой стране.

Румыния являлась главным объектом экспериментов внешнеполитического бюро в Юго-Восточной Европе. Двадцать шестого декабря 1934 г. Розенберг записал в своем дневнике: “Привязывание Румынии к Германии действительно стоит всех усилий”¹²⁹. Из дневника следует, что в начале 1935 г. готовился визит Розенберга в Бухарест. Время визита было выбрано не случайно: приближались к завершению переговоры между СССР, Францией и Чехословакией о заключении договоров о взаимопомощи. Поэтому Розенберг намеревался поставить румынскому королю Каролю вопрос ребром: “Либо отход от Парижа и Праги – тогда германская помощь. Либо она (Румыния. – В. Б.) остается на

старой позиции – тогда прекращение всякой экономической помощи с нашей стороны. А при нынешнем экономическом положении Румынии это означает чрезвычайно мощный удар”¹³⁰. Спустя полгода в “Кратком отчете о деятельности внешнеполитического бюро НСДАП” было специально подчеркнуто, что в Румынии национал-социализм ведет борьбу против Франции и большевизма¹³¹.

Поскольку в ходе решения балканской проблемы внешнеполитическое бюро с самого начала наталкивалось на сопротивление других правительственных и партийных инстанций третьего рейха, особенно министерства иностранных дел¹³², Розенберг еще в декабре 1933 г. просил для себя специальных полномочий. “О всех этих проблемах (германской политики на Юго-Востоке. – В. Б.), – писал он Гитлеру, – прошу разрешения совместно с господином Дайцем сделать доклад фюреру, чтобы изложить подробности”¹³³. Без сомнения, Розенберг намеревался изложить фюреру партии и рейхсканцлеру существо своих представлений о месте балкано-дунайских государств и системе гитлеровского “нового европейского порядка”. В пользу этого предложения говорит упоминание о В. Дайце, нацистском эксперте по вопросам великого экономического пространства и великопространственной экономики.

В документах внешнеполитического бюро НСДАП постоянно звучала мысль о необходимости “сначала экономически, а затем политически освоить весь путь по Дунаю, а потом Турцию”; “заковать” страны Юго-Восточной Европы “в кандалы”, так привязать их к Германии, чтобы “затруднить, а если возможно, сделать неосуществимым переключение” на другие рынки. Если в торгово-политическом плане, утверждали сотрудники Розенберга, рейх овладеет опорными пунктами вдоль линии Белград – Будапешт – Варшава – Берлин, то не только станет иллюзорной экономическая блокада Германии, но и будет обеспечена экономическая резервная область, которая обеспечит нам выполнение конечной цели – желанной срединноевропейской автаркии”¹³⁴. Но как это сделать? Какими методами воспользоваться для разрушения монополии западных держав в экономике балкано-дунайских стран? На помощь пришел В. Дайц, который еще до установления нацистского режима занимался формированием внешнеэкономической концепции национал-социализма. Обратив внимание на то, что некоторые немецкие монополии используют клиринговый расчет во внешнеторговых сделках, и исходя из тезиса о движении товаров (а не денег) как основе международной торговли, Дайц заявил о совместимости клиринга с национал-социалистическим экономическим учением¹³⁵. В июне 1932 г. он предложил создать специальное управление для перевода внешней торговли Германии на клиринговую основу¹³⁶, в сущности заложив идеи нового внешнеторгового курса фашистской Германии.

Именно Дайц играл главную роль в проведении юго-восточной политики внешнеполитического бюро в первые месяцы и годы его существования. В связи с этим показательно, что им был подготовлен первый после 30 января 1933 г. визит зарубежного Руководителя высокого ранга в Берлин. Визитером оказался премьер-министр Венгрии Гембеш. Тогда это произвело подлинную сенсацию в дипломатических кругах Европы, удивленных не самим фактом визита, а некоторыми его особенностями – он состоялся по инициативе одного из отделов НСДАП, а не официального министерства иностранных дел¹³⁷. Идея поездки Гембеша в Берлин возникла во время пребывания Дайца в Венгрии в конце мая 1933 г. в связи с заключением германо-венгерского торгового соглашения, по словам ближайшего сотрудника Ронберга, впервые подписанного в полном соответствии с национал-социалистской внешнеэкономической концепцией. Двадцать восьмого мая Дайц прочитал в Будапеште доклад “национал-социалистские принципы внешней торговли”, в котором “механическим” принципам либерального мирового хозяйства противопоставил принципы “естественной”, “органической” внешне торговой политики национал-социализма. Затронув далее вопрос о необходимости правильного понимания термина “автаркия”, Дайц заявил, что курс на автаркию ни в коем случае не означает отказа фашистской Германии от широких экономических связей с внешним миром. Автаркия, как он выразился, означает только обеспечение “независимой основы существования” Германии, “отбор потребностей народа под военно-политическим углом зрения” с тем, чтобы покрывать эти потребности в жизненном пространстве даже в случае войны¹³⁸.

Вопрос об автаркии и необходимости ее правильного понимания возник в докладе не случайно. Дайц отметил, что расположенная в центре Европы и потому ответственная за ее судьбы нацистская Германия обязана приступить к “интенсивному товарообмену со странами, с которыми существует естественная экономическая связь”: страны же эти расположены на юго-восток и северо-востоке европейского континента. Необходимо реорганизовать экономические отношения всего этого пространства, соединив Балканы и Скандинавский полуостров не только с Берлином, но и друг с другом через посредничество последнего, качестве связующего звена срединноевропейской экономической системы должна выступить международная торговля на основе клиринга и компенсаций. Тогда, согласно Дайцу, возникает экономика великого пространства, которая будет служить общему благу участвующих в ней народных хозяйств, не угрожая их национальной специфике и не нанося ущерба экономике отдельных великих жизненных пространств – Британской империи, Франции с колониями. Северной и Южной Америки¹³⁹.

Хотя доклад В. Дайца был посвящен относительно узкой теме, многие увидели в нем глубинные основы европейской стратегии национал-социализма. Его выводы получили широкий общественный резонанс, особенно во Франции⁴⁰, дипломатия которой распознала в нем еле прикрытую угрозу французским интересам в Центральной и Юго-Восточной Европе. Масла в огонь подлил сам Дайц, заявивший со страниц “Фелькишер беобахтер”, что “естественное присоединение” балкано-дунайских стран к формирующейся европейской великопространственной экономике может происходить лишь при условии устранения всех политических препон⁴¹. Прикрываясь лозунгом общности судьбы Германии и Юго-Восточной Европы, сотрудники внешнеполитического бюро НСДАП развили бурную деятельность по подготовке компенсационных и клиринговых соглашений, торговых и экономических договоров с балканскими и дунайскими государствами. Не случайно спустя несколько лет Розенберг назвал себя духовным отцом германо-румынского экономического договора от 23 марта 1939 г.⁴²

Помимо Юго-Восточной Европы, связующим звеном между Германией и Англией во внешнеполитическом бюро считали европейский Север. Изначальные попытки бюро использовать в целях сотрудничества с Великобританией Скандинавские государства – Данию, Норвегию, Швецию, а также Финляндию, являлись характерной особенностью розенберговского варианта европейской стратегии национал-социализма. Однако в отличие от Юго-Востока, где, по замыслам нацистов, должно было происходить главным образом экономическое сотрудничество двух великих держав за счет вытеснения Франции и Италии, север Европы представлялся им источником нордического духа, нордической идеи.

§ 4. Нордическая идея на службе нацистского европеизма

Отвечая на вопросы шведского журналиста Сванстрёма 23 июня 1939 г., Розенберг заявил, что термин “нордическая идея” употребляется национал-социалистами в двояком смысле. Во-первых, как выражение “биологически-культурного союза”, который объединяет народы, живущие у Северного и Балтийского морей, и определяет главные черты их характера независимо от особенностей политического развития в этом пространстве. Здесь существует некое “биологическое родство”. Во-вторых, в смысле “непосредственной социальной, экономической и культурной общности судьбы” нордических народов⁴³. Нордическая идея была для Розенберга неотделима от европейской идеи нацизма. В том же интервью он вдруг заговорил о необходимости переустройства внутриевропейской торговли ради приближения того времени,

когда “Европа снова начнет вспоминать о самой себе и своих собственных нуждах”. Одновременно это будет означать осуществление нордической идеи: “Такой (торговый) обмен... движимый идеей жизненно необходимого всеобщего сотрудничества, представляется нам тем, что мы в этом отношении понимаем под нордической общностью души и нордической идеей”¹⁴⁴.

В мировоззренческом плане нордическую идею нацистские теоретики противопоставляли идеям буржуазно-либерального толка и религиозно-универсальной идее Ватикана¹⁴⁵. По словам Т. фон Траты, сущность нордической идеи заключалась в расовом возрождении Германии, формировании человека нового типа, который обеспечит рейху подобающее ему место в мире, созданий “германского мировоззрения”, “общего мировоззрения для всего германского мира”, основанного на идеале крови, почвы и чести¹⁴⁶. Поскольку под “всемирным германским миром” в данном случае подразумевались, кроме Германии, Скандинавские и Прибалтийские государства, Англия, Голландия и некоторые другие страны, речь, таким образом, шла о распространении в этом громадном регионе идеологии национал-социализма в качестве предпосылки реализации нордической, а тем самым и европейской идеи.

Исходные положения нордической идеи содержатся в гитлеровской “Майн кампф”. В отдаленном будущем, писал нацистский фюрер, перед людьми встанут такие проблемы, которые в состоянии решить только высшая раса, народ господ, “опираясь на средства и возможности всего земного шара”¹⁴⁷. Нордическая идея Гитлера получила развитие в трудах Розенберга, который разрабатывал как мировоззренческий, так и политический ее аспекты. Розенберг пытался убедить всех, что расположенная на Севере “деятельная субстанция” нордической расы положила начало европейской и мировой цивилизации, поэтому консолидация нордических народов на принципах национал-социализма есть важнейшее условие и составной элемент возрождения Европы. Тот, кто заботится о европейской культуре, должен стремиться к образованию “единого фронта нордической судьбы”. К противном случаю неизмеримо возрастет опасность большевизма, а в перспективе дело может дойти до уничтожения Европы¹⁴⁸.

Для сохранения нордической Европы, полагал идеолог национал-социализма, необходимо в первую очередь “воскресить, упрочить нордические силы Европы, то есть Германию, Скандинавию с Финляндией и Англию”¹⁴⁹. Ради укрепления Севера – фундамента европейского континента – необходимо забыть распри между державами-победительницами и побежденными в первой мировой войне. Нордически-немецкое обновление Европы, да и всего мира должно начаться, по Розенбергу, с образования системы родственных в расовом отношении государств, находящихся в симбиозе, жизненные пространства

которых органически расчленены в соответствии с принципами “пространственной” внешней политики. “Новая Европа” представлялась автору “Мифа XX столетия” следующим образом: “Лозунг будущего – нордическая Европа с немецкой центральной Европой, Германией как расовым и национальным государством в качестве центральной державы континента, обеспечивающей Юг и Юго-Восток; со скандинавскими государствами (вместе с Финляндией) как вторым союзом для обеспечения Северо-Востока; и с Великобританией для обеспечения Запада и заокеанских территорий там, где это необходимо в интересах нордического человека”¹⁵⁰. Как видим, фашистская Италия здесь вообще не упоминается, зато Англия предстает важнейшим союзником третьего рейха. Правда, в конце книги Розенберг все же упоминает о “средиземноморском союзе под руководством Италии”, но ставит его на четвертое(!) место в перечне пяти великих жизненных пространств мира¹⁵¹.

Расово-экономическое обоснование нордической идеи дано в (статьях В. Дайца. Он исходил из того, что в результате образования великих жизненных пространств за океаном торгово-политические интересы западноевропейских государств неизбежно обращаются на Восток, а это повышает значение Балтийского моря, Скандинавии, Прибалтики. При таких обстоятельствах Балтийское море превращается “в один Из важнейших узловых центров международных сношений”¹⁵². Вот почему Дайц призывал вовлечь этот регион в сферу влияния рейха, тем более, что только покорение Балтийского моря откроет Германии ворота на Восток для завоевания “свободы и жизненного пространства”¹⁵³. По предположениям Дайца, германское господство на Калтике вынудит Великобританию и США (последним Япония мешает подобраться к Сибири со стороны Тихого океана) заключить с Германией равноправный союз. Когда произойдет “крушение большевизма”, “колоссальные территории Северной Азии” станут доступными “нордической расе и тем самым германским и североамериканским народам господ”¹⁵⁴. Дайц, следовательно, включал в нордическую Европу “русскую Сибирь” и Северную Азию, то есть области, простирающиеся почти до берегов Тихого океана. Любопытно, что идея совместной эксплуатации СССР нордическими народами под руководством Германии появилась у Дайца еще до прихода нацистов к власти¹⁵⁵. Позже эта мысль стала интегральной частью розенберговского варианта национал-социалистического европеизма.

Пропаганда нордической идеи в политических целях являлась одной из важнейших задач внешнеполитического бюро НСДАП. От руководителя сектора “Север” Т. фон Траты Розенберг требовал всеми силами способствовать завоеванию скандинавских государств на сторону Германии и уж во всяком случае мешать их присоединению к враждебному Германии лагерю. Главным

орудием Траты, да и всего бюро в этом отношении было так называемое Нордическое общество. Основанное еще в 1921 г. экономическими и политическими кругами Любека, Нордическое общество вплоть до установления национал-социалистического режима играло незначительную роль. Оно занималось главным образом поощрением торговли между Германией и скандинавскими странами, но не чуралось и пропаганды “общности судьбы”. Под эгидой общества в двадцатые годы в Любеке состоялись “Нордическая неделя”, международная встреча студентов, съезд писателей Севера и т. д.¹⁵⁶ Однако в 1933 г. положение Нордического общества изменилось самым кардинальным образом, что было связано с начавшимся процессом нацификации общественно-политической жизни третьего рейха.

Сейчас трудно восстановить полную картину реорганизации Нордического общества, в результате которой оно превратилось в едва замаскированный филиал внешнеполитического бюро НСДАП. По всей вероятности, импульс в этом направлении исходил от обеих сторон. “Сохранились анонимные “Предложения для будущей работы”, подготовленные в розенберговского бюро и имевшие непосредственное отношение к реорганизации. В них говорилось, что для восстановления германского влияния в скандинавских странах необходимо, во-первых, избегать любой деятельности, которая могла бы восприниматься там как “форсированная пропаганда”, и, во-вторых, согласовывать скандинавскую политику всех государственных, партийных и прочих организаций рейха. “По этой причине, – заключил автор документа, – предлагается “замаскировать” и в то же время объединить всю германо-скандинавскую работу ближайшего будущего посредством подключения совершенно нейтрального и авторитетного в Скандинавии Нордического общества”¹⁵⁷

Со своей стороны, руководители Нордического общества также пришли к заключению о необходимости встать под покровительство внешнеполитического бюро НСДАП. Видимо, определенную роль в этом сыграл В. Дайц, который именно в апреле 1933 г. был назначен полномочным представителем ганзейского города Любека в Берлине; отныне он носил громкий титул посланника. Тридцать первого мая состоялась встреча управляющего общества Э. Тима с Т. фон Тротой, входе которой была достигнута принципиальная договоренность об унификации Нордического общества¹⁵⁸. На пост его президента Трота предложил своего учителя – теоретика расизма профессора Йенского университета Г. Ф. К. Гюнтера. Однако кандидатура профессора была отклонена под тем предлогом, что это сразу раскрыло бы подлинные замыслы Розенберга в отношении скандинавских стран. На высокий пост предлагались также Дайц и другие лица¹⁵⁹. В конечном счете остановились на кандидатуре имперского наместника

Мекленбурга, нацистского гаулейтера Ф. Хильдебрандта, которая не вызывала возражений ни с одной стороны. Он и стал первым президентом унифицированного Нордического общества.

Реорганизация общества заняла несколько месяцев. Сначала подготовили новый устав, в соответствии с которым оно переходило под попечительство внешнеполитического бюро. С этого времени его деятельность определялась самим Розенбергом. Шестого июня 1933 г. фон Трота в письме Гюнтеру с ликованием сообщал: «Теперь мы можем делать с Нордическим обществом все что хотим»¹⁶⁰. Имперскому министру сельского хозяйства Дарре он писал: «Внешне Нордическое общество преследует в первую очередь, естественно, экономические и культурные цели. Однако происходящая ныне унификация протекает так, что в известной мере «под этим покровом» Нордическим обществом должны преследоваться внешнеполитические и расовые цели»¹⁶¹. Действительно, с самого начала предполагалось, что общество будет заниматься решением не только внутринемецких, но и общеевропейских задач. Пропагандой нордической идеи оно должно было ослабить «внешнеполитическую опасность антисемитского движения в Германии»¹⁶² в первые месяцы гитлеровской диктатуры. «Нордическая идея, – подчеркивал Трота, – не ограничена Германией, она является проблемой европейского масштаба. Поэтому деятельность в сфере нордической идеи... следует рассматривать не только под внутринемецким углом зрения»¹⁶³. В качестве первой задачи «европейского масштаба» Розенберг называл создание необходимых условий для организации политического блока государств, расположенных у берегов Балтийского моря, который играл бы роль связующего звена между нацистским рейхом и Великобританией.

В результате перехода Нордического общества под начало внешнеполитического бюро НСДАП оно превратилось в «одну из решающих посреднических организаций в области германо-скандинавских отношений... Почти все отношения между Германией и Скандинавскими государствами (кроме отношений по линии МИД. – В. Б.), – отмечал Розенберг, – развиваются ныне через Нордическое общество»¹⁶⁴. Правда, и здесь руководитель внешнеполитического бюро испытывал конкуренцию со стороны геббельсовского министерства пропаганды и министерства иностранных дел. С целью противодействия Нордическому обществу министерством информации и пропаганды было образовано так называемое Ведомство связи с Севером. Соперничество Геббельса и Розенберга привело даже к отставке Хильдебрандта в сентябре 1934 г. Новым президентом общества был назначен гаулейтер Шлезвиг-Гольштейна Г. Лозе¹⁶⁵. Тем не менее благодаря своей пропагандистской и внешнеполитической деятельности Нордическое общество сумело завоевать

определенный авторитет в нацистской империи. Почетными членами его Руководства в тридцатые годы являлись министр внутренних дел германии В. Фрик, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, министр сельского хозяйства В. Дарре, начальник штаба СА В. Лутце, рейхслейтер НСДАП по оргвопросам и фюрер Немецкого трудового фронта Р. Лей, вождь гитлеровской молодежи Б. фон Ширах, министр иностранных дел (с февраля 1938 г.) И. фон Риббентроп, имперский руководитель спорта Г. фон Чаммер унд Остен и другие высокие функционеры третьего рейха.

Своими отделениями – конторами – Нордическое общество опутало всю Германию. После аншлюса Австрии и Мюнхенского соглашения появились новые конторы в Остмарке и Судетской области; последнюю возглавил К. Генлейн. Местные конторы занимались распространением идей расизма, “нового европейского порядка”, превосходства немцев над другими народами. Как правило, их возглавляли гаулейтеры⁶⁶. Наряду с местными отделениями существовала центральная, имперская, контора, в которой имелись отделы прессы и экономики. Отдел прессы издавал журналы “Дер Норден” и “Дирасе”. Их реактивировали профессор Г. Ф. К. Гюнтер, сенатор фон Хоф и некто Л. Ф. Каус. Экономический отдел публиковал ежегодники “Экономика стран Севера” и выпускал специальный бюллетень, пользовавшийся значительным влиянием среди германских монополий⁶⁷. Ежегодно Нордическое общество проводило свой имперский съезд в Любеке, на который приглашались видные деятели нацистской партии и государства, науки и культуры, литературы и искусства; не забывались и спонсоры – представители немецких фирм и компаний Любека и всей Германии. Присутствовали многочисленные гости из Скандинавских государств, а также Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Англии, Голландии, Ирландии, Бельгии, а иногда и Франции. Для камуфлирования подлинных целей Нордического общества приглашенные из-за рубежа не всегда представляли крайне правые группировки своих стран либо симпатизировали национал-социалистическому мировоззрению, многие из них вообще не примыкали ни к каким идеологическим течениям. Съезды Нордического общества сопровождались массовыми митингами, манифестациями, концертами, выступлениями писателей и поэтов, красочными вернисажами.

За всей этой мишурой скрывались коварные расчеты внешнеполитического бюро НСДАП. Мероприятия съезда подчинялись одной, заранее подготовленной и строго определенной теме, например, “Нордическая общность души”, “Нордическая и европейская идея” и т. д. Кульминацией имперских съездов Нордического общества всегда были выступления Розенберга. Съезды общества являлись своеобразной всегерманской и даже международной трибуной, с

которой лился мутный поток расистские идеи, сыгравших важную роль в формировании запрограммированного на агрессию германского “сверхчеловека”. После таких съездов немецкие бюргеры легче воспринимали идеи о “нордических народах господ”, мысли о необходимости противопоставить “нордическую волну крепнущей славянской волне”¹⁶⁸, о том, что немецкая культура коренится не только на Севере, но и на Востоке¹⁶⁹. Одновременно имперские съезды Нордического общества являлись боевым смотром сил кадрового состава, на который мог положиться Розенберг. Самое поразительное заключалось в том, что после своего назначения рейхсминистром оккупированных восточных областей в 1941 г. Розенберг укомплектовал штат так называемого рейхскомиссариата Остланд (Прибалтика) руководящим составом Нордического общества. Пост рейхскомиссара Остланда получил президент общества Г. Лозе.

Таким образом. Нордическое общество с его богатыми пропагандистскими возможностями и обширными международными связями играло немалую роль в европейской политике внешнеполитического бюро НСДАП и использовалось для распространения розенберговского варианта нацистского европеизма.

§ 5. “Европа – европейцам”

В 1934 г. А. Розенберг выступил с двумя важными речами, посвященными европейской проблеме. В них появились некоторые новые моменты. Первая речь¹⁷⁰ по своей форме напоминала его выступление на международном конгрессе в Риме в ноябре 1932 г. и содержала призыв к возрождению “пакта четырех”, правда, в совершенно иной конкретно-исторической ситуации. Оратор начал речь с утверждения, что “тайна Европы скрывается... в ее многообразии... Единство предполагает многообразие... Пункт, идея, факт, из которого мы все должны исходить, есть факт нации... Это многообразие, – продолжал Розенберг, – Коренится в совершенно определенных народных характерах. Я верю, что манера и способ того, как народ проявляет свои идеи национализма, представляют собой решающий культурно-исторический и политический феномен европейской истории”¹⁷¹.

В Европе, по Розенбергу, национализм проявляется по-разному. Итальянский фашизм понимает под нацией государство. Национализм во Франции обнаруживается как “мистерия”, как неразрывная связь между боготворением земли и французским свободомыслием. Под британским национализмом подразумевается прежде всего идея общества. Наконец, национализм немецкий “всегда проистекал из крови”. Каждый из четырех национализмов имеет право на существование, ни один из них не обладает абсолютной истиной. Их не нужно приводить к единому знаменателю – только

все вместе они составляют “чистоевропейскую проблему”. Итак, “европейская идея” в интерпретации Розенберга имела “четверной корень”. В случае разрушения хотя бы одной его части в конфликт вовлекались бы и уничтожались остальные европейские центры, а вместе с ними вся Европа¹⁷². “Это буквально то, – подчеркнул шеф внешнеполитического бюро НСДАП, – что я позволил себе высказать в ноябре 1932 г. на международном заседании в Риме. Там я пытался обосновать четыре национализма, и позже фашистские газеты и журналы констатировали, что впоследствии в этом смысле был разработан пакт четырех держав”¹⁷³.

Имевшая на первый взгляд отвлеченный характер, речь Розенберга 28 марта 1934 г. в действительности была направлена против начавшегося в Европе процесса формирования системы коллективной безопасности, а именно против советско-французских переговоров, приведших к заключению договора о взаимной помощи. В розенберговской схеме Советский Союз должен был стать объектом совместной агрессивной акции Европы, естественно, под руководством национал-социалистской Германии. При таких обстоятельствах позиция французского правительства по отношению к Москве никак не вписывалась в эту схему. Призыв Розенберга не теряя времени возродить “пакт четырех» означал, следовательно, иное содержание, чем на международном конгрессе 1932 г. в Риме.

Как заявил руководитель внешнеполитического бюро, единство Европы возникнет только на основе многообразия и “пространственной” внешней политики. Франция вместо создания системы коллективной безопасности в Европе должна выполнять задачу “по защите белого человека в Африке”. Италия обязана обратить свою энергию на Северную Африку. Миссия Великобритании остается прежней – “защита белого человека в мире” посредством активной колониальной политики. Усилия же Германии, по Розенбергу, должны ориентироваться прежде всего на решение внутренних задач с целью воспитания “людей, имеющих один характер, одинаково думающих и чувствующих, качество которых по мере возможности должно повышаться от поколения к поколению”¹⁷⁴.

Розенберг обратил внимание на два довольно крупных пространственных комплекса, отделяющих Западную и Центральную Европу от СССР. Овладеть ими – задача Германии. Первый комплекс – это образовавшиеся на обломках бывшей Российской империи небольшие самостоятельные государства у берегов Балтийского моря – Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Благодаря своей антисоветской и антикоммунистической позиции все они “вовлечены судьбой в организацию... европейского континента”. Германия, торжественно провозгласил оратор, признает “судьбоносную общность всех народов Балтийского моря”¹⁷⁵.

Второй комплекс – Дунайское пространство. После крушения Австро-Венгрии здесь также возникли небольшие самостоятельные государства. Как и в первом случае, у них тоже существует предопределенная судьбой органическая связь с Германией¹⁷⁶. Нетрудно убедиться, что высказанные Розенбергом идеи восходят к меморандуму Дайча “Национал-социалистская политика в восточном пространстве и Ганзейский канал” и приспособлены к новым практическо-политическим потребностям нацистского рейха, а именно – не допустить франко-советского сближения и системы коллективной безопасности в Европе, восстановить “пакт четырех” на антисоветской основе с учетом новых реалий, наконец, оставив за собой европейский Северо-Восток и Юго-Восток, немедленно приступить к реорганизации хотя бы этих двух регионов Европы.

Вторым выступлением Розенберга на европейскую тему стала его речь “Европа, Север и Германия” на первом съезде Нордического общества (июнь 1934 г.). Она содержала очень важную мысль, которая явилась следующим шагом в эволюции европейской идеи национал-социализма. “Судьба Европы, – заявил главный идеолог партии, – есть судьба каждой отдельной европейской нации... и, наоборот, судьба, например, Германии как крупнейшего центрально-европейского государства есть судьба нашего почтенного континента”¹⁷⁷. Никогда прежде будущее Европы не ставилось столь откровенно в зависимость от нацистского рейха. Одновременно в заявлении Розенберга отразился переход фашистской Германии к более активной европейской политике. Самой судьбой, утверждал он, Германия призвана заняться умиротворением северо-востока и юго-востока; но умиротворение двух этих пространств “уже есть частично умиротворенная Европа”¹⁷⁸.

Согласно представлениям Розенберга, европейское единство возможно только при справедливом размежевании “пространств судьбы”. Германия претендовала на Скандинавию и Балканы в качестве первоочередных объектов экспансии, а затем на Советский Союз. Запад во главе с Англией обязан по меньшей мере не мешать, а еще лучше помогать европейской миссии национал-социализма. Таким образом, в предлагавшемся “империей” Розенберга варианте нацистского европеизма все большее внимание уделялось антисоветскому аспекту политики умиротворения, проводившейся перед войной западными державами, аспекту, который всеми силами пытались выделить сотрудники внешнеполитического бюро НСДАП, проводя свою тотальную политику по отношению к Великобритании.

Проходивший под знаком европейской идеи первый съезд нордического общества превзошел все ожидания Розенберга. Пятого июня 1934 г. он сделал в дневнике следующую запись – “Съезд Нордического общества в Любеке прошел

удовлетворительно во всех отношениях. Доклады великолепно сочетались друг с другом”¹⁷⁹. Имелся в виду доклад Дайца “Старая Ганза городов и континентально-европейский экономический круговорот”¹⁸⁰, предварительно согласованный с выступлением самого Розенберга. В докладе Дайца также содержалась рекомендация соединить европейский Юго-Восток с Северо-Востоком и “замкнуть два этих пространства через Россию”. Расположенная в центре континента нацистская Германия самой природой призвана возглавить решение этой “европейской задачи”¹⁸¹. Соглашение Германии с Западом – Британской империей и США – являлось, по мнению Дайца, предварительным условием поворота Европы на Восток и воссоздания европейской великопространственной экономики, покоящейся на законе “органической свободы”.

После 30 января 1933 г. В. Дайц усиленно занимался развитием внешнеэкономической концепции национал-социализма, особенно учения о великих экономических пространствах. Он подкрепил свои прежние выводы новыми положениями, показал особенности и структуру великопространственной экономики, пути перехода к ней от либерального мирового хозяйства. В статье “Континентально-европейская великопространственная экономика и пространство Балтийского моря” он подчеркнул, что мировое хозяйство, распадаясь под влиянием биологических причин, постепенно организуется в “упорядоченный космос народных хозяйств”, которые впоследствии вступят в здоровые отношения друг с другом. “Точно так, как мы образуем во вселенной определенный звездный остров, мы видим стремление известные народных хозяйств объединяться в подгруппы. Это группообразование мы называем великопространственной экономикой”¹⁸², – утверждал Дайц.

Какие великие экономические пространства уже существуют? Какие находятся в процессе образования? При ответе на эти вопросы происходила известная эволюция взглядов Дайца. В мае 1933 г. он выделил три великих пространства – Британскую империю, Францию с колониями. Северную и Южную Америку и выдвинул лозунг формирования континентально-европейской экономики¹⁸³. Спустя год в одной из его статей упоминались Британская империя, американский блок и Китайско-Японская экономическая империя как экономические пространства, все более отчетливо выделяющиеся в процессе распада “мертвого мирохозяйственного механизма”¹⁸⁴. Чуть позже нацистский теоретик заявил, что в мировом хозяйстве “отчетливо выделяются” только американский блок и Британская империя, а в процессе образования находятся китайско-японский блок и континентально-европейская

великопространственная экономика. Между двумя последними располагается Советский Союз, являющийся пока “недифференцированной и ничейной массой, от которой, однако, следует ожидать, что когда-нибудь она станет ценнейшим дополнением континентально-европейской великопространственной экономики”¹⁸⁵.

Выступая в октябре 1934 г. перед профессорами-экономистами, Дайц коснулся специфики формирования великих экономических пространств. По его словам, в основе Британской империи лежит политика Оттавы, американского блока – доктрина Монро, китайско-японский блок возводится посредством установления японского протектората над Китаем. Всем им противопоставлялось “новое европейское сообщество труда и культуры, непоколебимый фундамент которого составляют свобода, честь и самостоятельность каждого народа и каждого народного хозяйства”. Естественным дополнением европейского сообщества Дайц называл “русско-сибирское пространство”¹⁸⁶, то есть европейскую и азиатскую части СССР.

Решающий вклад в строительство европейской великопространственной экономики “может и должна” внести гитлеровская Германия¹⁸⁷. Именно отсюда произойдет “возрождение Европы”¹⁸⁸. Только национал-социалистический рейх способен защитить “старую великую Европу в новом мире”¹⁸⁹. Но как добиться этого? Дайц предлагал следующие рецепты. Первый – четкое размежевание сфер влияния Англии, Германии и Италии. При этом задача Великобритании заключалась в том, чтобы оградить Европу от давления других континентов. Италия противостояла бы Африке. Германии выпадала задача “после исчезновения большевизма” отгородить Европу от Центральной Азии с помощью “восточноевропейской Оттавы”. Второй рецепт – распространение на всю Европу законодательства о “расовой защите”¹⁹⁰. В качестве третьего рецепта предлагалось ввести “европейское экономическое планирование” с целью интенсификации торговых отношений между европейскими странами “на благо всех народов”¹⁹¹. Наконец, Дайц рекомендовал приступить к подготовке “истинной колонизации” германского жизненного пространства, “снова заполняя людьми Восток Германии” и “органически перемешая туда торговлю, ремесло и промышленность”¹⁹².

Не довольствуясь теоретической стороной дела, ближайший сотрудник Розенберга по внешнеполитическому бюро НСДАП Предпринял важный практический шаг. На совещании профессоров-экономистов в октябре 1934 г. им был оглашен “Меморандум об образовании Общества европейской великопространственной экономики”¹⁹³, содержание которого свидетельствовало о далеко идущих замыслах как Дайца, так и его шефа, и меморандум

предлагалось организовать специальное Общество европейской великопространственной экономики под руководством Дайца и под эгидой внешнеполитического бюро. Цель общества заключалась бы в координации деятельности многочисленных хозяйственно-научных институтов, ориентации их на формирование континентально-европейского экономического механизма, в постановке новых практических задач. Кроме того, предполагалось наладить тесное сотрудничество общества с германскими внешнеторговыми палатами и иными экономическими учреждениями, в том числе с представительскими организациями монополистического капитала. Наконец, большое значение придавалось установлению контактов с научно-исследовательскими и другими институтами зарубежных стран.

Дайц обещал, что Общество европейской великопространственной экономики и сотрудничающие с ним германские и зарубежные организации будут предоставлять в распоряжение государственных органов своих стран “позитивные материалы”, использование которых поможет запустить механизм европейской экономической системы”¹⁹⁴. Наибольшее внимание в исследовательских изысканиях общества предполагалось уделять регулированию рынка и развитию внутриевропейской торговли: все это, по Дайцу, является “такой же конкретной проблемой, как Оттавская политика для Британской империи, доктрина Мойра для Америки и установление японского протектората над Китаем”¹⁹⁵. Поскольку идея европейской великопространственной экономики является в конечном итоге “лишь логическим развитием национал-социалистских экономических взглядов”¹⁹⁶, руководство европейским строительством Дайц оставлял за фашистской Германией. Фактически речь шла о превращении Европы в полигон для испытаний нацистского варианта государственно-монополистического регулирования со всеми вытекающими отсюда последствиями. Меморандум завершался словами: “Сейчас Европа вынуждена вести борьбу с другими частями света за свое политическое и экономическое существование. Она сможет добиться успеха, если сплотится под боевым лозунгом “Европа – европейцам” на основе вечной народной нравственности: одинаковой чести, равного права и одинаковой свободы для всех европейских народов”¹⁹⁷.

Оглашение меморандума Дайца в октябре 1934 г. свидетельствовало о многом. Прежде всего была сделана попытка упрочить позиции внешнеполитического бюро НСДАП в связи с принятием “нового плана” Шахта¹⁹⁸. Если бы Общество европейской великопространственной экономики было создано, то оно, несмотря на свой неофициальный характер, могло бы оказывать некоторое влияние на разработку внешнеторговой стратегии

фашистской Германии. В более широком плане реализация провозглашенных в меморандуме идей приблизила бы “империю” Розенберга к принципиально важной для нее роли попечителя европейской программы национал-социализма, пусть даже сначала в ее экономическом аспекте. По всей вероятности, именно по этим причинам план Розенберга – Дайца не получил положительного решения. Соперничество розенберговского ведомства с министерствами, возглавлявшимися Шахтом и Нейратом, только обострилась. Судя по всему, рейхслейтера НСДАП не поддержал тогда и сам фюрер.

Итак, сложившаяся в конце 20-х – первой половине 30-х годов европейская концепция Розенберга была в своей основе проста и понятна. От направленной на Восток, против СССР, оси Берлин – Лондон до гитлеровского “нового порядка” в Европе (взамен рейх на первых порах гарантировал бы целостность британской колониальной империи) – вот ее целевая установка. К англо-германской оси могли присоединиться другие державы, в первую очередь фашистская Италия и даже Франция; но без всеохватывающей договоренности между Германией и Великобританией, полагал Розенберг, вся эта конструкция обязательно рухнет. В европейской концепции, сформулированной в недрах розенберговской “империи”, Англия занимала ключевое положение.

Поначалу представления Розенберга о “новой Европе” в общем и целом совпадали с гитлеровскими (хотя, как мы знаем, фюрер не исключал и иной расстановки сил). Причиной тому была сложная международная ситуация, в которую после прихода к власти завели Германию нацисты. Но в середине 30-х годов в результате перевооружения Германии и ее агрессивной внешней политики обстановка на европейском континенте резко изменилась. При таких обстоятельствах Гитлер все больше склонялся к другому варианту европейской стратегии, инициатором постепенного перехода к которому был, возможно, сам, но формулировка которого была осуществлена Риббентропом и стоявшей за ним группой. С другой стороны, нельзя полностью сбрасывать со счетов вероятности встречной инициативы, исходившей от быстро формирующейся “империи” Риббентропа. Не случайно, что не кто-нибудь, а Риббентроп подписал так называемый антикоминтерновский пакт и соединил его с осью Берлин-Рим.

В такой ситуации европейская концепция “империи” Розенберга в еще большей мере, чем прежде, была переориентирована на Восток.

ГЛАВА 3

ПЕРЕХОД РОЗЕНБЕРГОВСКОЙ “ИМПЕРИИ” К ПОЛИТИКЕ “СОЗНАТЕЛЬНОГО ЕВРОПЕИЗМА”

§ 1. Квинтэссенция “сознательного европеизма”

Середина 30-х годов – важная веха в развитии европейской стратегии национал-социализма. Она характеризовалась резко возросшей агрессивностью фашистской Германии, серьезными нарушениями ею Версальского мирного договора, неприкрытой подготовкой третьего рейха к новой мировой войне. Шестнадцатого марта 1935 г. в Берлине было объявлено о введении всеобщей воинской повинности. Через год, когда немецкие части оккупировали Рейнскую демилитаризованную зону, Гитлер во всеуслышание заявил, что “в Европе должен возникнуть новый порядок”¹. В условиях быстрого превращения Германии в мощную военную державу отношение некоторых нацистских руководителей к Англии начало меняться.. Все это не могло не создавать благоприятную почву для формирования новых европейских концепций нацизма, в соответствии с которыми Великобритания не обязательно рассматривалась в качестве возможного стратегического союзника рейха. В крайнем случае, как считали, например, прагматики, можно обойтись и без нее либо найти для нее более-менее адекватную замену.

Агрессивные акции нацистской Германии сопровождались, а ее столь же агрессивные намерения камуфлировались крупными пропагандистскими и дипломатическими мероприятиями, направленными против советско-французского договора о взаимной помощи, решений VII конгресса Коммунистического Интернационала. Народных фронтов в Испании (здесь дело дошло до итало-германской интервенции) и Франции, международного антивоенного движения. Принципу неделимости мира национал-социалисты противопоставили принцип “делимости Европы на участки”, в которых “мир должен или не должен быть обеспечен” в зависимости от намерений рейха относительно той или иной части Европы². Сам же принцип “делимости Европы”, широко использовавшийся немецкой дипломатией и прежде, наделялся теперь иным содержанием, которое сводилось к краткому тезису: “СССР не должен вмешиваться в европейские дела”³.

Антисоветская кампания в Германии все больше заострялась на обвинении СССР в “развертывании мировой революции”. По сообщениям из Берлина советского полпреда Я. З. Сурица, такая тактика носила “вполне обдуманый характер” и была рассчитана на кристаллизацию единого антисоветского фронта

европейских держав⁴. К этим словам следовало бы добавить, что в расширении антисоветской кампании в то время по различным причинам были заинтересованы как ортодоксально, так и прагматически ориентированные деятели НСДАП. Активное участие в ней принимали Гитлер, Геббельс, Геринг, Гиммлер, Риббентроп и др. Но особо выделялся голос Розенберга, придавшего ей оттенок “борьбы за Европу”. Выступая 15 октября 1936 г. перед аккредитованными в Берлине дипломатами и представителями зарубежной прессы, Розенберг заявил, что после заключения советско-французского договора о взаимной помощи проблема марксизма предстает поистине глобальной проблемой, вопросом о том, погибнет ли Европа или все же найдет в себе силы для решающего сопротивления. Хотя нацистская Германия, по его выражению, “преодолела марксизм” у себя в стране, она вновь и вновь поднимает эту проблему в силу того, что национал-социалисты – “сознательные европейцы”⁵.

В другом выступлении Розенберг, перечислив главных врагов “всей европейской культуры и цивилизации”, противопоставил друг другу “не национал-социализм и большевизм, а Европу и большевизм”⁶. Он призвал всех к “борьбе за Европу”, предвосхитив тем самым европейскую стратегию национал-социализма в период после нападения Германии на СССР и особенно в период крушения гитлеровского рейха. Переход к политике “сознательного европеизма” совершился у руководителя внешнеполитического бюро НСДАП вовсе не в ущерб его давнему курсу на всеобъемлющую договоренность между Германией и Англией. Изменившаяся международная обстановка, а также обострившаяся в связи с этим конкурентная борьба в нацистском руководстве за оптимальный вариант европейской стратегии рейха вынудили Розенберга акцентировать внимание на проблемах Восточной Европы.

§ 2. Восточная Европа в европейской концепции Розенберга

Важнейшее место в теоретических изысканиях и практической деятельности внешнеполитического бюро НСДАП занимали восточноевропейские государства. Идея-фикс розенберговской “империи” состояла в том, чтобы раздробить народы региона по национальному признаку, натравить их друг на друга и затем без труда подчинить всю территорию Восточной Европы “нордическим народам господ”. Вот почему руководитель бюро всегда выступал за дифференцированный подход к населяющим данный регион народам, в поддержку сепаратистских движений и даже за “русское сопротивление московскому большевизму”. С самого начала он пропагандировал идею образования формально самостоятельных, но фактически зависимых от

нацистского рейха государств на Украине и Кавказе в качестве противовеса ослабленному русскому государству с центром в Москве⁷.

Возглавив внешнеполитическое бюро НСДАП, Розенберг удвоил усилия по практическому воплощению своих идей и получил для этого специальные полномочия Гитлера. Одиннадцатого июня 1934 г., докладывая фюреру о международных делах, Розенберг подчеркнул, что, по его мнению, “в России действуют центробежные силы. Я буду и впредь проявлять к ним интерес. Следует быть готовым, если дела продвинулись достаточно далеко”⁸. Гитлер согласился с ним. Восточноевропейскую проблему во внешнеполитическом бюро курировал Г. Лейббрандт, который заведовал сначала сектором, а затем самостоятельным отделом “Ближний Восток” (позже переименованным в отдел “Восточная Европа”). Первоначальное название отдела может ввести в заблуждение, если не знать, что так национал-социалисты называли территории, расположенные к Востоку от Германии, то есть Польшу, Чехословакию, Прибалтийские государства и Советский Союз. Со временем отдел Лейббрандта превратился в основное структурное подразделение внешнеполитического бюро, а его заведующий стал ближайшим сотрудником Розенберга.

Какова была сфера компетенции восточноевропейского отдела? Чем он занимался? Сохранилась записка Лейббрандта, которой перечислены основные направления деятельности его отдела: “1. Данциг, Мемельская область, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Советский Союз (включая украинский вопрос, Кавказ и туркестанскую проблему); 2. Все вопросы, касающиеся зарубежных немцев; 3. Деятельность Лиги наций, международно-правовые вопросы. Международное бюро труда и т. д.”⁹. Как видно из этого перечня, сфера деятельности Лейббрандта и его помощников была поистине беспредельной. Они координировали действия внешнеполитического бюро НСДАП в области восточноевропейской политики.

В штате отдела находилось не более десяти человек. Среди них выходец из Прибалтики Г. фон Менде, “специалист” по кавказским и среднеазиатским народам СССР, прибалтийский немец. Г. Зиверт, активист действовавшей в Германии эмигрантской организации “Ауфбау”, пропагандист теории “заговора против немецкого народа”, русский монархист Н. Гальберг, корреспондент парижского эмигрантского журнала “Возрождение”¹⁰. При отделе существовали также специальные группы из двух-трех человек, занимавшиеся подготовкой рекомендаций относительно германской политики на Востоке Европы. Этот небольшой отдел Лейббрандта и возглавил в “империи” Розенберга громадную по размаху антикоммунистическую, антисоветскую и антиславянскую деятельность, изначально ориентированную на расчленение СССР и разработку принципов германской оккупационной политики в Восточной Европе. Это был

своего рода штаб, на научной основе планирующий будущую национал-социалистскую политику в восточноевропейских странах¹¹.

Первым препятствием на пути германской агрессии в Восточной Европе была Польша. “На востоке, по отношению к Польше, нужна величайшая осмотрительность”¹², – подчеркивалось в одном из первых документов внешнеполитического бюро НСДАП. В годы Веймарской республики в восточных районах Германии существовало множество реакционных групп и союзов реваншистского и националистического толка. Под предлогом унификации Розенберг поспешил подчинить их своему контролю. Созданная таким образом организация получила название “Союз немецкого Востока”¹³, формальным покровителем которого был определен нацистской гаулейтер В. Кубе, а руководителем – некто Ф. Людеке, публицист из окружения Розенберга. “Союз немецкого Востока” находился в постоянном контакте с “авторитетными инстанциями партии”, а также со всеми государственными и иными организациями и учреждениями, отвечавшими за “восточную работу”.

Хотя официально деятельность розенберговского “Союза немецкого Востока” ограничивалась территорией третьего рейха, на самом деле он пропагандировал идею будущего переселения немцев в Восточную Европу. Его представители и активисты во всеуслышание заявляли, что от решения “задач на Востоке” зависит судьба немецкого народа¹⁴. Розенберг придавал “Союзу немецкого Востока” столь большое значение, что в конце 1933 г. включил его в структуру внешнеполитического бюро на правах четвертого отдела¹⁵, рассчитывая взять под свой контроль всю политику национал-социализма в отношении Польши. Однако опубликованная 26 января 1934 г. германо-польская декларация о дружбе и ненападении¹⁶ больно ударила по амбициям руководителя внешнеполитического бюро НСДАП, вызвала глубокий и длительный кризис “Союза немецкого Востока”, завершившийся переходом организации под контроль рейхсфюрера СС Г. Гиммлера. В промежуточный же период “Союз немецкого Востока” курировал отдел Лейббрандта¹⁷.

Самые delicate задачи, которые Розенберг поручал Лейббрандту, касались Советского Союза. Заведующий Восточноевропейским отделом получил от шефа широчайшие полномочия. Выходец, из России, Лейббрандт прежде всего создал в своем отделе сектор “Русские немцы”, занимавшийся обработкой лиц немецкой национальности, в то или иное время эмигрировавших из СССР. В результате объединения находившихся в Германии немецких эмигрантских групп возникла организация под названием “Союз немцев – выходцев из России” под номинальным руководством А. Фраша¹⁸. Новоиспеченному союзу была поставлена задача “в первую очередь решать

определенные вопросы, возникающие из особого положения немцев России, в смысле (национал-социалистской.-В. Б.) партии”¹⁹. Фактически Лейббрандт и его помощники готовили кадры будущей германской администрации на оккупированных территориях Советского Союза, проекты переустройства Восточной Европы в духе национал-социалистских идей.

Не случайно, что именно в отдел Лейббрандта поступила памятная записка “К вопросу о политике в восточноевропейском пространстве”, подписанная Э. фон Энгельгардтом, судя по всему, деятелем белогвардейского движения. Это, пожалуй, один из первых документов, в котором содержались конкретные рекомендации по переселению немцев на Восток Европы. В представленном в записке плане предусматривалось переселение эстонцев и латышей в Сибирь, а затем колонизация Прибалтики немцами. Любопытно, что в письме к начальнику штаба внешнеполитического бюро НСДАП Шикеданцу от 4 мая 1935 г. Лейббрандт, комментируя переселенческий план Энгельгардта, отнес его “скорее к области фантазии, чем к практической политике”²⁰. Однако подобные “фантазии” очень быстро превратились в практическую политику – 7 октября 1939 г. в фашистской Германии был создан “имперский комиссариат по укреплению немецкой народности” во главе с Гиммлером, который занимался “переделом этнографических отношений” в Европе.

В памятной записке Энгельгардта предлагался еще один план, также отвергнутый руководящим сотрудником внешнеполитического бюро, – план “сотрудничества национал-социалистской Германии с национальной Россией”. Но нацистам не нужна была Россия, их конечная цель состояла в завоевании жизненного пространства для “нордических народов господ”. Анализируя предложение Энгельгардта о сотрудничестве, Лейббрандт подчеркнул, что “по своей формулировке это типичные идеи, в сенсационной и дешевой упаковке .пропагандируемые в настоящее время русской эмиграцией”. При этом, с возмущением добавлял Лейббрандт, автор даже не уточняет, какой смысл он вкладывает в понятие “сильной национальной России” и каковы ее размеры²¹.

Вообще отношения между ведомством Розенберга, с одной стороны, и многочисленными организациями русских эмигрантов, с другой стороны, были не такими уж безоблачными, как иногда представляется. Эмигрантское политическое движение распадалось на множество групп разных оттенков, как правило, конкурирующих друг с другом. Здесь были и монархисты-сторонники “Великой России”, и националисты, выдвигающие лозунги раскола СССР по национальному признаку, и просто политические авантюристы с весьма расплывчатыми программными установками. Все они добивались поддержки Розенберга. Отношение же последнего ко всякого рода белоэмигрантским

группировкам было сугубо избирательным, зависело от тех или иных потребностей внешнеполитического бюро НСДАП. Диктовали национал-социалисты, а не наоборот. Одним из примеров этого является сделанное весной-летом 1933 г. деятельностью в интересах русских монархических кругов. Ответа Розенберга генерал так и не дождался²². Сложными и запутанными были связи розенберговского ведомства с различными группировками украинской националистической эмиграции²³. Как писал Г. Лейббрандт, поддержка внешнеполитического бюро националистической эмиграции должна осуществляться так, чтобы не “обременять собственную внешнюю политику Германии”²⁴. Сообщая предложение белогвардейского генерала В. Бискупского о создании во внешнеполитическом бюро Восточного отдела, который занимался бы конспиративной фюреру о деятельности Восточноевропейского отдела, Розенберг писал о его тесных контактах с антисоветскими группами эмиграции, которые устанавливались, однако, “лишь с целью наблюдения”²⁵. Интересы национал-социализма ставились превыше всего.

Внешнеполитическое бюро НСДАП широко использовало свои связи с эмиграцией преимущественно в целях сбора разведывательной информации об СССР, а также для ведения антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Но в этом отношении его деятельность смыкалась с политикой так называемого “коричневого интернационала” Геббельса-Розенберга.

§ 3. “Коричневый интернационал” Геббельса - Розенберга

Термин “коричневый интернационал” впервые употребил Э. Генри в 1934 г. для обозначения международной агентурной сети профессиональных антикоммунистов, созданной в 30-е годы Розенбергом и Геббельсом и протянувшейся буквально по всему миру – по Западной Европе и США, Ближнему и Дальнему Востоку, Африке и Латинской Америке²⁶. На самом деле “коричневый интернационал” состоял из двух автономных организаций, теснейшим образом сплетенных между собой и одновременно ведущих друг с другом острую конкурентную борьбу как внутри Германии, так и за ее пределами. Одна из них принадлежала Розенбергу, другая – Геббельсу.

Антибольшевистская сеть Розенберга являлась прямым продолжением внешнеполитического бюро НСДАП, точнее, отдела, возглавляемого Лейббрандтом. В своей деятельности ее агенты исходили из розенберговской оценки коммунизма, данной в выступлениях главного идеолога национал-социализма. “Большевизм, – заявил Розенберг на партийном съезде в Нюрнберге осенью 1935 г., – представляет собой не экономическую теорию, а политическое действие на службе определенного мировоззрения... Чтобы понять всемирно-

исторический феномен большевизма, необходимо осознать, что паразиты существуют не только в жизни растений и животных, но... и в человеческой жизни... Этот паразитизм является врожденной и активно культивируемой характерной особенностью определенного растительного, человеческого или животного организма". Большевизм есть не что иное, как "крайнее антиевропейское движение", с которым надо вести беспощадную борьбу ради сохранения европейской культуры²⁷.

Усилиями Розенберга, Лейббрандта и других сотрудников внешнеполитического бюро в Европе была создана международная нацистская организация в составе многочисленных группировок и "партий", делившаяся по географическому признаку на три секции: северную (Скандинавия, Голландия, Бельгия), южную (Австрия, балкано-дунайские государства) и восточную (граничившие с СССР страны Восточной Европы)²⁸. По некоторым данным, в международную антикоммунистическую сеть Розенберга входили австрийские нацисты во главе с Т. Хабиштом, судето-немецкий отечественный фронт К. Генлейна, венгерская национал-социалистская народная партия под руководством З. Меско, национал-христианская партия Гоги-Кузы и "Железная гвардия" Кодрану в Румынии, террористическая македонская группа во главе с И. Михайловым, возглавлявшиеся Нанковым болгарские фашисты, хорватские усташи А. Павелича, квислинговская партия в Норвегии, национал-социалистская партия Дании, бельгийские рексисты под руководством Л. Дегреля, нидерландское национал-социалистское движение во главе с А. Муссертом и другие организации подобного толка²⁹. Все эти движения, партии и группы Розенберг нацеливал на борьбу с СССР и международным коммунистическим движением, использовал для пропаганды национал-социалистического "нового порядка" в Европе.

Не менее крупной была международная антибольшевистская сеть Геббельса, поборника концепции нацистского "интернационализма и мессианства". Геббельс не раз говорил о великой европейской миссии национал-социализма, заявлял, что будущее нацизма не столько в Германии, сколько в Европе. Планы нацификации Европы он намеревался реализовать "завоеванием континента изнутри", путем развертывания зарубежных филиалов НСДАП и фильтрации национал-социалистских идей во все европейские страны³⁰. Если международная антикоммунистическая сеть розенберговской "империи" направлялась и контролировалась внешнеполитическим бюро НСДАП и его восточноевропейским отделом, то руководство интернациональной "империей" Геббельса осуществлялось имперским министерством информации и пропаганды и его подразделением, под названием "Антикоминтерн".

Идея создания в Германии единой антикоммунистической организации с пропагандистским уклоном восходит к 1931– 1932 гг. Именно в то время некто Э. Тауберт вместе с русским эмигрантом, выходцем из семьи немецких сектантов-меннонитов А. Эртом предпринял первые попытки объединения всех антикоммунистических союзов и групп. Эти попытки, однако, заканчивались неудачей до тех пор, пока Тауберт не связался с национал-социалистами и не возглавил сектор “Антибольшевизм” в берлинской организации НСДАП. С этого времени его идеи стали оживленно дискутироваться фюрерами нацистского движения, в том числе Розенбергом³¹. Получив после установления фашистского режима пост заведующего сектором “Восточный большевизм и антибольшевизм” в отделе “Пропаганда” геббельсовского министерства, Тауберт вновь предложил образовать единую антикоммунистическую организацию под эгидой нацистской партии. Имперское правительство одобрило план и утвердило покровителем создаваемой организации министра пропаганды Геббельса. Последнее явилось поводом для еще большего обострения и без того весьма натянутых отношений между имперским министром, с одной стороны, и руководителем внешнеполитического бюро НСДАП, с другой. Дело дошло до того, что Геббельс запретил своим сотрудникам вступать в любые контакты с Лейббрандтом³² даже в сфере согласования антикоммунистической деятельности обоих ведомств.

Организация Геббельса–Тауберта выглядела следующим образом. Осенью 1933 г. в Берлине было зарегистрировано возглавлявшееся А. Эртом частное, формально ни от кого не зависимое общество “Антикоминтерн” (“Объединенный союз антикоммунистических организаций в Германии”). Сначала в него входили “Союз евангелической прессы”, “Католический исследовательский институт по вопросам большевизма и свободомнения”, некоторые другие институты. Вскоре к ним присоединилась “Международная лига борьбы против III Интернационала” (Лига Обера), а также другие организации профессиональных антикоммунистов³³. Хотя перед общественностью “Антикоминтерн” выступал как автономная организация, он подчинялся сектору Тауберта в министерстве пропаганды, будучи его прямым продолжением. По этому поводу совершенно недвусмысленно высказался сам Геббельс. “Организация “Антикоминтерн”, – подчеркивал он 8 декабря 1936 г., – которая с целью маскировки выступает как частное объединение... в действительности, однако, представляет одно из учреждений моего министерства, ставит своей задачей в качестве полуофициальной антибольшевистской организации в Германии организовать мировое антибольшевистское движение под немецким руководством... Делом этим... руководит мое министерство... Заведующим в моем министерстве и одновременно в имперском правлении НСДАП является правительственный

советник д-р Тауберт. По своему служебному положению он начальник шефа (официального. – В. Б.) “Антикоминтерна”. Прошу вас переговоры вести не прямо с “Антикоминтерном”, а с моим министерством”³⁴.

Деятельность “Антикоминтерна” носила совершенно секретный характер. О ней не были осведомлены даже крупные руководители национал-социалистской партии и государства. Функции организации никогда ясно не фиксировались. Однако можно выделить по меньшей мере три главных направления ее деятельности в довоенные годы. Первая функция “Антикоминтерна” – “рецептивная”. Сотрудники Тауберта – Эрта просматривали и предварительно оценивали все поступающие из СССР газеты, журналы, художественную и публицистическую литературу, кинофильмы и т. д., прослушивали радиопередачи. Составлялись специальные картотеки на советских руководящих деятелей, писателей, деятелей культуры и науки, в которых были отражены практически все стороны жизни советского общества. Одновременно тщательно изучались материалы как коммунистического, так и антикоммунистического содержания, публиковавшиеся в различных уголках земного шара.

Вторая функция “Антикоминтерна” – “продуктивная”. Он не только контролировал всю появляющуюся в рейхе антибольшевистскую литературу, но и сам выпускал книги, брошюры и журналы на немецком и многих иностранных языках. Его эксперты готовили специальные материалы для информационных агентств европейских и неевропейских государств, поставляли лекционный материал всем партийным и государственным организациям фашистской Германии, составляли сценарии регулярно организуемых нацистами антисоветских и антикоммунистических кампаний. Летом 1935 г., во время работы VII конгресса Коммунистического Интернационала “Антикоминтерн” призвал к объединению всех антибольшевистских сил³⁵, а Тауберт опубликовал так называемое “Обращение “Антикоминтерна” к У11 всемирному конгрессу Коммунистического Интернационала”. По словам Тауберта, его “Обращение” произвело на Гитлера столь сильное впечатление, что тот решил “сделать антибольшевистскую концепцию основой внешней политики Германии”³⁶. Для начала Тауберт и Эрт получили задание обеспечить необходимыми материалами докладчиков на съезде партии в Нюрнберге. “Так были подготовлены знаменитые антибольшевистские съезды партии 1935, 1936 и 1937 гг., которые целиком и полностью обеспечивались материалами “Антикоминтерна”³⁷, – вспоминал уже после второй мировой войны Э. Тауберт.

Третья функция “Антикоминтерна” – “кооперативная”. Геббельсовская организация тесно сотрудничала с антисоветскими и антикоммунистическими

объединениями многих стран, расширяла их сеть³⁸. “Кооперативная” функция была одной из важнейших в деятельности “Антикоминтерна”, особенно если учесть его цель – формирование “мирового антибольшевистского движения под немецким руководством”. Геббельс, Тауберт и Эрт стремились приблизиться к этой цели посредством созыва международного антикоммунистического форума. Этого же добивался и Розенберг. В 1936 г. он предложил созвать всемирный антибольшевистский конгресс³⁹. Поскольку между имперским министерством пропаганды и внешнеполитическим бюро НСДАП не существовало четкого разграничения полномочий в сфере борьбы с коммунизмом, возникла неизбежная в таких случаях конкуренция. Лейббрандт, например, неоднократно ставил вопрос о целесообразности дальнейшего существования “Антикоминтерна”, обвинял Эрта во всех смертных грехах. В конце концов тот был вынужден уйти в отставку⁴⁰.

Так, в состоянии перманентного соперничества двух ведомств, действовал “коричневый интернационал” Геббельса – Розенберга. Под флагом антикоммунизма он пытался захватить идейное и организационное руководство в международном фашистском движении с конечной целью полной нацификации Европы. Однако германские национал-социалисты натолкнулись на энергичное противодействие итальянских фашистов, также претендовавших на роль лидеров европейских националистических и фашиствующих групп.

Отношение Розенберга к теории и практике итальянского фашизма сначала было по меньшей мере высокомерно-скептическим. В 1927 г. нацистский идеолог поставил под вопрос способность “итальянского народа мобилизовать расовые силы обновления”⁴¹. Он никогда не рассматривал Италию в качестве главного стратегического союзника будущего третьего рейха. Спесивые нотки прозвучали из уст Розенберга даже на международном конгрессе в Риме в ноябре 1932 г. когда одним из важнейших критериев преобразования Европы он назвал силу того или иного государства⁴². Со своей стороны, итало-фашисты явно недолюбливали главного идеолога НСДАП, а заодно его теории и концепции. В конце 1933 г. журнал “Рома универсале” подверг острой критике расовые идеи Розенберга, назвав их “манией Севера”⁴³. В августе 1934 г. авторитетные представители фашистской прессы вновь заявили, что итальянский фашизм не может признать “расовое высокомерие и расовое безумие, на которых строится национал-социализм”⁴⁴. Во что бы то ни стало стремясь выйти за пределы Италии в форме идейного экспансионизма, итало-фашисты претендовали на то, что только они способны “указать с романской мудростью новые пути для закладывания новой исторической основы Европы, для создания нового европейского порядка, который установит императив плодотворной

солидарности вместо междоусобной разрушительной борьбы”⁴⁵. Фашизм в его муссолиниевском истолковании провозглашался “универсальным решением не только с целью оздоровления Ев репы, но и для спасения всей цивилизации”⁴⁶.

На рубеже 20-х–30-х годов возникло два варианта “нового европейского порядка” – национал-социалистический и итало-фашистский. Основу первого составляли идеи расовой народной общности и нордического вождизма, главной чертой второго являлась “универсальная идея”. С этого времени началось идейно-теоретическое противостояние национал-социализма и итало-фашизма на международной арене, дополняемое состоянием соперничества и неизбежного сотрудничества между соответствующими организациями обеих стран. С немецкой стороны это были прежде всего имперское министерство пропаганды с “Антикоминтерном” и внешнеполитическое бюро НСДАП, то есть то, что перед внешним миром выглядело как “коричневый интернационал”; с итальянской стороны – так называемые комитеты действия за универсализацию опыта Рима и стоявшие за ними влиятельные силы. “Комитеты действия за универсализацию опыта Рима” (КАУР) были созданы в июне 1933 г. по личной инициативе Муссолини, который поставил во главе организации генерала фашистской милиции Е. Козельски⁴⁷. Козельски с нескрываемым подозрением относился к национал-социализму, и нацисты платили ему той же монетой⁴⁸. Образование КАУР усилило борьбу между Германией и Италией за влияние в европейском фашизме⁴⁹. КАУР организовал два международных съезда в Монтрё и Амстердаме, на которых присутствовали представители фашистских и близких к ним группировок из Италии, Ирландии, Австрии, Бельгии, Голландии, Дании, Испании, Греции, Литвы, Норвегии, Португалии, Румынии, Швеции, Швейцарии, Финляндии и других стран⁵⁰. От приглашения уклонилась одна НСДАП⁵¹. Фактический бойкот съездов в Монтрё и Амстердаме германскими нацистами поставил КАУР в затруднительное положение. Было принято решение пойти на компромисс.

После подписанного в мае 1935 г. советско-французского договора о взаимопомощи и состоявшегося летом того же года VII конгресса Коммунистического Интернационала итало-фашистские “комитеты действия” приступили к подготовке нового международного фашистского конгресса, на который возлагали особые надежды. Будущий конгресс по теме “Новый порядок” заранее называл” вторым по значению после международного конгресса 1932 г. в Риме. С ним связывали возможность повышения престижа итальянского фашизма на европейском континенте и в то же время вероятность достижения компромисса с германским национал-социализмом.

В сентябре 1935 г. на совещании по подготовке конгресса руководители КАУР решили обратиться к деятелям “Антикоминтерна” с предложением о

сотрудничестве. В решениях совещания можно прочитать следующее: “Чтобы защитить нации от большевистской опасности, существуют, кроме универсального фашизма Монтрё, лишь два пути: немецкий расизм и итальянский фашизм. Расизм – феномен, который может соответствовать сути, потребностям и особенностям немцев. Поэтому у немецких национал-социалистов речь идет не о том, чтобы потерять в универсальном фашизме свои отличительные признаки. При сохранении своих особых черт национал-социализм может активно сотрудничать с фронтом “нового порядка”. Напротив, фронт Монтрё может всеми силами поддерживать немецкий национал-социализм в его защите от всеобщей угрозы, исходящей от Москвы... По этой причине немецкий представитель на конгрессе “нового порядка” не только нужен, но и желателен... Единому (антифашистскому. – В. Б.) фронту необходимо противопоставить другой единый фронт”⁵². Таким образом, в документах сентябрьского совещания была зафиксирована основа для возможного компромисса между итальянскими фашистами и национал-социалистами, – неограниченный антикоммунизм.

Подготовленная сотрудниками КАУР рабочая программа предстоящего конгресса охватывала такие пункты, которые могли заинтересовать национал-социалистов, а именно: “Новый политический порядок в Европе, новый социальный порядок, новый экономический порядок (корпоративизм во всех государствах и между всеми государствами для разрешения кризиса и т. д.). Борьба против большевизма и т. д. и т. п.”⁵³. После ознакомления с рабочей программой представители “Антикоминтерна” на встрече с сотрудниками “комитетов действия” в середине октября 1935г. заявили о своей готовности обсуждать антибольшевистский пункт программы, однако ни словом не обмолвились о дискуссии о “новом европейском порядке”. В этом вопросе итало-фашисты вынуждены были пойти на уступки. Дело в том, что вторжение итальянских войск в Эфиопию – а это случилось 3 октября 1935 г. – еще больше ограничило свободу Муссолини в плане реализации “универсальной идеи” фашизма. Участники октябрьской встречи высказались за формирование “максимально широкого единого антикоммунистического фронта” и договорились о продолжении контактов в ближайшем будущем⁵⁴.

В конце октября – начале ноября 1935 г. состоялась новая серия переговоров между КАУР, с одной стороны, и “Антикоминтерном”, с другой. В ней участвовали А. Эрт, А. Гилен, Б. Козельски, личный представитель Муссолини Э. Инсабато и, вероятно, заведующий восточноевропейским отделом внешнеполитического бюро НСДАП Г. Лейббрандт. Несмотря на скромное определение переговоров как “предварительной беседы о возможности

сотрудничества в области антибольшевизма” они сыграли значительную роль в дальнейшем развитии германо-итальянских отношений, а следовательно, и международных отношений в Европе. Через Инсабато нацистскому фюреру было передано важное устное послание Муссолини. На встрече с деятелями “Антикоминтерна” личный представитель Лuche заявил, что в условиях “враждебной Италии позиции Советского Союза в Женеве”⁵⁵ и мощной антифашистской пропаганды Москвы” Муссолини вынужден пересмотреть итальянскую политику в отношении СССР. Муссолини, продолжал Инсабато, начинает новую политику по отношению к Советскому Союзу и дал ему и Козельски “принципиальное поручение начать переговоры” с национал-социалистами⁵⁶.

В связи с этим личный представитель Муссолини затронул вопрос о возможности образования антисоветского и античехословацкого⁵⁷ блока в составе Италии, Германии, Венгрии и Польши, утверждая, что позиция США в таком случае будет “дружественной”, с Великобританией также не возникнет “никаких принципиальных различий” и даже с Францией “можно будет договориться”. С целью давления на Берлин Инсабато сообщил своим собеседникам, что “новая политика Муссолини в отношении СССР может оказаться под угрозой в случае изменения позиции Москвы, если Москва осознает бесперспективность политики санкций и, в отличие от Англии, займет нейтральную позицию”⁵⁸. Инсабато просил аудиенции с “авторитетным немецким деятелем в области внешней политики”. Копия протокольной записи встречи оказалась у Розенберга. С большой долей вероятности можно также предположить, что с содержанием документа познакомились Гитлер, Геббельс, Гесс и Риббентроп – руководитель специального внешнеполитического управления и будущий министр иностранных дел нацистского рейха. К тому времени сотрудники Риббентропа подготовили первый проект пресловутого антикоминтерновского пакта, который 25 ноября 1935 г. получил одобрение фюрера⁵⁹. Скорее всего, сообщение о переговорах с Инсабато не прошло мимо внимания Риббентропа.

Антикоминтерновскому пакту можно было придать разный смысл. В розенберговском варианте он приобретал ярко выраженную антисоветскую окраску, в варианте Риббентропа имел антианглийскую направленность. Как показали дальнейшие события, подписанный в ноябре 1936 г. антикоминтерновский пакт между Германией и Японией, к которому спустя год присоединилась Италия, в большей мере согласовывался с замыслами Риббентропа. Примерно с 1935 г. возглавляемое им ведомство превратилось в серьезного соперника внешнеполитического бюро НСДАП не только по

тактическим, но и по стратегическим вопросам. Столкнулись две европейские концепции, два представления о путях реорганизации Европы, а за ними стояли различные группы внутри нацистской партии, государства, монополий, военщины, научных кругов. Спорным вопросом было отношение к Англии⁶⁰. В столкновении Розенберга и Риббентропа первый потерпел поражение, а второй стал играть особую роль во внешней политике рейха накануне второй мировой войны.

§ 4. Европейская концепция Риббентропа

Напряженность в отношениях между Розенбергом и Риббентропом возникла после 24 апреля 1934 г., когда по распоряжению Гитлера было создано бюро специального уполномоченного по вопросам разоружения – так называемое бюро Риббентропа. С самого начала в центре конфликта оказалась английская проблема. Уже в конце года Риббентропу совместно с Гиммлером удалось блокировать предложение Розенберга о назначении новым германским послом в Лондоне Х. Обермюллера⁶¹. Противоречия обострились еще более с конца 1935 г.⁶², то есть в период подготовки антикоминтерновского пакта и интенсивных переговоров, которые велись представителями КАУР и “коричневого интернационала”. В январе 1936 г. Риббентроп помешал сотрудникам внешнеполитического бюро К. Бёмеру и Б. фон Хаппиусу совершить поездку в Англию, имевшую целью подготовить встречу Гитлера с издателем лондонской “Тайме” Д. Доусоном⁶³. А после того, как в июле 1936 г. Риббентроп был назначен послом в Лондоне, деятельность розенберговской “империи” в Англии была в значительной степени парализована⁶⁴.

Причины, побудившие Гитлера остановить свой выбор на Риббентропе, не в последнюю очередь объяснялись тем, что именно бюро специального уполномоченного по вопросам разоружения подготовило англо-германское морское соглашение от 18 июня 1935 г., которое называют своеобразным ответом на советско-французский договор о взаимопомощи. Но главное заключалось не в этом. В середине 30-х годов у Гитлера происходил процесс переоценки роли Великобритании как возможного стратегического союзника рейха⁶⁵. Появилась потребность в новой европейской концепции. Такая концепция, вполне отвечающая, с точки зрения фюрера, особенностям международной обстановки того времени, зарождалась в недрах службы Риббентропа. Риббентроповская “империя” первоначально состояла из двух организаций. Кроме бюро специального уполномоченного по вопросам разоружения, подчинявшегося непосредственно Гитлеру, существовал еще аппарат уполномоченного по внешнеполитическим вопросам при заместителе фюрера Р. Гессе, также

возглавлявшийся Риббентропом. Консультантом уполномоченного по внешнеполитическим вопросам был крупнейший немецкий геополитик генерал К. Хаусхофер, а внештатным и особенно доверенным сотрудником – его старший сын А. Хаусхофер. Они-то и заложили основы европейской концепции Риббентропа⁶⁶.

Геополитика сыграла большую роль в теории и практике национал-социализма, но их нельзя отождествлять друг с другом⁶⁷. Находясь с национал-социализмом в теснейшем генетическом родстве, геополитика все же стремилась представить себя серьезной наукой, не зависимой от партийных пристрастий и классов. Нацисты, наоборот, всегда выступали против познания объективной истины, провозглашали истинным лишь то, что способствует силам жизни и роста расовой народной общности, еще более важные различия существовали в теоретико-гносеологическом плане. Если внимание национал-социалистов концентрировалось на выводимой из иррациональных законов природы народной общности, то в фокусе интересов геополитиков находилось натуралистически трактуемое государство. Но “в начале государства – писал, например, К. Хаусхофер, – была земля, на которой оно располагалось... Только на ней строилась, занималась хозяйством и созиданием сила и культура человека... Геополитика выступает на место политической страсти. Процесс, развивающийся по законам природы, преобразует деятельность субъективной человеческой воли!”⁶⁸. Такой подход не был идентичен представлениям национал-социализма о “народах-личностях”, нордическом вождизме и т. д.

С самого начала геополитика имела “контакт и обменивалась идеями с национал-социализмом”⁶⁹. Более того, как учение об органическом государстве она, по словам геополитика В. Зиверта, имела “так много общего с национал-социалистическим мировоззрением, что напрашивалась идея о сотрудничестве”⁷⁰. Правда, сотрудничество понималось по-разному: одни стремились до конца геополитизировать национал-социализм, а другие – нацифицировать геополитику. Забегая вперед, отметим, что даже во второй половине 30-х годов нацисты видели предпосылку использования геополитики в “недвусмысленной национал-социалистской ориентации всех носителей геополитической работы”⁷¹.

В 1931 г. по инициативе Р. Гесса было создано “Сообщество геополитики”, объединявшее всех геополитиков – членов НСДАП или сочувствовавших ее целям. Хотя во главе “Сообщества” поставили оберфюрера СС Р. Вагнера, подлинным его вдохновителем был К. Хаусхофер⁷². В тесной связи с “Сообществом” находился журнал “Цайтшрифт фюр геополитик”, который оказывал значительное влияние на формирование германского общественного

мнения, располагал обширными контактами с организациями фольксдойче и пользовался авторитетом в известных кругах зарубежных стран.

После установления в Германии нацистской диктатуры руководители “Сообщества геополитики” пришли к выводу, что настало время действовать. В марте–апреле 1933 г. Р. Вагнер направил в различные партийные и государственные инстанции письмо с предложением использовать геополитику в качестве важного инструмента для выработки внешнеполитической стратегии третьего рейха⁷³. От имени “Сообщества геополитики” он предложил создать “комитет свободных внешнеполитических экспертов по типу английского журнала “Раунд Тэйбл”, который являлся бы консультантом правительства, но официально независимым от государственного влияния”⁷⁴. Геополитики рекомендовали организовать “свободные и персональные” связи с партийными и государственными учреждениями, скрытые, однако, от широкой общественности.

Наиболее тесные “свободные и персональные” связи возникли между “Сообществом геополитики” и службой Риббентропа. Именно в аппарате уполномоченного по внешнеполитическим вопросам при заместителе фюрера геополитики увидели прообраз того “комитета свободных внешнеполитических экспертов”, который они так стремились создать. К. и А. Хаусхоферы привлекались Риббентропом для решения самых крупных проблем, прежде всего английской. С 1934 по 1938 г. А. Хаусхофер, к примеру, совершил 14 поездок в Лондон⁷⁵. Риббентроп часто советовался с обоими Хаусхоферами по японским делам. Отец и сын принимали активное участие в подготовке антикоминтерновского пакта⁷⁶. В октябре–ноябре 1936 г. А. Хаусхофер участвовал в секретных переговорах с президентом Чехословацкой республики Бенешем⁷⁷. Рекомендации Хаусхоферов Риббентроп учитывал и после его назначения министром иностранных дел гитлеровской Германии, вплоть до кадровых перемещений в министерстве⁷⁸. А. Хаусхофер присутствовал на специальном совещании в МИД 29 марта 1938 г., на котором рассматривалась судьба Чехословакии⁷⁹, и в качестве консультанта сопровождал Риббентропа на Мюнхенскую конференцию⁸⁰.

В кругах близких к Риббентропу и Гессу геополитиков постепенно начала формироваться новая европейская (и мировая) внешнеполитическая концепция национал-социализма, в соответствии с которой стратегическим союзником рейха называлась уже не Великобритания, а Италия (и Япония). Под эту концепцию подгонялись “достижения?” геополитики прежних лет. Еще в 1927 г., задолго до беседы Гитлера с Людеке о союзниках будущего нацистского рейха, журнал “Цайтшрифт фюр геополитик” писал: “С геополитической точки зрения

Италия и Германия в настоящее время... неразрывно связаны друг с другом: обе страдают от одних и тех же проблем перенаселения, от одинаково правомерного колониального голода. И Япония также должна найти свое место в этом союзе⁸¹. Доказательство неизбежности германо-итало-японского союза геополитики видели в географических особенностях нашего континента. Некто Г. Диль, выступая на геополитическом совещании в Нойштадте в январе 1934 г., заявил по этому поводу: "Место действия нашей немецкой истории - прежде всего Евразия. Евразия имеет треугольную форму"⁸². Подобных высказываний можно привести великое множество.

Но все эти "доказательства" так и остались бы на бумаге, если бы не изменилась международная ситуация в Европе. Быстрое превращение фашистской Германии в агрессивную военную державу, провозглашение ею курса на преобразование европейского континента объективно вело к обострению англо-германских империалистических противоречий. Вот почему отношение национал-социалистического руководства рейха к Великобритании начало меняться. Надежд на то, что и теперь с ней удастся заключить всеобъемлющее соглашение относительно будущего Европы, да еще на более жестких германских условиях, становилось все меньше, хотя и в последующие годы такая возможность отнюдь не сбрасывалась со счетов. Трудно сказать, когда начался поворот, но уже с осени 1935 г. эта проблема, по-видимому, активно обсуждалась Риббентропом, Гессом, а возможно, и самим Гитлером. Формулировкой и обоснованием новой европейской концепции занимались геополитики из окружения Риббентропа, и прежде всего отец и сын Хаусхоферы.

В апреле 1936 г., то есть после германской оккупации Рейнской демилитаризованной зоны, А. Хаусхофер подготовил докладную записку "Политические возможности на Юго-Востоке", в которой с разных сторон анализировалась английская проблема. Записка подробно обсуждалась с Риббентропом⁸³ и была им одобрена. В ней отразилась начальная стадия работы над новой европейской концепцией национал-социализма. Исходный замысел записки Хаусхофера состоял в том, чтобы ослабить Францию, изолировать Восточную Европу от Западной, с помощью Англии помешать процессу, начавшемуся 2 мая 1935 г. подписанием советско-французского договора о взаимопомощи. "Конфликт в восточноевропейской пограничной зоне, - писал геополитик, имея в виду малые государства к востоку от Германии, - не одно и то же, что конфликт в Западной Европе... Взаимная помощь осуществима лишь на Западе. Любое автоматическое включение России в качестве гаранта европейского мира может быть отклонено тем, что СССР по своему пространству и сущности на две трети является азиатской державой"⁸⁴. Хаусхофер предлагал попытаться склонить Великобританию к этой точке зрения.

Новым в размышлениях Хаусхофера был анализ альтернативной ситуации, при которой Англия, возможно, будет действовать не совсем так, как того желали в Берлине. В докладной записке, пожалуй, впервые выдвигалась идея заключения соглашений Германии с Италией и Японией как реальное требование дня, в отличие, например, от упоминавшихся выше декларативных заявлений Гитлера, сделанных в конце 1932 г. в беседах с К. Людке. Намеченные соглашения рассматривались автором записки пока лишь как средство давления на Англию. Хаусхофер писал буквально следующее: “Если супротив наших желаний британская политика окажется готовой следовать за франко-русскими планами и в Центральной Европе, то, помимо усиления немецких колониальных требований, есть два средства, с помощью которых можно было бы оказывать давление на Англию...

а) В случае продолжения санкций против Италии...– более открытая экономическая помощь Италии, совмещенная с попыткой извлечь политические компенсации (Австрия) в прямых переговорах с Римом.

б) Обозначить или разыграть японскую карту. Можно было бы заключить германо-японское соглашение о совместной защите и поддержке против Коминтерна... Такое соглашение было бы для Форин оффиса совершенно нежелательным, хотя вряд ли неожиданным”⁸⁵.

В данном контексте чрезвычайно важна сделанная Хаусхофером оговорка о том, что использовать эти два инструмента давления на Великобританию значило бы идти на большой риск, ибо последствия подобных действий трудно предсказуемы⁸⁶. Все это свидетельствует о том, что весной 1936 г. работа над европейской концепцией Риббентропа только начиналась. На этом пути еще могли произойти непредвиденные повороты.

Возвышению Риббентропа в значительной мере способствовали также его действия в области так называемой народной политики, согласованные с рейхсфюрером СС Гиммлером. С целью быстрого продвижения по иерархической лестнице эти деятели поддерживали друг друга. Гиммлеровская “империя смерти” представляла собой не только крупнейшей аппарат насилия и террора, но и один из важнейших центров формирования национал-социалистской идеологии. Целая армия ученых – историков, правоведов, геополитиков – в течение многих лет готовила европейскую концепцию Гиммлера, в основе которой лежала идея выращивания и культивирования нордической элиты, германского сверхчеловека, “народа господ”, причем эталоном сверхчеловека объявлялся эсэсовец, а зародышем будущей великогерманской империи – организация СС. “Организовать Европу на базе, которая взорвала бы существующие национальные границы, сплотить Европу в

экономическом и политическом отношениях под сенью ордена СС⁸⁷ – такую цель ставил Гиммлер в грядущей войне.

Гиммлер “открыл” “закон природы” об извечной борьбе между сверхчеловеком и недочеловеком. Выступая на заседании имперского продовольственного сословия в ноябре 1935 г., он заявил, что “борьба между человеком и недочеловеком является историческим правилом... естественным течением жизни на нашей планете... Эта борьба не на жизнь, а на смерть представляет собой, пожалуй, точно такой же закон природы, как борьба человека против какой-нибудь эпидемии, как борьба чумной бациллы против здорового организма”⁸⁸. Недочеловек, по Гиммлеру, это “большевик-еврей”, которого нужно безжалостно истреблять ради здоровья и благополучия нордического сверхчеловека, а территорию его проживания использовать в целях создания великогерманской империи СС. Важное место в европейской концепции Гиммлера занимала проблема выселения и переселения целых народов, особенно славянских. Первые конкретные планы такого рода появились в “империи смерти” задолго до второй мировой войны. Уже весной 1936 г. на этот счет существовали “довольно стройные планы”, смысл которых раскрыл представитель главного управления СС доктор Хехт: “Всю эту путаницу национальностей в восточной части Центральной Европы следует устранить, а именно, путем планомерных выселений и переселений”⁸⁹. Огромное значение в эсэсовских планах отводилось фольксдойче, этническим немцам, на правах национальных меньшинств проживавших практически во всех европейских странах.

В Веймарской Германии имелось множество реваншистских организаций, выдвигавших на передний план в своей деятельности положение фольксдойче за рубежом. Они требовали для начала политического равноправия и культурно-национальной автономии для немецких меньшинств, выдвигали лозунги типа “права немцев на самоопределение”, призывали к созданию “Великой Германии” за счет передела границ, пропагандировали цивилизаторскую миссию немцев на европейском континенте, высокомерно отзывались о других нациях и народах. Они тоже говорили о “народе господ”. Но даже у них не хватало фантазии, чтобы в полном объеме представить смысл “народной политики” национал-социализма, сводившейся к геноциду по отношению к целым народам, к их физической ликвидации либо переселению за пределы германского жизненного пространства в Европе.

Руководитель правоконсервативного “Народного союза немцев, проживающих за границей” Г. Штайнахер, узнав от доктора Хехта о переселенческих планах СС, отреагировал на них самым отрицательным

образом: “Я категорически высказался против таких планов, назвав их просто глупостью. Я заявил: ни один народ не рассеян так по всему земному шару, как мы, немцы. Поэтому реализованная когда-нибудь идея переселения и выселения не затронула бы с таким уничтожающим действием ни один народ, как немецкий”⁹⁰. Политику геноцида поддерживали далеко не все даже реваншистски настроенные деятели. Тем не менее после прихода к власти национал-социалисты, учитывая широко разветвленные связи организаций, занимавшихся проблемой фольксдойче, их многолетний опыт в этой сфере и популярность как в Германии, так и за пределами страны, использовали их в качестве попутчиков, в то же время активно проводя по отношению к ним политику пацификации. Этот процесс занял несколько лет. Входе него и выявилась взаимная поддержка Риббентропа и Гиммлера.

В сентябре 1933 г. Гитлер назначил своего заместителя по партии Р. Гесса попечителем “народной политики”. При нем был создан рабочий консультативный орган – Совет по вопросам фольксдойче, который называли своеобразной “формой генерального штаба по борьбе фольксдойче по ту сторону границы”⁹¹. Важной функцией Совета являлась координация действий и нейтрализация острого межведомственного соперничества в области “народной политики”; ему вменялось в обязанность также следить за тем, чтобы партийные и правительственные инстанции подчинялись в этом вопросе распоряжениям Р. Гесса. Совет состоял в основном из руководящих деятелей “Народного союза немцев, проживающих за границей” – Г. Штайнахера, отца и сына Хаусхоферов, Г. Хельфериха и некоторых других лиц правоконсервативного толка.

Связным между Гессом и Советом по вопросам фольксдойче был обергруппенфюрер СА Г. Керскен. В октябре 1934 г. на этом посту его сменил В. Воле, гаулейтер Зарубежной организации НСДАП. Одновременно Воле и уполномоченный по внешнеполитическим вопросам при заместителе фюрера Риббентроп были назначены новыми членами Совета. В связи с тем, что Воле получил отныне возможность вмешиваться в дела фольксдойче внутри Совета возникли серьезные трения. В результате было образовано специальное бюро Курселя (оно называлось еще Центральным управлением по вопросам фольксдойче), фактически заменившее и прежний Совет, и связного между ним и Гессом В. Воле. Старый нацист О. фон Курсель, имя которого уже упоминалось нами, был почетным членом СС, но не считало влиятельной фигурой. Любопытно, что связи Курселя с Гессом были не прямыми, а осуществлялись через посредство Риббентропа⁹².

В декабре 1936 г. стало известно о намерении рейхсфюрера СС передать бюро Курселя “благонадежному представителю гестапо” и заменить высоким

эсэсовским чином Штайнахера на посту руководителя “Народного союза немцев, проживающих за границей”. План Гиммлера был нацелен не только на полное подчинение всей сферы “народной политики”, но и на проведение ее методами, разработанными в “мозговом центре” гиммлеровской “империи”. На это немедленно обратил внимание генерал. Хаусхофер, узнавший о существовании плана от адъютанта Гиммлера К. Вольфа. Старый Хаусхофер оценил план как “полное системное изменение всей работы” в области “народной политики”, которое могло иметь тяжелые последствия для Германии. “Здесь предстоит столь крупное политическое решение, – писал он Гессу, – что я прошу тебя во взаимодействии с Риббентропом... и с учетом военно-политических интересов добиться принципиального решения фюрера”⁹³. Гитлер склонился в пользу рейхсфюрера СС. Попутчики типа Штайнахера были уже не нужны. Процесс нацификации организаций, действующих в сфере “народной политики”, близился к концу. О. Курселя отстранили от дел, а его бюро оказалось под двойным контролем – СС и службы Риббентропа. Об этом стало известно на совещании 1 февраля 1937 г. Председательствующий на нем Риббентроп, а также К. Хаусхофер сообщили его участникам, что руководителем Центрального управления по вопросам фольксдойче назначается группенфюрер СС В. Лоренц⁹⁴.

Изменения в “народной политике” привели к резкому возрастанию роли “империй” Риббентропа и Гиммлера во внутренней и внешней политике фашистской Германии. “В партийной иерархии, – сокрушался Г. Штайнахер, – Гесс стоял выше Гейдриха, Лоренца и Гиммлера, но в интенсивности труда и остроте желаний” не мог конкурировать с ними⁹⁵. Дело было, конечно, не в остроте желаний, а в реальном изменении соотношения сил внутри нацистской верхушки в пользу Гиммлера и Риббентропа, которое стало заметным с конца 1936 г. Сам же рост влияния этих деятелей был связан с дальнейшим ростом агрессивности третьего рейха, с курсом на всестороннюю подготовку к войне, в том числе с провозглашением четырехлетнего плана.

Похоже на то, что объявленный 9 сентября 1936 г. четырехлетний план использовался Риббентропом и Гиммлером в качестве материальной основы их европейских концепций. Принятый в период разработки новой европейской стратегии национал-социализма, план имел как антисоветскую, так и антибританскую заостренность. В экономической сфере в нем ставилась задача достижения автаркии, независимости Германии от заграницы⁹⁶, иными словами, от мирового рынка, на котором господствовал монополистический капитал западных держав. В сфере политической план исходил из того, что “в Европе имеются лишь два государства, которые серьезно могут противостоять

большевизму, – это Германия и Италия... И вообще, кроме Германии и Италии, только Японии можно считать силой, способной противостоять мировой угрозе”⁹⁷.

Провозглашение четырехлетнего плана, создание оси Берлин–Рим, подписание антикоминтерновского пакта и начало дипломатической миссии Риббентропа в Лондоне совпадают по времени отнюдь не случайно. Во всех этих событиях отражалось изменение в подходе национал-социалистов к английской проблеме. Отправляя в Лондон нового посла, Гитлер все еще не исключал возможности заключения англо-германского соглашения на базе передела мира, при котором Германии достался бы весь Европейский континент вплоть до Урала, а Великобритании первоначально гарантировалась ее колониальная империя. Вместе с тем уже тогда у него все чаще появлялось желание использовать возникавшую систему “эрзац-союзов” с Японией и Италией для определенного давления на Англию, чтобы она по меньшей мере не препятствовала национал-социалистическим планам преобразования Европы. Прежняя формула Гитлера – “Вместе с Англией” постепенно уступала место новой – “Без Англии”⁹⁸.

В отличие от фюрера Риббентроп, уже в 1937 г. пришедший к выводу о провале своей миссии в Лондоне⁹⁹, стал все больше склоняться к мысли о том, что стратегический треугольник Берлин–Рим–Токио представляет собой не просто систему “эрзац-союзов”, а реальный противовес Великобритании¹⁰⁰. Ход рассуждений и одновременно расчеты Риббентропа видны из его меморандума от 2 января 1938 г. Предлагая и дальше создавать у англичан “впечатление, что урегулирование и договоренности между Германией и Англией все же в конце концов возможны”, он в то же время рекомендовал “сколачивать в глубокой тайне, но со всей возможной решительностью союз против Англии”¹⁰¹. Так или иначе, с середины 30-х годов все более зримо просматривалась тенденция к изменению линии поведения нацистского рейха по отношению к Великобритании, а тем самым к модификации всей европейской стратегии германского фашизма. В такой ситуации попытки “выяснить отношения” между “империями” прагматически ориентированного Риббентропа и ортодоксального Розенберга с его “англофильской” концепцией становились просто неизбежными.

Прямые нападки Риббентропа на Розенберга как руководителя внешнеполитического бюро НСДАП начались с 1936 г. Весной этого года Риббентроп впервые предъявил претензии на занимаемый Розенбергом пост рейхслейтера НСДАП по вопросам внешней политики¹⁰². С тех пор сотрудники службы Риббентроп, готовили и распространяли документы с целью очернить внешнеполитическое бюро партии, а заодно и его руководителя¹⁰³, но Гитлер

сохранил бюро. Риббентропу стало ясно, что до прояснения внутривнутриполитической и международной обстановки без временного компромисса с Розенбергом не обойтись. Соглашение с Розенбергом было ему необходимо для ослабления позиции соперника и укрепления своих собственных позиций.

§ 5. “Джентльменское соглашение” между Розенбергом и Риббентропом

Еще больше в компромиссе нуждался Розенберг. В сложной, чрезвычайно запутанной ситуации, сложившейся в Германии в середине 30-х годов, когда представителей старой партийной элиты энергично теснили лица из второго эшелона власти, он интуитивно почувствовал всю шаткость своего положения в нацистской иерархии и решил подстраховаться за счет приобретения новых партийных и государственных постов. Он мнил себя то “канцлером НСДАП”¹⁰⁴, то имперским министром мировоззрения и культуры¹⁰⁵, то верховным попечителем европейского экономического процесса, то главным анτισоветчиком и антикоммунистом.

Своеобразной реакцией внешнеполитического бюро НСДАП на провозглашение четырехлетнего плана явился подготовленный Дайцем меморандум с предложением образовать “Центральный союз европейской великопространственной экономики”. В нем были подробно описаны цели, источники финансирования, структура будущей организации. К меморандуму прилагался разработанный до мельчайших деталей устав “Центрального союза”¹⁰⁶. В случае положительного решения “Центральный союз европейской великопространственной экономики” был в состоянии приступить к решению поставленных перед ним задач немедленно. Основное внимание в меморандуме уделялось обоснованию европейской миссии фашистской Германии. “На Германию, расположенную в центре европейского континента, – читаем в документе, – в первую очередь падает обязанность не только провозгласить, но и... практически выполнить задачу возведения континентально-европейской великопространственной экономики. В этом отношении Германия несет ответственность за Европу”¹⁰⁷.

По мнению руководства внешнеполитического бюро НСДАП, “Центральный союз европейской великопространственной экономики”, который находился бы в попечении Розенберга, должен был сыграть крупную роль в формировании “европейского сообщества труда и культуры”. Предполагалось, что это будет полуофициальный орган, финансируемый частично из государственного бюджета, частично немецкими монополиями и находящийся в тесном контакте с правительственным аппаратом третьего рейха. Его цель

состояла в генерировании идей, а также координации деятельности германских и зарубежных научно-исследовательских и прочих институтов под углом зрения экономического преобразования Европы, в пропаганде национал-социалистской европейской идеи¹⁰⁸. Без сомнения, в конечном итоге в меморандуме шла речь о необходимости размежевания сфер влияния между Розенбергом и уполномоченным по четырехлетнему плану Герингом. За Герингом оставались бы все внутризкономические проблемы, за розенберговским бюро - внешнеэкономические. Однако ответа на меморандум Дайца не последовало.

Вот тут-то Розенберг и обратился к политике “сознательного европеизма”. Переход произошел в октябре 1936 г. Смещение акцентов в европейской концепции Розенберга было сразу же замечено опытными иностранными дипломатами, аккредитованными в германской столице. Посол США в Берлине У. Додд, который слышал упоминавшуюся речь Розенберга 15 октября 1936 г., записал в своем дневнике: “Розенберг говорил более получаса, вновь делая нападки на коммунистическую систему, и предупреждал об опасности, угрожающей всей западной цивилизации. Но он не нападал на демократические страны”¹⁰⁹. Отныне основной упор внешнеполитическое бюро НСДАП делало на борьбу с СССР. Конечно, и раньше антисоветизм и антикоммунизм занимали в политике розенберговской “империи” важнейшее место. Дело в другом. Переход Розенберга к политике “сознательного европеизма” не в последнюю очередь означал смещение его интересов с Запада на Восток, и не потому, что он отказался от своих “англофильских” взглядов либо стал сомневаться в их целесообразности, а в связи с начавшейся в Германии переоценкой места Англии в европейской стратегии национал-социалистического рейха и формированием европейской концепции Риббентропа. Цели и задачи остались прежними, менялись методы их достижения. Если прямых путей к соглашению с Великобританией в данной конкретно-исторической обстановке нет, то нужно найти обходные пути, а именно, обратиться к “сознательному европеизму”, – так или примерно так рассуждал руководитель внешнеполитического бюро.

Антирозенберговская позиция Риббентропа, все больше опиравшегося на поддержку самого Гитлера, вела к тому, что внешнеполитическое бюро НСДАП почти полностью лишилось возможности разыгрывать английскую карту. “Империей” Розенберга был потерян контроль и над развитием событий в сторону возможной гальванизации “пакта четырех”, да и сама идея пакта выглядела во второй половине 30-х годов по-иному. Она была реализована Гитлером и Риббентропом в виде Мюнхенского соглашения Германии, Италии, Англии и Франции, и пока нет документов, свидетельствующих об активном, а тем более приоритетном участии Розенберга в его подготовке. Круг полномочий

внешнеполитического бюро, таким образом, непрерывно сужался. Более того, возникла прямая угроза существованию бюро, исходившая от службы Риббентропа. По-прежнему сохранялись натянутыми отношения между Розенбергом и Геббельсом в рамках “коричневого интернационала”, в сфере культуры и внешнеполитической пропаганды. При таких обстоятельствах Розенберг решился на поиски новых путей там, где был признанным авторитетом, – в области антисоветизма и антибольшевизма.

В мае 1936 г. он ходатайствовал перед Гитлером о переориентации деятельности внешнеполитического бюро НСДАП на страны, граничащие с СССР, причем все занимавшиеся Юго-Востоком партийные и государственные ведомства отныне должны были следовать распоряжениям бюро¹⁰. После того, как ходатайство было отклонено на том основании, что содержащиеся в нем предложения далеко выходят за рамки привычного. Розенберг выдвинул идею превращения внешнеполитического бюро в центральное учреждение по борьбе с большевизмом. Десятого октября Гитлер пообещал назначить его уполномоченным по вопросам большевизма, но не сейчас, а когда-нибудь в будущем¹¹, поскольку время для таких полномочий еще не пришло. Несмотря на фактически запрещающий характер обещаний фюрера, Розенберг придумал себе титул – “Генеральный уполномоченный германского рейха и НСДАП по защите от мирового большевизма и обеспечению единства национал-социалистского мировоззрения” в ранге имперского министра и приступил к составлению конкретных планов. Предусматривалось слияние внешнеполитического бюро НСДАП и аппарата уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии в партийно-государственное Центральное управление по защите от мирового большевизма.

Целью предлагавшейся новой инстанции была заблаговременная и всесторонняя подготовка к войне против СССР. “Опыт последних лет... показал, – отмечалось в одном из розенберговских меморандумов того времени, – что начинать культурно-экономическую пропаганду против Советов одновременно с началом конфликта слишком поздно. Поэтому представляется необходимым подвергнуть тотальному изучению группу народов, расположенных между Советской Россией и Германией, чтобы изучить возможность освобождения этой группы народов... от большевизма, учитывая жизненные интересы соответствующих наций”¹². Но не об интересах других народов пеклись в розенберговской “империи”, а об интересах национал-социалистического Рейха. Проектируемое Центральное управление по защите от мирового большевизма Розенберг намеревался превратить в своего рода суперминистерство, решениям

которого были бы обязаны подчиняться все без исключения партийные, правительственные, научные и иные организации. Понятно, что столь претенциозные планы были с возмущением отвергнуты официальными инстанциями фашистской Германии. Вместе с тем они могли составить основу для переговоров и компромиссного соглашения с Риббентропом именно в силу того, что Розенберг как будто отказывался в них от проведения активной политики в Западной Европе.

В августе 1937 г. состоялось несколько бесед между розенберговским сотрудником Бёмером, входившим в “мозговой трест” внешнеполитического бюро, и сотрудниками службы Риббентропа Ликусом, фон Раумером и Хуман-Хайнхофеном. Каждый раз Бёмер заявлял о необходимости примирения между Розенбергом и Риббентропом, что, по его мнению, возможно лишь при четком размежевании их полномочий. Принимая во внимание деятельность первого как теоретика, а второго – как практика, можно было бы, полагал Бёмер, прийти к образованию между ними “нерушимого блока” внутри нацистской партии¹¹³, который задавал бы тон в вопросах идеологии и внешней политики. Бёмер попытался было включить в подготавливаемое соглашение пункт о территориальном размежевании внешнеполитической деятельности обоих ведомств (Риббентропу досталась бы Западная Европа, а Розенбергу – Восточная), но получил отказ¹¹⁴. Борьба по этому вопросу нашла отражение и в тексте заключенного между руководителями обеих служб соглашения.

Девятнадцатого сентября 1937 г. они подписали совместный документ под заглавием “Предложения фюреру рейхслейтера Розенберга и посла фон Риббентропа”¹¹⁵, состоявший из краткой преамбулы и шести пунктов. В преамбуле говорилось, что в целях мобилизации сил для решения “общих внешнеполитических задач и борьбы с мировым большевизмом” Розенберг и Риббентроп пришли к мысли о необходимости активного сотрудничества друг с другом и представляют на утверждение Гитлера следующие предложения.

1. Они будут тесно сотрудничать по всем мировоззренческим, антикоммунистическим и внешнеполитическим вопросам. При этом рейхслейтер будет руководить защитой от мирового большевизма, а посол получит соответствующие компетенции в сфере нацистской внешней политики.

2. Внешнеполитическое бюро НСДАП получит название “Служба уполномоченного фюрера по защите от большевизма”, а бюро Риббентропа “Аппарат уполномоченного фюрера по внешнеполитическим вопросам НСДАП”. Окончательное название новых ведомств и их место в партийной структуре определит Гитлер.
3. Задача новой службы Розенберга состоит в сборе, классификации и предоставлении всем заинтересованным ведомствам

материалов, имеющих отношение к проблеме защиты от большевизма, а также выдвижении идей и предложений, направленных на отражение коммунистического влияния. Задача новой службы Риббентропа заключается в том, чтобы на основании директив фюрера принимать необходимые меры в области внешней политики. Связь между обеими службами будет осуществляться специальными представителями, назначаемыми Розенбергом и Риббентропом.

4. Поскольку большевизм представляет собой “не только мировоззренческую проблему, но и крупную проблему мировой политики”, а внешняя политика, со своей стороны, нередко “обусловлена мировоззренческими мотивами”, деятельность обеих служб будет неизбежно пересекаться. В таких случаях потребуются “дружеское примирение” участников соглашения.

Зафиксирован уговор о размежевании сфер влияния в Европе и Азии. Польша и Япония достались Риббентропу, а европейский юго-восток, северо-восток и Советский Союз – Розенбергу.

5. Розенберг и Риббентроп сообща займутся подбором и обучением молодых членов партии для последующей работы в сфере идеологии, антикоммунизма и внешней политики.

6. Нордическое общество останется под контролем Розенберга, но в его высший совещательный орган – верховный совет – войдет и Риббентроп.

К документу прилагался проект распоряжения Гитлера об учреждении партийно-государственной службы уполномоченного фюрера по обеспечению национал-социалистического мировоззрения и защите от большевизма. Розенберг предлагал сделать ее высшей инстанцией, занимающейся большевистской проблематикой, подчинив ее непосредственно фюреру¹⁶. Примерно такой же проект распоряжения об организации аппарата “уполномоченного фюрера по внешнеполитическим вопросам НСДАП” был представлен Риббентропом¹⁷. Однако ни сам документ, ни приложения к нему Гитлер не подписал.

Тем не менее “джентльменское соглашение” между Розенбергом и Риббентропом, являясь наглядным свидетельством острых противоречий в верхних эшелонах власти по евростратегическим вопросам, не осталось без последствий. Оно отчетливо отразило момент динамичного столкновения двух представлений о путях достижения “нового европейского порядка”, причем в условиях, благоприятных для прагматично ориентированного Риббентропа. Ортодоксальному Розенбергу оставалось лишь уповать на то, что в случае положительного решения вопроса его внешнеполитическое бюро будет преобразовано в “службу уполномоченного фюрера по защите от большевизма”

и, следовательно, возникнет организационная основа для проведения в жизнь политики “сознательного европеизма”.

В надежде на скорое утверждение “джентльменского соглашения” Розенберг приступил к реорганизации своего внешнеполитического бюро в духе “сознательного европеизма”. Это автоматически привело к значительному укреплению позиций Г. Лейббрандта и руководимого им восточноевропейского отдела, сотрудники которого на профессиональном уровне занимались проблемами антисоветизма и антикоммунизма. Остальные подразделения бюро должны были либо раствориться в восточно-европейском отделе, либо стать его придатками.

В то время антисоветская деятельность Лейббрандта достигла небывалого размаха. Через его руки проходили все материалы, имевшие хоть какое-то отношение к СССР, государствам Восточной Европы, международному коммунистическому движению. Его особенно интересовали вопросы, которые, как он писал, касались “национальных движений русского и других народов Восточной Европе”. Он поддерживал контакты практически со всеми существовавшими тогда эмигрантскими группировками антисоветского и националистического толка, исподволь ориентируя их на расчленение СССР в будущем. Из членов созданного им “Союза немцев – выходцев из России” он готовил служащих: будущей гражданской администрации на подлежащих оккупации территориях Советского Союза. Спустя несколько лет “работа” Лейббрандта принесла свои плоды – он был назначен начальником главного политического отдела розенберговского министерства по делам оккупированных восточных областей.

Лейббрандт выполнял важные функции не только во внешнеполитическом бюро НСДАП, но и в других учреждениях “империи” Розенберга. Он возглавлял отделение по борьбе с большевизмом в аппарате уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП, занимался преподавательской деятельностью в Доме внешнеполитического обучения, созданном в 1935г. при бюро Розенберга, руководил главной редакционной коллегией по вопросам большевизма и Восточной Европы при государственном управлении содействия немецкой литературе, отвечал за редактирование трудов своего шефа. Пальму первенства на ниве антикоммунизма он делил только с Таубертом из министерства пропаганды. В полной мере используя возможности, вытекающие из его многочисленных должностей в службе Розенберга, Лейббрандт с 1937 г. занялся пропагандистским обеспечением политики “сознательного европеизма”. Под его руководством буквально за несколько месяцев была подготовлена к печати

и опубликована серия брошюр под общим названием “Большевизм”, авторами которых были Розенберг (“Европа и ее смертельный враг”), Ф. Кон (“Германия – оплот Европы на Востоке”) и сам Лейббрандт (“Маневры Москвы против Европы”). Он участвовал в издании материалов специального совещания по теме “Судьба Европы – на Востоке”; вместе с Г. Хагемейером подготовил сборник “Европа и Восток”, а позже, в 1941–1942 гг., издал ряд книг и брошюр, составивших две серии – “Всемирная политическая библиотека” и “Библиотека Восточного пространства”¹¹⁸. Список будет далеко не полным, если не упомянуть многочисленные статьи Лейббрандта по вопросам большевизма, публиковавшиеся в главном теоретическом журнале НСДАП – “Национал-социалистический монатсхефт”, в других журналах и газетах третьего рейха.

В связи с тем, что тема “Большевизм” занимала одно из ведущих мест в учебных планах Дома внешнеполитического обучения, Лейббрандт принимал самое активное участие в его работе. На факультете “Восточная Европа – большевизм” – он читал лекции по истории восточноевропейских народов и государств, большевизма. Советского Союза, Коминтерна. Скорее всего, он был занят и на факультете “Зарубежные немцы”, читая лекции о правовом положении национальных меньшинств в европейских странах, по истории фольксдойче и т. д. После заключения “джентльменского соглашения” между Розенбергом и Риббентропом Лейббрандт 4 ноября 1937 г. направил руководителю внешнеполитического бюро НСДАП памятную записку с предложением о кардинальном преобразовании антисоветской и антикоммунистической деятельности розенберговской “империи”. Учитывая возросшее значение этой проблемы в качественно новых условиях, он просил создать единый – в рамках “империи” отдел по борьбе с большевизмом под своим собственным руководством”¹¹⁹. Несомненно, такого рода предложения появились не случайно, они соответствовали намерениям самого Розенберга, с нетерпением ожидавшего окончательного решения Гитлера.

Осенью 1937 г. во внешнеполитическом бюро произошли и другие важные изменения. Был образован новый отдел по решению специальных задач во главе с В. Дайцем¹²⁰. В тесном контакте с уполномоченным по четырехлетнему плану, с имперским министерством экономики, военно-экономическим штабом и государственным управлением по вопросам организации пространства сотрудники специального отдела занимались проблемами повышения блокадоустойчивости Германии на случай войны и с этой целью разрабатывали планы строительства европейской великопространственной экономики под руководством нацистского рейха¹²¹. Рассматривая Европу с точки зрения военно-экономических потребностей Германии, Дайц писал тогда, что она должна

простирается “от Гибралтара вплоть до Урала и от Нордкапа до острова Кипр”, поскольку именно такое “пространственно-политическое единство” позволит Европе (читай – Германии) жить собственной силой ее народов и выдержать любую экономическую блокаду. Но для формирования европейской великопространственной экономики необходимо, по Дайцу, освободиться от ига либеральной мировой хозяйства и, кроме того, разрушить “все опустошающую, сконструированную интеллектом еврейско-азиатскую идеологию большевизма” в Восточной Европе¹²². Как и идеи Лейббрандта, идеи Дайца являлись составной частью розенберговской концепции “сознательного европеизма”.

На октябрь 1937 г. приходится активная фаза борьбы Розенберга за создание так называемой Высшей школы НСДАП – крупнейшего учебного и научно-исследовательского центра партии, в институтах которого, как предполагалось, должны были изучаться наиболее важные вопросы идеологии и политики национал-социализма, в том числе проблема Европы. Идея образования высшей школы зрела в голове Розенберга уже давно¹²³, но теперь, после достигнутого соглашения с Риббентропом, он решил ускорить дело. Определенным стимулом для более активных действий в этом направлении являлся предусмотренный пятым пунктом “джентльменского соглашения” совместный контроль Розенберга и Риббентропа за процессом обучения молодых нацистов в сфере идеологии и внешней политики.

Изменения, происходившие в “империи” Розенберга осенью 1937 г., не остались незамеченными за пределами третьего рейха. Речь идет прежде всего о фашистской Италии. Именно в то время через внешнеполитическое бюро НСДАП поддерживались интенсивные контакты между италофашистами и национал-социалистами в вопросах борьбы с СССР и международным коммунистическим движением. Высшей точкой контактов стала беседа Г. Лейббрандта со статс-секретарем МИД Италии Д. Бастианини на очередном съезде нацистской партии в Нюрнберге в сентябре 1937 г. Незадолго до открытия партийного съезда Лейббрандт получил известие от Э. Инсабато, с которым был знаком с 1934 г.¹²⁴ Инсабато, скорее всего, не без ведома дуче, просил организовать встречу прибывающего на съезд Бастианини с Розенбергом для обсуждения проблем, связанных с большевизмом в СССР. Встреча Бастианини состоялась, но не с Розенбергом, а с его ближайшим сотрудником Лейббрандтом.

В начале беседы итальянский гость “с поразительной откровенностью” говорил о позиции итало-фашизма в отношении СССР, затрагивая весь комплекс вопросов о большевизме и проблему будущей организации Восточной Европы. Затем он перешел к главному пункту своей миссии: “Я уполномочиваю вас сказать господину рейхслейтеру Розенбергу вот о чем: если в ходе предстоящего

визита Муссолини фюрер поднимет вопрос о принципиальном урегулировании восточноевропейской политики в смысле раздела Советского Союза, то он не встретится с нежеланием Муссолини обсуждать этот вопрос. Я считаю, что Муссолини придерживается того мнения, что Советскому правительству можно подготовить трудности в области поощрения самостоятельности различных народов. Во-вторых, было бы необходимым – после того как фюрер и Муссолини договорятся об общих чертах восточноевропейской политики, – чтобы между рейхслейтером Розенбергом и министром Чиано состоялась обстоятельная беседа для подробного обсуждения всего комплекса вопросов с тем, чтобы эксперты смогли затем обработать другие частности. Беседа между рейхслейтером Розенбергом и министром Чиано должна стать основой совместной политической деятельности Германии и Италии в столь важной сфере большевизма и Советского Союза”¹²⁵. Содержание беседы Лейббрандта с Бастианини было немедленно доведено до сведения Г. Чиано и Б. Муссолини в Риме и А. Розенберга и А. Гитлера в Нюрнберге.

Контакты между сотрудниками внешнеполитического бюро НСДАП и доверенными лицами вождя итальянского фашизма на этом не закончились. В октябре–ноябре 1937 г. Э. Инсабато в нескольких письмах к Лейббрандту предлагал создать (специальную германо-итальянскую организацию для совместного изучения “центробежных сил” в СССР и их ориентации в нужном для Германии и Италии направлении)¹²⁶. В общем, розенберговская политика “сознательного европеизма” начинала приобретать международную окраску. Но именно в это время Гитлер принял решение, которое еще больше склонило чашу весов в пользу европейской концепции... формировавшейся в недрах “империи” Риббентропа. Выступая 5 ноября 1937 г. на совещании высших политических и военных руководителей третьего рейха, нацистский фюрер заявил, что отныне Германия приступает к насильственному разрешению проблемы жизненного пространства. Сначала борьба начнется в Центральной Европе за присоединение к Германии Австрии и Чехословакии, затем распространится на другие территории в целях порабощения всей Европы. “Во всяком случае, – подчеркнул Гитлер, – в нациях политических расчетах следует учитывать следующие факторы: Англия, Франция, Россия и соседние более мелкие государства”¹²⁷.

В выступлении явственно прослеживалась тенденция к расчленению потенциально единого общеевропейского фронта противодействия германской агрессии. “Германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов – Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу, причем оба государства заняли отрицательную позицию в вопросе дальнейшего усиления Германии как в

Европе, так и в других частях света"¹²⁸. Что касается СССР, то, по твердому убеждению Гитлера, советское военное вмешательство в центральноевропейский конфликт необходимо предотвратить быстротой действий германских войск, а кроме того, оно "вообще является более чем сомнительным ввиду позиции Японии"¹²⁹.

С другой стороны, у Италии, Японии и Германии фюрер НСДАП обнаружил "стремление к экспансии", в основе которого лежали экономические мотивы и экономическая нужда¹³⁰. Таким образом, военно-стратегические расчеты Гитлера сомкнулись с политическими калькуляциями Риббентропа. Скромные возражения фельдмаршала фон Бломберга, генерал-полковника фон Фрича и министра иностранных дел фон Нейрата, их робкие указания на необходимость способствовать тому, чтобы "Англия и Франция не выступили как наши враги"¹³¹, ни к чему не привели. Решения 5 ноября 1937 г. свидетельствовали, кроме всего прочего, о крупной победе, одержанной "империей" Риббентропа с его прагматической европейской концепцией над "империей" ортодоксально ориентированного "англофила" Розенберга. Победа была закреплена в феврале следующего года.

§ 6. Февральские (1938 г.) события в Германии и политика "сознательного европеизма"

В начале февраля 1938 г. состоялись важные кадровые перемещения в государственном руководстве третьего рейха. Четвертого февраля вышел указ Гитлера об упразднении военного министерства и образовании вместо него верховного командования вооруженных сил. Бломберг и Фрич были отправлены в отставку. Верховным главнокомандующим фюрер назначил сам себя. Подверглось существенной реорганизации имперское министерство экономики, возглавляемое отныне В. Функом. Структурные изменения не обошли и министерство иностранных дел. Нейрат и некоторые другие правоконсервативные деятели вынуждены были уступить место группе Риббентропа. Последний был назначен новым министром иностранных дел фашистской Германии.

Февральские события, являясь по сути отдаленным эхом совещания 5 ноября 1937 г., отразили этапную перестановку сил внутри партийно-государственной иерархии перед началом практического выполнения нацистских стратегических планов в Европе. Верх взяли те влиятельные круги и отдельные представители политической элиты, те "империи", которые по разным причинам делали ставку на союз с Италией и Японией против западных держав. Напротив, потерпели фиаско группы, выступавшие с "англофильских" позиций, ратовавшие

за временный союз с Великобританией как предварительное условие национал-социалистического преобразования Европы вплоть до Урала. Среди оттесненных на второй план оказалась и “империя” Розенберга. Таким образом, “джентльменское соглашение” от 19 сентября 1937 г. было реализовано совсем не так, как полагали подписавшие его лица. Риббентроп, получивший министерский портфель, стремительно ворвался в группу высших руководителей, нацистского рейха. Розенберг же не получил ничего. В результате противоречия между двумя “империями” обострились.

Под предлогом того, что министерство иностранных дел возглавляется отныне членом НСДАП, Риббентроп настаивал на упразднении внешнеполитического бюро нацистской партии за его ненужностью. Однако и на сей раз Гитлер решил сохранить бюро. Тогда Риббентроп нанес удар с другой стороны, нацелившись на подчинение розенберговского Нордического общества. Он фактически вынудил уйти в отставку главного управляющего Нордического общества Тима, посоветовал отказаться от проведения летом 1938 г. очередного съезда общества, потребовал привести в соответствие с интересами МИД его политику в Скандинавских странах¹³². Лишь с большим трудом Розенбергу на встрече с Риббентропом удалось изменить точку зрения последнего относительно съезда Нордического общества. Однако взамен пришлось заняться реорганизацией его деятельности в области пропаганды “нордической идеи”¹³³.

Февральские события, и особенно то, что его столь бесцеремонно обошли, Розенберг воспринял как личное оскорбление. Уже 6 февраля он написал письмо Гитлеру с просьбой об аудиенции, ведь “речь идет, – подчеркивалось в нем, – ...об авторитете и чести человека, который служил вам восемнадцать лет и престиж которого подорван описанными выше событиями”¹³⁴. Предварительно заручившись поддержкой Геринга, Розенберг требовал от фюрера выполнения сентябрьского “джентльменского соглашения” в той его части, которая касалась проблемы борьбы с большевизмом. Мало того, он потребовал для себя должности имперского министра без портфеля и включения в со. став тайного имперского кабинета¹³⁵. В марте 1938 г. Розенберг направил в рейхсканцелярию новый план централизации антисоветской деятельности в Германии. Этим планом предусматривалось, что полномочия руководителя “службы уполномоченного фюрера по защите от большевизма” будут распространяться на северо-восток и юго-восток европейского континента, на Советский Союз, Переднюю Азию и Дальний Восток, а его решениям будут подчиняться все государственные и партийные инстанции (включая министерство иностранных дел) и даже частно-капиталистические монополии¹³⁶.

В меморандуме от 7 июня того же года о большевистском проблеме острее розенберговской критики было направлено прежде всего против Геббельса и Гиммлера. Розенберг обвинил подчинявшуюся рейхсфюреру СС службу безопасности СД в некомпетентности и прямолинейных действиях, а Геббельса с его “Антикоминтерном” – в непонимании основ национал-социалистской политики в отношении СССР. По словам руководителя внешнеполитического бюро НСДАП, целью “Антикоминтерна” являлось восстановление в СССР дореволюционных порядков, а не “ослабление опасности с Востока”, как этого требовал национал-социализм. Раскрывая свои истинные намерения, Розенберг писал: “Я считаю такую одностороннюю позицию вредной и нетерпимой... Мы никогда не должны оставлять без внимания возможность распада Советского Союза”¹³⁷. Далее он так сформулировал свое кредо: “Я придерживался и придерживаюсь мнения – и полагаю, что защищаю этим европейские интересы, – что нельзя упускать из виду несомненно существующие внутри гигантской советской империи антибольшевистские и одновременно национальные тенденции, ориентированные против Москвы”¹³⁸. Борьба против большевизма была для Розенберга не целью, а средством достижения цели – насильственного создания германского жизненного пространства в Европе. В меморандуме вновь предлагалось покончить, наконец, с ведомственной разобщенностью и неизбежной в таких случаях конкуренцией в этой сфере путем образования центрального партийно-государственного управления, которое занялось бы оценкой “связанных с большевизмом восточных проблем” и выработкой единой позиции в антисоветской политике рейха¹³⁹.

Таким образом, и после февральских событий 1938 г. Розенберг не терял надежды на то, что именно ему поручат возглавить теоретическую разработку и практическое осуществление нацистской политики “сознательного европеизма”. На этом поприще равных ему и в самом деле не было. Ощущением своей значимости как главного европеиста рейха было проникнуто его выступление на пятом съезде Нордического общества 21 июня 1938 г. Он говорил о том, что в настоящее время происходит преобразование жизни европейских народов, общность судьбы которых вынуждает их прийти к ясным решениям. От единства Европы в конечном итоге зависит само существование белого человека. Но на пути к “сообществу европейских народов” стоит “опасность с Востока”. Из уст Розенберга прозвучал призыв к тому, чтобы эту грозящую опасность “без сентиментальной или фальшивой идеологии” ясно осознали “как силы традиции, так и силы нового порядка”¹⁴⁰. Государствами, выступающими за реорганизацию Европы, он назвал Германию и Италию, а силами традиции – западные государства, в первую очередь Великобританию. “Объединенная Европа” для похода на Восток, против СССР – таков был лейтмотив речи Розенберга в Любеке.

Любопытно, что перед Мюнхенской конференцией и сразу после нее подобные идеи оживленно комментировались во влиятельных кругах финансовой олигархии, а также среди военных руководителей. В качестве примера можно привести памятные записки А. Рехберга для Гитлера, составленные в августе – ноябре 1938 г.¹⁴¹ По своим конечным выводам они сближались с выступлениями и меморандумами Розенберга. Единственным объектом завоевания виделся Рехбергу Советский Союз с его “неслыханно богатыми возможностями получения высоких урожаев и запасами полезных ископаемых”. После изучения возможной позиции великих держав в случае войны нацистской Германии против СССР автор записок задался главным вопросом: “Не представляется ли целесообразным прежде всего с точки зрения военных интересов вернуться к политике, которую поддерживал и генерал Гофман (после первой мировой войны. – В. Б.), – к попытке создать фронт европейских великих держав против большевистской России?.. Только в том случае, – продолжал Рехберг, – если попытка создать европейский фронт против большевистской России (для чего теперь имеются во всяком случае более существенные предпосылки и для реализации чего следовало бы идти новыми, иными, чем перед 1933 годом, путями) окончательно провалится. Германии можно и надо будет, на мой взгляд, пойти на риск экспансионистской войны против Востока вопреки противодействию западных держав”¹⁴².

Шесть памятных записок Рехберга, отправленных Гитлеру одна за другой, наводят на мысль о том, что определенные финансово-промышленные круги, в частности, представители тяжелой промышленности Рура, обеспокоенные обострением международной обстановки. в Европе летом и осенью 1938 г. и вероятностью столкновения с Западом, подсказывали Гитлеру выход из создавшейся ситуации в общеевропейском походе на Восток. Одновременно ушел в отставку генерал-полковник Бек, опасаясь перспективы длительной войны на два фронта – в Западной и Восточной Европе – и не питая больших иллюзий относительно способности германской экономики выдержать ее испытания. Все говорит в пользу того, что в предмюнхенские недели и месяцы некоторые группы внутри партийно-государственной иерархии, генералитета и монополистического капитала порой по совершенно различным причинам действовали в унисон, когда речь заходила о выборе стратегических противников и союзников. Их позиция объективно – а в случае с Розенбергом и субъективно была направлена против европейской концепции Риббентропа..

Но Гитлер избрал в то время путь давления на Запад. В результате на Мюнхенской конференции присутствовал не Розенберг, а Риббентроп. “Пакт четырех” возродился, но на иной, чем в 1933 г., основе и в другой международной

обстановке. Со времен Мюнхена наблюдалось причудливое совмещение европейских концепций Розенберга и Риббентропа, когда первый все больше вынужден был считаться с новыми реалиями германской внешней политики (осью Берлин–Рим, антикоминтерновским пактом и т. д.), а второй в то время отнюдь не избегал антикоммунистических штампов. Тем не менее соперничество “империй” Риббентропа и Розенберга не только не угасало, а, напротив, имело тенденцию к дальнейшему усилению. Важным инструментом конкурентной борьбы против европейской концепции, выдвигавшейся прагматиками, в последние предвоенные годы и месяцы стала так называемая народно-психологическая внешняя политика, с теоретическим обоснованием которой выступило внешнеполитическое бюро НСДАП.

§ 7. Народно-психологическая внешняя политика Розенберга на пороге второй мировой войны

Нацистские европеисты в открытую провозглашали, что “новый порядок” на континенте будет построен на принципах народности и немецко-нордического вождизма. Первый принцип означал признание расового неравенства различных народов, объявление одних “народами господ”, а других – пригодными лишь к повиновению. Сообщество народов с их разными расово-биологическими ценностями создаст, по убеждению теоретиков НСДАП, естественную целостность Европы, покоящуюся на законе “органической свободы”. Национал-социализм, как писал в июне 1938 г. В. Дайц, чтит “взаимный суверенитет народов во всех сферах жизни в качестве высшего закона. Потому что... лишь народный образ жизни... свободный от империализма и любого насилия в политической, экономической, культурной и религиозной сферах, может снова высвободить максимум жизненных сил европейских народов, которые затем сами по себе объединятся в европейскую Оттаву”¹⁴³.

Из принципа народности вытекал другой принцип европейского строительства – нордического вождизма. В противоположность “малоазиатско-средиземноморской духовной позиции”, ставящей форму над содержанием, застывшей над живой жизнью и стремящейся обуздать хаос извне, путем насилия, сущность немецкого вождизма, по Дайцу, заключается в том, что он укрощает хаос изнутри, посредством добровольного подчинения более энергичным и способным на созидание народам. Поэтому нордический вождизм антиимпериалистичен, антиуниверсален и антидеспотичен. Он никогда не нарушает суверенитета чужой народности. В нем в полной мере воплощается лозунг: “Общее благо выше частного”¹⁴⁴.

Организовать народы Европы в “сплоченное силовое поле” возможно (если не произойдет вмешательства расово чуждых сил) не путем внешнего принуждения, а исключительно силой примера, то есть “лишь внутренним побуждением, самопринуждением, точно так, как магнит образует свое силовое поле”¹⁴⁵. Когда европейские народы, добровольно подчинившись германскому народу-вождю, создадут биологическую целостность, возникнет “новая естественная организация Европы”¹⁴⁶. Вследствие расовой неодинаковости европейского населения, утверждал В. Дайц, основные организующие принципы – народности и нордического вождизма – действуют в различных частях Европы по-разному. В Западной Европе процесс реорганизации будет протекать не так, как в Восточной. Строительство национал-социалистического “нового порядка” в центральной и западной частях континента будет представлять собой движение в сторону слияния европейской “биологической субстанции в государственных народах и народных государствах”¹⁴⁷. Система народных государств возникла в пространстве Северного и Балтийского морей, система государственных народов – на берегах Средиземного моря. Для государственных народов характерно преобладание формы над содержанием, для народных государств – содержания над формой, они обладают расовой чистотой и всеми остальными свойствами, присущими нордическому вождизму.

Прототип государственных народов возник в Италии в конце первого тысячелетия нашей эры в результате расового смешения нордических пришельцев с местным населением. Возникшую “расовую смесь” удалось удержать от хаоса благодаря образованию авторитарных государственных форм. Так в пространстве Средиземного моря совершенно естественно “из неомогенной биологической субстанции возникли авторитарные формы государственных народов”¹⁴⁸. Исторически первым народным государством нацисты называли Англию. Эта страна, по Дайцу, являлась “первым, существующим вот уже два с половиной столетия, народным государством, которое управляется посредством не внешней, а внутренней конституции, “здорового смысла”, происходящего из иррациональной биологической сплоченности ее на родной субстанции”¹⁴⁹. Правда, розенберговский сотрудник с сожалением отмечал, что вследствие своих поистине глобальных интересов Англия проявляет все меньшую заинтересованность в решении “великой европейской задачи - присоединения к континентальной Европе русско-сибирского пространства”¹⁵⁰. По этой причине двойная нагрузка падает на другое народное государство – фашистскую Германию, представлявшую собой “гравитационный центр естественной реорганизации Европы”¹⁵¹.

Итак, биологически обусловленной реалией Западной Европы является параллельное существование государственных народов и народных государств,

двух форм организации народа, взаимно дополняющих друг друга и служащих фундаментами “новой Европы”¹⁵². Процесс дифференциации на государственные народы и народные государства Дайц обнаружил и в других странах В Португалии, Греции, Югославии и Болгарии, полагал он, налицо попытка вернуться к форме государственного народа, к диктатуре. В Испании бескровный путь в этом направлении не удался. Нельзя предугадать, как будет протекать данный процесс во Франции и Румынии. Один из важнейших для будущего Европы экспериментов происходит в Бельгии, где впервые предпринимается попытка объединить в тесном сотрудничестве “две части народа, из которых одна – валлонцы – подчиняется средиземноморскому духу, а другая – фламандцы – нордическому”¹⁵³. Так или иначе, подлинная реорганизация Европы возможна путем принципиальной договоренности между народными государствами и государственными народами на антисоветской основе. “Посредством взаимодействия обоих этих принципов организации Европы, – писал Дайц, –... сейчас снова начинается процесс европейской консолидации... Потому что эти принципы организации имеют общего врага, который стремится уничтожить этот новый порядок,...–еврейский большевизм... Поэтому новая Германия и фашистская Италия... точно как же как народное государство, представляющее Восточную Азию, –Япония – должны иметь лишь один фронт: против большевизма. В этом смысле Англия меньше принадлежит Европе...”¹⁵⁴. Идеи Дайца чрезвычайно напоминают розенберговские призывы к сплочению “как сил традиции, так и сил нового порядка” для совместного похода против СССР.

Совершенно по-другому проявляют себя принципы народности и нордического вождизма при организации Восточной Европы. В статье “Германские добродетели как закономерность жизни немецкого народа”, опубликованной в декабре 1937 г., Дайц на первый взгляд совершенно неожиданно обратился к анализу образов жизни японского и китайского народов. Каждый из них, по его словам, своей кровью и почвой, пространством и расой привязан к колоссальной мощности иррациональному силовому полюю, образуя боеспособный народный организм. И тем не менее образы жизни японского и китайского народов крайне противоположны. Ориентированные на экспансию японские добродетели выражаются в идеалах самураев. Являясь самосознанием японского образа жизни, идеалы кодекса бусидо организуют народ в органически цельный созидательный порядок, наполненный социальным согласием внутри и способностью к обороне от внешней опасности. Китайские идеалы, Напротив, ориентированы на внутреннюю сущность. Поэтому китайцы никогда не вели наступательных войн, но зато “разлагали, окружали и без остатка впитывали (агрессоров. – В. Б.), так что от них не оставалось и следа”¹⁵⁵. Народные добродетели китайцев сводятся к вежливости, скромности, честности и спокойствию, а их идеалом является мудрец.

Любая попытка, например, китайцев, подражать японским идеалам и наоборот противоречила бы законам природы и рано или поздно привела бы к вырождению народа. В силу этого японцы “остерегаются проникать в сферу влияния китайских идеалов, смешивать свою землю и кровь с китайской землей и кровью и перенимать учение Конфуция и Лао-Цзы в китайском истолковании. Ибо в тот самый момент они были бы побеждены китайским народом”. Но как же в таком случае реорганизовать Восточную Азию? Нацистский теоретик давал следующий рецепт: “Не завоевывать часть или весь Китай... а административным путем разделить его по регионам и руководить китайским народом... Таким способом в Восточной Азии может возникнуть японо-китайское сотрудничество... Следовательно, законы жизни японского и китайского народов, не смешиваясь, могут привести к новому плодотворному сотрудничеству, которое имело бы величайшее значение для истории”¹⁵⁶.

В чем же состояло “величайшее политическое значение для истории и судьбы Европы и всего мира”¹⁵⁷ японской политики в Китае? Что в ней ценного для национал-социализма? Чем мог обогатить японский опыт нацистский европеизм? Все эти вопросы окажутся несложными, если вместо японского и китайского народов поставить европейские народы с несхожими либо противоположными образами жизни. Тогда роль японцев будут играть немцы, нордические народы, а китайцев – славянские народы. Дайц так и пишет: “Когда-нибудь германские идеалы снова станут ведущими в христианстве... Тогда, наконец, возникнет Священный германский рейх немецкой нации, который своим духовным щитом защитит Восточную Европу от большевизма, от Азии, точно так же как на другой стороне, в Восточной Азии, Япония защищает Китай”¹⁵⁸.

Дайц рекомендовал внимательно изучать опыт установления японского протектора над Китаем в целях подготовки национал-социалистской реорганизации СССР и других славянских стран. Не обязательно оккупировать всю территорию Советского Союза вплоть до Урала, лучше расчленить ее на ряд административных округов и управлять ими с учетом психологии того или иного народа. Ликвидируя государственный суверенитет, не следует вмешиваться в суверенитет народный. Ни в коем случае нельзя перенимать образ жизни и психологию покоренной нации и возвышать местное население до уровня “народа господ”. Все это нацисты пытались осуществить на временно оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. Таким образом, основные идеи оккупационной политики фашистской Германии в восточноевропейских странах получили теоретико-психологическое обоснование еще до второй мировой войны.

Изучением японо-китайских отношений В. Дайц внес заметный вклад в разработку так называемой народно-психологической внешней политики, которой было занято внешнеполитическое бюро НСДАП со второй половины 30-х годов. Двадцать первого мая 1939 г. в дневнике Розенберга появилась следующая запись: “Вчера двухчасовая беседа с Герингом. Я развивал свои взгляды на народно-психологическую внешнюю политику. В 1914 г. борьба в Бельгии протекала бы иначе, если бы в самом начале мы провозгласили свободу угнетенных фламандцев и других народов, угнетаемых Англией и Францией... Если при известных условиях хотят сберечь сотни тысяч людей немецкой крови, должна готовиться психологическая обработка (местного населения. – В. Б.)”⁵⁹. Впервые народно-психологическая внешняя политика получила апробацию с октября 1938 по март 1939 г., то есть в период от Мюнхенского соглашения до ликвидации Чехословацкой республики фашистской Германией. В то время Розенберг предпринимал отчаянные усилия для того, чтобы превратить реализованный в Мюнхене “пакт четырех” Риббентроповского образца в “пакт четырех” образца 1933 г., рьяным поборником которого он был. Здесь-то и понадобилась политика “сознательного европеизма”, совмещенная с народно-психологической внешней политикой.

Скорее всего, именно “империя” Розенберга сыграла главную роль в постановке вопроса о создании “Великой Украины” как ближайшей цели национал-социализма. Всевозможные слухи о германских планах в Восточной Европе муссировались в международной прессе, и не обходилось без упоминания Розенберга. Имя руководителя внешнеполитического бюро НСДАП постоянно мелькало также в дипломатических донесениях тех тревожных недель. В письме французского посла в Берлине в МИД Франции от 15 декабря 1938 г. по этому поводу, к примеру, говорилось: “Что касается Украины, то вот уже примерно в течение десяти дней весь национал-социалистический аппарат говорит о ней. Исследовательский центр Розенберга, ведомство д-ра Геббельса, организация “Ост-Европа”, возглавляемая бывшим министром Курциусом, второе бюро тщательно изучают этот вопрос. Пути и средства, кажется, еще не разработаны, но сама цель, кажется, представляется уже установленной – создать Великую Украину... В окружении Гитлера подумывают атакой операции, которая повторила бы в более широких масштабах операцию в Судетах: проведение в Польше, Румынии и СССР пропаганды за предоставление независимости Украине, в подходящий момент дипломатическая поддержка и акция со стороны местных добровольческих отрядов. И центром движения станет Закарпатская Украина”⁶⁰.

Советский историк В. Я. Сиполс обратил внимание на то, что о нацистских планах в отношении Украины больше говорилось и писалось на Западе, чем в

самой Германии. Тем самым Гитлер подсказывали “диверсию в сторону Востока”¹⁶¹. В сущности, это означало прямую поддержку розенберговской политики “сознательного европеизма, но с конечной целью упрочения европейских позиций западных держав. “Предполагалось, что дело дойдет до русско-германской войны, которая ослабит обе воюющие стороны не без косвенной выгоды для западных государств”¹⁶², – докладывал об одной из составных частей политики умиротворения польский посол в Лондоне Э. Рачиньский. Учитывая этот момент, Гитлер в конце декабря 1938 г. пришел к выводу о необходимости отложить подготовку планов создания “Великой Украины”. Его аргументация была передана хорошо информированным германским журналистам следующими словами: “Решение восточных вопросов не носит срочного характера и нужно время для его основательной подготовки... Следует серьезно отнестись к тому, что Муссолини ставит средиземноморский вопрос и что в связи с этим вполне возможен конфликт с западными державами”¹⁶³. Европейская концепция Розенберга вновь была отложена в сторону. Во время оккупации Чехословакии немецко-фашистскими войсками Закарпатская Украина провозгласила было свою “независимость”, но тут же была передана рейхом хортистской Венгрии¹⁶⁴. Таким образом, Розенбергу пришлось расстаться с планами превращения этой небольшой территории в ядро замышляемой им “Великой Украины”. Во всем произошедшем он обвинил Риббентропа¹⁶⁵.

Следующая попытка реализовать народно-психологическую внешнюю политику относится к последним предвоенным месяцам, когда внешнеполитическое бюро НСДАП прилагало максимальные усилия с целью организации антисоветского похода нацистского рейха (а если удастся, то и всей “объединенной Европы”) и уж во всяком случае стремилось не допустить военного столкновения между Германией и Великобританией. В беседе с Герингом 20 мая 1939 г. Розенберг обратил внимание на отсутствие в Германии единого подхода к вопросу о психологической подготовке войны. Он сообщил собеседнику, что поручил своим сотрудникам из внешнеполитического бюро составить “карту всех народностей Восточной Европы и Сибири (87 народов!), подготовить памятные записки об Украине, Белоруссии, Кавказе и т. д.”. “Но это, – с сожалением добавил рейхслейтер НСДАП, – пока останется теорией, так как исполнительная власть не является единой”¹⁶⁶. Предлагая включить экспертов бюро в имперские министерства и ведомства в целях скорейшей выработки соответствующих документов, Розенберг не преминул отметить, что Риббентроп ничего не смыслит в этих делах либо из тщеславия стремится “все делать сам”. В ходе беседы было намечено подробно изложить в серии памятных записок точку зрения внешнеполитического бюро на особенности исторического

развития СССР, его “народно-психологическое положение”, перспективы экономического развития¹⁶⁷.

Из упомянутых Розенбергом записок к настоящему времени опубликована лишь одна. Это меморандум А. Шикеданца “Восточноевропейские вопросы!” от 14 июня 1939 г., направленный шефу рейхсканцелярии Ламмерсу для передачи Гитлеру. В нем содержались рекомендации использовать предстоящее нападение Германии на Польшу для “политико-психологической” подготовки войны против СССР. Германская политика в Восточной Европе, утверждал Шикеданц, должна вестись не только военными, но и политическими средствами. Решающее значение среди последних имеет политико-психологическая обработка местного населения. С одной стороны, она облегчит рейху проведение военных операций, с другой стороны, поможет “эвентуальному дальнейшему использованию отдельных национальностей в германских интересах”. Что же предлагал автор меморандума в преддверии германской агрессии против Польши?

Он настоятельно рекомендовал создать после оккупации Польши марионеточные западноукраинское и западнобелорусское государственные образования, которые находились бы “под защитой” третьего рейха. С их помощью нацистская Германия оказывала бы дополнительное давление на Польшу “при возможном ограничении Польши ее собственным пространством”. Но главное их предназначение состояло бы в ином. Западная Украина и Западная Белоруссия могли бы стать плацдармом, с которого осуществлялось бы расширение немецкого жизненного пространства далеко на Восток. “Области с западнобелорусским и западноукраинским населением, – писал Шикеданц, – имели бы неоценимое значение в качестве плацдарма и подготовительного глациса для кардинального расчленения России... Поэтому что когда-нибудь наступит момент внутренних потрясений в советском раю... Это и был бы великий момент для использования обеих народностей в немецких интересах с целью оттеснения Московии” независимо оттого, какой политический режим там будет существовать¹⁶⁸.

Как и Розенберг в случае с Закарпатской Украиной, Шикеданц видел в Западной Украине и Западной Белоруссии ядро будущих марионеточных образований, с помощью которых Германия могла бы приступить к практическому расчленению СССР. Он предлагал в перспективе расширить территорию Белоруссии до Москвы на Востоке и Новгородской области на Севере, а ее столицей объявить Смоленск, к Западной же Украине присоединить всю территорию Украинской ССР, а заодно и так называемую Донскую область и примыкающую к ней область Терека и Кубани на Северном Кавказе¹⁶⁹. Тогда собственно, русские навсегда будут оттеснены в свои естественные пределы и

не будут мешать колониционным планам германского “народа господ”. Предложения Шикеданца предвосхитили раздел временно оккупированных территорий Советского Союза на рейхскомиссариаты в 1941 г.

Меморандум Шикеданца являлся одной из последних перед войной попыток внешнеполитического бюро НСДАП и всей розенберговской “империи” повлиять на практическую политику рейха в духе “сознательного европеизма”. На состоявшемся спустя несколько дней шестом имперском съезде Нордического общества в Любеке Розенберг собирался произнести программную речь с резкими выпадами против СССР, но неожиданно для него Гитлер запретил ему вообще упоминать об этой стране¹⁷⁰. Причины столь необычного на первый взгляд шага кроются в очередной и, по-видимому, самой значительной за 30-е годы корректировке европейской стратегии национал-социализма.

На совещании в имперской канцелярии 8 марта 1939 г. была определена последовательность германской агрессии в Европе в ближайшей перспективе. Первый мощный удар (после ликвидации оставшейся части Чехословакии и “стабилизации” Восточной и Юго-Восточной Европы, включая Польшу) предполагалось нанести на Западе, второй – на Востоке, против СССР¹⁷¹. Решения мартовского совещания Гитлер подтвердил в конце апреля. “За беспощадным очищением Востока, – заявил он, имея в виду группу малых стран, расположенных между Балтийским и Средиземным морями, – последует “западный этап”, который закончится поражением Франции и Англии. Только после этого “станет возможным великое и решающее столкновение” Германии с СССР¹⁷². По словам сотрудника бюро Риббентропа доктора Клейста, записанным 19 июня 1939 г., в течение последних недель Гитлер “обстоятельно занимался Советским Союзом” и пришел к заключению, что после “решения польского вопроса необходимо инсценировать в германо-русских отношениях новый раппальский этап и что необходимо будет с Москвой проводить определенное время политику равновесия и экономического сотрудничества”¹⁷³.

Корректировка европейской стратегии произошла в Германии при активном участии имперского министра иностранных дел Риббентропа, влияние которого на Гитлера, как пишет советский историк Д. М. Прохтор, играло “не последнюю роль в охлаждении германо-британских отношений после Мюнхена, когда Гитлер не посчитался с европейскими интересами Лондона и вторгся в Чехословакию, а затем и в Польшу”¹⁷⁴. Расстроить намечавшийся военно-политический союз Англии, Франции и СССР и тем самым создать благоприятные условия для войны против Европы – вот чем мотивировалось изменение евростратегических установок Гитлера. В этих условиях выступление Розенберга с позиций “сознательного европеизма” помешало бы полному осуществлению подобных

замыслов. Тем не менее даже в такой ситуации руководитель внешнеполитического бюро НСДАП сумел изложить в Любеке свои программные установки. Выступая на съезде Нордического общества, он высказался за “содействие всех” делу возрождения Европы, заявил, что основой переговоров о “новом европейском порядке” является признание сложившихся на континенте исторических реальностей, и призвал к объединению Западной и Центральной Европы (то есть Великобритании и Германии) для борьбы против большевизма¹⁷⁵.

В июне–августе 1939 г. Розенберг предпринял несколько важных шагов с намерением перевести программу “сознательного европеизма” в плоскость практической внешней политики рейха. Имеются в виду его секретные встречи и переговоры с В. Квислингом, британским газетным королем лордом Кемсли и бароном де Роппом. Идеи вождя норвежской фашистской партии “Национальное объединение” Квислинга были сродни розенберговским. В плане мировоззренческом он выступал с позиций германской расы и крови как высших ценностей на земле, в политическом плане выдвинул программу некоего “нордического союза”, ориентированного на войну с СССР. Первая беседа между представителем внешнеполитического бюро Т. фон Тротой и В. Квислингом состоялась летом 1934 г. в Осло. Тогда перед посланцем третьего рейха была нарисована фантастическая картина будущего расчленения Советского Союза государствами германского блока¹⁷⁶. С тех пор связи между внешнеполитическим бюро НСДАП и партией Квислинга становились все более тесными. Прибыв в середине июня 1939 г. в Германию под предлогом участия в шестом съезде Нордического общества, Квислинг был немедленно принят Розенбергом. На встрече подробно обсуждалась проблема организации “союза германских государств” и “эвентуальная позиция такого германского союза к русской империи”¹⁷⁷. Иными словами, беседа руководителя внешнеполитического бюро национал-социалистской партии с лидером норвежских фашистов проходила под знаком “сознательного европеизма”.

Двадцать шестого июля состоялись переговоры Розенберга с владельцем влиятельной “Санди таймс” и других английских газет лордом Кемсли, в ходе которых рассматривался вопрос о том, как не допустить англо-германской войны¹⁷⁸. В записке на имя Гитлера, составленной сразу же после окончания переговоров, Розенберг обратил внимание на то, что его собеседник несколько раз повторил одну и ту же мысль: “Англия и Германия никогда не должны вступать в войну друг с другом, так как она могла бы принести пользу только России и привела бы к гибели европейской культуры”¹⁷⁹. В отличие от других секретных англо-германских контактов лета 1939 г.¹⁸⁰, в которых с немецкой

стороны принимали участие представители Геринга и Риббентропа, переговоры Розенберга с эмиссарами консервативных кругов Великобритании велись с позиций “сознательного европеизма”.

Шестнадцатого августа 1939 г. руководителя внешнеполитического бюро НСДАП посетил барон де Ропп. Он сообщил, что в министерстве авиации Англии и в генеральном штабе военно-воздушных сил придерживаются того же мнения, что и раньше, относительно перспектив развития англо-германских отношений. Там “считают бессмыслицей, – продолжал барон, – чтобы Англия и Германия оказались ввергнуты из-за Польши в борьбу не на жизнь, а на смерть; при нынешнем положении вещей результатом этого было бы лишь взаимное уничтожение авиации обеих сторон, а в конце такой войны – гибель всей европейской цивилизации, причем плоды этого пожала бы Россия, так и не применив оружия”¹⁸¹. Однако в сложившейся ситуации, добавил он, в случае германо-польского вооруженного конфликта “выступление Англии и Франции последует автоматически”. Ни в коем случае нельзя позволить превратиться вспыхнувшей таким образом войне во взаимное уничтожение.

Будучи уверенным в том, что его слова обязательно доведут до сведения нацистского фюрера, барон де Ропп предложил следующее решение проблемы: “Здесь возможен вариант, когда Германия быстро покончит с Польшей, и хотя к этому времени война будет объявлена, она в этот период обеими сторонами (Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой. – В. Б.) будет вестись как оборонительная... На случай быстрого завершения германо-польского конфликта, – подчеркнул барон, – при этих условиях еще имелась бы возможность быстро ликвидировать войну, поскольку из-за государства, которое практически уже перестало бы существовать в своем первоначальном виде, ни Британская империя, ни Германия не поставили бы на карту свое собственное существование”¹⁸². Как видно, барон де Ропп предлагал по сути план подготовки “второго Мюнхена, на этот раз за счет Польши”¹⁸³. Вместо вооруженного конфликта с западными державами он советовал фашистской Германии “укрепляться на Востоке”, за что, по его словам, “особенно настойчиво выступают как раз его друзья, так как в этом они не только не видят никакого вреда для будущего Англии, но даже усматривают положительный момент”¹⁸⁴.

Информацию де Роппа Розенберг немедленно передал в рейхсканцелярию из-за ее чрезвычайной важности, а также поскольку она в значительной мере совпадала с его собственной европейской концепцией. Как стремился руководитель внешнеполитического бюро НСДАП к тому, чтобы его концепция “сознательного европеизма”, его вариант континентальной стратегии рейха стали основой практической внешней политики национал-социализма, превратились

в европейскую институцию! Но вдруг произошло то, чего в розенберговской “империи” никак не ожидали: 23 августа 1939 г. состоялось подписание германо-советского договора о ненападении. От имени имперского правительства договор подписал министр иностранных дел И. фон Риббентроп. Тем самым Гитлер довел до логического завершения европейскую концепцию Риббентропа, определившую, по существу, стратегическую линию нацистского рейха в годы второй мировой войны – сначала война на Западе против Франции и Великобритании, затем – на Востоке против СССР. Известие о предстоящем заключении пакта Риббентропа – Молотова повергло Розенберга в шоковое состояние. У него возникло впечатление, что рушится все, чему он посвятил всю свою жизнь. Как теперь быть с “сознательным европеизмом”, планами “объединенной Европы” под началом гитлеровской Германии? Как быть с антисоветизмом и антибольшевизмом? Как развивать в этих условиях национал-социалистскую идеологию, формулировать европейскую концепцию? В чем искать выход? Свои первые впечатления о предполагаемом воздействии германо-советского пакта на развитие нацистского европеизма Розенберг занес в дневник 22 августа, как только узнал о предстоящем событии. Он записал: “Прежде всего: осознание облегчения внешнеполитического положения (Германии. – В. Б.); устранение угрозы со стороны русской авиации в германо-польском конфликте, улучшение ситуации на Балтийском море, подвоз сырья и т. д.”¹⁸⁵. После указания на то, что договор трудно совместить с двадцатилетней борьбой НСДАП против коммунизма и большевизма, Розенберг продолжал: “История, вероятно, когда-нибудь выяснит, должно ли было возникнуть положение, которое возникло. То есть нельзя ли было мобилизовать решающие английские силы для совместных действий с нами. Это означало бы: довольствоваться лишь принципиальным выдвижением прав на все (бывшие немецкие. – В. Б.) колонии, чтобы в обмен получить английскую поддержку на Востоке. Это решение стало почти невозможным из-за пропаганды фон Риббентропа в бытность его нашим послом в Лондоне”¹⁸⁶. Руководитель внешнеполитического бюро национал-социалистской партии довольно четко изложил суть расхождений по вопросам реорганизации Европы, существовавших между его “империей” и “империей” Риббентропа.

Еще более проясняет вопрос дневниковая запись, сделанная Розенбергом вечером 25 августа 1939 г. “У меня такое ощущение, – отметил он, – что этот московский пакт когда-нибудь отомстит национал-социализму... Как мы еще можем говорить о спасении и организации Европы, если вынуждены прибегать к помощи разрушающей Европу силы”¹⁸⁷. Вспомнив о памятной записке Шикеданца от 14 июня, Розенберг далее подчеркнул: “Если к тому же мы должны передать Советскому Союзу часть польской Украины, то это будет вторым после

Закарпатской Украины ударом с нашей стороны против самой мощной антимосковской силы... Сейчас это может еще и не сказаться, но, пожалуй, в будущем”¹⁸⁸. Таким образом, не только политика “сознательного европеизма”, но и народно-психологическая внешняя политика оказалась, по его мнению, под серьезной угрозой.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на активные попытки Розенберга и его сотрудников проташить свой вариант национал-социалистического преобразования Европы, Гитлер явно предпочел европейскую концепцию, детально сформулированную в “империи” Риббентропа. В соответствии с ней главными союзниками рейха объявлялись Италия и Япония, а главными противниками- Великобритания, Франция и СССР. По сценарию Гитлера-Риббентропа был осуществлен аншлюс Австрии, состоялось подписание Мюнхенского соглашения, подверглись немецкой оккупации сначала Судетская область, а затем остальная часть Чехословакии. Не без активных усилий имперского министра иностранных дел Гитлер принял решение об очередности агрессивных акций Германии в предстоящей мировой войне. Первый удар было решено нанести на западе, второй – на востоке Европы, против СССР. Чтобы воспрепятствовать успешному завершению переговоров между Англией, Францией и Советским Союзом и изолировать их друг от друга, весной–летом 1939 г. национал-социалистический третий рейх (через Геринга, Риббентропа, Розенберга и других) поддерживал секретные контакты в столицах западных держав, а 23 августа подписал договор о ненападении с Советским Союзом. Тем самым завершилась эволюция европейской стратегии германского фашизма предвоенных лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Национал-социалистскую идеологию пронизывала идея тотального преобразования Европы и мира – идея “нового порядка”. Завоевание жизненного пространства на Европейском континенте и его германизация считались важнейшей стратегической целью третьего рейха на пути к мировому господству.

Розенберговский вариант нацистской идеологии паразитировал на извечном стремлении человека к свободе. Проповедуемый внешнеполитическим бюро НСДАП закон “органической свободы” являлся по существу универсальной отмычкой ко всей идеологической системе национал-социализма. На основе “органической свободы” конструировалась ортодоксальная по своему характеру европейская концепция “империи” Розенберга. Ее неперемнным условием была сделка фашистской Германии с Великобританией на почве передела мира, в соответствии с которой Германия должна была получить всю континентальную

Европу, а за Англией в течение определенного времени сохранялась ее громадная колониальная империя. Концепция Розенберга естественно вписывалась в европейскую стратегию германского фашизма в первые годы режима, сложные с точки зрения укрепления его позиций на международной арене.

На середину 30-х годов приходится второй, промежуточный этап эволюции предвоенной европейской стратегии национал-социализма. В то время гитлеровский рейх оккупировал Рейнскую демилитаризованную зону, вместе с Италией осуществил интервенцию в Испанию, открыто заявил о своих притязаниях на Европу. Именно тогда в Германии появились или были гальванизированы иные, чем у Розенберга, представления о путях достижения “нового европейского порядка”. Сторонники возникшей в те годы прагматической европейской концепции, группировавшиеся вокруг “империи” Риббентропа, не исключали возможности договориться с Великобританией, но не на основе полубовновой сделки, а исключительно с позиции силы. На вопрос: “Вместе с Англией, без нее или против нее?” – они чем дальше, тем категоричнее отвечали: “Против”. Уже в 1937 г. Риббентроп стал все больше склоняться к мысли о том, что военно-политический союз национал-социалистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии может представлять собой реальный противовес Великобритании в процессе “тотальной реорганизации”.

Между “империями” Розенберга и Риббентропа, к каждой из которых примыкали те или иные представители НСДАП, правительственной бюрократии, генералитета, финансовой олигархии и профессуры, велась довольно острая конкурентная борьба по вопросам европейской стратегии рейха. В условиях возраставшей агрессивности Германии и обусловленного этим усиления антибританских тенденций в ее внешней политике европейская концепция “империи” Риббентропа, в отличие от розенберговской, получала все большую поддержку Гитлера.

Третий и последний этап предвоенной европейской стратегии германского фашизма связан с аншлюсом Австрии, подписанием Мюнхенского соглашения, оккупацией Чехословакии, известными событиями весны–лета 1939 г. Англо-германские противоречия обострились до предела. Вот почему розенберговская концепция “сознательного европеизма” в конечном счете оказалась оттесненной на второй план. Гитлер, которому принадлежало исключительное право принятия решений, в том числе по внешнеполитическим делам, окончательно предпочел европейскую концепцию “империи” Риббентропа. Ее сторонники, исходя из прагматических соображений, объявляли главными союзниками рейха Италию и Японию, а основными противниками – Англию, Францию и СССР. Вопрос состоял только в том, где наносить первый удар – на западе или на востоке Европы. В конце концов было принято решение, в соответствии с которым предполагалось сначала совершить нападение на Францию и Великобританию, а затем – на СССР. Подписание советско-германского договора о ненападении свидетельствовало в

этой связи о многом. Гитлеру и Риббентропу казалось, что заключением пакта от 23 августа 1939 г. фактически завершился процесс формирования самых благоприятных политических условий для перехода к насильственной пацификации Европы. Не так думали в “империи” ортодоксально ориентированного Розенберга. По его мнению, не состоявшийся в тридцатые годы англо-германский союз, с одной стороны, и пакт Риббентропа – Молотова, с другой, могли иметь для национал-социализма роковые, губительные последствия.

**ГИТЛЕРОВСКИЙ
“НОВЫЙ ПОРЯДОК”
И ЕГО КРАХ**

1939-1945

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

*Моему учителю – профессору
Ивану Никаноровичу Чемпалову*

ВВЕДЕНИЕ

В истории войны и мира первая половина XX века навсегда останется временем двух мировых войн. Опустошительным ураганом пронеслись они над планетой, повсюду убивая жизнь и попирая свободу человека, но их эпицентр неизменно находился в Европе. Это не случайно. На европейском континенте в единый тугой узел сплелись сложнейшие противоречия, имманентно присущие нашему столетию.

Из двух мировых войн самой жестокой была вторая. Она принесла с собой небывалое столкновение различных социальных систем и потому не могла не сопровождаться грандиозным идеологическим противоборством. Война на Востоке Европы вылилась со стороны фашистской Германии в настоящую кровавую бойню, в войну на уничтожение по мировоззренческим, политическим и национальным мотивам, в сравнении с которой меркнут даже религиозные конфликты средних веков. Во второй мировой войне решался вопрос и о перспективах самого капитализма, о том, какой облик он примет в будущем, сохранится ли у него способность развиваться в условиях демократии или он будет полностью либо частично фашизирован – со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями. И на Востоке и на Западе Европы война с нацистским рейхом велась не на жизнь, а на смерть.

Гитлеровская Германия развязала и вела войну под флагом “нового европейского порядка”. Но что скрывалось за этим аморфным термином, который на первый взгляд выглядел довольно привлекательно и уж, во всяком случае, не содержал в себе никакой угрозы? В самом общем виде мы знаем ответ. Нет сомнений, что в данной формулировке нашло отражение присущее правящим Кругам рейха стремление к экспансии и мировому господству¹. В этом смысле указанный термин был широко распространен в Германии и до установления фашистской диктатуры, особенно среди реакционных движений и групп времен Веймарской республики. Ну, а имел ли он какие-либо отличительные черты в национал-социалистическом варианте?

За прошедшие после разгрома нацистской Германии годы в нашей стране изданы десятки книг по немецкой истории новейшего времени. Международную известность получили монографии с историко-социологическим анализом фашизма². Исследовалась внутренняя политика режима, его подготовка к

агрессивной войне, деятельность немецких монополий по укреплению военно-экономического потенциала, военно-политическая стратегия рейха, политика Германии в оккупированных странах и областях³. Воссоздавалась история ее внешней политики, в том числе закулисные маневры нацистской дипломатии в январе – мае 1945 г.⁴ Изучалась история антифашистского Сопротивления⁵. Объектом все возрастающего внимания становилась немарксистская историография фашизма и войны⁶.

Ни одна из названных книг не обходится без упоминания о гитлеровском “новом порядке” в Европе. При этом, однако, в отечественной исторической литературе наблюдается почти полное отсутствие монографических исследований по данной теме⁷. И дело даже не в чисто количественных параметрах. В нацистском европеизме в наиболее концентрированном виде обнажалась природа и, так сказать, историческая миссия национал-социализма. Пронизывая все без исключения структурные элементы режима, его идеологию и преступную практику, гитлеровский “новый порядок” был вездесущ, и в этом кроется дополнительная трудность изучения темы. Ее разработкой не занимались, во-первых, ввиду ее кажущейся очевидности. Во-вторых, недооценка темы была в значительной степени предопределена тем исследовательским подходом, который предполагал обязательное наличие жестко детерминированной сцепки “монополии – фашизм”. При таком подходе не было особой нужды в исследовании существовавшего при фашизме политического режима или, например, нацистской идеологии. В связи с этим громадное значение имеет сделанный нашими историками вывод об относительной самостоятельности режимов фашистского типа⁸. Все большую ценность приобретают изданные в стране философские и исторические труды по идеологии германского фашизма⁹.

Именно в идеологических догмах национал-социализма коренилась нацистская идея “новой Европы”. Мало того, она, как заметил в начале 60-х гг. А. С. Ерусалимский, являлась своеобразным стержнем идеологической системы нацизма. А. С. Ерусалимский особо подчеркивал эффективность воздействия национал-социалистической идеологии (и, следовательно, идеи “нового европейского порядка”), ее искусную приспособляемость к “психическому складу и настоящим или иллюзорным потребностям различных слоев населения – и притом довольно широких”¹⁰. Остается актуальным замечание историка о “задержке” крушения этой идеологии вплоть до безоговорочной капитуляции рейха¹¹.

Идеология национал-социализма претерпевала постоянные изменения, особенно в период войны. Да и сами представления нацистских теоретиков, о

“новой Европе” отнюдь не являли собой одну-единственную концепцию, прочный монолит, как было принято считать прежде. Внутри НСДАП генерировались на этот счет различные идеи, иногда почти совпадающие друг с другом, но чаще всего альтернативные, и все это так или иначе сказывалось на принятии внешнеполитических решений. В фашистской Германии имелось множество организаций, занимавшихся идеологическим и пропагандистским обеспечением европейской стратегии рейха. В НСДАП это расово-политический отдел, отдел пропаганды, внешнеполитическое бюро, аппарат уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии (два последних ведомства возглавлял крупный нацистский деятель и теоретик А. Розенберг), так называемое бюро Риббентропа и некоторые другие. Среди высших правительственных учреждений – руководимое Геббельсом министерство информации и пропаганды, министерства иностранных дел, экономики, другие ведомства. Идеологическими функциями была наделена “империя смерти” Гиммлера. Европейская пропаганда осуществлялась также по каналам монополий и предпринимательских организаций, всевозможных обществ, по линии научных связей и т. д.

Дифференцированные интересы партийно-правительственной бюрократии, генералитета, финансово-промышленных группировок, научных и иных кругов, экстраполируясь наверх, порождали сложную гамму интересов политических, в том числе внешнеполитических, и, помноженные на идеологические постулаты национал-социализма, формулировались в виде синтетических идей “нового европейского порядка”. Но в таком случае нацистский европеизм являлся концентрированным выражением идеологии, политики и экономики гитлеровского рейха. Вот почему изучение идеологических мотивировок нацистского “нового порядка” на европейском континенте способно навести на серьезные размышления о германском национал-социализме, да и о феномене фашизма вообще.

Особая роль в формировании и реализации европейской идеологии нацизма принадлежала “империи” Розенберга, состоявшей не только из партийных, но и из правительственных учреждений. Розенберг – с его фанатичной приверженностью национал-социалистическому мировоззрению (даже после войны, находясь вместе с другими главными немецкими военными преступниками на скамье подсудимых в Нюрнберге, он утверждал, что “национал-социализм был европейским ответом на вопросы, поставленные нашим столетием”¹²), с его неумеренными амбициями и вместе с тем очевидной слабостью в бесконечной “гонке наверх” – был, пожалуй, наиболее одиозной фигурой среди ведущих нацистских европеистов. Еще в двадцатые годы он

приступил к философскому обоснованию европейской идеи национал-социализма и на этой основе разработал рекомендации в сфере внешней политики будущего третьего рейха.

Европейская концепция Розенберга исходила из необходимости достижения англо-германской сделки на почве полюбовного раздела мира, причем гитлеровской Германии досталась бы вся Европа, включая СССР, а Великобритании на первых порах гарантировалась бы целостность ее колониальной империи. Накануне второй мировой войны, однако, в рейхе возникла еще одна концепция, связанная с именем И. фон Риббентропа,— она покоилась на идее антибританского соглашения Германии, Италии и Японии. Розенберг призывал к антисоветскому походу всех европейских держав (разумеется, под германским руководством). Риббентроп же, учитывая остроту англо-германских противоречий, на первое место ставил борьбу с Великобританией и только после ее поражения полагал обещающим успех нападения на Советский Союз¹³.

Гитлер, принимая во внимание стратегические реалии, сложившиеся в Европе и мире к концу 30-х годов, начал вторую мировую войну не по розенберговским рецептам, а в соответствии с предложениями Риббентропа. Курс был взят на серию войн, в ходе которых нацисты намеревались расправиться сначала с Францией и Англией, а затем с СССР и установить на континенте свой “новый порядок”. При таких обстоятельствах европеистские установки “империи” Розенберга подверглись в годы войны известной модификации, и важно определить, какой именно.

Сделанных пояснений к теме нашего исследования вполне достаточно для того, чтобы сформулировать основные задачи монографии – изучить мотивировки нацистского “нового порядка” в Европе, исходившие из подразделений розенберговской “империи” в 1939—1945 гг.; сопоставить их с представлениями о “новой Европе” других фюреров гитлеровского рейха, прежде всего Риббентропа, а также Гимmlера, Геббельса и других; исследовать специфику противоречий между “империями” Розенберга и Риббентропа по евро-стратегическим вопросам в период войны; выяснить, в каком направлении эволюционировал национал-социалистический европеизм и к каким итогам он пришел.

Исследование нацистского “нового европейского порядка” через призму деятельности розенберговской “империи” представляется чрезвычайно перспективным. В таком ключе данная тема в отечественной исторической литературе еще не рассматривалась. Насколько нам известно, так же обстоит дело и в зарубежной историографии, лидирующие позиции в которой занимает вновь объединившаяся Германия.

В немарксистской историографии ФРГ существуют три основных подхода к исследованию всего того, что относится к фашистскому комплексу. Один из них исходит из широко понимаемого “примата политики”, Другой – из “примата экономики”, для третьего характерно стремление синтезировать первый со вторым. Первый исследовательский подход условно можно назвать “историко-политическим”, второй—“социально-экономическим”¹⁴, третий—“синтетическим”. Последний, оплодотворяя “историко-политический” и “социально-экономический” подходы и в то же время вбирая в себя наиболее перспективные их элементы, оказался в последние годы как нельзя более кстати для подготовки крупных обобщающих трудов, таких как фундаментальное издание “Германский рейх и вторая мировая война”¹⁵. Пятый том этого издания посвящен вопросам формирования гитлеровского “нового порядка” в Европе в период второй мировой войны. Но в нем не исследуются такие интересующие нас проблемы, как саморазвитие европейской концепции Розенберга в 1939—1945 гг., соперничество “империй” Розенберга и Риббентропа по вопросам, связанным с установлением на континенте национал-социалистического “нового порядка” и др. В известной мере пробел восполняется в монографиях Г. Нойлена и Р. Жиордано, а также в работе американского историка Р. Хернстайна¹⁶, которые вплотную приблизились к постановке, а в ряде случаев и к решению поставленной нами проблемы.

Предлагаемая вниманию читателя монография проблемно и хронологически продолжает наше предыдущее исследование¹⁷. Автор выражает глубокую благодарность коллективу кафедры новой и новейшей истории Уральского университета, равно как и германистам, работающим в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах Москвы, Львова, Челябинска и других городов, за ценные советы, сделанные при подготовке рукописи к печати.

1990 г.

1. НА ПУТИ К “НОВОМУ ЕВРОПЕЙСКОМУ ПОРЯДКУ. (СЕНТЯБРЬ 1939 – НОЯБРЬ 1942)

1.1. Жизненные пространства подлинные и мнимые

В терминологическом ряду национал-социализма одно из первых мест занимали такие несущие субстанциональную нагрузку понятия, как “новый порядок” и “жизненное пространство”. Неразрывная связь между ними обуславливалась в первую очередь их принципиальной ориентацией на глобальное переустройство мира в духе нацистских идей, причем изначально подразумевалась практическая невозможность реализации “нового порядка” без захвата великого жизненного пространства. Иными словами, насильственное приращение к рейху дополнительного жизненного пространства и его организация составляли важнейшую интегральную часть “нового порядка”.

Самыми тесными узами проблема жизненного пространства соединялась с общей проблемой колоссального значения – проблемой целей германского фашизма во второй мировой войне. Дело в том, что планы установления полного господства фашистской Германии “ над европейским континентом составляли основу внешнеполитической программы нацистского режима. О необходимости завоевания нового жизненного пространства на Востоке Европы и его беспощадной германизации как важнейшей государственной задаче Гитлер говорил уже 3 февраля 1933 г., еще не успев как следует освоиться в кресле рейхсканцлера. Та же цель ставилась фюрером 5 ноября 1937 г., 23 мая 1939 г.¹ и на других совещаниях, когда военно-политическое руководство рейха принимало стратегические решения об аншлюсе Австрии, поглощении Чехословакии, нападении на Польшу.

Не будет преувеличением сказать, что в понятии “жизненное пространство” как в капле воды сфокусировалась вся захватническая программа национал-социализма. Им охватывалось все: и судьба покоренных Германией народов, и политическая реорганизация Европы, и “новый порядок” в экономической и социальной жизни. Но что же это такое — жизненное пространство? Как этот термин интерпретировался в нацистской литературе?

С 1939 г. данный вопрос оказался в центре внимания теоретиков НСДАП, не случайно усмотревших в нем ключ к программе “нового европейского порядка”. Проблема жизненного пространства стала предметом оживленной полемики на страницах специальных изданий². В ней принимали участие специалисты по международному праву, геополитики и биополитики; последние считали себя истинными носителями мировоззренческих ценностей национал-социализма. В ходе полемики уточнялись представления нацистских теоретиков о сущностных, структурных и функциональных аспектах жизненного

пространства. В немалой степени это объяснялось реалиями войны, приведшими к захвату немецкими войсками Польши, оккупации Дании и Норвегии, капитуляции Бельгии, Голландии и Франции, к победоносной кампании вермахта в Юго-Восточной Европе, наконец, к первоначальным успехам немецко-фашистских армий в агрессивной войне против СССР. “Быстрое и значительное увеличение пространства...—писал в 1941 г. один из ближайших подручных Гиммлера по главному управлению имперской безопасности В. Бест,—вынуждает к пересмотру всех понятий, принципов, а также форм, в которых до сих пор происходило осуществление организующей власти”³. Вместе с тем формирование антигитлеровской коалиции и вступление в войну США (декабрь 1941 г.) не могли не оказать мощного дополнительного воздействия на полемистов.

Основой дискуссии послужили опубликованные весной—летом 1939 г. работы крупного немецкого эксперта по вопросам международного права профессора К. Шмитта⁴ известного еще с веймарских времен своими активными нападениями на демократию и сочинениями в пользу авторитарной диктатуры⁵.

Шмитт первый в фашистской Германии не только сформулировал положение о великом пространстве как субъекте международного права, идущем на смену государству (или союзу государств), но и обратил внимание на некоторые положения принятой в 1823 г. американской доктрины Монро⁶, вполне пригодные, по его мнению, для перенесения на европейскую почву в интересах “нового порядка”. На доктрину Монро и раньше ссылались в третьем рейхе, о ней, например, было упомянуто в известном заявлении Гитлера от 28 апреля 1939 г. (“точно такую же доктрину теперь выдвигаем для Европы мы, немцы”), но в сочинениях Шмитта присутствовал ряд новых оценок.

В отличие от других К. Шмитт полагал, что со времени своего провозглашения доктрина Монро претерпела довольно сложную эволюцию и сейчас, в XX веке, мир имеет дело с фальсифицированной доктриной Монро. Если первоначально она использовалась в целях отражения вмешательства европейских держав в процессы, происходившие в странах Латинской Америки, то чем дальше, тем больше ее стали применять для оправдания империалистической политики США. Если в основе подлинной доктрины Монро лежал принцип права (регионального размежевания) с запрещением вмешательства пространственно чуждых сил, то фальсифицированная доктрина Монро зиждилась на принципе универсального мира, не имеющем ничего общего с международным правом, исповедующем лишь беспредельную экспансию и либеральные идеи свободы.

Подлинная доктрина Монро, по Шмитту, была сознательно искажена на рубеже XIX и XX веков при президентах Т. Рузвельте и В. Вильсоне. Именно тогда идея разумного пространственного разграничения превратилась в “право идеологического вмешательства во всем мире”, становящееся на пути “естественного развития живых народов”⁸. С такой фальсифицированной доктриной Монро у Германии и Европы не может быть ничего общего. Напротив, следует воздать должное подлинной доктрине Монро, специфической чертой которой являлся-де принцип невмешательства пространственно чуждых сил в дела других великих пространств. “Таким образом,— приходит к заключению К. Шмитт,— ссылаясь на доктрину Монро, мы не просто копируем американский образец, а лишь обнажаем здоровое ядро международно-правового принципа организации великого пространства”⁹.

Профессору импонировала еще одна идея, заложенная, как он полагал, в доктрине Монро, а именно идея рейха как политического руководителя великого пространства. Нельзя представить себе великое пространство без рейха, как и всякий рейх немислим без принадлежащего ему великого пространства. Как же не использовать столь важную мысль для реорганизации Европы!

Вот эти-то две идеи – руководимого рейхом великого пространства с обязательным запрещением вмешательства пространственно чуждых сил – и составляли суть в общем незамысловатой схемы Шмитта. Казалось, что в ней наилучшим образом учтены стратегические интересы германского фашизма и отражены по меньшей мере внешние атрибуты программы “нового европейского порядка”, сводившиеся к международно-правовому регулированию отношений между будущими великими пространствами мира. Тем не менее схему К. Шмитта подвергли весьма суровой критике.

Среди самых активных оппонентов Шмитта назовем В. Беста, В. Штуккарта, Р. Хёна и В. Дайца – представителей биополитического направления в национал-социализме. По их версии, национал-социализм – это “органически-биологическое мировоззрение”, “биология, используемая в политических целях”¹⁰, причем термин “биологический” трактовался в данном случае как “соответствующий законам жизни”, “Для нас,— утверждал, например, биополитик В. Лонгерт,— высшим судьей является жизнь... На вопрос, какая исходная посылка истинна – исходящая от живой жизни или от мертвой материи, мы отвечаем – исходящая от жизни. В своем “Мифе” Альфред Розенберг называет это органической истиной”¹¹.

Понятно, что биополитики буквально в штыки встретили абстрактно-академические рассуждения К. Шмитта. По их представлениям, в методологическом плане Шмитт так и остался на старых позициях уходящей

буржуазно-либеральной эпохи, он в лучшем случае лишь воспринял категориальный аппарат нацистского мировоззрения, ни на йоту не приблизившись, однако, к постижению его сущности. Поэтому если одни биополитики были не прочь воспользоваться отдельными элементами шмиттовской схемы, то другие отвергали ее вообще.

Ссылаясь на то, что “понятия суть программы”, биополитики критиковали Шмитта главным образом под методологическим углом зрения. В первую очередь они поставили под сомнение предлагавшийся Шмиттом международно-правовой принцип организации великого пространства, которому В. Бест противопоставил принцип народной организации¹². При этом речь шла о вполне определенной идеологии, усматривающей действительность человечества в соединенных одной расой народах, а не в отдельных людях. “Ее противоположностью,— писал Бест в одной из своих статей,— является эгоистическая (индивидуалистически-гуманитарная) идеология, в качестве человеческой действительности признающая отдельного человека”¹³. В зависимости от того, что составляло сердцевину идеологии — тотально организованный народ либо беспредельно свободный индивидуум, расовую доктрину национал-социализма отделяли от либерально-буржуазных взглядов.

Другой биополитик, занимавший пост статс-секретаря министерства внутренних дел рейха, В. Штуккарт, поддерживая позицию Беста, отмечал, что европейские народы должно соединять не расплывчатое и неясное международное право, а право континентальное, находящееся в соответствии с потребностями естественной жизни народов Европы¹⁴.

“Так называемое международное право, из-за которого еще и сегодня спорят ученые,— уточнял точку зрения Штуккарта ближайший сотрудник Розенберга В. Дайц,— распадется на биологически-региональные, то есть привязанные к жизненным пространствам правовые формы. В перспективе каждое жизненное пространство будет иметь свое собственное... право”¹⁵.

К. Шмитта упрекали также за трактовку государства с позиций вчерашнего дня, за склонность видеть в нем абстрактное и застывшее содержание, общую категорию, применимую ко всем временам и народам. Между тем, полагали биополитики, представления о государстве постоянно меняются вслед за изменением политической и социальной действительности. Скажем, национал-социализм сформулировал концепцию государства как жизненной функции народа, примата расовой народной общности над государством. Иными были-взгляды “буржуазных либералов”¹⁶. Для них, по мнению гиммлеровского консультанта профессора Р. Хёна, характерно распространение на государство принципов либерального индивидуализма, воплотившихся в государственном суверенитете.

С либеральной точки зрения (как ее понимали нацисты), великая держава — это не что иное, как индивидуально-государственный суверенитет, помноженный на сферу внешней политики. Каждая великая держава, стремясь упрочить свою мощь, посредством экспансии Либо войн создает зависимую от себя систему государств. Но такая сфера влияния, как считали биополитики, изначально не имеет ничего общего с типичной для национал-социализма организацией пространства¹⁷. Высшего уровня развития принципы буржуазно-либерального индивидуализма достигли в конце XIX века, когда “государственный и экономический индивидуализм сливаются воедино и толкают великую державу в положение... капиталистически суверенного... сверхгосударства”¹⁸. С этого времени великие державы, опять же с помощью силы, превращаются в мировые державы, лицемерно провозглашающие лозунг невмешательства других в свою сферу влияния для защиты собственной империалистической политики. Внешняя политика мировых держав—это политика насилия и войны, размежевание их интересов основывается не на подлинных интересах народов, а на все тех же либерально-индивидуалистических принципах. Ярким подтверждением тому являются первая и только что начавшаяся вторая мировая война.

Мировую державу, руководящую своей сферой влияния (великим пространством), К. Шмитт называл рейхом. Но “если Шмитт,— язвительно заметил В. Бест,—указывает на “прежнюю историю международного права, которая в действительности является историей рейхов”, и констатирует, что “ни один такой рейх не существовал без великого пространства”, то возникает вопрос, что же, собственно говоря, тогда изменяется с “открытием” “международно-правовой организации великого пространства” по сравнению с прежним состоянием”¹⁹. Кроме того, в такой позиции биополитики усматривали недопонимание Шмиттом существа нацистского рейха. Согласно точке зрения Р. Хёна, тот, кто смотрит на новую действительность лишь глазами старого учения о государстве, замечает в великом пространстве только “простое распространение государственной власти на других и... умаление государственного суверенитета включенных в него народов”²⁰.

Профессор Хён обнаружил еще один методологический изъян шмиттовской схемы. Ему показалось, что принцип невмешательства пространственно чуждых сил является у Шмитта эквивалентом понятия “*Politisches*”, которое тот применял для наиболее общей характеристики теории международных отношений; в основе этого термина лежало ясное различие друга и врага. В интерпретации Хёна понятие “*Politisches*” вполне применимо не только к отношениям между государствами, но и к взаимоотношениям великих пространств. Но тем самым

великие пространства приравнивались к искусственным образованиям, не имеющим ни внутренних, ни прочных внешних связей. Решающим в случае конфликтов между ними становилось бы выяснение одного-единственного вопроса – “Друг ты или враг”²¹. Межпространственные отношения такого рода, считал профессор Хён, таят в себе постоянную угрозу войны.

Как видим, биополитики вновь уличили К. Шмитта в приверженности либеральному праву, пользуясь которым он разработал “абстрактную схему великого пространства в соответствии с абстрактными принципами великого пространства на основе абстрактного учения о великом пространстве”²². В итоге великое пространство превратилось у Шмитта в фальшивую конструкцию – простое географическое понятие, используемое великодержавным насилием в определенных политических либо экономических целях; в империалистическое, а потому нестабильное и агрессивное образование, способное лишь механически абсорбировать народы различных рас и континентов. Подобное великое пространство удерживается, с одной стороны, вооруженной силой, с другой – юридической формулой о запрещении вмешательства пространственно чуждых сил.

Наряду с Британской империей и некоторыми другими образованиями, о которых речь пойдет ниже, типичным примером искусственных великопространственных систем называлась исповедующая доктрину Монро пан-Америка, причем, в отличие от Шмитта, биополитики не делали различий между первоначальной доктриной Монро и фальсифицированной. По их утверждению, в основе доктрины Монро лежат просто-напросто “великодержавные империалистические устремления” к расширению пространства и формально-техническому его ограждению от остального мира. Но, писал В. Дайц, “если теперь в научных работах, авторы которых сохраняют еще остатки уходящего мировоззрения, предпринимаются попытки охарактеризовать великое пространство исходя из чисто пространственных понятий и с геополитической точки зрения, то это бесплодные попытки”²³.

В связи с этим Р. Хён сформулировал тезис, с которым согласились все остальные критики шмиттовской схемы. Он подчеркнул: “Мне представляется сомнительным говорить, как это делает Шмитт, об Америке доктрины Монро как о “великом американском пространстве” и называть техническое пространственное разграничение Америки проявлением “подлинного великопространственного принципа”, “великим прецедентом международно-правовой организации пространства”, чьи основные идеи мы могли бы перенять у Америки”²⁴. Хён вновь и вновь утверждал, что принцип невмешательства пространственно чуждых сил, лежащий в основе доктрины Монро, покоится на

совершенно иных мировоззренческих постулатах, нежели формирующаяся организация пространства в Европе²⁵. Правда, здесь он считал необходимым сделать важную, оговорку.

Она сводилась к противопоставлению ложно понимаемого и подлинного принципа невмешательства пространственно чуждых сил. Первый, формально-логический принцип размежевания пространства, применявшийся в доктрине Монро для определения империалистической политики территориальной экспансии, следует, по Хёну, заменить подлинным принципом невмешательства, находящим свое внутреннее обоснование в “жизненно-законном положении рейха как глашатая и носителя нового порядка”. Учитывать это особенно важно “в момент возникновения великих пространств, а также в случае войны”²⁶. Тем самым Хён стремился оставить теоретическую лазейку для будущих германских завоеваний, в том числе за пределами Европы.

С подобными рассуждениями не согласился В. Дайц, выступивший с идеей биологических доктрин Монро, отличительным свойством которых было не шмиттовское запрещение вмешательства пространственно чуждых сил (слегка подправленное Хёном), а право великого жизненного пространства на самоопределение. Идея биологических доктрин Монро напрямую связывалась Дайцем с учением о подлинных и мнимых жизненных пространствах.

Участники полемики с К. Шмиттом с порога отвергали мысль о географической природе великого пространства. Штуккарт, например, полагал, что “правильно понимаемая доктрина Монро в меньшей степени является географической идеологией, чем... выражением выводов, обусловленных расово-биологическими причинами”²⁷. Бест считал великое пространство не геофизическим, а геополитическим понятием²⁸. В работах Дайца можно обнаружить сначала косвенные, а с лета 1941 г. (после полета Гесса в Великобританию) прямые нападки на геополитические представления о великом пространстве²⁹. По его мнению, пространственные характеристики имеют в биологических доктринах Монро лишь второстепенное значение, определяются они главным образом своей биологической субстанцией.

По сути, той же точки зрения придерживался и Р. Хён, утверждавший, что идея великого пространства не может рассматриваться как пустая абстракция, изолированный принцип либо как некий абсолют, а непременно в качестве структурного элемента организации всей народной жизни³⁰. Подобно другим биополитикам, Хён полагал, что великое пространство оправдано лишь в том случае, когда оно сливается с жизненным пространством принадлежащих к одной и той же расе народов, или, как он предпочитал говорить, к одной субстанции. “В центре анализа,— писал он,— должна находиться пространственно-

политическая организация жизни европейских народов... новая Европа'³¹. Хён призывал исследовать европейское пространство как жизненное пространство народов континента. В этом отношении его идеи полностью совпадали с высказываниями В. Беста о народной организации великого пространства.

“Ради своего биологического существования,— говорил по этому же поводу В. Лонгерт,— народы Европы нуждаются в великом пространстве. Тем самым великое пространство тождественно жизненному пространству”. Но в силу того, что “потребность отдельных народов Европы в пространстве не может быть удовлетворена в пределах государственной территории, это пространство должно быть получено путем сотрудничества (война показала, что нацисты понимали под сотрудничеством.— В. Б.) народов европейского континента”³². Так что же такое великое жизненное пространство? Какое определение давали ему нацистские теоретики?

Ответ на этот вопрос содержался в работах В. Дайца. Подлинное великое пространство, утверждал он, не может быть организовано ни посредством искусственного возведения географических или геополитических конструкций, ни насильственными действиями Других пространств с их чуждой биологической субстанцией. Суть дела в ином. В отличие от мнимого, фальшивого великого пространства пространство подлинное представляет собой жизненное пространство семьи народов одной расы. “Семья народов — вот естественный и единственный творец подлинных великих пространств”³³, — подчеркивал он. Итак, “подлинное великое пространство является естественным жизненным пространством семьи народов, в котором она живет собственной силой и за счет собственного пространства, а также получает характер, размеры и форму от своей биологической субстанции. То же относится к малому жизненному пространству одного народа. Тем самым народность и семья народов—единственный первоисточник политических, экономических, культурных и правовых форм в малом и великом жизненных пространствах”³⁴.

Дайцевская формулировка проистекала из присущего национал-социализму признания безусловного примата народа над государством и пространством. Вывод о вторичности государственного суверенитета и первичности суверенитета народного, по мнению нацистских теоретиков, способен произвести кардинальный переворот в теории и практике международных отношений. Ведь государственный суверенитет, основанный на либерально-индивидуалистических принципах, порождает такую систему международных (то есть межгосударственных) отношений, которая бесконечно генерирует напряженность и мировые войны. Напротив, система подлинных международных отношений, базирующаяся на соответствующих жизни иррациональных

биополитических принципах народного суверенитета, по своей сущности просто не может быть воинственной, она не стремится к захвату чужих пространств и покорению народов с иной биологической субстанцией.

Замена государственного суверенитета суверенитетом народным будет означать переход от перманентных войн к вечному и счастливому миру. У подлинного великого жизненного пространства имманентно отсутствуют такие качества, как экспансионизм, империализм, давление на других, беспредельная агрессивность. С другой стороны, именно в силу действия принципов народного, а не государственного суверенитета подлинное жизненное пространство абсолютно невосприимчиво к вмешательству пространственно чуждых сил. Даже при желании его невозможно на длительное время завоевать, а тем более покорить. Почему?

Дело в том, что во всяком подлинном великом жизненном пространстве существует, по Дайцу, несколько основных законов проявления его биологической субстанции, организации оптимальных условий жизни семьи народов. Вот эти-то законы и возводят иррациональные, непреодолимые препятствия на пути возможного превращения подлинного великого пространства в империалистическую, то есть фальшивую великопространственную конструкцию.

Одним из таких законов является закон автаркии. Термин “автаркия” понимался биополитиками не в узком смысле – как самоудовлетворенность и самоизоляция (прежде всего в экономической сфере), а как естественная, постоянная форма существования любого биологического организма в растительном и животном мире, на уровне отдельного человека и семьи, народной общности и семьи народов. Согласно открытому Дайцем закону автаркии, всякая организация жизни становится подлинной, жизнеспособной только в том случае, если она существует за счет собственной силы и собственного пространства³⁵.

Из закона автаркии вытекал закон перерождения и вырождения, в соответствии с которым “биологическая субстанция народа и семьи народов на длительное время не может покинуть свое... жизненное пространство, дабы не обрекать себя на перерождение и гибель”³⁶. Это объясняется тем, что биологическая субстанция семьи народов в течение многих поколений адаптировалась к своему жизненному пространству; в случае переселения она неизбежно приобретет иную структуру, новый характер, переродится в качественно другую субстанцию. Закон перерождения и вырождения, фактически запрещая великим пространствам экспансионистскую политику, вмешательство в дела другого великопространственного организма, содействует всеобщему умиротворению.

Стало быть, подчеркивал В. Дайц, “любое подлинное великое пространство как жизненное пространство семьи народов... защищается не только физическим, видимым оружием... но и своим метафизическим, невидимым оружием, которое может произвести лишь его биологическая субстанция во взаимодействии с природными условиями этого пространства и которое не способна создать ни одна другая чужеродная сила... Переполнение биологических, пространственных и климатических законов подлинного жизненного пространства защищает это пространство намного эффективнее, чем... физическое оружие либо готовые юридические формулы”³⁷.

Переход от универсальных, мнимых, фальшивых великих пространств к подлинным позволяет, по Дайцу, в принципе ставить вопрос о практической неприкосновенности великого жизненного пространства, об отмирании лозунгов о “желтой”, “белой” либо “черной” опасности, а следовательно, о бесполезности и даже бессмысленности шмиттовского принципа запрещения вмешательства пространственно чуждых сил. “Сформулированный Карлом Шмит-том принцип невмешательства... — отмечалось в дайцевской статье, — не характерен для сущности великого пространства. На основе этого принципа... нельзя основать подлинное великое пространство, если в его основе не лежит биологическая необходимость... Запрещение вмешательства никогда не может быть причиной, но только следствием подлинного великого пространства”³⁸. По мнению биополитика, на основании сформулированных Шмиттом положений в лучшем случае можно образовать лишь мнимые великие пространства, но никак не пространства подлинные.

В противовес шмиттовскому принципу запрещения вмешательства пространственно чуждых сил Дайц выдвинул лозунг права семьи народов на самоопределение. Он был убежден, что это право является “фундаментом нового мирового порядка”³⁹, что вторая мировая война как раз и ведется с целью реализации права на самоопределение семей народов. В этой мировой революции, полагал он, универсальные великопространственные конструкции — географические доктрины Монро обязательно уступят место региональным, подлинным великим пространствам — биологическим, или расовым, доктринам Монро, формирующимся из крови и почвы своих семей народов. Таких подлинных великих жизненных пространств, уже находящихся в процессе возникновения, Дайц насчитал шесть:

- великое жизненное пространство восточно-азиатской семьи народов;
- великое жизненное пространство индийско-малайской семьи народов;
- великое жизненное пространство европейской семьи народов; — великое жизненное пространство народов черной расы (Африка);

— североамериканское великое жизненное пространство; — Южная Америка⁴⁰.

Нацистский теоретик тут же заметил, что эти шесть подлинных великих жизненных пространств естественно распадаются на три пары, в каждой из которых южная часть является прямо-таки идеальным дополнением северной. Восточно-азиатское и индийско-малайское пространства вместе составляют Великую Восточную Азию, европейское и африканское жизненные пространства — Великую Европу, два американских — Великую Америку⁴¹. Если посмотреть на карту мира, то в дайцевской схеме можно без труда различить три вытянутых к северу и югу гигантских эллипса, параллельно расположенных относительно друг друга. Их мирные взаимосвязи, по замыслам биополитика, и будут представлять собой предмет грядущих международных отношений нового типа, а выразителями их интересов станут рейхи, правда, отнюдь не такие, какими они представлялись К. Шмитту и геополитикам.

Прийти к подобному “новому мировому порядку” можно, только претворяя в жизнь лозунг самоопределения семей народов. “Америка — американцам”, “Восточная Азия — восточноазиатам”, “Европа — европейцам” — такие призывы раздавались из Берлина на протяжении мировой войны.

В рамках биологической мировой революции происходит, по утверждениям нацистских теоретиков, великая европейская революция, ставящая своей целью установление “нового порядка” в Европе на расово-биологических основаниях. Реорганизованная таким образом Европа превратится в Великую Европу, которая будет включать в качестве дополнительных пространств не только Африку (в связи с чем употреблялся термин “Еврафрика”⁴²), но и всю северную часть азиатского континента вплоть до Охотского и Берингового морей (в данном случае нередко пользовались термином “Евразия”⁴³). У национал-социалистов в начале войны не было ни грана сомнений в том, что, став реальностью, “новая Европа” под германским руководством вновь упрочит свое ведущее положение среди остальных подлинных великих жизненных пространств, будет играть роль вождя всего мира.

Как видим, чисто академическая на первый взгляд полемика о великих пространствах, развернувшаяся в фашистской Германии в первые годы мировой войны, в действительности отражала насущные потребности национал-социалистического режима, приступившего к насильственной нацификации Европы. Она была ярким свидетельством разногласий биополитиков с попутчиками типа К. Шмитта и геополитиками, с которыми мирились прежде, но идеи которых оказались неадекватными в условиях ведущейся не на жизнь, а на смерть войны.

Под воздействием критических замечаний со стороны биополитиков некоторые представители, например, геополитической науки впали в состояние глубокой депрессии. Из относящейся к августу 1941 г. переписки владельца “Журнала геополитики” К. Фовинкеля с генералом К. Хаусхофером следует, что тогда, пожалуй, впервые за всю историю геополитики в самых категорических тонах было высказано предложение об отходе от главной ее догмы—примата пространства над населяющим его народом. “Действительно плодотворная геополитическая деятельность...— писал Фовинкель,— невозможна, если мы односторонне учитываем в политике лишь влияние пространственных сил. Пространство оказывает влияние... не само по себе, но лишь опосредованно через его воздействие на человека”. В другом письме Хаусхоферу он писал; “Абстрактный учет исходящих от земли сил... вообще ничего не говорит политику... Чем же тогда геополитика отличается... от политической географии?”⁴⁴. Фовинкель ставил вопрос о еще большей интеграции геополитики в систему взглядов национал-социализма.

Оживленная полемика о сущности великих пространств, в том числе между самими биополитиками, свидетельствовала об определенной эволюции нацистского мировоззрения в быстро менявшихся условиях второй мировой войны, об уточнении его понятийного аппарата и концепций “нового порядка” в Европе. Еще раз подтверждается, что немецко-фашистская европейская политика в годы войны была не плодом импровизации, а результатом тщательно, всесторонне продуманных идей.

Помимо этого, можно говорить о непосредственном практическом значении полемики, ибо ее итоги так или иначе сказывались на проведении политического, правового, экономического, социального и так называемого народного преобразования европейского континента по нацистскому образцу. Как мы увидим дальше, результаты полемики использовали в своих интересах Розенберг, Гиммлер, Риббентроп и другие руководители рейха. Но самым неожиданным образом она дала о себе знать в обострившемся соперничестве “империй” Розенберга, Риббентропа и некоторых других по европейским вопросам в ходе коренного перелома во второй мировой войне.

Рассмотрев проблему великого жизненного пространства под углом зрения его правового положения в грядущем “новом мировом порядке”, обратимся теперь к вопросу о том, какой виделась нацистским теоретикам структура подлинного великого пространства, какие исходные положения лежали в основе национал-социалистического переустройства Европы.

1.2. Организация великого пространства

Часто употреблявшийся в фашистской Германии термин “организация великого пространства” теоретики национал-социализма понимали не в географическом, а в биополитическом смысле. Их не интересовало пространство, взятое само по себе, географическое пространство, примат которого провозглашала геополитика. В фокусе их внимания было пространство жизненное, определяемое взаимодействием биологической субстанции с пространством и климатом; последним же отводилась второстепенная роль. “Не биологическая субстанция вращается вокруг пространства, а пространство вокруг биологической субстанции”⁴⁵, — писал В. Дайц, прилагавший немало сил для создания теоретической модели “нового европейского порядка”. Биологическая субстанция, по Дайцу, первична, пространство – вторично.

Из биологической субстанции природа сформировала три общности людей—отдельную семью, народную семью (народность, народную общность) и семью народов. Все это—политико-биологическая реальность, от которой никуда не уйти. Только тогда, когда народ и семья народов станут центром вращения пространства, человек снова будет мериллом всех вещей⁴⁶. Только тогда может возникнуть новый, мирный европейский и мировой порядок.

В качестве неременной предпосылки правильная организация великого пространства требует интуитивного осознания законов природы. Подобно Ф. Ницше и другим представителям немецкой философии жизни, нацистские теоретики считали свое учение стоящим выше материализма и идеализма. Абсолютная ценность виделась им в непрерывно вытекающей из природы жизни, интегрирующей в себе как материальное, так и духовное начала, связь между которыми посредством формально-логических приемов улавливается далеко не всегда. Познать законы этого иррационального природного движения возможно только ошупью, вторгаясь с помощью биополитического метода в глубинные тайны живой жизни.

Инстинктивное осознание и сознательное применение законов природы и законов жизни—вот на какой основе национал-социализм собирался не только объяснить прошлое, настоящее и будущее, но и преобразовать мир. “Великое пространство,— не раз говорил В. Бест,— сознательно формируется... политической волей”⁴⁷. Осознанное применение законов жизни Дайц называл биополитикой⁴⁸.

Дайц, кажется, дальше других теоретиков НСДАП продвинулся в интуитивном познании законов природы. В годы войны им были заложены основы учения о жизненном пространстве. При этом он довольно ловко пользовался одной из главных догм национал-социализма о примате расовой

народной общности, применив ее к европейской системе координат. Вместо фальшивого хаоса суверенных государств, типичного для либерального мира, биополитик провозглашал суверенный народный космос, европейскую систему народов-планет⁴⁹, поставив национал-социалистическую народную идею во главу угла преобразовательного процесса в Европе.

Дайц сформулировал пять основных законов жизни, по которым живут все три политико-биологические реальности человеческого мира – отдельная семья, народная семья и семья народов. Первый закон – биологической гравитации – действует только внутри биологической субстанции; это закон жизни в узком смысле слова. Действие остальных четырех законов проявляется в отношениях между биологической субстанцией и внешним миром, пространством; это законы жизни в широком смысле слова. Без учета этих законов невозможно сознательное формирование подлинного жизненного пространства на европейском континенте.

Закон биологической гравитации обеспечивает жизнь и целостность биологической субстанции всех трех видов. Благодаря его интеграционным способностям вновь и вновь нейтрализуется идущий в недрах субстанции процесс дифференциации ее элементов; в результате происходит объединение отдельных людей в семью, отдельных семей в народную общность и народностей в семью народов. Следовательно, европейская семья народов – это не просто политико-биологическая реальность, а такая реальность, которая возникла под воздействием природного закона биологической гравитации.

Явление биологической гравитации Дайц сравнивает с гравитацией в неорганическом мире. Там тоже, несмотря на побуждаемую природой склонность к дифференциации, разделению, планеты и Солнце объединяются в целостную и высокопрочную Солнечную систему. Ее существование не объяснишь отношением причины и следствия. Определяющую роль в создании такой невидимой гравитационной силы и там, и здесь играют специально предусмотренные природой полярность и напряжение между полярными частями целого. Только в результате взаимодействия полярно противоположных элементов возникает, согласно натуралистической диалектике нацизма, любая созидательная деятельность. Эта мысль восходит к Розенбергу, назвавшему “органическое напряжение, зачатие, разрядку” предварительным условием всякого созидания⁵⁰.

Полярность и напряжение в неорганическом мире приводят к тому, что внутри Солнечной системы возникает естественное, динамическое равновесие, когда более крупное космическое тело (Солнце), как магнит, притягивает к себе более мелкие тела—планеты, не Поглощая их, но и не отталкивая их от себя. В

свою очередь, планеты – каждая сообразно своему весу – притягивают к себе Солнце. В итоге происходит свободное движение и Солнца, и планет. Нет никакого диктата и никакой зависимости. Положение космического тела определяется исключительно его собственным весом: изменится вес – изменится место в системе.

Так представлял себе Дайц действие закона гравитации в неорганическом мире. “Жизнь во всех ее разновидностях,— писал он,— проявляется не только... в соединении причины и следствия, но и одновременно... в дополняющейся противоположности, в полярном раздвоении... Свет нельзя понять без тени, тепло – без холода... Поэтому никогда нельзя пытаться устранить естественное напряжение противоположностей”⁵¹.

Точно таким же законам подвержена биологическая субстанция. Закон биологической гравитации проявляется уже в отдельной семье, Семья состоит как минимум из мужа и жены – это и есть полярные противоположности, между которыми существует естественное напряжение. Каждый член семьи выполняет свою особую задачу, не вмешиваясь в дела другого. Жене природой уготована в семье роль эмоционального полюса, муж определяет направление формирования и развития семьи, является ее организующим и руководящим элементом, представляет ее в отношениях с внешним миром. “Никогда жена не будет воспринимать эту естественную руководящую задачу мужа как насилие,— подчеркивал В. Дайц,— пока муж не попытается вмешаться в те сферы, которые предназначены жене природой и в которых она по-своему руководит”⁵².

Когда муж изменяет жене и перестает заботиться о благополучии семьи, биологическое равновесие в семье начинает разрушаться, на жену вопреки ее природе падают не свойственные ей задачи, и ее вес в семье искусственно возрастает. Однако такое положение противоестественно, оно нарушает закон биологической гравитации. Образцом для подражания может быть только здоровая семья, в которой в полную силу действуют законы биополитики.

Так же безупречно закон биологической гравитации проявляется в здоровой, расово однородной общности второго уровня – в семье народа. Здесь под его влиянием в едином целом удерживаются предварительно разделенные природой на полярные противоположности элементы – вожди и народная масса. Вследствие того, что каждый элемент системы выполняет положенную ему задачу, в народной семье царит полнейшее биологическое равновесие. Как и в отдельной семье, в народной общности нет и не может быть никакого насилия со стороны вождя, поскольку женская часть народа свободно и добровольно подчиняется мужской его части, вождям.

Самым крупным достижением режима за шесть предвоенных лет биополитики считали преобразование немецкого народа в народную общность, в которой вместо классов существуют только мужские и женские элементы. Тем самым народная семья впервые стала-де управляться в полном соответствии с законами природы. Теперь, в годы второй мировой войны, наступил черед биологизировать все остальные европейские народы, рассортировать их на мужские и женские и установить в отношениях между ними состояние биологического равновесия.

С этой целью Дайц распространил действие закона биологической гравитации на европейскую семью народов. Собственно говоря, здесь он не был оригинален. Еще с конца XIX века, когда руководители кайзеровской империи поставили задачу обеспечить за страной место под солнцем, в Германии заговорили о мужских и женских европейских народах. Например, Бисмарку приписывают следующие слова: "Одни народы являются мужскими, другие женскими. Германцы... это мужские народы... Напротив, женскими являются славяне... Русские ничего не могут сделать без немцев"⁶³. Дайц пошел гораздо дальше "железного канцлера" и сформулировал довольно стройную на первый взгляд формально-логическую концепцию семьи народов, основанную на законах биополитики.

Итак, в недрах биологической субстанции европейской семьи народов также действует закон биологической гравитации. В соответствии с ним отделенные друг от друга народы Европы неизменно интегрируются в общность третьего, высшего, уровня – семью народов. В ней, точно так же как в отдельной семье или семье одного народа, существует устойчивое биологическое равновесие и активное состояние напряжения между противоположными полюсами. О семье народов вполне можно говорить как о целостной и устойчивой системе, сопоставимой с Солнечной в неорганическом мире. Как и в общностях первого и второго уровней, в семье народов никто ни от кого не зависит, там нет диктата и произвола. Все народы свободны и неуверенны. Их место в семье народов определяется исключительно собственной производительностью и вкладом в общее дело. Народ с наибольшим весом составляет ядро системы. Вокруг него, как вокруг Солнца, вращаются остальные народы.

Семья народов принципиально аналогична обыкновенной семье и в том, что природа разделила ее на мужскую и женскую части. В европейской семье народов существуют, оказывается, народы мужские и женские, и это ли не главное свидетельство действия в ее недрах закона биологической гравитации! Биологическая субстанция семьи народов изначально разьединена природой на

две части, образ жизни которых находится в состоянии полярности, дополнения и напряжения. Одни являются людьми движения, динамичными людьми – их вполне можно назвать мужской частью семьи народов, мужскими народами. Другая группа представлена людьми покоя, статичными людьми – это женская часть семьи народов, женские народы. У каждой группы свои особые функции и задачи. Смешение групп нежелательно, ибо это противоречит желанию природы. С другой стороны, невозможно представить себе существование одной группы без другой. Бессмысленно также судить о том, какие народы важнее, лучше – мужские либо женские, точно так же, как глупо спрашивать, кто – муж или жена – представляет для семьи большую ценность⁵⁴. Для биологической субстанции семьи народов существенно только одно – посредством гравитации сохранять себя как единую и целостную систему, удерживая естественное биологическое равновесие.

Но в связи с этим возникал вопрос о специфике поддержания биологического равновесия в семье народов, или, иными словами, о том, как одни народы (мужские) должны руководить другими (женскими). Здесь снова всплывал закон биологической гравитации. В отрицании либо признании биологической гравитации внутри народа или семьи народов Дайц вообще видел основное различие между либеральным мировоззрением и соответствующим законам жизни мировоззрением национал-социализма⁵⁵. Подобно гравитации в органическом и неорганическом мире, правильное руководство, по утверждению Дайца, вездесуще, но невидимо. Оно осуществляется, не обнаруживая себя, в целях интеграции отдельных народов одной расы в единую семью народов. Правильно руководимая семья народов свободна от всякого насилия, присущего мировоззренчески чуждому миру. Существуют два крайних вида насилия – авторитарное и демократическое. Первое можно представить себе таким образом: Солнце в космической системе (либо руководящий народ в семье народов) привлекает к себе планеты (другие народы) с такой силой, что те растворяются в солнечной массе (в сверхгосударстве). Тенденция к такого рода насилию обнаруживается в иерархических структурах.

Демократическое насилие возникает тогда, когда планеты (народы), пользуясь своим чисто арифметическим большинством, выходят из космической системы (семьи народов). Такое насилие могло бы возникнуть, скажем, в организме, несамостоятельные части которого – глаза, руки, ноги, сердце, легкие – вдруг повели бы себя автономно и независимо. Кроме того, всякая органическая жизнь рождается, развивается, но в конечном счете умирает, что является еще одной причиной бесперспективности подобного управления.

Поэтому, полагал В. Дайц, правильное руководство семьей народов не осуществляется ни по принципу иерархии (централизма), ни по принципу

организма. Вместо автократического и демократического насилия в каждой семье народов будет царить биологическая гравитация, которая соединит народы одной расы в единое целое сообразно их удельному весу и потому создаст “свободно движущуюся систему свободной организации, естественную демократию”⁵⁶. Не органическое, а биологическое руководство, при котором народ-вождь управляет посредством лишь одного своего присутствия, подобно магниту привлекая в свое силовое поле женские народы, творит, не действуя, — вот в чем биополитики видели идеал управления европейской семьей народов. Они называли Германию отцом семейства европейских народов⁵⁷.

Помимо закона жизни в узком смысле слова (биологической гравитации), Дайц сформулировал четыре закона жизни в широком смысле слова, проявляющихся во взаимодействии биологической Субстанции семьи народов и ее жизненного пространства. Первый, закон автаркии, будучи основным законом всякой жизни, требует жить в первую очередь собственной силой и за счет собственного пространства. Формы жизни, паразитирующие на других, природа рано или поздно уничтожает. Жизнь по закону автаркии гарантирует всем внутреннюю прочность, свободу и независимость. С переходом от отдельной семьи к семье народа степень автаркии, а тем самым свободы и независимости, повышается, достигая практически полного объема в семье народов. Это означает, что свобода отдельной семьи или семьи народа сама по себе не является гарантией свободы однорасовой семьи народов. Напротив, в свободной семье народов свободны и независимы все.

Важнейшей предпосылкой исполнения закона автаркии, по Дайцу, может быть лишь обладание соответствующим жизненным пространством, границы которого должны обязательно совпадать с той территорией, в которой “народ и семья народов безусловно нуждаются для выполнения закона автаркии”⁵⁸. Жизненное пространство европейской семьи народов — это как минимум вся Европа. Без достижения биополитической целостности европейской семьи народов лозунг “новой автаркической Европы” навсегда останется пустым звуком. Между тем Европа уже давно утратила свою естественную целостность, а следовательно, и автаркичность; она не в состоянии жить собственной силой и за счет собственного пространства своих народов. Со времени великого переселения народов в ней доминируют центробежные тенденции, еще более укрепившиеся в эпоху великих географических открытий. Сначала от Европы отделилась восточная ее часть, куда просочились пространственно и расово чуждые массы из глубин азиатского континента. Так возникла фальшивая великопространственная связка Восточная Европа — Центральная Азия. Затем от Европы отделилась западная часть. Воспользовавшись открытием новых,

частей света, Англия соорудила фальшивую великопространственную конструкцию Западная Европа – Америка. В такой ситуации Центральная Европа оказалась внутренне непрочной и безоружной перед лицом чужеродных сил. Ее поражение в первой мировой войне было предопределено. По примеру Японии построить в Европе “внутренний автаркический круг”⁵⁹, европеизировать Европу, вернув ей биополитическую целостность, независимость и свободу,— такие задачи вытекали для национал-социализма из дайцевского закона автаркии.

Фальшивые великопространственные связи (Восточная Европа – Центральная Азия и Западная Европа – Америка) не только лишили европейцев возможности жить собственной силой и за счет собственного пространства, но и привели к диффузии образа жизни европейских народов. На Западе возобладали чуждые, идеи либеральной демократии, парламентаризма, мирового хозяйства; на Востоке – идеи, привнесенные извне монголо-татарами, царизмом, большевизмом. Восстановление подлинного европейского жизненного пространства означает, таким образом, возврат к истинному укладу жизни народов Европы.

Закон образа жизни – второй сформулированный Дайцем закон жизни в широком смысле слова. Уклад жизни является такой же политико-биологической реальностью, как и биологическая гравитация или автаркия. Это центральная сила человеческой общности, формирующая все без исключения сферы ее жизни вплоть до отношений собственности того или иного народа⁶⁰. В соответствии с этим законом, только тот народ (семья народов) достигает максимального расцвета и независимости, который исполняет закон автаркии по-своему, на основе присущего ему образа жизни. Уклад жизни одного народа невозможно передать другому просто в силу того, что здесь речь идет о сложном взаимодействии определенной биологической субстанции с конкретным пространством, а такое взаимодействие не передашь. Законы природы изменить нельзя. Из закона образа жизни логически вытекало право каждого европейского народа (кроме евреев и цыган) на жизненное пространство и суверенитет.

В каждом подлинном великом жизненном пространстве Дайц обнаружил две группы народов с различными укладами жизни, находящихся в состоянии полярного напряжения и взаимно дополняющих друг друга. Это уже известные нам люди движения (динамичные люди) и люди покоя (статичные люди), мужские и женские народы, но теперь их характеристика дополнялась законом образа жизни. В восточноазиатской семье народов динамичные люди представлены японцами, статичные – китайцами. В индийско-малайской семье народов люди движения – малайцы, люди покоя – индийцы. В европейской семье народов германские народы являются динамичными, а восточноевропейские –

статичными, “китайцами Европы”⁶¹. Так распорядилась природа, и не только посредством биологической гравитации, но и особым взаимодействием субстанции с пространством жизни того или иного народа.

По мнению теоретиков национал-социализма, признание данного биополитического факта имеет важные последствия с точки зрения организации великого пространства. А именно, притязания на руководство европейской семьей народов со стороны германских, мужских народов совершенно естественны, они соответствуют законам жизни, а потому справедливы. Сам уклад жизни динамичных народов понуждает их к руководству другими. Напротив, противоречат всем законам жизни претензии на лидерство в Европе женских народов, восточноевропейцев, да и выдвигаются эти претензии лишь потому, что с начала великих географических открытий динамичные люди Западной и Центральной Европы добровольно отказались от своей естественной задачи на Востоке континента. Из закона образа жизни для национал-социализма вытекала задача “европеизировать Восточную Европу”⁶², вновь создать из мужских и женских народов биологически здоровую европейскую семью.

Пока биологическая субстанция исполняет закон автаркии, опираясь на присущий ей образ жизни, ее существование не вызывает опасений. Другое дело, когда ее естественное взаимодействие с пространством по каким-то причинам нарушается. В таком случае начинает действовать третий закон жизни в широком смысле слова – закон перерождения и вырождения. Он гласит: если члены одной семьи народов на длительное время проникнут в жизненное пространство другой семьи народов, то их биологическую субстанцию ожидают глубокие трансформации и даже гибель, ибо силы крови и почвы нового мира рано или поздно уничтожат агрессора⁶³.

Подобно тому как в растительном мире нельзя пересадить в северные широты теплолюбивое растение, переселение людей в пространства жизни других семей народов на долгий срок в принципе невозможно без ущерба для них самих. Массовая эмиграция европейцев в Америку, Австралию, Южную Африку в XVI – XIX веках привела лишь к тому, что на новом месте их биологическая субстанция полностью переродилась, и они превратились в американцев, австралийцев, южноафриканцев. В результате возникли совершенно новые народы, в пространственном и расовом отношении чуждые европейским. В начале второй мировой войны закон перерождения и вырождения использовался нацистскими теоретиками главным образом для обоснования права европейской семьи народов на самоопределение, то есть нацификации Европы.

Сформулированные В. Дайцем биополитические законы – автаркии, образа жизни, перерождения и вырождения – на уровне сознательного поведения обнаруживались в качестве четвертого закона жизни в широком смысле слова – биологического нравственного закона, своеобразных моральных требований, предъявляемых биополитической общностью отдельным ее членам. В основе жизненно законной нравственности лежит неразделимая биологическая сплоченность отдельной семьи, семьи народа и семьи народов⁶⁴, выраженная в известном нацистском лозунге: “Общее благо выше корыстолюбия”. Так этические нормы национал-социализма⁶⁵ распространялись на весь европейский континент.

Биологический нравственный закон требовал, чтобы общее благо европейской семьи народов ставилось выше нездорового эгоизма ее членов. Поскольку – согласно этому закону – свобода и процветание каждого народа находятся в прямой зависимости от свободы и процветания семьи народов, его нравственным долгом является служение в первую очередь европейской семье, а уж во вторую – самому себе.

Следовательно, провозглашенная нацистами новая европейская нравственность выдвигала в качестве категорического императива требование к отдельным народам идти на определенные жертвы, терпеть нужду и лишения во имя гитлеровского “нового порядка”. Как же иначе, если законом предусматривалось, что ради общего блага семьи народов тот или иной европейский народ может быть лишен не только государственного, но и народного суверенитета. Как утверждал В. Дайц, по сравнению с отдельными народами и государствами семья, народов – более высокий, самый высокий субъект права, она обладает высшим суверенитетом. “Государственно-правовая автономия народов является не абсолютной, а ограниченной, учитывая более широкую самостоятельность европейской семьи народов”⁶⁶, — подчеркивали биополитики. И не оставляя никаких сомнений относительно своих подлинных замыслов, они сформулировали следующее положение: “Народ и государство не обладают неограниченным суверенитетом, они должны интегрироваться в более широкий суверенитет семьи народов”⁶⁷. Мера же государственного и народного суверенитета, по словам П. Шнадта, должна определяться опять-таки производительностью, удельным весом того или иного народа⁶⁸.

Более того, в интересах общего блага биополитики серьезно рассматривали возможность переселения отдельных народов внутри семьи народов, это-де нисколько не противоречит праву каждого народа на жизненное пространство и зависит исключительно от потребностей семьи народов⁶⁹. И вообще “жизненные пространства народов должны правильно располагаться под углом

зрения всеобщего блага семьи народов”⁷⁰, — писал Дайц в статье, опубликованной в разгар работы гиммлеровских экспертов над “Генеральным планом Ост”. Преступные колонизационные планы германского фашизма в Европе, геноцид в отношении многих европейских народов были вполне нравственны с позиции нацистской теории. Не менее зловещую роль биологический нравственный закон сыграл на заключительной фазе войны, когда на его основе в “империи” Розенберга приступили к составлению концепции европейского социализма.

Таким образом, биополитикам Европа виделась в перспективе полностью нацифицированной, с урезанным, зависимым от воли рейха суверенитетом государств и народов; континентом, где по первому желанию Берлина будут происходить насильственные выселения, переселения и немецкая колонизация; где на месте прежней социально-классовой структуры возникнет “соответствующее природе” разделение на мужские и женские народы, вся жизнь которых будет контролироваться народом-вождем, “отцом семейства” — Германией. Все будет решать национал-социализм, его опирающаяся на инстинктивно познанные законы жизни европейская политика, изначально ориентированная на организацию великого пространства. Иными словами, биополитики настаивали на проведении сознательной европейской политики, что априорно предполагало использование насилия в отношении других, признанных несознательными, европейских народов. Насилие, благодаря которому впоследствии образуется система “естественной демократии”, — вот исходный пункт нацистских преобразователей Европы.

Такой подход с необходимостью выдвигал на передний план гитлеровского “нового порядка” вопросы германского руководства, управления подчиненными рейху народами. Как писал в 1941 г. В. Бест, организация великого пространства “равнозначна формированию отношений между наполняющими это пространство народами”, она предполагает разграничение народов таким образом, что в ней всегда будет доминировать одна воля, как более сильная. Перестройка Европы — это процесс, в ходе которого более сильные народы навязывают свою волю более слабым⁷¹. Несмотря на подчеркнутое выделение роли принуждения в преобразовании континента по нацистскому образцу, мысли Беста в исходных позициях совпадали с дайцевской идеей биополитической семьи народов, каждый член которой занимал определенное место в системе сообразно своему удельному весу и производительности.

Бесту вторил Штуккарт. Выступая 8 марта 1942 г. на учредительном конгрессе Международной академии государственных и управленческих наук, он заявил, что XX век — это время семей народов, и потому на повестке дня

стоит вопрос об устранении государственного партикуляризма в пользу сообщества народов Европы. Однако подобная реорганизация невозможна без “управления, несущего ответственность за пространство”⁷², без руководства народами в национал-социалистическом духе, то есть в духе строительства европейской семьи народов, тщательно разграниченных между собой в соответствии с принципами вождизма. Подобные рассуждения неизменно заканчивались мыслью о мужских и женских народах как обязательной предпосылке “нового порядка”.

Совершенно не случайно поэтому в 1939—1942 гг. в гитлеровском рейхе тщательно изучали различные европейские народы под углом определения места каждого в “новой Европе”. Например, участники всегерманского совещания историков, состоявшегося в октябре 1942 г., заслушали и обсудили доклады о специфических чертах крупных (немецкого, английского, французского, итальянского, русского) и малых (балкано-дунайских, скандинавских и других) европейских народов, подчеркнув необходимость опоры на “сильные” народы в процессе преобразования континента в противоположность народам “слабым”. По мнению историков, первые вполне способны к самоуправлению в выделенных им пределах, управление же вторыми более обременительно, так как требует дополнительного привлечения немецкого административного персонала⁷³. Вряд ли мы совершим грубую ошибку, если укажем, что на совещании подверглась конкретизации схема немецкого великопространственного управления, выдвинутая годом ранее В. Бестом и предусматривавшая формирование союзного, надзорного, правительственного либо колониального управления – в зависимости от качеств того или иного европейского народа, степени его “силы” и “слабости”⁷⁴.

Как следует из материалов совещания, европейская миссия Германии заключалась в установлении “нового порядка”, ибо немецкий народ—единственный подлинный народ Европы и потому народ-вождь. Но именно в связи с этим нацистские теоретики предъявляли повышенные требования к расовой чистоте немецкой народной общности, к укреплению ее биополитических потенций, ее консолидации на идеологических основаниях национал-социализма. В соды второй мировой войны проблема упрочения немецкого народа разрабатывалась в рейхе не менее интенсивно, чем вопросы ослабления других европейских народов. Ведь в конечном итоге речь шла о том, чтобы в исторически короткий срок подготовить немцев к роли “народа господ”, а не только решить ряд военно-стратегических задач, как представлялось до сих пор в историографии. Отнюдь не случайно с октября 1939 г. в Германии под началом Гиммлера действовал специальный Имперский комиссариат по

укреплению немецкой народности, занимавшийся практической и теоретической разработкой проблемы.

Понятие “народ” тот же Дайц наполнял следующим содержанием. В каждом народе существуют два противоположных полюса – верхние и нижние слои. Под влиянием происходящего в нем биологического круговорота некоторая часть верхних слоев постоянно вы—падает в осадок – в материнское лоно народности, чтобы со временем восстановиться там для нового подъема. Такой нормальный процесс может, однако, нарушиться, если нижние слои народа, и прежде всего опустившиеся сверху, начнут пропитываться расово чуждыми элементами. В этом случае скорее всего возникнет своеобразный гибридный слой, способный выделять собственные верхние слои с потенциальной угрозой самому существованию руководящего слоя. Следовательно, запрещение браков (как и кровосмешения вообще) между представителями руководящего народа и расово чуждыми – важнейшее, если не единственное, условие выполнения народом-вождем своей миссии по биополитическому преобразованию Европы⁷⁵.

Подробный анализ проблемы был продолжен в анонимной статье “Слой господ или руководящий народ?”⁷⁶, авторство которой принадлежит, по всей видимости, В. Бесту. Он обратил внимание на причины расовой смерти древнего Рима и других государств прошлого. Главная ошибка римлян заключалась, по его мнению, в том, что они формировались не как руководящий народ своей обширной империи, а как господствующий слой, куда проникали инородцы. Поставив себя над другими в качестве господствующего слоя, римляне не устранили, да и не могли устранить, живой круговорот развития (то есть дайцевский биологический круговорот), а возвели его на другой уровень. Процесс биологического круговорота сохранился, но в рамках не одного – руководящего, а многих народов. Господствующий слой все больше разрыхлялся представителями других племен, народов и рас, и это неминуемо привело его к гибели.

Таким образом, попытка сохранить в руководящем народе только верхние слои (господствующий слой) и в то же время искусственно избавиться от нижних слоев обречена на неудачу. История, утверждал Бест, учит, что “будущее... за тем народом, которому принадлежит самый нижний слой населения”⁷⁷. Автор статьи рекомендовал всемерно укреплять “земные народные корни”, жить только за счет собственного биологического круговорота, стремиться к максимально возможной автаркии, создавая непреодолимые преграды на пути даже малейшего ослабления руководящего народа. “Самосохранение и саморазвитие народов – цель человечества”⁷⁸, — писал он. Итак, не господствующий слой, а руководящий народ, подобно монолиту противостоящий покоренным народам, готовый в

любой момент подавить восстание против себя,— вот рецепт, который давал Бест для укрепления немецкой народности.

Важнейшим политико-правовым институтом, регулирующим отношения между народом-вождем и остальными европейскими народами, нацистские теоретики называли институт гражданства. Проблема гражданства находилась в фокусе внимания НСДАП начиная с пресловутых “Двадцати пяти пунктов” ее программы и впервые получила практическое воплощение в так называемых Нюрнбергских законах 1935 г., но первостепенное значение она приобрела в годы второй мировой войны. Национал-социализм всегда рассматривал данную проблему через мировоззренческую призму. “Право гражданства,— писал, например, В. Штуккарт,— содержит предпосылки и основы для политического и правового положения личности в обществе. Поэтому великие политические перевороты должны иметь следствием радикальное изменение сущности и содержания гражданства”⁷⁹.

Положению о принципиальном равенстве рас, народов и людей национал-социалисты противопоставили тезис об изначальном, природном их неравенстве, а следовательно, о различиях в правах и обязанностях отдельного человека; все эти различия должны были фиксироваться в первую очередь институтом гражданства. Правовое Положение человека теоретики НСДАП определяли не его отношением к государству, как в либеральном праве, а его расовыми качествами и отношением к народной общности. “Право гражданства вообще не является индивидуальным правовым институтом, это результат кровной принадлежности к расе и народной общности”⁸⁰,— безапелляционно утверждал Штуккарт, открывая тем самым широкий простор юридическому и политическому произволу в отношении европейцев, в том числе и лиц немецкой национальности. В самом деле, каковы критерии принадлежности к расе и народной общности? Кто будет их определять? И как все это будет выглядеть на практике, с учетом того, что в Европе полыхал пожар войны?

Согласно Нюрнбергскому законодательству 1935 г., все население третьего рейха разделялось на имперских граждан и государственных подданных. Имперское гражданство автоматически получили лица немецкой или родственной крови, поскольку они уже были гражданами Германии. К лицам родственной крови причислялись голландцы, фламандцы, норвежцы, шведы, датчане и некоторые другие. Обладатель имперского гражданства, и только он, имел право Занимать любые государственные должности и полнокровно участвовать в жизни народа. Более того, совокупность имперских граждан и являла собой народ в нацистском понимании этого слова. Образование института имперского гражданства означало, по Штуккарту, “решение расового вопроса в

политической сфере”⁸¹, ибо евреи, получив статус государственных подданных, начали не только планомерно вытесняться из всех сфер жизни страны, но и были сознательно превращены в касту неприкасаемых, общение с которыми каралось по всей строгости закона. Во время войны правовое положение евреев было вообще сведено к нулю, а единственным местом их проживания на территории рейха стал концлагерь.

Вопросы политико-правового укрепления немецкой народности и соответствующего ослабления остальных европейских народов национал-социализм остро поставил в период второй мировой войны, когда под его прямым либо косвенным контролем оказалась чуть ли не вся Европа. Возник соблазн решить эти вопросы немедленно, и немецкие правоведы в течение первых военных лет подготовили и ввели в действие целую систему инструкций о юридическом положении населения подчиненных Германии областей⁸². Среди них первое место принадлежало так называемому Списку немецкого народа⁸³, в котором излагались условия приобретения имперского гражданства и немецкого государственного подданства лицами немецкой национальности, проживающими за пределами рейха (их еще называли фольксдойче, или этническими немцами). Список выполнял роль фильтра, не допускавшего в немецкую народную общность политически нежелательные элементы. Как правило, он вводился накануне массовых переселений и выселений местных жителей, являясь, таким образом, составной частью “Генерального плана Ost” и других планов немецкой колонизации Европы. “Повторное онемечивание немецкой крови... — подчеркивал В. Штуккарт, имея в виду Список немецкого народа, — одна из важных задач по укреплению немецкой народности”⁸⁴.

С другой стороны, создавалась чрезвычайно сложная иерархическая структура, с точки зрения гражданства определявшая статус того или иного народа в национал-социалистической “новой Европе”. Здесь диапазон был весьма широк, начиная от не имевших никаких политических прав “подзащитных” (жителей присоединенных к рейху западных областей Польши) и кончая “опекаемыми”, то есть населением колоний, которые нацисты предполагали организовать в Восточной Европе⁸⁵. По утверждениям теоретиков нацизма, подобная политико-правовая градация европейских народов отнюдь не являлась насилием со стороны Германии, а представляла собой важный вклад в преобразование Европы, тем более что “новый порядок” возможен — де “только на основе народности”⁸⁶.

Завершая краткий обзор оснований нацистской “организации великого пространства”, еще раз подчеркнем, насколько фундаментально национал-социализм готовил покорение европейского континента. Как мало все это

напоминало импровизацию! Но самое неожиданное состоит, пожалуй, в том, что практически все упоминавшиеся нами лица – К. Шмитт, В. Бест, В. Штуккарт, В. Дайц, Р. Хён и другие, находясь в составе зачастую соперничавших между собой “империй”, не только близко знали друг друга, но и входили в руководящие органы одной неправительственной организации – Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики. Что это за организация, чем она занималась, на поддержку каких сил опиралась, с кем конкурировала – от ответов на эти вопросы зависит дальнейшее исследование нашей темы.

1.3. Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики

Общество с таким длинным названием было учреждено 21 сентября 1939 г. по инициативе В. Дайца – одного из ближайших сотрудников Розенберга по внешнеполитическому бюро НСДАП. Философ и химик по образованию, предприниматель средней руки, но с большими связями в мире крупного капитала, активный участник младоконсервативного движения веймарских времен, Дайц в 1931 г. вошел в имперский экономический совет нацистской партии, где в узком кругу формировались экономическое учение и внешнеэкономическая концепция германского фашизма. В апреле 1933 г. он был приглашен Розенбергом во внешнеполитическое бюро, возглавлял там сначала отдел внешней торговли, а с 1937 г. — отдел по решению специальных задач. Его публикации с пропагандой биополитических идей европейского единства столь широко распространялись в Германии, что этот факт использовали в своих целях группы немецкого Сопротивления: нам известна брошюра, в которой была воспроизведена обложка книги Дайца, а вслед за ней набран текст антифашистского содержания⁸⁷.

Получив благословение Розенберга и, возможно, самого Гитлера⁸⁸, Дайц выбрал для себя пост председателя правления и президента совета Общества европейского экономического планирования, после чего сформировал остальные его органы, в том числе научный и экономический советы, совет по вопросам культуры – всего около 50 человек.

Членами президентского совета общества стали полтора десятка высокопоставленных чиновников различных министерств, среди них статс-секретари – Г. Бакке из имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства, Р. Фрайслер (министерство юстиции), В. Штуккарт (министерство внутренних дел), В. Кляйнман (министерство транспорта), Г. Мус (государственное управление территориального планирования), Ф. Зыруп

(имперское министерство труда), Г. фон Чаммер унд Остен (имперский руководитель спорта, президент германо-итальянского общества); министериаль-директора—В. Бест из главного управления имперской безопасности, В. Меервальд (референт фюрера), Л. Гуттерер (имперское министерство информации и пропаганды); министериаль-диригент В. Мароцке, представлявший ведомство уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана; министериальрат Г. Хунке (президент рекламного совета германской экономики и одновременно советник по экономическим вопросам берлинской организации НСДАП). Кроме них в президентский совет Общества европейского экономического планирования входили вице-адмирал О. Гроос (ОКВ), генеральный директор Калийного синдиката А. Дин, президент Дойчереntenбанка В. Гранцов, один из деятелей Немецкого трудового фронта К. Зельцнер, президент Прусской академии наук профессор Т. Фален и другие⁹⁰.

Экономический совет общества возглавлялся Дайцем и Дином, а научный совет – профессорами Т. Фаленом и А. Предёлем, директором Института мирового хозяйства при Кильском университете. В научном совете была собрана почти исключительно профессура — известные нам К. Шмитт (член Академии немецкого права) и Р. Хён (директор Института государственных наук при Берлинском университете), директор Института Срединной Европы В. Лёрх, ректор Высшей торговой школы в Кенигсберге Э. Шой и некоторые другие.

Все эти имена мало что говорят современному читателю. Для того чтобы “оживить” их, показать их подлинную роль в структуре национал-социалистической власти, приведем краткие биографические сведения хотя бы о некоторых из них.

Неоднократно упоминавшийся выше В. Бест, доктор права, впервые “прославился” еще до установления нацистской диктатуры как автор печально знаменитых “боксгеймских документов”⁹⁰ – своеобразного сценария контрреволюционного переворота и введения в стране чрезвычайного положения. После 30 января 1933 г. он был одним из организаторов системы концлагерей в Германии, стоял у истоков тайной государственной полиции – гестапо – и службы безопасности СД. Вместе с Гейдрихом в сентябре 1939 г. участвовал в создании главного управления имперской безопасности – РСХА, где под общим руководством Гиммлера были объединены все партийные и государственные карательные органы рейха. В июне 1940 г. Бест назначается начальником гражданской администрации в оккупированной Франции, а в ноябре 1942 г.— имперским уполномоченным в Дании. После войны датский суд за многочисленные преступления приговорил его к смертной казни, вскоре замененной пятью годами тюремного заключения⁹¹.

Р. Фрайслер, тоже доктор права. В годы первой мировой войны попал в плен на Восточном фронте, был в России во время Октябрьской революции и гражданской войны, за что получил от своих друзей по НСДАП прозвище “большевистский комиссар”. В веймарской республике—участник реакционного фёлькишского движения. Будучи с 1934 г. статс-секретарем министерства юстиции, руководил отделом по борьбе с саботажем. Принимал участие в совещании 20 января 1942 г. об окончательном решении еврейского вопроса. С 1942 г.— президент так называемого народного суда, по решениям которого были казнены тысячи противников гитлеровского режима. Фрайслер погиб при налете союзной авиации на Берлин 3 февраля 1945 г.⁹²

Г. Бакке был выходцем из России и потому слыл в нацистской партии экспертом по восточным вопросам. В 1933 г. назначен статс-секретарем имперского министерства продовольствия и сельского хозяйства, после отставки В. Дарре некоторое время исполнял обязанности министра, а 1 апреля 1944 г. официально утвержден в этой должности. Бакке — один из непосредственных руководителей подготовки германской агрессии против СССР и экономической эксплуатации населения оккупированных областей. Именно он определял продовольственный рацион для насильственно угнанных на работы в Германию, военнопленных, евреев и остальных заключенных концлагерей. На его совести — миллионы погибших от голода европейцев⁹³.

Еще один доктор права — В. Штуккарт. Возглавляя первый отдел имперского министерства внутренних дел, в котором разрабатывалось законодательство третьего рейха, он занимался святая святых национал-социализма—расовой теорией и практикой, был, например, ярким приверженцем принудительной стерилизации расово нежелательных элементов. В качестве начальника штаба генерального уполномоченного по вопросам имперской администрации Штуккарт возглавлял специально создаваемые межведомственные комитеты, готовившие документы о прохождении границ рейха, положении и судьбе фольксдойче, участи населения оккупированных территорий. Вместе с Р. Хёном и некоторыми другими он входил в группу особо доверенных лиц и консультантов Гиммлера, специализировавшихся в области жизненного пространства, колонизации захваченных земель и германизации славянских народов⁹⁴.

Вице-адмирал О. Гроос, в годы первой мировой войны служивший в военно-морском флоте, автор трудов о войне на море, с осени 1931 г. был назначен начальником отдела ВМФ в министерстве рейхсвера. Точных данных о его карьере в первые шесть лет нацистской диктатуры нет, но в конце 1939 г. он возглавил так называемый специальный штаб по ведению торговой и экономической войны, созданный при верховном командовании вермахта для

организации и координации экономической блокады Англии. Одновременно ему было поручено руководить совместной военной комиссией Германии, Италии и Японии, то есть держав – участниц Тройственного пакта, подписанного 27 сентября 1940 г. Он выполнял особо секретные, задания в рамках ведения морской войны против СССР⁹⁵.

Трудно перечислить даже основные сферы деятельности Г. Хунке, президента рекламного совета германской экономики. С 1923 г. активный участник национал-социалистического движения. Основатель и издатель популярного органа НСДАП по хозяйственным вопросам—журнала “Ди дойче фолксвиртшафт”. В 1927—1933 гг.—референт в министерстве рейхсвера. Профессор, руководитель отдела экономической и социальной политики в Немецкой высшей политической школе. В 1940 г. назначен заведующим зарубежными стран в министерстве информации и пропаганды. В 1943 г. вошел в состав правления крупнейшего германского банка “Дойче банк”⁹⁶.

Столь же важные функции выполняли в нацистской Германии и остальные члены президентского совета Общества европейского экономического планирования. В действительности оно представляло собой поистине впечатляющий гремиум, корпорацию первоклассных экспертов НСДАП, правительства, вооруженных сил, карательных органов, монополистического капитала и академической науки, способных разрабатывать весь комплекс проблем “нового европейского порядка”. Причем речь шла не только об экономических вопросах, как можно было бы предположить, но и о вопросах жизненного пространства, об идеологических, политических, социальных аспектах “новой Европы”. Через общество В. Дайц имел доступ практически во все партийно-правительственные инстанции рейха, за исключением, пожалуй, министерства иностранных дел, да и то лишь потому, что его возглавлял конкурент Розенберга И. фон Риббентроп.

Хотя Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики издавало во время войны многочисленные ежегодники, отчеты, серии книг и брошюр по европейской тематике, о его подлинной деятельности известно крайне мало. Есть лишь сведения о том, что его образование было ускорено курсом нацистского рейха на континентальную блокаду Англии, использование материальных ресурсов нейтральных государств и создание уже во время войны европейской великопространственной экономики под германским руководством⁹⁷. В отчете общества за 1940 г. с нескрываемым удовлетворением приводились высказывания английской прессы о причастности Дайца к развязыванию минной войны против Великобритании⁹⁸. Учреждение общества не прошло мимо внимания Телеграфного агентства Советского Союза,

отправившего из Берлина соответствующую информацию⁹⁹. Но в целом во всех концах Европы были вынуждены довольствоваться той краткой и расплывчатой формулировкой цели Общества европейского экономического планирования, которую его организаторы огласили в сентябре 1939 г., а именно: на научной основе и в сотрудничестве с другими организациями “планмерно поощрять экономическое и культурное сотрудничество народов и государств европейского великого пространства путем исследования различных основ их жизни, народохозяйственных структур и возникающих отсюда возможностей взаимного дополнения”¹⁰⁰. И все.

Правда, завеса чуть-чуть приоткрывалась в выступлениях и статьях Дайца конца 1939—начала 1940 гг.¹⁰¹ Из них видно, что в основу деятельности общества была положена дайцевская биополитическая концепция, в частности, придуманные им законы жизни европейской семьи народов—биологической гравитации, автаркии, образа жизни, перерождения и вырождения, биологический нравственный закон. На этой основе предполагалось сформулировать политическую идею Европы как идею “нового естественного европейского единения”¹⁰² от Атлантики до Урала и от Нордкапа до острова Кипр со сферами влияния, простирающимися в глубины Северной Азии и Африки. Помимо этого предстояло научное обоснование экономической перестройки Европы с конечной целью воссоздания “соответствующей жизни” “новой европейской Ганзы”, европейской великопространственной экономики с Германией как центром притяжения, экономики, отрицающей механическую путаницу либерального мирового хозяйства и заменяющей его биологически связанной семьями народов экономикой великого пространства. Немалое место руководители Общества европейского экономического планирования отводили организации экономической борьбы против Англии и других противников рейха. Но все это опять же лишь постановка вопроса, а не ответ на него. В публиковавшихся тогда материалах почти ничего не сообщалось о конкретной деятельности общества, о том, кто его опекал, в “империю” какого вождя оно входило, В самом деле, в сфере влияния какой “империи” оно находилось?

Любопытные соображения на этот счет приводятся в книге восточногерманского историка Э. Чихона “Банкир и власть”, переведенной на русский язык в 1977 г. По его мнению, уже после первых побед вермахта во второй мировой войне в Германии появилось несколько вариантов “нового европейского порядка”. В основном сформировались две группы: одна во главе со Срединноевропейским экономическим советом, другая— во главе с Обществом европейского экономического планирования и великопространственной экономики. Последнее, тесно связанное с монополиями

тяжелой промышленности и органами СС, распространяло те идеи преобразования Европы, которые в 1914—1915 гг. отстаивал Пангерманский союз при поддержке Г. Стиннеса и А. Тиссена,—идеи аннексии и полного подчинения побежденных стран в рамках организации великого пространства.

Другой вариант “нового порядка” предлагался Среднеевропейским экономическим советом, в котором господствующие позиции занимали “Дойче банк” и химический концерн “ИГ Фарбениндустри”. Они поддерживали идеи экономической трансформации Европы в духе памятных записок В. Ратенау и К. Хельфериха 1914 г. и полагали, что европейскую гегемонию рейха надлежит обеспечить не путем аннексий, государственного планирования и управления континентальной экономикой, а посредством установления экономического господства немецких монополий в европейских странах.

Дискуссия между сторонниками двух концепций началась, согласно данным Чихона, летом 1940 г. в связи с капитуляцией Франции, была продолжена в конце 1940—начале 1941 г. и в то время не дала осязаемых результатов. Только решительные действия монополистической группы “Дойче банк” – “ИГ Фарбениндустри” привели в декабре 1941 г. к поражению Общества европейского экономического планирования¹⁰³.

Соображения Э. Чихона заслуживают не только внимания, но и дополнительного изучения. Их необходимо скорректировать с учетом реалий нацистского политического режима, само существование которого воздействовало на внутривластную (в том числе идеологическую) ситуацию в рейхе в гораздо большей степени, чем соперничество финансово-промышленных группировок; к тому же внутри каждой из них выдвигались порой противоположные мнения по одному и тому же вопросу. В связи с этим уместно говорить сначала о том, к “империи” какого нацистского нувориша принадлежала та или иная организация, а уж затем перечислять подпитывавшие данную “империю” монополии.

Истинное лицо Общества европейского экономического планирования определялось прежде всего и главным образом тем, что оно входило в сферу влияния “империи” Розенберга, и данный факт предreshил всю его дальнейшую судьбу. Членство же в нем представителей других “империй” – гиммлеровской, Геринга, Дарре и др. — свидетельствовало лишь о сложной структуре режима и крайней запутанности отношений в верхних эшелонах нацистской власти.

Как упоминалось выше, в 1937 г. В. Дайц возглавил отдел по решению специальных задач, организованный во внешнеполитическом бюро НСДАП. В тесном контакте с ведомством по выполнению четырехлетнего плана (им руководил Геринг), с имперским министерством экономики (В. Функ),

министерством продовольствия и сельского хозяйства (В. Дарре), военно-экономическим штабом ОКВ (генерал-майор Г. Томас) и государственным управлением территориального планирования (его руководителем был сначала имперский министр по делам религий Г. Керрл, а затем Г. Мус), с другими ведомствами отдел Дайца занимался проблемами повышения блокадоустойчивости немецкой экономики во время войны, а также формированием континентальной великопространственной экономики под попечительством рейха¹⁰⁴.

После начала войны всем этим задачам стали придавать столь большое значение, что Розенберг, побуждаемый ближайшими помощниками по внешнеполитическому бюро, распорядился дополнить дайцевский отдел формально независимой организацией, в которой были бы сосредоточены лучшие силы германской науки и руководящие чиновники ряда министерств с целью глубокой проработки проблемы “нового европейского порядка”. Замышляемое предприятие было одним из тех, с помощью которых Розенберг намеревался существенно расширить влияние своей “империи”, упрочить пошатнувшиеся перед войной позиции за счет других.

Схема выглядела в виде пирамиды, вершину которой представлял отдел по решению специальных задач (то есть внешнеполитическое бюро НСДАП). Он опирался на формально самостоятельное частное Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики, состоявшее из статс-секретарей, представителей делового мира и профессуры. В свою очередь. Общество европейского экономического планирования находилось в контакте с научно-исследовательскими учреждениями и неправительственными организациями, действующими в сфере международных экономических отношений. Такая структура была очень гибкой и эффективной. Не случайно в конце мая 1940 г. В. Дайц писал, что “общество в любой момент может быть использовано в качестве инструмента политического руководства рейха, не ограничивая, с другой стороны, свободу маневрирования имперского правительства”¹⁰⁵. Через посредство общества Розенберг стремился заполучить влияние на принятие внешнеэкономических решений.

Выполнение заказов общества исследовательскими институтами гарантировалось специальным распоряжением имперского министра народного образования Б. Руста, с которым у Розенберга существовала по этому поводу принципиальная договоренность. Наиболее тесные деловые связи сложились между обществом и Институтом мирового хозяйства при Кильском университете – единственным в своем роде исследовательским заведением рейха, в чьих стенах разрабатывались теоретические модели экономического переустройства Европы

и мира, давались рекомендации по текущим вопросам, готовились планы на далекую перспективу. “Институт мирового хозяйства,—говорил его директор, профессор А. Предель,— сознает, что он стоит на самом переднем крае духовной борьбы”¹⁰⁶.

1 сентября 1939 г., то есть в первый же день войны, в письме начальнику военно-экономического штаба ОКВ генерал-майору Г. Томату руководители института заявили о своей готовности к выполнению соответствующих поручений штаба¹⁰⁷. В период войны сотрудники института подготовили сотни, если не тысячи, документов о повышении военного потенциала Германии за счет нейтральных и оккупированных рейхом стран.

Вот с этим-то Институтом мирового хозяйства Общество европейского экономического планирования составило первые памятные записки о снабжении Германии различными видами стратегического сырья. В них содержалось предложение совместить экономическую блокаду Англии и Франции со строительством европейской велико-пространственной экономики¹⁰⁸. Памятные записки общества были срочно отправлены в имперские министерства экономики и иностранных дел, другие инстанции рейха.

Некоторое представление о сотрудничавших с обществом Дайца научно-исследовательских и учебных заведениях можно получить, ознакомившись с содержанием ежегодников, отчетов, сборников и т. д. Среди авторов мы увидим представителей многих германских университетов, высших технических школ, государственного статистического управления, специализированных институтов, ведомств и служб¹⁰⁹. Все они нацеливались на теоретическое обоснование различных аспектов “нового европейского порядка”, и единственное условие, которое ставил перед ними Дайц, заключалось в том, чтобы, по крайней мере в открытой печати, не упоминать о Германии как о руководителе европейской великопространственной экономики; вместо Германии рекомендовалось говорить о Европе. “Если мы хотим руководить экономикой европейского континента, что является абсолютно необходимым и произойдет в результате экономического упрочения европейского континента как ядра белой расы, то мы,— подчеркивал Дайц,— по понятным причинам не должны открыто заявлять об этом как о германской великопространственной экономике. Мы всегда должны говорить в принципе только о Европе, поскольку германское руководство является само собой разумеющимся вследствие политического, экономического, культурного, технического влияния Германии и ее географического положения”¹¹⁰.

Помимо учебных заведений и исследовательских институтов Общество европейского экономического планирования пыталось вовлечь в орбиту своего

влияния другие неправительственные организации, частные общества и союзы. Пример тому – переговоры между Дайцем и руководителями созданного в феврале 1940 г. Общества Юго-Восточной Европы, которое, будучи в действительности филиалом имперского министерства экономики, благодаря соглашениям о долгосрочном сотрудничестве, субсидировании, персональной унии само оказалось во главе многих формально самостоятельных учреждений Иены, занятых вопросами германского проникновения на Балканы, и превратилось во влиятельную организацию, способную внести свой вклад в строительство “нового европейского порядка”. В годы войны Общество Юго-Восточной Европы совместно с имперской группой “Промышленность” и Среднеевропейским экономическим советом проводило теоретические изыскания в области “промышленного планирования Юго-Восток” – целевого проекта для разработки принципов “правильного руководства экономикой Юго-Востока и ее включения в европейскую великопространственную экономику”¹¹¹. Любопытно, что одним из координаторов этого проекта был профессор Предель.

В. Дайц приложил немалые усилия для того, чтобы поставить Общество Юго-Восточной Европы под свой контроль. Уже 13 марта 1940 г. по его инициативе состоялась встреча генерального секретаря Общества европейского экономического планирования Г. Гроссера с берлинским представителем президента Общества Юго-Восточной Европы, гаулейтера Остмарка¹¹² Й. Бюркеля, а спустя неделю Дайц сделал официальное предложение о сотрудничестве двух организаций. “Интересы наших обществ,— писал он в письме Бюркелю,— не пересекаются, а, наоборот, дополняются наилучшим образом... Регионально ориентированные хозяйственно-научные институты являются важными опорными пунктами для реализации целей моего общества. Ведь задача моего общества состоит в объединении регионально расчлененных экономических интересов в общий европейский интерес под руководством Германии”¹¹³. Бюркель поручил вести дальнейшие переговоры с Дайцем вице-президенту Общества Юго-Восточной Европы Г. Фишбеку. Есть данные о подготовке встречи Дайца и главного управляющего венского общества А. Хайнрихсбауэра, намеченной на 27 мая 1940 г.¹¹⁴ Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики стремилось распространить свое влияние и на другие неправительственные организации фашистской Германии.

Весной и летом 1940 г. под воздействием побед вермахта на Севере и Западе Европы стали заметны активные усилия Дайца и его сотрудников, направленные на создание и укрепление позиций общества за пределами имперских границ. При этом особое значение придавалось налаживанию контактов с

соответствующими учреждениями фашистской Италии. В июне центральный орган НСДАП газета “Фелькишер беобахтер” сообщила о том, что по приглашению президента германо-итальянского исследовательского фонда, статс-секретаря Г. фон Чаммер унд Остена в Берлин для чтения лекций прибыл итальянский журналист К. Скарфольо, автор нашедшей книгу “Англия и континент”. Его европейские идеи были близки розенберговским. По утверждению Скарфольо, после войны “Европа будет принадлежать европейцам... жизненной общности всех европейских народов. В конечном итоге может появиться чувство европейской общности, европейское национальное чувство. Управление ею (Европой.—В. Б.) будет зависеть от идей фашизма и национал-социализма, и даже Англия—если она желает принадлежать сообществу Европы – должна будет присоединиться к социальной общности этой новой Европы, или она погибнет!”¹¹⁵. Инициатива приглашения итальянского журналиста на самом деле исходила не от Чаммер унд Остена, а от Дайца¹¹⁶. Двадцать пятого июня К. Скарфольо стал первым иностранцем – почетным членом общества, его книги и статьи появились на немецком и других европейских языках.

Чуть позже в Берлине состоялась встреча Дайца с итальянским профессором Балеллой, в ходе которой председатель правления Общества европейского экономического планирования выразил желание установить доверительные отношения с научно-исследовательскими институтами Италии в целях гармонизации германских и итальянских взглядов на проблемы “новой Европы”. Собеседники остановили свой выбор на Национальном институте культурных связей с зарубежными странами как на органе, способном учредить итальянский исследовательский центр неофициального характера для сотрудничества с обществом Дайца. Информация о берлинских переговорах профессора Балеллы была направлена лично Б. Муссолини¹¹⁷. В августе 1940 г. Дайц совершил поездку в Рим, где передал итальянской стороне меморандум о перспективах взаимодействия двух фашистских режимов в сфере “нового европейского порядка”¹¹⁸.

Таким образом, с самого начала своего существования Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики взяло курс не только на внутреннюю, но и на широкую внешнюю экспансию. Сам Дайц был хорошо знаком с руководящими деятелями многих националистических, фашиствующих, пронацистских группировок, особенно в странах Северной и Западной Европы.

По мере роста влияния общества возрастали амбиции его руководителей. О серьезности намерений Дайца свидетельствовал, например, его меморандум

от 31 мая 1940 г., составленный в разгар победоносной кампании вермахта на Западном фронте. Кратко остановившись на истории создания и деятельности своего общества, подчеркнув севшую еще более актуальной задачу формирования “новой Европы”, автор документа перешел к главному. Его предложения сводились к тому, чтобы на базе Общества европейского экономического планирования образовать в Германии специальный имперский комиссариат по вопросам европейской великопространственной экономики с ним, Дайцем, во главе. “Богатый опыт многолетней предварительной работы,— писал он в рейхсканцелярию,— позволяет мне при помощи моего общества... оказывать важную помощь политическому руководству в создании континентальноевропейской великопространственной экономики. Поэтому я предлагаю — назначить имперского комиссара по вопросам европейской великопространственной экономики, которому должны подчиняться все без исключения государственные ведомства во всех мероприятиях, затрагивающих внешнеэкономическую политику Германии... Целесообразно подчинить комиссариат непосредственно рейхсканцелярии, чтобы не обременять фюрера”¹¹⁹.

Иными словами, Дайц добивался практически неограниченных полномочий в пределах своей компетенции, примерно таких же, какие в октябре 1939 г. получил Гиммлер, став имперским комиссаром по укреплению немецкой народности. В случае осуществления предложений Дайца, а за ним Розенберг прорвались бы в сферу принятия решений по вопросам экономической реорганизации Европы, могли бы потеснить, а возможно, и оттеснить на второй план правительственные учреждения, ведавшие внешнеэкономической, политикой рейха, такие как ведомство уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана, министерство экономики, министерство иностранных дел. В результате изменилось бы в пользу Розенберга соотношение сил, сложившееся в начале второй мировой войны между его “империей” и “империями” Риббентропа, Геринга и других. Поэтому европейский меморандум Дайца важен не только сам по себе, но и как отражение конкурентной борьбы за сферы влияния и власть внутри нацистской иерархии. Понятно, что соперничество в верхних эшелонах власти не могло не затронуть и финансово-промышленные круги, стремившиеся воспользоваться им для решения собственных задач.

С конца мая 1940 г., то есть с того времени, когда в рейхе посчитали, что “окончательная победа (на Западе.—В. Б.) достигнута и, следовательно, Англия тоже принимает все германские условия”¹²⁰, когда Гитлер и его военные советники замыслили уже нападение на СССР¹²¹, в фашистской Германии резко

обострилась, приближаясь к апогею, борьба за право руководить программой “нового экономического порядка”, затронувшая как правительственные инстанции и основные группировки монополистического капитала, так и саму НСДАП. В последней вновь обнаружили себя партийные ортодоксы и прагматики, имевшие разные представления о методах экономической реорганизации Европы, а в какой-то степени и о ее конечных целях.

К прагматикам можно безусловно отнести Риббентропа, Геринга, Функа. Они опирались на поддержку большей части монополий, в особенности принадлежавших к группе “Дойче банк” – “ИГ Фарбениндустрii”, но не только к ней. В своих программных установках они исходили из того варианта государственного регулирования экономики, который практически сложился в Германии до войны и олицетворением которого был четырехлетний план, дополнявшийся громоздкой системой организации предпринимателей в виде имперской хозяйственной палаты, имперских и хозяйственных групп. Определенное сочетание государственных мероприятий и частной инициативы, смещение акцентов в ту либо иную сторону в зависимости от конкретно складывающейся обстановки (или, в лучшем случае, близкой перспективы) – вот их подход к перестройке европейской экономики, а межгосударственные соглашения вместе с комплексом мер самих монополий (программы переплетения капиталов, создания международных картелей под германским контролем и др.)— Основной предлагавшийся ими метод решения проблемы.

Касаясь вопросов организации “нового экономического порядка”, Г. Шлоттерер – лицо из ближайшего окружения Функа – заявил 19 июня 1940 г., что “министерство экономики более, чем когда-либо раньше, претендует только на верховное руководство, а в остальном .передает ответственность за все экономические мероприятия самим предпринимателям”¹²², то есть монополиям. “Мы представляем себе европейскую великопространственную экономику главным, образом как результат инициативы самого частного хозяйства,— вновь подчеркнул он в своей программной речи 3 октября.— Само собой разумеется, мы как государство можем заключать экономические договоры... Но все это может сводиться лишь к общему урегулированию и повиснет в воздухе, если не подписывается самими предпринимателями... Европейская великопространственная экономика должна представлять собой дело самих предпринимателей и экономического самоуправления”¹²³. Подобные примеры можно продолжить.

В целом нацистские прагматики ориентировались главным образом на экономическое и политическое переустройство европейского континента в ходе победоносной войны, говорили в связи с этим о формировании великого

жизненного пространства, но интерпретировали его с более трезвых позиций, чем ортодоксы, отодвигая в неопределенное будущее натуралистические, прежде всего биополитические, концепции европейской семьи народов, выселения и переселения и пр. В этом отношении точка зрения прагматиков НСДАП была принципиально близка традиционным взглядам правоконсервативных представителей германской элиты, впервые проявившимся на рубеже XIX – XX вв.

Другое дело – нацистские ортодоксы, к которым можно причислить Розенберга, Гиммлера, Гесса, Дарре и некоторых других. Их представления о “новом экономическом порядке” отличались ярко выраженным идеологическим подходом, стремлением реализовать идею абсолютной диктатуры НСДАП, а также видением конечной цели национал-социализма, ради осуществления которой надлежит выйти за пределы собственно экономического переустройства Европы. Будучи, как и прагматики, сторонниками военно-государственного регулирования экономики, ортодоксы вместе с тем акцентировали внимание на необходимости политического – в смысле партийного – руководства экономическими процессами, придумав с этой целью термин “политическая экономика”¹²⁴.

В статье В. Дайца, опубликованной в апреле 1940 г., утверждалось, например, что основой свободного от всякого насилия европейского экономического сотрудничества является “политически руководимая экономика”¹²⁵ – идея, получившая развитие в выступлениях Г. Хунке. Выступая 1 августа с лекцией об экономической реорганизации Европы, Хунке заявил, что “отныне центр тяжести лежит не в экономике, а в политическом руководстве... В семье порядок диктует отец, в народе – фюрер, а в мире – сильнейший”. И далее: “Национал-социалистическая немецкая экономика, как политически руководимая экономика, подобно солнцу, вошла в жизнь европейских народов и будет ими управлять в их планетном движении. Это новое солнце позволит возникнуть новому европейскому сообществу судьбы и... новому экономическому сообществу”¹²⁶. Такого рода заявления существенно отличались от высказываний Шлоттерера.

В отличие от прагматиков ортодоксы неизменно подчеркивали биологический, расовый характер предлагаемого ими экономического переустройства европейской жизни, обращая внимание на то, что “действительное сообщество труда возможно... лишь у людей и народов одной крови и одной и той же почвы”, а великие экономические пространства суть не что иное, как “экономическое выражение формирующихся самостоятельных жизненных пространств отдельных рас”¹²⁷.

Во второй половине года Дайц, Бест и другие биополитики опубликовали серию статей с изложением своих взглядов на процесс реорганизации Европы с точки зрения “мировой жизнепространственной революции”¹²⁸, конечным итогом которой будет, по их мнению, не столько “новый экономический порядок” сам по себе, сколько укрепление немецкой народности за счет других и реализация на этой основе идеи “народа господ”. Отнюдь не случайно в германской, преимущественно партийной, прессе мелькали в то время статьи, в которых великое экономическое пространство называлось целью безусловно необходимой, но промежуточной, даже второстепенной по сравнению с исторической миссией национал-социализма – завоеванием жизненного пространства; звучал призыв не отвлекаться от решения этой главной задачи¹²⁹.

Множество секретных документов, сочиненных в рейхе в канун и после капитуляции Франции, содержали планы германизации народов и колонизации европейских территорий¹³⁰.

Ситуация открытого противостояния прагматиков и ортодоксов в НСДАП, осложненная отказом Великобритании от подписания мирного договора и вынужденным переходом рейха к промежуточной стратегии¹³¹, затрагивала, следовательно, не только интересы различных “империй” и подпитывающих их финансово-промышленных и иных групп, но и мировоззренческие проблемы. Именно под этим углом зрения можно объяснить некоторые вскользь брошенные замечания по поводу Дайца и К°, прозвучавшие летом – осенью 1940 г. из уст В. Функа и Г. Шлоттерера. Первый был уполномочен Герингом возглавить работы по формированию европейской великопространственной экономики (то есть получил то, к чему стремился Дайц), второй руководил находящимся под попечительством Функа межведомственным отделом по подготовке и обеспечению порядка.

И тот и другой давно знали Дайца. В 1931—1932 гг. Функ и Дайц заседали в имперском экономическом совете НСДАП. Уже тогда между ними возникали расхождения, ибо Дайц, в отличие от будущего имперского министра, нередко поддерживал точку зрения Г. Штрассера, Г. Федера и О. Вагенера¹³², допускавших в своих речах критику крупного капитала. Шлоттерер впервые заявил о себе в 1932 г. на посту редактора еженедельника “Националь-социалистический виртшафтсдинст”, издававшегося в Гамбурге Дайцем. Затем, видимо, не без его протекции, перешел на службу в имперское министерство экономики. Летом 1940 г. Функ и Шлоттерер резко выступили против амбициозных притязаний председателя правления Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики.

Приведем несколько известных нам документов на этот счет. На встрече с представителем семи металлургических концернов В. Цангенем, который одновременно возглавлял имперскую группу “Промышленность”, имперский министр экономики просил “помочь ему и позаботиться о том, чтобы не происходило никаких эксцессов, которые дали бы противникам частного хозяйства повод для упреков”¹³³. В свою очередь Шлоттерер, выступая 18 июня на расширенном заседании государственного управления внешней торговли, заявил: “Впредь не следует так много говорить о великом экономическом пространстве. Теоретики типа В. Дайца так сильно злоупотребляли этим термином, что нет желания использовать его”¹³⁴. Еще через месяц, 22 июля под председательством Функа состоялось важнейшее с начала войны совещание руководителей министерств и ведомств по вопросам великопространственной экономики, в ходе которого, в частности, были подвергнуты острой критике идеи директора Немецкого института по изучению конъюнктуры профессора Э. Вагемана, а также В. Дайца. “Когда уже сейчас,— подчеркнул в своей речи Функ,— начинают говорить о Европе как о едином великом экономическом пространстве, то это лишь фантазия”¹³⁵. Та же мысль прозвучала в интервью Функа, опубликованном 26 июля 1940 г. газетой “Зюдост-Эхо”. В резких тонах министр “потребовал свернуть обсуждение вопроса о “новом порядке” из сферы фантазии и спекуляций в реальный мир фактов”¹³⁶.

За словами последовали дела. Уже в указе Функа от 17 июня обращалось внимание на то, что Общество европейского экономического планирования не пользуется поддержкой ни министерства экономики, ни министерства иностранных дел и что имперский министр внутренних дел не позволяет ему заниматься привлечением новых членов¹³⁷. Направленный всем подразделениям имперской хозяйственной палаты указ фактически запрещал им сотрудничать с обществом Дайца. Девятого августа на заседании межведомственного торгово-политического комитета при участии высоких должностных лиц министерства иностранных дел, ОКВ, министерств экономики, финансов, продовольствия и сельского хозяйства, ведомства уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана, Рейхсбанка и т. д. было принято такое решение: “Следует повлиять на то, чтобы по возможности ограничить публичное обсуждение немецких планов экономического преобразования Европы. Основанное посланием Дайцем Общество европейского экономического планирования и великопространственной экономики необходимо еще раз призвать ограничиться научно-исследовательскими работами и воздержаться от публичной пропаганды, а также от всяких зарубежных контактов”¹³⁸. В письме, отправленном 17 августа 1940 г. из министерства иностранных дел, сообщалось, что Дайцу впредь запрещена “публичная пропаганда ради осуществления его идей”¹³⁹.

Когда Дайц, невзирая на подобные предостережения, приступил к созданию экономических советов общества в немецких землях, в ход событий вмешались высшие партийные инстанции. 18 ноября начальник штаба заместителя фюрера М. Борман в чрезвычайно резком по тону письме Дайцу от имени Гесса потребовал немедленно отказаться от запланированных мероприятий, одновременно подвергнув прямо-таки уничижительной критике потуги Дайца давать указания правительственным учреждениям и даже организациям партии на местах. “Задача провозглашать какие-либо хозяйственно-политические принципы... — подчеркивал Борман, — является прерогативой исключительно инстанции НСДАП, но ни в коем случае не частного общества... Это было бы возможно только в случае, если бы эта частная организация... была уполномочена партией либо государством. Но таких полномочий вашему обществу ни партией, ни государством не дано, и нет причин полагать, что в этом отношении что-то изменится в будущем. Сами вы, находясь в должности рейхсамтслейтера, не компетентны решать такие вопросы в рамках партии”¹⁴⁰. В ответном письме Дайц вынужден был заявить о прекращении работ по созданию местных филиалов общества. Но здесь он покривил душой: в некоторых землях все же предпринимались попытки в этом направлении, что вызвало негодование Бормана¹⁴¹.

Опираясь на специальное распоряжение Бормана, согласно которому гаулейтерам НСДАП предписывалось впредь не допускать образования земельных экономических советов общества Дайца, В. Функ своим новым указом от 23 декабря 1941 г. потребовал прекращения финансирования общества подразделениями имперской хозяйственной палаты, отказа от членства в нем и другой поддержки его деятельности¹⁴². На практике это означало запрещение любых контактов с Обществом европейского экономического планирования всем предпринимательским организациям германского монополистического капитала. Указ Функа действовал в течение всей войны. В августе 1944 г. Дайц все еще с сожалением констатировал, что в соответствии с данным указом всем членам Организации промышленной экономики возбраняется идеологическая и материальная поддержка общества¹⁴³.

В такой ситуации и в надежде на лучшие времена Дайц решил отвлечь внимание своих оппонентов от деятельности общества, переместив центр тяжести в сторону научных исследований “нового экономического порядка”. В начале июля 1940 г. в Берлине был зарегистрирован Союз содействия центральному институту национального экономического планирования, экономического руководства и великопространственной экономики, в правление которого помимо Дайца вошли В. Лонгерт и главный управляющий общества

А. Бертельзон. Союз занимался подготовкой устава и принципов работы будущего института, формированием его руководящих органов, вопросами финансирования. Крупный взнос в этих целях внес так называемый Фонд Адольфа Гитлера, ожидалось денежные поступления от Имперского продовольственного сословия. Немецкого трудового фронта, некоторых промышленных монополий и банков. Вместе с тем вице-президент Рейхсбанка К. Ланге отказался финансировать деятельность института и отклонил приглашение Дайца вступить в правление союза¹⁴⁴. Здесь уместно напомнить, что президентом Рейхсбанка был имперский министр экономики В. Функ.

Так или иначе, в середине февраля 1941 г. в Дрездене состоялась церемония основания Центрального исследовательского института организации национальной экономики и экономики великого пространства – первого в рейхе специализированного научно-исследовательского учреждения, занимавшегося с позиций национал-социалистического мировоззрения проблемой экономической реорганизации Европы. “Рабочие принципы и цели института,— уточнялось в немецкой прессе,— покоятся на идеях Вернера Дайца”¹⁴⁵.

По случаю основания института Общество европейского экономического планирования устроило 12 марта прием, на котором выступили Дайц и Лонгерт. Подробно остановившись на специфике методологической базы, положенной в основание научно-исследовательской деятельности института, докладчики – Дайц прямо, а Лонгерт в завуалированной форме – показали ее отличие от воззрений прагматического направления в партии и государстве. “Часто можно слышать,— заявил в своей речи В. Дайц,— что в будущем национал-социалистическое преобразование экономики будет происходить без всякого теоретического обоснования... исключительно с позиций мгновенной полезности. Это, конечно, не так. Национал-социалистический подход к организации экономики отличается определенной неизменной принципиальной установкой... нашедшей свой незыблемый принцип в законе автаркии”. Нацистское понимание экономики, по Дайцу, это ее понимание как экономики жизненного пространства. То же относится и к великопространственной экономике, которая предстает в качестве экономики жизненного пространства всех европейских народов при полном сохранении их природного своеобразия и неравенства. Таким образом, экономика великого европейского пространства будет строиться не на механических, как прежде, а на биологических основах¹⁴⁶.

Сравнительный анализ механического и органического мышления содержался в докладе Лонгерта, Причинно-механическое мышление, породившее классическую политическую экономию, утверждал докладчик, зиждилось на философии Просвещения, представители которой считали законы

неорганической жизни, законы движения материи, механики вполне применимыми к жизни человеческого общества. Но человек есть биологическое существо, которому соответствуют лишь органические, биологические формы жизни, и потому материалистически-механическое мышление в принципе не отвечает потребностям биологической жизни человека. Напротив, органически-диалогическим мировоззрением является национал-социализм, в политических целях использующий биологию, то есть учение о жизни. Именно национал-социализму суждено заменить буржуазно-либеральное мировоззрение. Для последнего характерны мнимый объективизм, оторванность от жизни, от “субъективно-качественно воспринимающего человека”, бездуховный, чисто количественный подход к изучаемым явлениям. Важно не только дополнить его качественными параметрами, субъективным отношением к предмету, но и сблизить объект с субъектом путем их органического синтеза, исходя из розенберговского вывода о том, что объект и субъект суть неотделимые друг от Друга корреляты. “Поворот от чисто объективного к субъективному, установление связи внешне объективного с внутренне субъективно-качественным есть последняя и глубочайшая причина национал-социалистической революции”¹⁴⁷, — утверждал В. Лонгерт.

По его убеждению, в основе экономического учения также должны лежать биополитические идеи. Либеральная политическая экономия описывала экономику без человека, при ней люди “жили для того, чтобы заниматься экономикой, а не занимались... экономикой, чтобы жить”¹⁴⁷. По-иному обстоит дело в экономическом учении национал-социализма. Здесь “экономика служит народу”, что соответствует глубинным потребностям жизни.

Точно таких же мировоззренческих принципов следует придерживаться и при изучении экономики великого пространства. Отсюда вытекала основная задача вновь созданного Центрального исследовательского института — изучать великопространственную экономику на биологической основе, сознательно используя сформулированные Дайцем законы жизни¹⁴⁸.

Только на первый взгляд может показаться, что в своих докладах Дайц и Лонгерт преследовали цель сугубо академического изложения мировоззренческих оснований национал-социализма. На самом деле все обстояло гораздо сложнее. Оттеняя различия между либеральным (механистическим) и национал-социалистическим (биологическим) учениями, руководители Общества европейского экономического планирования и Центрального исследовательского института в действительности стремились утвердить свое, биополитическое понимание нацизма за счет иных его интерпретаций, особенно прагматических. Мало того. Сами биополитические

концепции рассматривались ими в дайцевском истолковании, через призму законов биологической гравитации, автаркии и других законов. Но из-за такой позиции отношения с прагматически настроенными кругами в НСДАП только осложнялись.

Это видно хотя бы из того, что 1 октября 1941 г. по инициативе имперского министерства экономики был основан конкурировавший с институтом Дайца Институт великопространственной экономики при Гейдельбергском университете. На его первом заседании, проходившем под председательством статс-секретаря Ф. Ландфрида, присутствовали другие высокопоставленные чиновники министерства – Шлоттерер, Имхоф, Хартнак, а также ректор университета профессор Шмитхеннер, профессор Фус из баденского министерства культуры и образования, преподаватели факультета государственных и экономических наук¹⁴⁹. Директором нового института был назначен профессор В. Томс, заведомыми – профессора Э. Шустер, К. Зандиг и Э. Зибер. Отчеты о работе института¹⁵⁰ свидетельствовали о его активной исследовательской деятельности, обширных зарубежных связях, тесных контактах с министерством экономики и предпринимательскими организациями. Совершенно очевидно, что Институт великопространственной экономики был задуман Функом в качестве противовеса Центральному исследовательскому институту В. Дайца.

Ситуация, сложившаяся с Обществом европейского экономического планирования и его институтом, — наглядный пример реальных противоречий и соперничества в стане нацистских европейцев, показатель накопления в НСДАП некоторых, даже мировоззренческих, различий по вопросам “новой Европы”, которые более-менее четко обнаружились уже в первые годы мировой войны. Противостояние партийных ортодоксов и прагматиков, налагаясь на конфликты между группировками финансовой олигархии, генералитета, научной элиты и т. д. и сливаясь с ними, представляло собой в Германии величину постоянную, зависимую по меньшей мере от окончательного исхода войны, а не от отдельных — пусть даже крупных — событий на фронтах. В борьбе “империй” главную роль играли их руководители, в данном случае — не Дайц, а Розенберг. Разобраться в европейской концепции Розенберга, проследить за ее модификацией в условиях начавшейся войны — наша следующая задача.

1.4. Европейская стратегия Розенберга в начале второй мировой войны

С именем Розенберга, как ни с кем иным в нацистской иерархии, связано формирование философско-теоретического основания национал-

социалистического европеизма. Из него вытекала розенберговская политическая концепция “новой Европы”, в общих чертах сложившаяся в первой половине 30-х гг. и предполагавшая заключение англо-германского союза на почве передела мира: признания Англией германской монополии в Европе, включая СССР, во-первых; формального признания целостности британской колониальной империи со стороны рейха, во-вторых.

Пока же Европа расчленялась данной схемой на три части. Ее ядро составляла Центральная Европа с Германией во главе, к которой – в силу “общности судьбы” – обязаны были примкнуть Скандинавские и Балкано-дунайские страны. Западная Европа, если иметь в виду антисоветский аспект “нового порядка”, — потенциальный союзник, а в перспективе – младший партнер Германии. Восточная же Европа, прежде всего СССР, — это, конечно, враг, причем не только нацистского рейха, но и всей европейской культуры. Поэтому борьба с большевизмом провозглашалась Розенбергом первым шагом на пути к “новой Европе”, исторической миссией национал-социализма.

Еще до войны розенберговскую концепцию начала критиковать набиравшая влияние группировка прагматиков – Риббентроп, Геринг, Функ и др., которая, исходя из анализа конкретной обстановки, считала союз с Великобританией делом совершенно нереальным, предлагая вместо него пакт Германии, Италии и Японии. Схема прагматиков предусматривала нанесение удара сначала по Англии и Франции и только затем, после побед на Западе, — по СССР.

Подписание советско-германского договора о ненападении, объявление войны Германии, последовавшее 3 сентября 1939 г. из Лондона и Парижа, — все это ввергло Розенберга в состояние шока. Ломалась вся его концепция. Смятение, тревога Розенберга тех дней отразили его дневниковые записи. “У меня такое ощущение, — отмечал он, касаясь советско-германского договора, — что этот московский пакт когда-нибудь отомстит национал-социализму... Как мы можем говорить еще о спасении и организации Европы, если вынуждены прибегать к помощи разрушающей Европу силы?”¹⁵¹.

Подчеркнув, что договор трудно совместить с двадцатилетней борьбой нацистской партии против большевизма, Розенберг внес в дневник весьма примечательные слова: “История, вероятно, когда-нибудь покажет, должно ли было возникнуть положение, которое возникло. То есть нельзя ли было мобилизовать решающие английские силы для совместных действий с нами. Это означало бы; довольствоваться лишь принципиальной постановкой вопроса о правах на все (бывшие немецкие. — В. Б.) колонии, чтобы взамен получить английскую поддержку на Востоке. Это решение стало почти невозможным из-за пропаганды фон Риббентропа в бытность его нашим послом в Лондоне”¹⁵².

5 октября – еще одна запись с анализом сложившейся ситуации. “Оценка обстановки,— читаем в дневнике,— лежит не в плоскости нынешнего решения о взаимодействии с Советской Россией, а в отказе от старой линии со времени, когда фон Риббентроп стал нашим послом в Лондоне и не справился там с задачей, которую должен был решить”¹⁵³. Все свои неудачи Розенберг поспешил свалить на одного Риббентропа.

С начала второй мировой войны – и даже раньше – выдвигавшаяся Розенбергом ортодоксальная концепция “нового европейского порядка” не могла не отойти на второй план политической жизни рейха, уступив место более гибким прагматическим концепциям, & которыми выступали Риббентроп и другие. У Розенберга возникла острая потребность осмыслить новые реалии, приспособить к ним – конечно, не поступаясь “принципами”,— прежнюю европейскую схему и укрепить свои пошатнувшиеся позиции в верхних эшелонах власти. В борьбе с конкурентами он избрал не оборонительную, а наступательную тактику, и его внимание концентрировалось на немногих, но, пожалуй, самых значительных, главных направлениях.

Первое направление – идеологическое, дающее возможность курировать всю европейскую проблематику. Здесь, в сфере натуралистических абстракций, умозрительных построений, отвлеченных рассуждений у Розенберга не было сколько-нибудь достойных соперников в НСДАП; здесь он мог переговорить любого. Не удивительно, что в трудное для себя время он решил разыграть свою козырную карту. Еще летом 1939 г. он начал и весной 1940 г. закончил работу над “Мировоззренческими тезисами”¹⁵⁴, являвшими собой своеобразный стусок философских идей, впервые воспроизведенных в “Мифе XX столетия”. Национал-социализм представлен в розенберговских тезисах величайшей религиозной революцией, заменяющей христианство, революцией, цель которой – гармонизация народа и жизни посредством веры в высшие ценности жизни и смерти – идеи расы и народной общности. “Мировоззренческие тезисы” предназначались для идеологического воспитания членов партии и даже учащихся средних школ, и в неблагоприятных для Розенберга условиях все это было как нельзя кстати.

Следующий шаг Розенберг сделал в первые дни войны. Он потребовал расширения своих прерогатив уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП, их распространения на идеологическую деятельность не только партийных, но и государственных, в том числе военных, органов¹⁵⁵. В случае выполнения этих требований он мог стать своего рода идеологическим диктатором рейха. В меморандуме, составленном 15 сентября 1939 г., Розенберг утверждал, что во

время войны немецкий народ особо нуждается в разъяснении и обосновании “нового немецкого образа жизни и европейской миссии”¹⁵⁶. Конкретные предложения на этот счет он сделал Гессу, который нашел их правильными по существу, но не по форме: скорее всего заместитель фюрера опасался за свое собственное положение второго человека в партии.

В беседе с Герингом 5 октября Розенберг говорил о необходимости духовной, то есть идеологической, войны, которая, по его мнению, должна вестись наравне с войной на фронтах, экономической и пропагандистской войной. С такой постановкой вопроса Геринг полностью согласился, как и с розенберговской идеей создания государственного исполнительного органа для обеспечения единого руководства идеологической войной. Кажется, Геринг был единственным, кто в ту пору оказал поддержку Розенбергу, но не бескорыстно, а в целях более точного размежевания сфер интересов.

Наконец, 1 ноября Розенберг, ссылаясь на предварительный обмен мнениями с Гессом и Герингом, долго и настойчиво убеждал Гитлера в необходимости сосредоточить в одних руках руководство идеологической борьбой, заявил даже, что в противном случае в будущем “многие люди в партии вновь откроют новых духовных вождей, философов стиля модерн”¹⁵⁷. Это был явный намек на прагматически ориентированных деятелей нацистской партии. В ответ Гитлер поручил Розенбергу подготовить проект постановления по данному вопросу. Окончательный текст проекта “Указа фюрера о назначении уполномоченного по вопросам обеспечения национал-социалистического мировоззрения” был написан 9 февраля 1940 г. В первом параграфе проекта говорилось, что монолитное единство национал-социалистического мировоззрения является предпосылкой утверждения немецкого народа в его жизненном пространстве; для достижения этого единства требуется концентрация соответствующих компетенций в одних руках. Во втором параграфе сообщалось о назначении рейхсleiterа НСДАП А. Розенберга на должность уполномоченного фюрера по вопросам обеспечения национал-социалистического мировоззрения. В третьем, четвертом и пятом параграфах перечислялись права нового уполномоченного, в частности, право издавать директивы высшим партийным и государственным органам, включая вермахт. Было специально оговорено, что за Розенбергом сохраняется пост уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП¹⁵⁸.

Чтобы в полной мере осознать тайный смысл розенберговских формулировок об обеспечении единства национал-социалистического мировоззрения и о “монолитном использовании всех действующих в этой сфере

сил” – такая фраза присутствовала в третьем параграфе проекта, достаточно еще раз вспомнить, что в нацистской иерархии существовали по меньшей мере две концепции “нового европейского порядка” – ортодоксов и прагматиков... Как всегда, замыслы Розенберга были полны амбиций и максимализма.

Однако Гитлер не подписал предложенный проект. В связи с предстоящими наступлениями на Севере и Западе Европы и по ряду других формальных причин он сообщил Розенбергу об отсрочке поручения до решающих событий на фронтах¹⁵⁹. Позднее к данному вопросу он не возвращался. Для того чтобы подсластить пилюлю, Гитлер поручил Розенбергу продолжить подготовительные работы по организации Высшей школы – центрального научно-исследовательского, учебного и воспитательного заведения НСДАП, открытие которого планировалось после победоносного окончания войны. В поручении содержалась формула, обязывавшая партийные и государственные учреждения оказывать любую помощь в этом деле¹⁶⁰. По существу, речь шла о расширении компетенций уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии в конкретной сфере – организации Высшей школы.

Высшая школа мыслилась как средоточие специализированных институтов идеологического профиля. Некоторые из них перечислялись в розенберговских бумагах 1940 г. Предстояло основание таких, например, институтов, как Институт истории арийского духа, Институт биологии и учения о расах. Институт по изучению еврейского вопроса. Институт восточных исследований, Институт германских исследований, Институт по изучению отношений между германцами и галлами¹⁶¹ (под галлами подразумевались в данном случае французы и голландцы). По некоторым данным, в состав Высшей школы намеревались включить и дайцевский Центральный исследовательский институт организации национальной экономики и экономики великого пространства¹⁶². Уже из одного перечня видно, что проблеме Европы отводилось в планах Высшей школы значительное место.

О том, что это действительно так, свидетельствуют директивы Розенберга, касающиеся исследовательских задач институтов Высшей школы. В частности, научная деятельность будущего Института биологии и учения о расах должна была исходить из следующих указаний: “Открытие расы и наследственности, осознание единства между кровью, позицией судьбы, творениями культуры и государственно-формирующим действием означает величайшую революцию нашего (национал-социалистического.— В. Б.) исследования. Но тем самым и коренную переоценку всех могущественных исторических сил и средство воспитания немецкого, европейского будущего”¹⁶³. Институт по изучению

еврейского вопроса (он был открыт 26 марта 1941 г.) с самого начала руководствовался категорическим императивом о полном исключении евреев из Европы как жизненном вопросе для всех европейцев⁶⁴. И так далее. О европейских задачах Центрального исследовательского института В. Дайца мы уже говорили.

Если внимательно присмотреться к задачам Высшей школы, можно обнаружить, что они несли двойную нагрузку. В первую очередь это развитие нацистского мировоззрения в розенберговской интерпретации. Во-вторых, это борьба против всех идеологических противников – большевизма, либерализма, еврейства и пр. В сопряжении двух начал Розенберг видел залог победы идей “нового европейского порядка”.

Важную роль в решении столь сложной задачи сыграл так называемый оперативный штаб рейхслейтера Розенберга для оккупированных территорий, который отнюдь не ограничивался конфискацией культурных ценностей европейских стран, как порой утверждается в исторической литературе. И образован он был совсем не потому, что, согласно распространенной версии⁶⁵, среди немецких войск, входящих в Париж в июне 1940 г., случайно оказался розенберговский представитель Г. Эберт, обративший внимание на богатейшие парижские библиотеки, архивы, и музеи. Нет, это был орган идеологической войны, а его задачи прямо вытекали из январского указа Гитлера о Высшей школе, где говорилось о необходимости активных приготовлений в этой области, особенно в исследовательской сфере и в плане комплектования библиотек. Следовательно, оперативный штаб Розенберга основывался первоначально в качестве вспомогательного учреждения Высшей школы, а затем,

после того как в 1943 г. в рейхе вынужденно отказались от идеи ее создания, он стал относительно самостоятельной частью розенберговской “империи”, занимавшейся в основном европейской проблематикой.

Оперативный штаб находился в двойном подчинении. Его рабочий группы подчинялись армейскому командованию, но по своему происхождению и, главное, задачам (“духовное подавление... противников”⁶⁶) они являлись служебными органами НСДАП, точнее, “империи” Розенберга. Кадры оперативного штаба черпались из аппарата уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии.

Открыто действуя в нарушение Гаагских конвенций 1907 г., оперативный штаб Розенберга с самого начала приступил к действиям, не имевшим прецедента в истории. Речь шла о том, чтобы после военной победы добить противника идеологически. “Заключенное с государствами Запада перемирие,—подчеркивал

начальник штаба Г. Утикаль,— не может распространяться на идеологических противников национал-социализма... Мы должны требовать бескомпромиссного продолжения борьбы против евреев и масонов. Их окончательное уничтожение было и остается сегодня первой предпосылкой формирования новой Европы”¹⁶⁷.

Уже в первые месяцы своего существования рабочие группы оперативного штаба захватили уникальные архивы и богатейшие библиотеки крупных западноевропейских городов. Среди них – бесценные рукописные фонды и специализированная библиотека Международного института социальной истории в Амстердаме¹⁶⁸, содержавшие документы по истории германского, французского, российского революционного движения. Все они по приказу Розенберга были переданы сотрудникам штаба для изучения в целях разработки проектов нацификации Европы.

Концентрация редчайших материалов в руках Розенберга вызвала недовольство других нацистских руководителей, в первую очередь Гимmlера, в недрах “империи” которого тоже занимались теоретическими изысканиями. В апреле 1941 г. один из ближайших сотрудников рейхсфюрера СС, начальник главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих заявил М. Борману, что “научная разработка идеологического противника всегда может происходить лишь в связи с политико-полицейской деятельностью. Только тот материал, в котором полиция безопасности больше не нуждается, может передаваться вам или Высшей школе”¹⁶⁹ (причем в копиях.—В. Б.). Тем не менее руководителям “империи смерти” не удалось нейтрализовать деятельность оперативного штаба.

Вторым направлением борьбы Розенберга со своими конкурентами по НСДАП была модификация его политической концепции “позой Европы” в качественно новых условиях начавшейся войны, при иной, чем он предполагал, расстановке сил. Несмотря на его. многолетние усилия, Германия начала войну не на Востоке, а на Западе, против Англии и Франции, и все это не могло не наложить отпечаток на его представления о “новом европейском порядке”. Вместе с тем даже в такой ситуации розенберговская концепция изменилась не столь значительно, как можно было бы предположить на первый взгляд. По всей вероятности, сказалась принципиально ортодоксальная позиция нацистского теоретика.

Идеи “Мифа XX столетия” по-прежнему составляли незыблемое основание политических тренировок Розенберга во время войны. Упомянем хотя бы несколько его выступлений, относящихся к 1940 г. Четырнадцатого апреля в Данциге (польский Гданьск) он прочитал доклад на тему “Наша борьба против Версаля”. В номере “Фелькишер беобахтер” от 12—13 мая появилась розенберговская статья “Революция Европы”; 9 июля – еще одна речь, на сей

раз о нордической общности судьбы¹⁷⁰. Все эти выступления типичны для Розенберга, в них более-менее адекватно отражались его представления о “новом европейском порядке”, сложившиеся после начала войны. Отнюдь не случайными являются даты выступлений: доклад в Данциге был прочитан спустя несколько дней после оккупации немецкими войсками Дании и Норвегии; статья в “Фелькишер беобахтер” напечатана по случаю начавшегося германского наступления в Западной Европе; речью о нордической общности судьбы Розенберг, по существу, отреагировал на отказ Англии пойти на заключение мирного договора с рейхом.

Исходный пункт розенберговских рассуждений состоял в оценке мировой войны как революционной войны гигантского масштаба, вызванной “органической игрой биологических сил”¹⁷¹. В недрах этого громадного катаклизма разворачивается европейская революция, которая получила импульс, содержание и цели от национал-социалистической Германии. Национал-социализм инициировал лозунг политической, экономической и культурной реорганизации Европы. Смысл перестройки заключается в завоевании свободы путем реализации права европейской семьи народов на самоопределение, при этом Германии – и это основное условие успеха преобразовательного процесса – надлежит сыграть интегрирующую, объединяющую роль. Но как выполнить эту предопределенную судьбой европейскую миссию?

По утверждениям Розенберга, национал-социализм осуществит свои европейские цели только тогда, когда возьмет под защиту всю территорию, на которой в древности проживали индогерманцы и с которой они по разным причинам вынуждены были уйти; прародина же индогерманцев располагается не только на Западе, Севере и Юге, но и на Востоке. Фактически имелось в виду образование нацистского великогерманского рейха с границами, по меньшей мере совпадающими с границами Европы, а в перспективе далеко выходящими за ее пределы.

Магистральный путь к конечной цели ведет через радикальные преобразования Центральной, Северной и Юго-Восточной Европы в соответствии с требованием европейского бытия¹⁷². Ядром системы станет Германия. Идея нордической общности судьбы реализуется в великогерманском объединении народов пространства Северного и Балтийского морей, правда, не совсем так, как Розенберг считал до войны. Дело в том, что Великобритания оказалась в стане противников рейха несмотря на все усилия с германской стороны, а Дания и Норвегия были “в превентивных целях” оккупированы вермахтом. Так или иначе, “для всех германских народов,—утверждал нацистский теоретик,—вырисовывается ясная жизненная необходимость

образования совместного политического и хозяйственно-политического фронта для защиты от внешней опасности, фронта, который в состоянии удовлетворить интересы каждого народа, поскольку обеспечение интересов каждой нации означает общее укрепление всего европейского континента, и наоборот”¹⁷³.

Великогерманское объединение нордических народов в свою очередь войдет в контакт с народами Юго-Восточной Европы, и в итоге возникнет “симбиоз, то есть... общность труда для удовлетворения потребностей совершенно различных рас и народов. Без сомнения, это новый европейский поворот”¹⁷⁴. В экономическом отношении Европа будет ориентироваться на то, чтобы жить собственной силой, а в политическом – на ликвидацию государственного суверенитета малых европейских стран во имя реализации идеи великогерманского рейха.

Небольшим европейским странам не оставалось места в розенберговской схеме. При каждом удобном случае он не устал повторять, что “малая нация несколько не запятнает свою честь, если поставит себя под защиту великого народа и великого рейха”¹⁷⁵, а один из сотрудников Розенберга в начале июня 1940 г. прямо заявил: “Для либеральных малых государств в нынешней Европе места не осталось. Поэтому война должна решить вопрос... о новой организации европейского пространства”¹⁷⁶.

Итак, в 1940 г. европейская концепция Розенберга предусматривала создание великопространственного комплекса под германским руководством в составе Северной, Центральной и Юго-Восточной Европы с возможностями дальнейшего расширения во все стороны. Такая схема напоминала розенберговские и дайцевские проекты “новой Европы”, относящиеся еще к 1934 г., и на это обращают внимание некоторые историки¹⁷⁷. После неудачи с пактом четырех¹⁷⁸ руководитель внешнеполитического бюро НСДАП был вынужден уточнить свое понимание “нового европейского порядка”. Именно тогда в его выступлениях появились некоторые новые моменты.

В частности, на первом съезде Нордического общества¹⁷⁹ в июне 1934 г. Розенберг выступил с программной речью о намерениях третьего рейха. “Судьба Европы,— подчеркнул он,— есть судьба каждой европейской нации... и, наоборот, судьба, например, Германии... есть судьба нашего... континента”. Германия призвана заняться умиротворением Северо-Востока и Юго-Востока; умиротворение же двух этих пространств “уже есть частично умиротворенная Европа”. Европейское единство возможно только при справедливом размежевании “пространства судьбы”. Германия претендует на Скандинавию и Балканы в качестве первоочередных объектов экспансии, а затем в поле ее зрения окажется Советский Союз. Все это естественное жизненное пространство

германцев. Запад во главе с Англией обязан по меньшей мере не мешать, а еще лучше – содействовать европейской миссии национал-социализма. Только так в перспективе возникнет “объединенная Европа”¹⁸⁰.

Совпадение европейских планов Розенберга 1933—1934 и 1939—1940 гг. не в последнюю очередь объяснялось формальной схожестью международной обстановки. В первом случае Великобритания и Франция не пошли на союз с Германией в рамках пакта четырех, во втором случае они оказались во враждебном Германии лагере; в обоих случаях Розенберг активизировал пропаганду нордической идеи. В тридцатые годы выход был найден в концепции “сознательного европеизма”¹⁸¹, ставшей основой розенберговского варианта внешнеполитического курса рейха накануне войны, а в 1939—1941 гг. Розенберг предпринимал громадные усилия для подготовки германской агрессии против СССР. Но обо всем по порядку.

Розенберг был крестным отцом операции “Везерюбунг” по захвату Дании и Норвегии. Это было частью третьего – территориального—направления его европейской стратегии в начальный период мировой войны. Руководимое им внешнеполитическое бюро еще до войны развернуло бурную деятельность по формированию в Скандинавских странах “пятой колонны”. Крупной находкой для “империи” Розенберга стала норвежская фашистская партия “Национальное объединение” во главе с В. Квислингом, который выдвигал программу образования некоего нордического союза, ориентированного на войну с СССР.

В июне 1939 г. состоялась важная встреча Розенберга с Квислингом, положившая начало подготовительным мероприятиям по оккупации Норвегии, проводившимся внешнеполитическим бюро. На встрече подробно обсуждалась идея организации “союза германских государств и об. эвентуальной позиции такого германского союза к русской империи”. Помимо этого впервые рассматривался вопрос о том, как привести Квислинга к власти¹⁸². В декабре того же года в Берлине имели место новые переговоры между Розенбергом и Квислингом с участием представителей ОКБ, военно-морского флота, министерства иностранных дел и некоторых других ведомств. Квислинг дважды был принят Гитлером. В те дни Розенберг представил Гитлеру свой план оккупации Норвегии¹⁸³.

Несмотря на то, что инициатива подготовки операции в Северной Европе перешла к военным, и вопреки противодействию министра иностранных дел Риббентропа внешнеполитическое бюро НСДАП не снижало своей активности. Более того, желая затмить Риббентропа и сыграть в Скандинавской операции ведущую политическую роль, Розенберг намеренно преувеличивал опасность, грозящую немецким позициям в Норвегии со стороны Великобритании, и

фактически провоцировал вторжение вермахта. 27 апреля 1940 г. он не без самолюбования записал в дневнике: “Внешнеполитическое бюро выполнило историческую задачу. Оккупация Норвегии, вероятно, решит исход войны”. Через несколько дней он не смог удержаться от едкой критики министерства иностранных дел: “МИД чуть было не стал причиной страшнейшего поражения. Если бы мы послушали нашего посланника в Осло... то сегодня англичане с триумфом восседали бы в Осло и Стокгольме”¹⁸⁴. Соперничество “империй” Розенберга и Риббентропа отнюдь не ослабело после прекращения военных действий в Дании и Норвегии.

Предметом острых споров стала теперь проблема политической организации оккупированных стран, прежде всего вопрос о том, представитель какой “империи” будет назначен рейхскомиссаром, чей ставленник – Розенберг или Риббентропа – возглавит марионеточное правительство, а в конечном итоге — у кого в Берлине будут сосредоточены нити управления покоренными территориями.

Розенберг стремился во что бы то ни стало продвинуть на пост главы коллаборационистского правительства Квислинга и решить в свою пользу остальные вопросы. Поначалу ему удалось добиться назначения своего ближайшего помощника по внешнеполитическому бюро А. Шикеданца специальным уполномоченным рейхсканцелярии, курирующим имперский комиссариат “Норвегия”. “Через его руки. — с удовлетворением отмечал Розенберг, — проходит сейчас вся переписка с Норвегией (включая МИД)”¹⁸⁵. Как свидетельствуют опубликованные дипломатические документы¹⁸⁶, весной — летом 1940 г. руководитель внешнеполитического бюро предпринимал в этом отношении все более активные усилия, кульминация которых пришлась на меморандум от 22 июля под названием “Предварительные предложения, вытекающие из дискуссий о норвежских делах”. Меморандум был направлен Гитлеру.

После констатации того, что опыт политической организации Норвегии может послужить прецедентом в ходе национал-социалистического преобразования других стран Северной и Западной Европы, и сославшись на свою речь о нордической общности судьбы, Розенберг предложил учредить ведомство уполномоченного фюрера по координации политики в оккупированных Скандинавских странах. “Такое ведомство, — писал он, — не обладало бы функцией вмешательства в полномочия рейхскомиссариатов и т.д., а скорее должно было бы обсуждать и координировать общее положение в германских странах в вопросах идеологии и практики, а также устно докладывать... фюреру о различных точках зрения. Назначение могло бы быть конфиденциальным”¹⁸⁷.

В целях укрепления своих позиций автор меморандума рекомендовал, далее, реформировать Нордическое общество в центральное неправительственное учреждение, ведающее вопросами культурного, идеологического и научного развития немецко-германских отношений, для чего, по его мнению, необходимы государственные субсидии. Кроме того, Розенберг сообщал о своем намерении основать в Киле филиал Высшей школы – Институт германских исследований, которому предстояло заниматься изучением нордических проблем. В заключительной части документа давались практические советы, относящиеся к росту влияния в Норвегии внешнеполитического бюро НСДАП, Нордического общества, партии “Национальное объединение” и ее вождя Квислинга¹⁸⁸.

Хотя вследствие конкурентной борьбы с Риббентропом и Другими нацистскими деятелями Розенбергу в целом не удалось достичь намеченного в норвежских делах, нельзя забывать, что за спиной Квислинга, с именем которого связан первый опыт коллаборационистской политики военных лет, вначале стояла “империя” Розенберга.

Важное место в европейской стратегии Розенберга в начальный период второй мировой войны отводилось Юго-Восточной Европе, а в ней – Румынии и Югославии. Этим двум государствам внешнеполитическое бюро еще до войны отводило роль своеобразного полигона для испытания различных вариантов вмешательства во внутренние дела других стран. Оно было причастно к убийству югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту 9 октября 1934 г. в Марселе, к реорганизации фашистского движения в Румынии, отставке румынского министра иностранных дел Н. Титулеску, приходу к власти правительства О. Гоги, лидера румынской национал-христианской партии. Особый интерес сотрудники бюро проявляли к экономике Балкано-дунайских стран, прежде всего к румынской нефти. Розенберг называл себя духовным отцом подписанного 23 марта 1939 г. германо-румынского экономического договора¹⁸⁹. В сводном отчете о деятельности внешнеполитического бюро за 1933—1943 гг. подчеркивалось, что “по военно-экономическим соображениям бюро проводило идею максимально возможного перемещения импорта сырья из заокеанских стран в области, доступные сухопутным путям, то есть преимущественно на Балканы”¹⁹⁰. Таковую политику розенберговское бюро проводило несмотря на препятствия, чинимые имперским министерством иностранных дел¹⁹¹.

Уже в сентябре 1939 г. проблема Юго-Восточной Европы оказалась предметом спора “империй” Риббентропа и Розенберга, причем последний обвинил министра в абсолютном непонимании не только указанной проблемы¹⁹²

самой по себе, но и ее непосредственной связи с вопросами большой стратегии национал-социализма. Поводом для обвинений послужила одобренная министерством иностранных дел фиксация демаркационной линии между Германией и СССР, в результате которой железнодорожная ветка Краков—Станислав (ныне Ивано-Франковск.—В. Б.)—Бухарест проходила по советской территории. Тем самым рейх на время лишился возможности вплотную приблизиться к границам Румынии и контролировать часть своего импорта румынской нефти.

Возмущению Розенберга не было предела. В беседе с имперским министром продовольствия и сельского хозяйства В. Дарре, состоявшейся 23 сентября, руководитель внешнеполитического бюро НСДАП целиком и полностью одобрил высказанное собеседником соображение по поводу того, что Риббентроп фактически сыграл на руку Великобритании, стремившейся не допустить Германию к Черному морю. Благодаря этому, как записано в розенберговском дневнике, Риббентроп завоевал право заседать в палате лордов. “Железная дорога в Румынию в советских руках! — читаем дальше запись беседы.— Если теперь русские войдут в Прибалтику, то для нас будет в стратегическом отношении потеряно и Балтийское море, Москва станет более могущественной, чем когда-либо раньше,— и в любое время возможны совместные действия с Западом против нас”¹⁹³.

Пятого октября, подробно обсуждая с Герингом вопрос о нежелательных действиях МИД, Розенберг подчеркнул следующее: “Возникает категорический вопрос: если сейчас Англия более-менее с тактом выпутается (из затруднительного положения.—В. Б.), она снова пожелает использовать Россию против нас в случае сопротивления, которое мы где-нибудь посмеем оказать. Тогда через 6—10 лет мы снова окажемся между двумя фронтами. Ввиду нынешней ситуации становится необходимостью решающее ослабление Великобритании”¹⁹⁴. Несколькими днями ранее нацистский деятель даже выразил надежду на формирование континентального блока Рим — Берлин — Москва — Токио. “Если бы он стал реальностью,— утверждал при этом Розенберг,— Англия была бы вынуждена пойти на быстрое заключение мира, в противном случае британская мировая империя разрушится. От этой возможности зависит сейчас очень многое, вероятно, все”¹⁹⁵.

Подобные рассуждения Розенберга могут показаться непонятными тем, кто знаком с его построенной на антисоветизме европейской концепцией. Но дело здесь, конечно, не в принятии им точки зрения Риббентропа, не в переходе на русофильские позиции в чрезвычайно сложное и запутанное время сентября—октября 1939 г., а скорее всего в том, что он уличил Риббентропа в

непродуманности дипломатических акций, в перспективе могущих привести Германию к войне на два фронта. Так Юго-Восточная Европа естественно вплеталась в ткань розенберговской общеевропейской стратегии.

В начальный период второй мировой войны Балкано-дунайские государства еще по меньшей мере дважды оказывались объектом крупных экспансионистских действий внешнеполитического бюро, и снова это были Румыния и Югославия. Розенберг ставил себе в заслугу установление военно-фашистской диктатуры генерала И. Антонеску в сентябре 1940 г. на том основании, что генерал в качестве военного министра входил в состав правительства О. Гоги и с тех пор являлся, по словам Розенберга, практическим исполнителем оставленного ему Гогой наследия. “Тем самым,— резюмировал руководитель внешнеполитического бюро,— в Румынии стал возможен поворот в желаемом для Германии направлении”¹⁹⁶.

В Югославии розенберговские эмиссары также появились в переломное для страны время – в конце марта 1941 г., сразу же после государственного переворота. Имеется в виду поездка в Загреб заведомо внешнеполитического бюро В. Маллетке, пытавшегося спровоцировать там провозглашение независимой Хорватии. Любопытно, что в те же Дни и практически с той же целью в Югославии находился представитель Риббентропа Э. Везенмейер¹⁹⁷. Шестого апреля 1941 г. началась агрессия фашистской Германии против Югославии.

Если за действиями Розенберга в Северной, Западной и Юго-Восточной Европе можно проследить, что называется, невооруженным глазом, хотя бы путем простого анализа его публичных речей и выступлений, то о его намерениях относительно СССР из открытой печати узнать было почти невозможно: в начальный период второй мировой войны Советский Союз как объект нацистских притязаний старались в рейхе не упоминать. Подобная позиция была вынужденной, до поры до времени она диктовалась советско-германским договором о ненападении и другими соглашениями подобного рода. Тем не менее с начала войны Розенберг, по существу, единственный в партийной и государственной иерархии в полной неприкосновенности сохранил антисоветский и антикоммунистический аппарат, сотрудники которого как ни в чем не бывало продолжали заниматься разработкой вопросов о включении СССР в систему “нового европейского порядка”. Восточная Европа все больше и больше превращалась в важнейшее звено европейской стратегии Розенберга вплоть до его назначения имперским министром по делам оккупированных восточных областей.

Крупными специалистами по Советскому Союзу во внешнеполитическом бюро НСДАП были выходцы из России А. Шикеданц и Г. Лейббрандт. Первый еще в июне 1939 г. направил в рейхсканцелярию меморандум “Восточноевропейские вопросы!” с рекомендациями относительно германской политики на западноукраинских и западнобелорусских землях после оккупации Польши. В Западной Украине и Западной Белоруссии Шикеданц, как и Розенберг, видел ядро будущих марионеточных образований, с помощью которых Германия могла бы приступить к расчленению СССР и созданию на его территории великого жизненного пространства. Автор меморандума призывал к проведению такой политики в отношении украинского и белорусского населения Польши, которая бы учитывала их психологические и национальные особенности; только осуществление его рекомендаций поможет, по его мнению, “эвентуальному” дальнейшему использованию отдельных национальностей в германских интересах”¹⁹⁸.

Несмотря на заключение советско-германского договора о ненападении, подписанного от имени рейха Риббентропом, внешнеполитическое бюро по-прежнему будировало “украинский вопрос”. 13 сентября 1939 г. Шикеданц в письме шефу рейхсканцелярии Г. Ламмерсу выразил пожелание стать попечителем западноукраинцев в оккупируемой вермахтом части Польши¹⁹⁹. Вскоре он был отправлен в генерал-губернаторство специальным уполномоченным Ламмерса.

В решении “украинского вопроса” осенью 1939 г. принимал активное участие и Г. Лейббрандт, заведомо Восточной Европы во внешнеполитическом бюро НСДАП. По поручению Розенберга он посетил в конце сентября Рим, где провел серию бесед с экспертом Муссолини по украинским делам Э. Инсабато и специалистом по борьбе с международным коммунизмом, депутатом фашистского парламента Прециози. Лейббрандту, кажется, удалось рассеять сомнения итальянских собеседников в том, что заключение советско-германского договора будто бы открыло большевизму ворота в Европу, убедить их в неизменности мировоззренческой позиции национал-социализма по отношению к большевизму и СССР²⁰⁰. В марте 1940 г. Лейббрандт вновь совершил поездку в Италию для консультаций по украинским и иным восточноевропейским делам.

Подобные визиты носили совершенно секретный характер, что было связано с подписанием советско-германского договора от 23 августа 1939 г. В то время в Берлине официально объявили о прекращении деятельности входившей в “империю” Геббельса организации “Антикоминтерн”, хотя на самом деле ее руководящее звено и некоторые службы в имперском министерстве информации и пропаганды были сохранены²⁰¹. Журнал “Контракоминтерн”,

переименованный в “Ди акцион” (с прежним составом редакционной коллегии), ориентировался теперь на проблематику “новой Европы”. В его первом номере содержались призывы к “новому европейскому порядку”, путь к которому открывается-де революцией всех немцев²⁰². Откровенную антисоветскую пропаганду вынуждены были свернуть “империи” Гиммлера, Риббентропа, Геринга и других нацистских бонз.

В розенберговской “империи” также решили “утопить” тему борьбы с большевизмом в серии нейтральных проблем, посвященных континентальной Европе, единству европейского экономического пространства (ее курировал В. Дайц), немецким поселениям в России, царскому империализму и т. д.²⁰³ Но в отделе Лейббрандта антисоветская работа продвигалась усиленными темпами.

Осенью 1939 г. в восточноевропейском отделе внешнеполитического бюро НСДАП возник план радикального преобразования антибольшевистской деятельности всех партийных и государственных ведомств рейха с учетом новых условий. Суть плана Лейббрандта состояла в том, чтобы подчинить “империи” Розенберга антисоветский комплекс страны и назначить его, Лейббрандта, координатором работ в этом направлении. “В связи с изменением германосоветских отношений,— писал Лейббрандт Розенбергу,— значительно сократились либо... даже приостановились, как, например, в Антикоминтерне, работы в сфере Советского Союза и большевизма... Поэтому я предлагаю, чтобы мы возглавили эту деятельность... В этой работе определенно заинтересованы также министерства иностранных дел, внутренних дел, гестапо, ОКВ, имперское министерство пропаганды. Прошу поручить мне войти в контакт с этими ведомствами”²⁰⁴.

30 января 1940 г. Лейббрандт вновь подчеркнул необходимость образования специального органа для наблюдения за “советскими проблемами”. Особое внимание он рекомендовал обратить на изучение деятельности Коммунистического Интернационала, внешнеполитических целей СССР, национального вопроса в Восточной Европе, политики Англии и Франции в отношении Советского Союза. Ради скорейшей реализации своего плана Лейббрандт готов был принять покровительство второго человека в рейхе Г. Геринга: “Подходящей инстанцией... мне представляется аппарат уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана. Чтобы добиться единой ориентации уже имеющихся планов, было бы необходимо иметь поручение генерал-фельдмаршала”²⁰⁵ (то есть Геринга).

В памятной записке “Информация о восточной политике”, составленной Лейббрандтом 3 мая, снова выдвигались те же предложения. Нужна “единая ориентация ведомств, занимающихся восточными вопросами. Сегодня более

недопустимы параллелизм и неразбериха. Следует оказывать прямое влияние на учреждения... и подчинять их единому центру”²⁰⁶.

Такой центр был создан, но не весной 1940 г., а ровно через год, и с более широкими полномочиями, чем предполагалось вначале. Пока же в рамках отдела Восточной Европы внешнеполитического бюро НСДАП и межминистерского Восточноевропейского исследовательского управления сотрудники Лейббрандта готовили десятки, сотни документов об СССР – брошюры о государственной системе, партийной структуре, социальных отношениях, национальном составе экономического развития страны, о положении немцев в Советском Союзе; карты народов СССР, в том числе карту немецких поселений, и политико-административные карты различных регионов Союза; картотеки на советских немцев, на служащих, евреев, эмигрантов из СССР; схемы и графики, изображавшие организацию международного коммунистического движения, демографическую ситуацию в СССР и многое, многое другое²⁰⁷.

В начале октября 1940 г. Розенберг доложил Гитлеру о результатах исследований государственной системы СССР, проведенных его бюро. Через несколько дней материалы по данной теме были переданы Герингу, а спустя три недели – Риббентропу со следующей припиской: “Вы сами знаете, насколько серьезный интерес проявляется в партии и примыкающих к ней организациях именно в отношении Советского Союза”²⁰⁸.

Помимо изготовления документов и материалов об СССР, Лейббрандт осуществлял политическое руководство белоэмигрантской газетой “Новое слово”, издававшейся в Берлине тиражом 40 тыс. экземпляров; оказывал, по его собственным словам, пропагандистское влияние на итальянские журналы “Вита италиана” и “Корьере дипломатико э консоларе”; готовил ежедневные отчеты о публикациях советской прессы²⁰⁹. Он вел переговоры о включении Института восточного труда, созданного в Кракове по распоряжению генерал-губернатора Г. Франка, в структуру Высшей школы²¹⁰. Предметом его повседневных забот была подготовка кадров гражданской администрации для подлежащих захвату территорий Советского Союза²¹¹.

Чем ближе становилась дата германского нападения на СССР, тем активнее заявляла о себе “империя” Розенберга. Дело в том, что на рубеже 1940—1941 гг. как ортодоксы, так и прагматики в нацистском руководстве, исходя из различных соображений, начали склоняться к единому мнению относительно дальнейшего направления главного удара – не дожидаясь поражения Англии, в ходе молниеносной кампании разгромить Советский Союз. “Тогда,—заявил Гитлер на совещании в ставке вермахта 9 января,—либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать войну против Англии при самых благоприятных условиях”²¹².

Кульминационная точка встречного движения европейских концепций Розенберга и Риббентропа пришлась на сенсационный и во многом загадочный полет Р. Гесса в Великобританию в мае 1941 г., представлявший собой последнюю попытку прийти к англо-германской Договоренности в преддверии нацистской агрессии против СССР.

Возникшая ситуация известного сближения стратегических установок прагматически и ортодоксально ориентированных кругов в национал-социалистической партии и государстве не сопровождалась, однако, ослаблением соперничества между ними и тем более отказом от тех или иных принципов преобразования Европы. Сохранялись, в частности, разные представления о судьбе Советского государства и народов СССР после германской оккупации. И прагматики, и ортодоксы видели в СССР будущего германского вассала и составную часть нацифицированной Европы, но существовали вопросы, на которые и те, и другие отвечали по-разному. Об этом совершенно определенно говорил Розенберг, выступая 20 июня 1941 г. перед узким кругом приглашенных лиц. Приведем несколько фрагментов этого выступления.

“Имеются,— заявил Розенберг,— две противостоящие друг другу концепции германской политики на Востоке: традиционная и другая. выразителями которой мы, по моему мнению, должны быть...

Одни считают, что Германия вступила в последний бой с большевизмом и этот последний бой... нужно довести до конца; после этого наступит эпоха строительства заново всего русского хозяйства и союза с возрождающейся национальной Россией. Этот союз будет означать образование на все будущие времена континентального блока и будет неуязвим...

Мне думается, я уже на протяжении 20 лет не скрываю, что являюсь противником этой идеологии...

Сегодня... мы ведем “крестовый поход” против большевизма не для того, чтобы освободить “бедных русских” на все времена от этого большевизма, а для того, чтобы проводить германскую мировую политику и обезопасить германскую империю. Мы хотим решить не только временную большевистскую проблему, но также те проблемы, которые выходят за рамки этого временного явления как первоначальная сущность европейских исторических сил... •

Война с целью образования неделимой России поэтому исключена... Вместо этой, имеющей, правда, до сих пор распространение. идеи единой России выступает совершенно иная концепция восточного вопроса²¹³.

К решению проблемы СССР следует подходить, по Розенбергу, с позиций окончательного переустройства европейского континента а это предполагает

правильную постановку политической цели войны. Вот как он ее формулировал: “Навсегда обезопасить Германию от политического давления с Востока... Органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы, освободив тем самым германскую империю на будущие века от восточной угрозы... Продвинуть далеко на восток сущность Европы”²¹⁴.

Таким образом, уже в постановке политических целей восточной кампании внутри руководящего ядра НСДАП имелись различия. Если одни, преимущественно прагматики, на первый план выдвигали задачу борьбы с политической системой в СССР и его эксплуатации, то другие, ортодоксы, шли гораздо дальше – своей целью они ставили не только идеологическое, политическое и экономическое подавление страны, но и подрыв биологических основ существования ее населения, германскую колонизацию завоеванных территорий – в общем, создание самых благоприятных условий для трансформации немцев (и в более широком плане – германцев) в “народ господ”. К прагматикам относились Риббентроп, Функ, Геринг, к ортодоксам – Розенберг, Дарре, Гиммлер и некоторые другие. В зависимости от решения Гитлера – утвердительного либо отрицательного – по поводу той или иной точки зрения будет, как полагал Розенберг, “определяться ход событий на ближайшие столетия”²¹⁵.

Вот почему весной 1941 г. Розенберг стремился во что бы то ни стало получить диктаторские полномочия в сфере восточноевропейской политики национал-социализма. В немалой степени ему помогло то, что Гитлер сам выдвигал сходные идеи²¹⁶. Свою роль сыграло и вступление в завершающую стадию военных и экономических приготовлений к агрессии против СССР при отсутствии директив по политическим и административным вопросам. Возникла потребность образования специального органа для их разработки.

Второго апреля Гитлер поручил Розенбергу создать центральное политическое бюро для работы на Востоке, а спустя три недели, 20 числа, официально назначил его своим уполномоченным по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства²¹⁷. Тем самым руководитель внешнеполитического бюро НСДАП получил, наконец, пост, которого добивался многие годы и который, казалось, давал возможность подвести черту под преобразованием Европы на основе его собственной европейской концепции. С самого начала он не преминул воспользоваться этой возможностью.

В первом же своем меморандуме в качестве нового уполномоченного Розенберг подчеркнул, что самое главное и первоочередное, что предстоит

сделать, заключается в правильной постановке политической цели войны против СССР. “Если целью военных действий будет политическое уничтожение восточной империи...— писал он,— то отсюда следуют выводы: 1. должны быть оккупированы территории огромной протяженности; 2. управлять отдельными частями этих территорий – как с административной, так и с экономической и идеологической точек зрения – нужно будет, заранее учитывая поставленные политические цели; 3. наиболее целесообразно было бы сконцентрировать в одних руках решение тех вопросов, которые касаются управления всеми этими колоссальными территориями”²¹⁸. Уже из одного этого отрывка следует, что Розенберг намеревался стать своего рода диктатором Восточной Европы, подмять под себя партийных и государственных руководителей рейха в решении вопросов, касающихся подлежащих оккупации территорий Советского Союза. Более того, в своем новом назначении он усматривал возможность решения такой гигантской задачи, “важнее которой,— полагал он,— для национал-социалистической революции и Великогерманской империи нельзя и помыслить... Империя Адольфа Гитлера путем разрешения этой проблемы может сослужить великую службу судьбам будущей Европы”²¹⁹.

Реализацию столь амбициозных замыслов Розенберг связывал отныне с деятельностью аппарата уполномоченного по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства. После вероломного нападения Германии на СССР аппарат этот был преобразован в имперское министерство по делам оккупированных восточных областей.

1.5. Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей

Без завоевания и реорганизации европейского Востока национал-социалисты вообще не представляли себе “новый порядок” в Европе, который, по их мнению, должен адекватно отражать процессы, происходящие в биологической жизни европейской семьи народов. А раз так, то самое существенное для национал-социализма – это “органическое объединение всех жизненных процессов в единое целое”²²⁰.

С таких позиций подходили к вопросу о включении СССР в нацистскую “новую Европу” в подразделениях розенберговской “империи”. Первым, кто выступил с изложением своих взглядов по данной проблеме, был В. Дайц. В июле 1941 г. он опубликовал статью “Восточная Европа – образ жизни и аграрные отношения”²²¹, в которой предлагал рецепты восстановления целостности европейского жизненного пространства и его семьи народов. Вновь, как и прежде, Дайц зафиксировал существование в Европе двух различных образов

жизни, обусловленных разной биологической субстанцией и неодинаковыми природно-климатическими условиями,—образ жизни народов пространства Северного и Балтийского морей (к ним он добавил народы Средиземноморского бассейна, те есть итальянцев) и образ жизни восточноевропейцев. Первые — это динамичные люди, вторые — статичные.

Русским как людям статичным, неспособным, по Дайцу, к организации пространства, присуща “метафизическая боязнь этого пространства, от которого они стремятся защититься сообща, точно так же как лошади смыкаются в круг при нападении волка. Поэтому коллективизм является... способом поселения и способом ведения хозяйства”. Древнейшая форма, покоящаяся на коллективной ответственности, представлена в Восточной Европе крестьянским миром (общиной), а также промысловой артелью. В течение веков крестьянский мир разрушался сначала монголо-татарами, затем царским самодержавием, а теперь большевизмом.

Предлагавшиеся Дайцем рецепты перестройки восточноевропейского пространства сводились к тому, чтобы, уничтожив большевизм, восстановить естественный образ жизни славянских народов и на этой основе возродить крестьянский мир, приспособивая его к потребностям “новой Европы”. Только путем возрождения изначального образа жизни восточноевропейских народов, а следовательно, восстановления их народного суверенитета, станет возможным, полагал автор статьи, “соответствующее законам жизни соединение Западной и Восточной Европы в живую целостность”, сочетание глухого коллективистского ритма народов Востока и звонкой индивидуалистической мелодии вождизма Западной Европы, творческое дополнение русского образа жизни немецким биополитическим руководством²²². “Новый европейский порядок” из идеи превратится в реальность.

Рассуждения Дайца в статье “Восточная Европа — образ жизни и аграрные отношения” были, кажется, первыми конкретными наметками социально-экономического переустройства временно оккупированных территорий Советского Союза, которые впоследствии привели к разработке закона о новом аграрном порядке, объявленном в феврале 1942 г.²²³ Подлинный смысл дайцевских рекомендаций пресса нейтральных европейских государств уловила сразу же после опубликования статьи. Швейцарские газеты, например, анализируя статью, пришли к заключению, что Германия намеревается превратить оккупированные восточные области в “исключительно колониальную страну с рабскими условиями жизни для местного населения”²²⁴.

В июле 1941 г. в фашистской Германии развернулась пропаганда еще одной статьи В. Дайца “Рейх как идея европейской организации”²²⁵, которая появилась

за несколько недель до германской агрессии против СССР, но была переработана с учетом начавшейся войны. В ней рассматривалась структура “новой Европы” и перечислялись основные функции отдельных ее частей, в том числе восточноевропейского пространства. Восстановление естественного образа жизни в каждой составной части континента, взаимодействие и взаимодополнение различных укладов жизни, которые обязательно повлекут за собой биополитический поворот Западной Европы на Восток с последующим подключением восточноевропейского пространства к общеконтинентальному “новому порядку”, — вот путь, предлагавшийся Дайцем для воплощения принципов биологической доктрины Монро, автором которой он был.

Таким образом, начало агрессивной войны рейха против СССР стимулировало дайцевские изыскания в области “нового европейского порядка”. Уже в июне—июле 1941 г. он нарисовал впечатляющую картину национал-социалистической “новой Европы” и места в ней нашей страны — ей готовилась участь колонии, своего рода заместителя Африки, она должна была стать объектом европейской колонизации и мировой политики великогерманского рейха. Все это мотивировалось иррациональным желанием самой природы. “Восстанавливая жизненно-законную организацию Европы, фюрер лишь претворяет в жизнь... закон природы”²²⁶, — подчеркивал верный биополитическим воззрениям Дайц. Европа, по его мнению, — не абстрактное географическое понятие, не произвольное скопление различных народов без всякой внутренней связи, а жизненное пространство расово связанной, органически члененной семьи народов. Следовательно, Западная и Центральная Европа даже при желании не могут отказаться от своей запрограммированной природой миссии в восточноевропейском пространстве.

Помимо внешнеполитического бюро НСДАП активное участие в разработке “советского аспекта” европейской концепции Розенберга принимал аппарат уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов нацистской партии, отвечавший за довольно разветвленную систему партийно-политического обучения. Сотрудники аппарата готовили учебный материал, составляли методические пособия, перспективные планы, инструкции и т. п. Понятно, что проблема “нового европейского порядка”, в том числе реорганизации Восточной Европы, находилась с 22 июня 1941 г. в центре внимания этого подразделения розенберговской “империи”.

Вся его работа зиждется на директивных указаниях Розенберга. В одной из своих статей, опубликованных после германского нападения на СССР, нацистский теоретик сформулировал два тезиса, которые активно использовались в системе партийной учебы. Первый тезис звучал так: “Высшая

цель – обеспечение германского жизненного пространства”, второй – “Германия как гарант великоевропейской идеи”. Каждый тезис получил соответствующую расшифровку. “Старый мир противостоит нам в формах демократии и большевизма,— раскрывал Розенберг основное содержание второго тезиса.— Но Германия стала единственным гарантом великоевропейской идеи. Вся Европа мобилизуется на борьбу против Востока”²²⁷. Данные указания легли в основу идеологического обучения членов НСДАП во второй половине 1941 –первой половине 1942 г.

К середине 1942 г. Розенберг подготовил список так называемых имперских тем на следующий учебный год—“Судьбоносная борьба на Востоке”, “Европа и Америка”, “Борьба как закон жизни” – с подробным планом и инструкциями к ним. В инструкциях к пер-“вой теме говорилось, что “новая Европа” не может существовать без восточного пространства, поэтому “наши старые требования на Востоке должны быть удовлетворены”²²⁸. Война с СССР, утверждал теоретик национал-социализма,— это борьба против расового хаоса, человека против недочеловека, борьба против разрушения европейской культуры. Покончив, так сказать, с “негативными” целями войны, уполномоченный по контролю за духовным воспитанием перешел к целям “позитивного” плана: “Это борьба за пространство, в котором мы нуждаемся для гарантированного существования нашего народа”, это “борьба за наше будущее”, борьба за то, чтобы лучшая земля принадлежала “лучшим”, ибо только свободное пространство гарантирует расцвет “сильных личностей”. Тут же следовала характерная для Розенберга приписка: “Это послужит и благу всех народов Востока”²²⁹.

Более глубокое понимание европейской концепции Розенберга на новом этапе войны дают не только директивы к имперским темам, 110 и их разъяснение начальником штаба уполномоченного фюрера по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП Г. Штельрехтом. Его выступление на состоявшемся в июне 1942 г. совещании руководителей системы партийно-политического просвещения свидетельствовало, кроме того, о том, что конфронтация нацистских ортодоксов и прагматиков по теоретическим вопросам “нового европейского порядка” не прекратилась после германского нападения на Советский Союз.

Резкой критике подверг Штельрехт прагматически ориентированные круги за их склонность к сравнению германской политики в оккупированных восточных областях с колониальной политикой Великобритании в Индии. Для них аналогия была полной. Соответственно их взглядам, точно так же, как Индия принадлежит Англии, так и Восточная Европа должна подчиняться великогерманскому рейху и никому иному. На самом же деле, полагал докладчик,

положение гораздо сложнее и подобные аналогии здесь неуместны. Штельрехт рассуждал следующим образом: “Проблемы на Востоке следует формулировать иначе, чем в Индии... Они стали поручением всей Европе... Проблемы Востока должны рассматриваться как европейская задача под германским руководством”²³⁰. В выступлении Штельрехта отразилась ностальгия “империи” Розенберга по еще довоенным прожекам общеевропейского “крестового похода” на Восток под водительством нацистского рейха, имелись почти дословные повторения розенберговских нравоучений 30-х гг. об “общей миссии”, о единстве многообразия, европейской семье народов и т. д.

Обнаружились и новые моменты. В частности, Штельрехт пришел к выводу, что в европейской семье есть народы, определяющие ее лицо, и такие, без которых можно спокойно обойтись. В последнем случае подразумевались уже не только евреи и цыгане, но и славянские народы. Отметим также размышления докладчика о специфике войны на Востоке—является ли она внутренней войной, войной “нового европейского порядка”, или внешней войной в целях защиты от расово и пространственно чуждого Европе большевизма. “Она несет в себе признаки обеих”²³¹,—заметил Штельрехт.

После нападения фашистской Германии на СССР бурную деятельность развернуло еще одно подразделение розенберговской “империи” – оперативный штаб для оккупированных территорий. В нем был создан восточный отдел, состоявший из трех главных рабочих групп (“Остланд”, “Центр”, “Украина”), каждая из которых в свою очередь включала в себя несколько более мелких групп. Одновременно сформировался возглавлявшийся Г. Хэртле особый штаб “Наука”. Все они решали задачу идеологической борьбы с большевизмом.

С этой целью сотрудники восточного отдела подготовили сначала “Киевский план” (называемый еще, по имени начальника главной рабочей группы “Украина”, планом Прокша), а несколько позже— “Восточный план руководства штаба”. Одним из первых результатов деятельности особого штаба “Наука”, в котором были сосредоточены крупные силы немецкой профессуры, явилась книга Хэртле “Идеологические основания большевизма”, получившая высокую оценку в рейхе. Ее называли основным пособием для “духовного подавления большевизма”²³². Операции оперативного штаба расширились еще более после очередного указа Гитлера о полномочиях Розенберга по конфискации и использованию культурных и научных ценностей в оккупированных восточных областях, датированного первым марта 1942 г.²³³

Итак, с начала нацистской агрессии против СССР в различных организациях, входивших в розенберговскую “империю” – во внешне-политическом бюро НСДАП, в аппарате уполномоченного фюрера по контролю

за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов партии оперативном штабе Для оккупированных территорий и др., — активизировались работы по дальнейшей модификации европейской концепции Розенберга, особенно под углом зрения интеграции восточного пространства в “новый порядок”. Предложения по этому поводу стекались в образованное 17 июля 1941 г. имперское министерство по делам оккупированных восточных областей с местопребыванием в Берлине. Розенберг возлагал на него особые надежды. Ему казалось, что теперь-то он сможет, наконец, оттеснить своих конкурентов-прагматиков. Однако надежды эти так и не сбылись.

Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей меньше всего напоминало министерство в привычном понимании этого слова. Оно не было отраслевым министерством, а представляло собой первое и фактически единственное в фашистской Германии имперское министерство, вся сфера деятельности которого располагалась за пределами рейха. Оно обладало государственной монополией на громадные, захваченные силой оружия территория западных регионов СССР—Прибалтику, Белоруссию, Украину. В этом отношении у него наблюдалось поразительное сходство с каким-нибудь министерством по делам колоний, например, в Англии, сходство, которое не могли не заметить даже государства – союзники нацистской Германии. В создании министерства и назначении на пост министра А. Розенберга в фашистской Италии, скажем, увидели “указание на будущее этих областей как своего рода колониальных стран, находящихся в собственности рейха”²³⁴. В сообщениях из Рима говорилось о понимании итальянской стороной главного предназначения нового министерства как инструмента реорганизации Европы: “В Италии не сомневаются, что министру Розенбергу, которому это назначение должно принести также большое личное удовлетворение, удастся в административном плане организовать область, покоренную... оружием, и быстро устранить там следы войны и большевизма. В успехе его деятельности крайне заинтересована вся Европа”²³⁵.

В функциональном отношении имперское министерство по делам оккупированных восточных областей с полным правом можно назвать государством в государстве, поскольку оно выполняло на Востоке те задачи, которые решались в рейхе имперским правительством со всеми его министерствами. Роль последних в Восточном министерстве играли отраслевые отделы.

Еще одна важная деталь. В отличие, например, от генерал-губернатора Г. Франка – палача польского народа, Розенберг был включен в состав имперского правительства. Тем самым Розенберг становился гарантом того, что действия

гражданской администрации оккупированных восточных областей будут ориентироваться “в первую очередь на удовлетворение общих потребностей европейского пространства”²³⁶.

Одновременно с назначением на пост имперского министра по делам оккупированных восточных областей Розенберг получил и специально созданную для Востока высшую партийную должность, которой раньше в НСДАП вообще не существовало. Имеется в виду орган имперского руководства партии, дословно переводимое на русский язык название которого звучит как “Сфера деятельности Восток”. В исторической литературе о нем практически нет упоминаний. Необходимость образования подобного органа В. Лабс разъяснял следующим образом: “Причины, побудившие фюрера образовать территориальное министерство для восточного пространства, вынудили его дать разрешение на создание в имперском руководстве НСДАП органа “Сфера деятельности Восток”, которому были переданы все задачи НСДАП на Востоке, выполняемые в рейхе отдельными членами имперского руководства”²³⁷. Фактически этот орган был партийным аналогом имперского министерства по делам оккупированных восточных областей.

Как руководителю органа “Сфера деятельности Восток” Розенбергу вменялось в обязанность следить за тем, чтобы в оккупированные восточные области прибывали лишь те немцы, которые полностью удовлетворяют “политическим требованиям”; создавать на Востоке опорные пункты для развития “немецкой коллективной жизни нового типа”; прививать национал-социалистическое мировоззрение местным фольксдойче, прежде всего тем, кто на протяжении долгих лет вел активную борьбу с большевизмом и кто должен был получить за это германское подданство; решать другие подобные задачи²³⁸. Возглавив орган “Сфера деятельности Восток”, Розенберг стал, по существу, высшим представителем нацистской партии в Восточной Европе.

Смысл совмещения партийных и государственных постов в оккупированных восточных областях состоял в том, чтобы обеспечить таким образом “единую политическую волю”, необходимую для скорейшей интеграции восточноевропейского пространства в национал-социалистический “новый порядок”.

Руководители “империи” Розенберга устремляли свои взоры как на Восток, так и на Запад. При этом они исходили из идей биополитической целостности европейского континента, взаимодополнения западного и восточного укладов жизни, поворота Западной Европы на Восток, то есть положений известной еще с середины 30-х гг. концепции “сознательного европеизма”. Реанимировать эту концепцию, учитывая при этом реалии нового этапа мировой войны (фор-

мирование антигитлеровской коалиции),— вот что было присуще политике Восточного министерства с первых дней его существования. Так имитировалась “европейская солидарность” под главенством рейха, готовилась идеологическая, политическая и социально-экономическая база коллаборационизма. Политика “сознательного европеизма” приносила практическую пользу и германской военной экономике.

Невзирая на помехи со стороны прагматически ориентированных кругов, Розенберг и его сотрудники предпринимали все более активные усилия с целью распространения сферы влияния “империи” на оккупированные страны Западной Европы, создания там собственных филиалов, независимых от других германских партийных или правительственных учреждений. Главным объектом интриг была выбрана Франция, и не случайно: в немецкой прессе сотрудничество Германии и Франции открыто называлось первой опорой строящегося “нового европейского дома”²³⁹. В ноябре 1941 г. эксперт внешнеполитического бюро НСДАП по западноевропейским вопросам Г. Эберт получил от Розенберга задание наблюдать за общественными движениями во Франции и в случае необходимости устанавливать контакты с их представителями²⁴⁰. Подобные задания в Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании и других странах выполняли Дайц, Шейдт и другие работники розенберговской службы. По сути дела, происходил процесс зарождения европейской мультинациональной “империи” Розенберга.

Для придания этому процессу необходимой устойчивости и подведения экономического фундамента под коллаборационизм в имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей был создан подчинявшийся непосредственно Розенбергу специальный вектор во главе с Маллетке, сформированный из сотрудников отдела “внешней торговли внешнеполитического бюро НСДАП. Хотя основная задача сектора состояла в подготовке и организации частно-хозяйственной деятельности компаний стран Западной Европы на временно оккупированных территориях Советского Союза, по своему характеру он был скорее органом политическим и даже идеологическим.

Специальный сектор возник в связи с постановкой вопроса об участии европейских стран в “восстановлении Востока”, который обсуждался на серии совещаний в Берлине в конце ноября 1941 г. На одном из них, проходившем в имперском министерстве экономики под председательством Г. Шлоттерера и с участием представителей военно-экономического штаба ОКБ, экономического штаба “Ост”, заинтересованных германских фирм, подчеркивалось, что в Западной и Северной Европе проявляется повышенный интерес к участию в “восстановлении Востока”; задача заключается в правильной организации этого

общевропейского предприятия под германским руководством²⁴¹. Сформулировав условия привлечения капитала и людей европейских стран на Восток, участники совещания обратили особое внимание на то, что “к сотрудничеству пригодны лишь те народы, которые по своему характеру в состоянии общаться с местным населением (оккупированных восточных областей.—В. Б.) так, как хотим мы, и что должны исключаться те страны, жители которых когда-нибудь могли бы относиться к нам на Востоке как враги”²⁴². В результате остановились на таких странах, как Норвегия, Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Швейцария, Венгрия, Италия; приняли также к сведению позицию Финляндии и Румынии, уже проводивших на Востоке собственную экономическую политику в качестве государств – оккупантов советской территории.

Но если в министерстве иностранных дел, ОКВ, аппарате уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана и министерстве экономики оценивали данный вопрос преимущественно с прагматических позиций – с точки зрения повышения военно-экономического потенциала рейха и укрепления его международного авторитета в формирующейся “новой Европе” (по этому поводу Геринг писал: “Я считаю настоятельно необходимым... выжать из оккупированных восточных областей оптимум того, в чем в интересах немецкой военной экономики нуждаются рейх и находящиеся под его влиянием европейские страны, и потому готов выступить... в защиту третьих европейских стран в экономическом освоении оккупированных восточных областей”²⁴³), то имперское министерство по делам оккупированных восточных областей ставило проблему значительно шире, под мировоззренческим углом зрения, в плане фиксации конечной цели национал-социализма на континенте – преобразования Европы на биополитических основах. Приоритет в “империи” Розенберга отдавался реализации лозунгов “европейской целостности”, европейской семьи народов, биополитически понимаемой континентальной автаркии и т. д.

В том же духе Восточное министерство формировало свою практическую политику в оккупированных областях. Здесь, как и на Западе, можно заметить существенные различия в позициях Розенберга и его прагматически ориентированных оппонентов. В отличие от них Розенберг призывал к проведению на Востоке “умной политики, правильно оценивающей прошлое и настоящее”, осуществление которой требует “ясности и твердости мысли и действий”, каждый практический шаг которой приближает конечную цель национал-социализма в Восточной Европе²⁴⁴. Но что же, с его точки зрения, это означает – “умная политика”?

Под “умной восточной политикой” Розенберг понимал комплекс идеологических, политических, экономических и военных мер, направленных

на скорейшую реализацию его европейской концепции. К своим обязанностям министра он подходил прежде всего с мировоззренческих позиций, изложенных как в “Мифе XX столетия” и Других его сочинениях, так и в сочинениях его ближайших сотрудников. В оккупированных восточных областях он видел важнейшую составную часть великогерманского жизненного пространства, подлежащую коренной реконструкции в соответствии с национал-социалистическими принципами народности и нордического вождизма.

Мировоззренческие подходы Розенберга к перестройке Восточной Европы естественно трансформировались в политическую программу. Здесь на первом месте стояла правильная постановка цели и задач германской политики в Восточной Европе. Политическая цель борьбы, утверждал нацистский теоретик, выступая 20 июня 1941 г., заключается в том, чтобы возродить господство нордического человека на европейском континенте. В выступлении давались указания, как решить эту задачу, и именно здесь проявилось своеобразие восточноевропейской концепции Розенберга. “Задачи нашей политики...— говорил он,— должны... решаться так, чтобы в умной... форме подхватить стремление к свободе всех этих народов (оккупированных восточных областей.— В. Б.) и придать им определенные государственные очертания... органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и восстановить их против Москвы”²⁴⁵.

Розенберговские указания конкретизировались и уточнялись в так называемой Коричневой папке имперского министерства по делам оккупированных восточных областей: “Германия раз и навсегда должна быть защищена от этой опасности (с Востока.—В. Б.), а именно путем уничтожения Красной Армии и расчленения Советского Союза, в первую очередь по этническому признаку, и путем установления Германией тесного политического контакта с граничащими на Востоке нерусскими областями... Важнейшей предпосылкой для этого является соответствующее отношение к стране и населению... По политическим причинам необходимо, кроме того, по-разному обращаться с различными народами”²⁴⁶.

Таким образом, основными требованиями политической программы Розенберга для Восточной Европы были: обязательное дробление СССР по национальному признаку; разжигание национальной розни; превращение всех наций в зависимые от великогерманского рейха с сохранением видимости народного суверенитета и местного самоуправления; экономическая эксплуатация оккупированных территорий, но таким образом, чтобы у населения не сложилось впечатление, будто его эксплуатируют; немецкая и общеевропейская колонизация восточноевропейского жизненного пространства; полная нацификация Восточной Европы.

Программа Восточного министерства была столь изощренной, что при поверхностном знакомстве подлинный смысл ее трудно улавливался: в программе то и дело звучали требования гуманного обращения с населением оккупированных территорий, облегчения участи советских военнопленных, прекращения “охоты за людьми” ведомством генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Ф. Заукеля и т. д. Но призывы подобного рода только подтверждают, что Розенберг никогда не терял из виду конечную цель нацистской агрессии против СССР—включение восточноевропейского пространства в гитлеровский “новый порядок”.

Важнейшим делом в розенберговской “империи” считали разжигание национальной розни под видом борьбы с “большевистским интернационализмом”. Уже осенью 1941 г. в имперском министерстве ко делам оккупированных восточных областей зародилась идея “формирования национальных воинских частей из советских военнопленных и использования их на Восточном фронте. С марта 1942 г. под руководством Шикеданца началась подготовительная работа по организации карательных кавказских воинских частей типа батальона “Бергман”, прославившегося своими зверствами в отношении мирного населения. Выдвигались предложения о создании прибалтийских, казахских, среднеазиатских воинских соединений²⁴⁷. “Империя” Розенберга выступила с инициативой военного, политического и пропагандистского использования сдавшегося в плен генерала Власова. “Главный политический отдел...— писал по этому поводу один из руководителей Восточного министерства,— неоднократно указывал на целесообразность того, чтобы авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающее обещание относительно их судьбы. В качестве лучшего средства было предложено создать своего рода правительство против Сталина из одного военнопленного красного генерала или... подыскать какого-нибудь строптивого генерала, хотя бы по образцу де Голля, который стал бы концентрировать вокруг себя всех недовольных Сталиным красноармейцев”²⁴⁸, понятно, русской национальности.

Полномочия, вытекавшие из указов об образовании имперского министерства по делам оккупированных восточных областей и партийного органа “Сфера деятельности Восток”, вместе со скрупулезно разработанной политической программой, казалось, гарантировали полновластие розенберговской “империи” в восточной части европейского континента. Но действительность была иной. С самого начала Розенберг натолкнулся на упорное сопротивление руководителей других партийно-государственных “империй”, отнюдь не желавших видеть в нем диктатора Восточной Европы и стремившихся урвать кое-что из полномочий и для себя.

Соперничество высших нацистских функционеров сказалось уже на формировании кадрового корпуса имперского министерства. Есть свидетельства того, что весной 1941 г. Розенберг как уполномоченный фюрера по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства стремился назначить на руководящие посты в аппарате министерства и в рейхскомиссариатах ведущих сотрудников внешнеполитического бюро НСДАП, а то и целиком преобразовать его в Восточное министерство²⁴⁹, заполнив остающиеся вакантные места подходящими лицами из других министерств и ведомств. Ему удалось поставить во главе политического управления создаваемого министерства заведомом Восточной Европы внешнеполитического бюро Г. Лейббрандта, утвердить президента Нордического общества Г. Лозе рейхскомиссаром “Остланд”, назначить генеральными комиссарами Латвии и Литвы О. Дрекслера и А. фон Рентельна – также членов руководства Нордического общества. Сотрудники внешнеполитического бюро В. Маллетке и Г. Шейдт возглавили соответственно специальный сектор и отдел культуры министерства. Вместе с тем полного успеха в кадровом вопросе Розенберг не добился. В особенности это относилось к его старому приятелю и ближайшему сотруднику по внешнеполитическому бюро А. Шикеданцу, который намечался на пост рейхскомиссара Украины (после передачи этой должности Э. Коху Шикеданц стремился получить надлежащее место на Кавказе). За пределами министерства остался В. Дайц. Неудовлетворительным решением кадровых вопросов сотрудники Розенберга объясняли недостаточную эффективность восточноевропейской политики рейха²⁵⁰.

Наряду с оргвопросами возникли проблемы размежевания компетенций с другими “империями”—Риббентропа, Гиммлера, Геринга. Не успел Розенберг получить полномочия по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства, как в министерстве иностранных дел был образован свой собственный “русский комитет”²⁵¹. Несмотря на формальный запрет вмешиваться в политику на оккупированных территориях (не случайно Риббентропа не пригласили на совещание Гитлера с Розенбергом, Ламмерсом, Кейтелем, Герингом и Борманом о целях войны против СССР, состоявшееся 16 июля 1941 г.), министерство иностранных дел при первой же возможности вступало в конфликт с розенберговским министерством²⁵². А осенью 1942 г. Риббентроп взял реванш. Под предлогом того, что “положения и выводы национал-социалистического мировоззрения соответствуют сущности только немецкой крови и потому не могут распространяться на чужие народности”, Гитлер 4 ноября запретил подразделениям НСДАП выполнять “европейские и общемировые задачи”; тем же распоряжением единое руководство европейской политикой рейха передавалось министру иностранных дел Риббентропу, который

нес ответственность за проведение этой политики исключительно перед Гитлером²⁵³. Тем самым Риббентроп серьезно ослабил европейскую политику “империи” Розенберга, особенно в Западной Европе; любую политическую акцию приходилось теперь согласовывать с министерством иностранных дел. Однако после Сталинградской битвы действия розенберговской “империи” в европейских странах значительно активизировались, несмотря на упомянутое распоряжение Гитлера.

С момента возникновения Восточного министерства из его компетенции были изъяты вопросы экономической политики и полицейской охраны, которые регулировались особыми указами за подписью Гитлера, Кейтеля и Ламмерса. Указом от 29 июня 1941 г. обязанности Геринга как уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана распространялись на захваченные советские территории, а согласно указу от 17 июля полицейская охрана вновь оккупированных областей возлагалась на рейхсфюрера СС Гимmlера²⁵⁴. За Розенбергом оставалось только определение прав подчиненного ему восточноевропейского пространства²⁵⁵, то есть решение проблем общеполитического характера. Строго говоря, такое ограничение его министерских полномочий в какой-то мере объяснялось тем, что во всех документах уполномоченного по централизованному решению проблем восточноевропейского пространства акцентировалось внимание на политической миссии создаваемого министерства. Так или иначе, но в письме Г. Ламмерсу Розенберг выразил беспокойство по поводу разграничения функций между ним, Герингом и Гимmlером, добавив, что в конечном счете все это может привести к борьбе всех против всех²⁵⁶. Так оно и случилось.

Еще перед началом нацистской агрессии против СССР Розенберг предупреждал об опасности сугубо прагматического подхода к решению восточного вопроса. В меморандуме, датированном 2 апреля 1941 г., он специально подчеркнул этот момент: “Если мы ограничимся созданием административного органа исходя только из хозяйственных соображений и по традиционным схемам... то он очень скоро обнаружит свою несостоятельность и не решит поставленных задач”. И дальше: “Подобный центральный орган был бы вынужден осуществлять недифференцированное, диктуемое лишь экономическими соображениями управление на всех территориях, что могло бы помешать выполнению политической задачи или даже... сорвать выполнение этой задачи”²⁵⁷.

В письме Ламмерсу от 14 июня Розенберг вновь возражал против создания независимой от министерства экономической инстанции, резко критиковал появившиеся в то время планы образования самостоятельного министерства

экономики для восточных оккупированных областей, которые, по его мнению, могли поставить под угрозу всю восточноевропейскую стратегию национал-социализма и даже вообще сорвать “исторический шанс сознательно управляемой реорганизации европейского Востока”²⁵⁸. Поэтому указ об экономических полномочиях Геринга на оккупированных восточных территориях был воспринят им как определенная уступка прагматическому направлению в партии и государстве. Отношение Геринга ко временно захваченным регионам СССР с позиций колонизатора и рабовладельца зафиксировали многие документы времен войны²⁵⁹.

Сложнее обстояло дело с Розенбергом и рейхсфюрером СС Гиммлером. Соперничество возглавлявшихся ими “империй” началось еще в 30-е гг. и продолжалось в период войны. Теперь главным спорным вопросом стал вопрос о размежевании компетенций на Востоке. Гиммлер стремился обеспечить себе не только полицейские, но и политические права, прежде всего борьбу с большевизмом и выполнение своих задач в качестве рейхскомиссара по укреплению немецкой народности²⁶⁰. Напротив, усилия Розенберга были направлены на то, чтобы ограничить полномочия рейхсфюрера чисто полицейскими функциями. Розенберг пытался доказать, будто сфера действий рейхскомиссариата по укреплению немецкой народности не выходит за пределы собственно рейха; ответственным за “политическое планирование немецкой народности”, то есть германской колонизации Востока, он считал себя; Гиммлеру же он оставлял только практическое “осуществление поселения”, другими словами, выполнение поручений²⁶¹.

Ситуацию лишь обострило решение Гитлера распространить полномочия имперского комиссара по укреплению немецкой народности на оккупированные восточные территории и его требование к Розенбергу и Гиммлеру действовать на Востоке в тесном сотрудничестве²⁶². В октябре 1941 г. в розенберговском министерстве был создан Центральный штаб планирования – совещательный орган, состоявший из представителей заинтересованных учреждений и ведомств. Довольно сложная структура штаба включала комитет по вопросам колонизации²⁶³. Своими разработками основ колонизационной политики в Восточной Европе Центральный штаб планирования стремился перехватить инициативу у гиммлеровских экспертов, ведущих работу по составлению “Генерального плана Ост”²⁶⁴, но в этой области “империя” Гиммлера оказалась сильнее. Розенбергу оставалось только жаловаться²⁶⁵.

Как видим, острое соперничество с участием нацистских прагматиков и ортодоксов в вопросах “нового европейского пространства”, в особенности подключения к “новой Европе” восточноевропейских территорий, с началом

германской агрессии против СССР не было снято, а приобрело новые очертания и формы. Розенберг считал себя единственным человеком (разумеется, за исключением Гитлера), обладающим в этих вопросах абсолютной истиной, и потому добивался для себя, по существу, чрезвычайных полномочий. Его прямо-таки физиологическая страсть к монополизации европейской политики национал-социализма в гипертрофированном виде проявилась во второй фазе мировой войны, начало которой положила Сталинградская битва.

2. ПРОВАЛ НАЦИСТСКИХ ПЛАНОВ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЫ (НОЯБРЬ 1942—МАЙ 1945).

2.1. Перспективы “нового европейского порядка” после Сталинградской битвы

Сталинградская битва—подлинная кульминационная точка в развитии второй мировой войны. Стратегическое напряжение между противоборствующими сторонами достигло к тому времени крайнего предела. В случае неудачи советских войск могла на неопределенное время отдалиться победа антигитлеровской коалиции, Европа надолго превратилась бы в безраздельную вотчину нацистской Германии, оказалась бы совершенно непредсказуемой дальнейшая судьба многих народов, населяющих континент. В случае поражения вермахта на горизонте явственно обозначалась свободная от национал-социализма и фашизма Европа. В Сталинградской битве решился исход второй мировой войны¹.

Под Сталинградом зашла в тупик авантюристическая стратегия национал-социалистической Германии, исходившая из безрассудной идеи мирового господства. Никогда прежде рейх не испытывал столь крупного военного, политического и психологического потрясения. И хотя Гитлер продолжал храбриться, по инерции высказывая уверенность в конечной победе², в Германии, кажется, навсегда исчезло состояние эйфории, царившее среди деятелей партийного и государственного руководства вплоть до осени 1942 г.

Под воздействием Сталинградской битвы в германском рейхе появились более трезвые оценки перспектив и длительности мирового конфликта, соотношения сил, экономических возможностей враждующих сторон³. Типичными стали заявления о предстоящей изнурительной борьбе по всему, периметру фронтов, которой не выдержать без чрезвычайной мобилизации ресурсов оккупированных европейских стран.

Почуввав смертельную опасность, национал-социалистическое руководство было вынуждено приступить к пересмотру некоторых элементов своей программы реорганизации Европы. На этот счет появились многочисленные распоряжения Гитлера, Риббентропа, Геббельса, Розенберга, Шпеера и других представителей нацистской элиты. Выход из кризиса, грозившего поражением в войне и гибелью национал-социализма, виделся им в немедленном переходе к тотальному ведению войны, а также в новом понимании европейской идеи, при котором смертельным врагом Европы — не только “новой Европы” гитлеровского образца, но и Европы как таковой—назывался “советский коммунизм”.

В секретном приказе Гитлера о тотальной войне, датированном 13 января 1943 г., ставились задачи, которые надо было решить немедленно в интересах

“возможно быстройшего заключения победоносного мира”⁴. Спустя две недели фюрер еще более заострил проблему, подчеркнув ее общеевропейский аспект: “Сейчас есть только две альтернативы: либо победу одержит Германия, германский вермахт, союзные с нами страны и, следовательно, Европа, либо с Востока на старейший культурный континент хлынет центральноазиатско-большевистская волна, разрушая и истребляя все на своем пути, точно так же, как это уже было в самой России”⁵.

Огромная тревога за судьбу режима прозвучала в выступлении имперского министра информации и пропаганды И. Геббельса 18 февраля. “Опасность, нависшая над нами,— заявил он,— колоссальна. Поэтому колоссальными должны быть и наши усилия, которые мы ей противопоставляем”. Коснувшись необходимости кардинального повышения военно-экономического потенциала рейха за счет мобилизации ресурсов оккупированных территорий, министр пропаганды вновь напомнил, что “будущее Европы зависит от нашей борьбы на Востоке”. “Мы готовы его защищать,— продолжал он.—Германский народ отдает этой борьбе свою драгоценную национальную кровь. Остальные районы Европы должны отдать для этого хотя бы свой труд”⁶. Фашистская Германия представляла в выступлении Геббельса в качестве защитницы “цивилизованного” Запада от “дикого” Востока.

Катастрофическое поражение вермахта под Сталинградом вынудило уже не только В. Дайца, но и представителей других “империй” заговорить о необходимости единого европейского экономического планирования, единой европейской программы вооружения, действенной мобилизации европейских экономических резервов⁷, иными словами, о необходимости более рациональной, с немецкой точки зрения, эксплуатации промышленного и людского потенциала оккупированных стран Западной Европы. Предложения, выдвинутые, например, имперским министром вооружения и военного производства Шпеером и стоявшими за ним финансово-промышленными группировками, предусматривали, в частности, перебазирование производства товаров массового спроса из Германии во Францию, чтобы сосредоточить германский экономический потенциал на изготовлении оружия. В связи с этим ярко проявилось стремление активизировать коллаборационизм, особенно французский⁸.

Изменения коснулись как политики, так и идеологии. В середине января 1943 г. стало известно о том, что партийная канцелярия НСДАП запретила использование понятий “великое пространство”, “великопространственная экономика”, “Еврафрика” и некоторых Других. В соответствующей директиве, спущенной на места, утверждалось, что размеры и формы великих пространств

зависят от исхода войны, поэтому совершенно недопустимо “уже сейчас делить мир на определенные великие пространства”. Кроме того, великопространственное мышление не должно принижать значения термина “народ” – одной из главных составляющих нацистского мировоззрения. Еще одно указание касалось фашистской Италии, роль которой как союзника рейха значительно возрастала в новых условиях войны. Директивой запрещалось говорить о европейской великопространственной экономике под германским руководством, ибо такая формулировка оскорбляет Италию⁹.

Тенденция к устранению перегибов германской оккупационной политики, вызванных прагматическими, сиюминутными соображениями, стала заметной по отношению не только к Западной, но и к Восточной Европе. Свидетельств тому множество, приведем лишь некоторые из них. В записке сотрудника имперского министерства по делам оккупированных восточных областей В. Хассельблата, направленной Розенбергу и Лейббрандту в разгар Сталинградской битвы, содержалось предложение по-новому сформулировать цели “нового порядка”, в особенности для восточноевропейского пространства, и без проволочек приступить к их осуществлению. Хассельблат рекомендовал на время отказаться от грубой колонизационной политики “империи” Гиммлера, от тенденции к онемечиванию до тех пор, пока перестройка восточного пространства не приведет к позитивному для рейха результату. Пока же нужно, по его мнению, заняться “организацией народов, а не государств”, их “раскрепощением от большевизма, интернационализма, русификации” посредством политики “отделяющихся друг от друга национализмов”¹⁰. По сути, в записке Хассельблата речь шла о возвращении к истокам восточноевропейской концепции Розенберга.

Необходимость вернуться к “нашей первоначальной восточной концепции” хорошо понимал и сам Розенберг¹¹. Восемнадцатого декабря 1942 г. в имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей он провел совещание с участием представителей армейского командования и военно-экономических организаций. Острой критике подверглись там прежние методы проведения германской политики на Востоке, прозвучали призывы определить “новую политическую цель в русском пространстве”, выработать “новый политический курс” исходя из установки, что победить Советский Союз можно только “с помощью русских” и никак иначе¹².

Участники совещания высказались за принятие неотложных мер с целью создания предпосылок для военного использования русских против русских – вплоть до признания восточноевропейских народов германскими союзниками. “Но это означает такой поворот по сравнению с прежней немецкой позицией,—

говорится в одном из отчетов о совещании,— что, пожалуй, только сам фюрер может отдать приказ об изменении курса”¹³.

По материалам совещания Розенберг составил специальный меморандум для Гитлера, пытаясь убедить его в необходимости такого поворота. Попытки подобного рода он предпринимал и в последующем, в частности 8 января и 19 мая 1943 г.¹⁴, но безуспешно. Не дожидаясь окончательного решения, Розенберг разослал в высшие партийные и правительственные инстанции директивы относительно политики рейха в оккупированных восточных областях с изложением рекомендаций декабрьского совещания. Кроме того, в начале 1943 г. он направил в адрес Гитлера “Декларацию ко всем народам Востока”¹⁵.

Пятнадцатого февраля И. Геббельс издал собственную директиву, в которой требовал так пропагандировать европейскую идею национал-социализма, чтобы возникло впечатление о полном соответствии “нового порядку” коренным интересам всех европейских народов. Он призывал воздерживаться от публичного оскорбления и унижения народов, проживающих на оккупированных восточных территориях, от оценок Востока как германской колонии, а его жителей как бестий и варваров. “Так же неуместно,— отмечалось в директиве министра пропаганды,— говорить о новых немецких поселениях, особенно о крупных, об отчуждении земель или писать теоретические статьи на тему, следует ли германизировать народы или земли... Тем более нельзя обсуждать вопрос о высылке коренного населения”¹⁶. В условиях крупнейшего поражения вермахта под Сталинградом Геббельсу, как и Розенбергу, казалось, что проводившаяся бесчеловечными методами колонизационная политика гиммлеровской “империи” в Восточной Европе противоречит потребностям тотальной войны.

К такому же заключению, но под другим углом зрения пришли и в аппарате уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана Геринга. С сугубо прагматических позиций там констатировали, что массовые переселения украинских и польских крестьян приводят к “параличу желания” производить сельскохозяйственные продукты, а это не может не повлиять на выполнение заготовительных планов рейха. Как сообщили сотрудники Геринга 18 марта, “выполнение... запланированных рейхсфюрером СС... переселений... в настоящий момент вследствие военного положения приостановлено, однако следует опасаться, что эти мероприятия немедленно будут возобновлены, как только улучшится военное положение”¹⁷.

Критика колонизационной политики имперского комиссариата по укреплению немецкой народности прозвучала в то время даже в министерстве иностранных дел. В записке чиновника МИД Г. Триски от 7 января 1943 г.

давалась в целом негативная оценка европейской “народной политики” Гиммлера, действия которого, по словам автора документа, привели к такой путанице, что никто не в состоянии сказать, должна ли ориентироваться немецкая народная группа в той или иной стране на будущее выселение, либо она будет выполнять другие задачи на месте своего нынешнего проживания⁸.

Чтобы нейтрализовать критические нападки в свой адрес, Гиммлер изготовил подробный отчет о немецкой колонизации европейского континента, направив его непосредственно Гитлеру¹⁹. В конечном итоге нацистский фюрер оказал поддержку рейхсфюреру СС, и конкуренты вынуждены были отступить. Именно после Сталинградской битвы появились новые признаки того, что “империя смерти” Гиммлера способна затмить остальные партийно-государственные “империи” великогерманского рейха.

В рекомендациях Розенберга, Геббельса и других, подготовленных после Сталинградской битвы, в явной либо скрытой форме звучали призывы к пересмотру прежнего политического курса Германки на Востоке и Западе Европы, к формулированию более привлекательных социально-экономических и иных целей в рамках “нового европейского порядка”, к консолидации европейского фашизма на антисоветской основе путем торжественного провозглашения какой-нибудь декларации, эквивалентной, скажем, Атлантической хартии союзников по антигитлеровской коалиции²⁰. Стали широко пропагандироваться идеи европейского социализма, разрабатывались проекты европейской конфедерации под германским попечительством. В ряде публичных выступлений были – неофициально – оглашены экономические цели европейского сообщества – полная занятость, кооперация, блокадоустойчивость, высочайшая обороноспособность и т.д.²¹

Гитлер, как правило, отклонял предложения относительно “Европейской декларации”²², мотивируя это тяжелым положением на советско-германском (фронте и указанием на то, что “все соседние страны – наши враги”. “Мы должны получать от них все, что можем. — разъяснял он свою позицию, — но не можем и не должны ничего обещать”²³. По тем же причинам нацистский фюрер наложил вето на “Восточную прокламацию” имперского министра информации и пропаганды, готовую в основных чертах уже в конце февраля 1943 г., идеи которой вытекали из директив Геббельса об ориентации пропаганды на нужды тотальной войны. 9 марта Геббельс записал в дневнике: “В нынешний период слабости он (фюрер.—В. Б.) не желает давать такой знак, который мог бы быть расценен как уступчивость. Как только положение на Востоке снова несколько прояснится, я вновь обращусь к нему”²⁴. Но изменения ситуации на советско-германском фронте в пользу рейха так и не произошло.

С целью создания благоприятных условий для обнародования “Восточной прокламации” в “империи” Геббельса подготовили крупномасштабную пропагандистскую акцию, по своему значению и последствиям сравнимую разве что с образованием пресловутого “Смоленского комитета” во главе с генералом Власовым. Во второй половине марта 1943 г. в оккупированные восточные области была направлена директива имперского министерства информации и пропаганды с требованием представить срочные доказательства “зверств, которые совершила над народами большевистская система”. Излагая основные положения директивы, житомирский генеральный комиссар Лейзер, например, приказал подчиненным ему гебитскомиссарам “срочно побеспокоиться о том, чтобы были собраны все каким-либо образом доступные документы, фотографии, а также свидетельские показания... Документы,— читаем дальше в приказе Лейзера,— следует собрать как можно быстрее и направить мне... Предлагается обратить на этот вопрос особое внимание”²⁵. Тринадцатого апреля германское радио сообщило об обнаружении под Смоленском массовых захоронений с телами четырех тысяч польских офицеров, расстрелянных еще до вступления на эту территорию немецких войск.

Образование “Смоленского комитета”, а Катынское дело в особенности свидетельствовали о решимости нацистского рейха взять реванш за военное поражение в Сталинградской битве политическими, идеологическими и пропагандистскими методами. Политико-пропагандистское контраступление национал-социализма, начатое после Сталинградского сражения, облегчило повсеместное распространение тезиса о том, будто сам образ жизни европейских народов изначально несовместим с большевизмом и что борьба с СССР есть не что иное, как борьба Европы за жизнь и свободу с советской тиранией²⁶. Разворачивая пропаганду вокруг Катынского дела, нацистское руководство рассчитывало осложнить и без того delicate отношения советского правительства с польским эмигрантским правительством в Лондоне и таким образом вызвать напряженность внутри антигитлеровской коалиции, особенно между СССР и Великобританией²⁷.

Катынское дело поставило Советский Союз в весьма затруднительное положение. Одной из акций, нейтрализующих гитлеровскую пропаганду, был роспуск Коммунистического Интернационала. 28 мая 1943 г., отвечая на вопрос московского корреспондента английского агентства Рейтер Кинга о причинах столь ответственного шага, Сталин прежде всего подчеркнул, что роспуск Коминтерна является “правильным и своевременным, так как он облегчает организацию общего натиска всех свободолюбивых наций против общего врага—гитлеризма... Роспуск Коммунистического Интернационала правилен,

так как... он разоблачает ложь гитлеровцев о том, что “Москва” якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и “большевизировать” их. Этой лжи отныне кладется конец”²⁸.

Многократным расширением пропагандистской войны после Сталинграда национал-социализм камуфлировал поиски выхода из глубокого кризиса, в котором оказалась его программа “нового европейского порядка”. Как и прежде, проявились две тенденции, два варианта решения проблемы—ортодоксальный и прагматический. Первый выдвигался “империей” Розенберга, второй— “империей” Риббентропа. Риббентроп выдвинул идею европейской конфедерации, с именем Розенберга была связана концепция европейского социализма. Полемика между нацистскими ортодоксами и прагматиками по вопросам “нового порядка”, развернувшаяся в начальной фазе войны, теперь, на новом ее витке, удивительным образом повторилась. В ней, разумеется, уже на качественно ином уровне нашли отражение проблемы, которые по-разному решались К. Шмиттом и его оппонентами-биополитиками,— проблемы “подлинных и мнимых жизненных пространств”.

2.2. Европейская конфедерация

Идея федеративного устройства “новой Европы” после окончания войны в практически-политическом плане впервые прозвучала кажется, в памятной записке известного геополитика профессоре А. Хаусхофера, давнего внештатного сотрудника бюро Риббентропа. В ноябре 1941 г. он передал свою записку “Мысли об организации мира” статс-секретарю министерства иностранных дел с просьбой “в подходящее время проверить, подходит ли она для доклада фюреру”²⁹.

Исходной посылкой памятной записки Хаусхофера было предположение, что мировая война не будет выиграна ни одной из держав. а раз так, то после войны сохранятся уже существующие великие пространства во главе с той или иной державой. Следовательно, останется англо-американское сообщество. Япония не потеряет своего влияния в Восточной Азии. Сохранится азиатское ядро Великороссии на обширной территории от Волги до Урала и Байкала — хотя бы в силу того, что “насильственное покорение русской Евразии... так же мало достижимо, как и покорение Китая”. Наконец, Германия удержит под своим влиянием Европу.

При такой патовой ситуации, полагал А. Хаусхофер, мирные переговоры о послевоенном устройстве неизбежно будут вращаться вокруг пяти проблем, первую из которых он сформулировал так: “Федеративная организация континентальной Европы; степень немецкого руководства ею; ее границы с

Азией". Цель Германии на мирных переговорах будет состоять, по Хаусхоферу, в том, чтобы "за принципиальный отказ от известных методов внешней политики и отказ от нарушения азиатских и южноамериканских сфер влияния морских держав добиться отказа англосаксов от вмешательства в руководимую немцами... континентальную Европу"³⁰. Предложения Хаусхофера почти текстуально совпадали с идеями К. Шмитта о невмешательстве пространственно чуждых сил.

Руководимая рейхом Европа в представлении автора записки виделась европейской федерацией, состоящей из трех групп государств. В первую группу войдут Эстония, Латвия, Литва, Словакия, Хорватия и, возможно, Сербия—все они будут присоединены к Германии. Вторая группа—это союзные государства, такие как Венгрия, Румыния, Болгария; при известных условиях Финляндия, Греция, Украина, в крайнем случае еще государства Кавказа. Хаусхофер тут же подчеркнул, что Белоруссия, Украина и Кавказ перейдут в разряд союзных государств только после длительного переходного периода прямого германского господства. Третья группа должна охватить Швецию, Норвегию, Данию, Швейцарию и Италию. За рамками хаусхоферовской федерации оставались западноевропейские страны—Франция, Бельгия, Нидерланды, Испания и Португалия, так как включение этих стран "даже в самую слабую форму европейской федерации... пока немыслимо"³¹.

Материалы, подобные памятной записке А. Хаусхофера, скапливались в министерстве иностранных дел. Досье пополнялось за счет всевозможных проектов "новой Европы", составлявшихся германскими марионетками и коллаборационистами всех мастей, которые, признавая безусловное главенство Германии, пытались выторговать для себя хоть какую-то видимость самостоятельности в национал-социалистическом "новом порядке". Нелишне в связи с этим вспомнить опусы Л. Дегреля "Роль Бельгии в новой Европе", А. Муссерта "Нидерландское государство в новой Европе", В. Квислинга "Норвегия и германская задача в Европе", выступления французских коллаборационистов³². Головокружительные прожекты выдвигались официальными и близкими к ним кругами Финляндии, Румынии, Венгрии. В Румынии, например, звучали требования перенесения государственной границы на Днепр, создания "румынской империи до ворот Азии", установления политической гегемонии на Балканах³³. Добивался равноправия в "новой Европе" главный германский союзник — фашистская Италия³⁴.

Первоначально подобные претензии не принималось нацистским руководством всерьез. Но разговоры на эту тему не прекращались, и в беседе с главарем голландских фашистов Муссертом Гитлер был вынужден разъяснить

свою позицию по данному вопросу. В ответ на упоминание Муссерта о германской конфедерации нацистский фюрер заявил, что старая римская империя германской нации в нынешних условиях просто невозможна: “Мы не могли бы создать конфедерацию, то есть одно государство, которое состояло бы из соответствующих отдельных государств, потому что при первой же возможности все это здание снова бы развалилось. Таким образом, безусловно необходимо прочное объединение с целью отражения натиска с Востока”. Вопрос о том, как будет называться подобная конструкция, имел, по мнению Гитлера, второстепенное значение. Впрочем, он заметил, что “консолидация (Европы.— *В. Б.*) может осуществляться лишь рейхом как сильнейшим фактором” и потому “а наших общих интересах безболезненно провести эту перестройку и присоединение”³⁵. В противовес европейской конфедерации Гитлер однозначно высказывался за образование великогерманского рейха, единственным сувереном в котором будет нацистская Германия.

По-иному относился к идее европейской конфедерации Риббентроп. Будучи законченным прагматиком, имперский министр иностранных дел постепенно пришел к убеждению, что в сложнейшей военно-политической ситуации, вызванной поражением вермахта под Сталинградом и переходом рейха к стратегической обороне, не грех воспользоваться этой идеей в интересах Германии. Осенью 1942 г. в министерстве иностранных дел приступили к предварительной проработке данной проблемы, а спустя некоторое время Риббентроп направил Гитлеру несколько меморандумов с настоятельным предложением провозгласить европейскую конфедерацию, как только Германия добьется крупного успеха на советско-германском фронте³⁶. Двадцать первым марта 1943 г. датирована очередная памятная записка Риббентропа, которая так и называлась—“Европейская конфедерация”. В ней содержалось требование прекратить всякие абстрактные рассуждения о “новой Европе” в германской прессе, ибо они, не ставя перед собой определенных целей, наносят Германии огромный пропагандистский ущерб. Это требование было направлено против Розенберга и его окружения. Но был и более тайный смысл—перехватить инициативу в европейских делах, продолжить победный список международных соглашений, подготовленных и подписанных Риббентропом. Торжественное провозглашение европейской конфедерации было бы навсегда связано с именем Риббентропа, явилось бы завершением его внешнеполитических усилий, свидетельствовало бы о могуществе и влиянии его “империи”.

Подчеркнув, что в последнее время с инициативой образования “новой Европы” в форме конфедерации к руководителям Германии обращались Муссолини, Антонеску, Лаваль, ведущие деятели Финляндии, Испании и

Балканских стран, имперский министр иностранных дел рекомендовал учредить европейскую конфедерацию в составе Германии, Италии, Франции, Дании, Норвегии, Финляндия, Словакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Хорватии, Сербии, Греция, Испании, а также тех марионеточных образований, которые с позволения рейха, возможно, будут созданы на оккупированных территориях.

По убеждению Риббентропа основание конфедеративной Европы принесет национал-социалистическому рейху колоссальные выгоды, станет крупным шагом в политико-дипломатическом и военно-стратегическом развитии мировой войны, чувствительно затронет интересы германских противников, союзников, а также нейтральных государств. Учреждение конфедерации, полагал министр, окажет столь значительное воздействие на вражеские державы, что им трудно будет обосновать смысл своего участия в войне—у них возникло бы ощущение, что они ведут борьбу против “монолитной и единой Европы”, “Я думаю также,— писал Риббентроп,— что вражеская коалиция при тех крупных разногласиях, которые уже сейчас обнаруживаются между Англией, Америкой и Россией и которые когда-нибудь обострятся сверх всякой меры, по отношению к единой Европе в конечном итоге просто-напросто распадется”³⁷. Расчет на подрыв антигитлеровской коалиции – весомый и, может быть, самый важный аргумент, найденный сотрудниками имперского министерства иностранных дел в пользу европейской конфедерации нацистского образца.

Не меньшее значение придавал Риббентроп и вероятности того, что в результате провозглашения европейской конфедерации население оккупированных областей, нейтральных и союзных государств перестанет испытывать беспокойство за свою дальнейшую судьбу, с большим доверием станет относиться к рейху, повысит свой вклад в военно-экономический потенциал Германии и в рядах германских вооруженных сил примет активное участие в борьбе против врагов “новой Европы”. Такой тактикой, подчеркивал министр, можно “сберечь много немецкой крови”. По достижении же победы нетрудно будет, ликвидировав конфедерацию, провозгласить великогерманский рейх³⁸.

А пока можно позволить обсуждать даже вопрос о суверенитете. Более того, уже в первых документах, подготовленных по этому вопросу, прямо говорилось о том, что членами европейской конфедерации являются суверенные государства, которые взаимно гарантируют друг другу свободу и политическую независимость и, кроме того, суверенно решают вопросы внутrigосударственного устройства³⁹. Но все это было не более чем блефом. В одном из меморандумов МИД содержалось следующее уточнение термина “государственный суверенитет” применительно к членам европейской

конфедерации: “Внешне такая кажущаяся государственность... по возможности должна оформляться всеми привлекательными атрибутами... что ничего не стоит рейху и не представляет никакой опасности. Государственные права могли бы чуть-чуть выходить за пределы прав протектората... Самоопределение, которое мы могли бы гарантировать немедленно, в конечном счете состояло бы в том, что мы позволим господствующей клике в каждом народе в приемлемом объеме эксплуатировать своих собственных соотечественников”⁴⁰.

При внимательном изучении памятной записки Риббентропа бросаются в глаза по меньшей мере два момента. Во-первых, нет абсолютно никаких упоминаний национал-социалистических догм – положений об общности судьбы, о нордической расе, европейской семье народов, различных образах жизни и т. д. Все это отбрасывалось ради совершенно определенных прагматических целей. Во-вторых, по своим методологическим основаниям и методическим приемам записка Риббентропа перекликалась с проектами К. Шмитта и геополитиков, в особенности с точки зрения невмешательства пространственно чуждых сил в дела европейской конфедерации. Следовательно, можно говорить о значительной активизации прагматического крыла в стане нацистских европеистов после Сталинградской битвы, о его переходе к составлению конкретных программ переустройства Европы на принципах превратно понимаемого конфедерализма.

По распоряжению Риббентропа 5 апреля 1943 г. в имперском министерстве иностранных дел был образован комитет по делам Европы под руководством самого министра. В состав комитета вошли статс-секретарь МИД фон Штеенграхт (заместитель руководителя), помощник статс-секретаря Хенке, министеряль-директор Виль, послы Гаус и фон Ринтелен, посланники Альбрехт, Шмидт, Рюле, профессор Бербер, доктор Мегерле, советник-референт фон Шмиден, посольский советник Вагнер, бригадефюреры СС Зикс и Френцель. Секретарем комитета был назначен посольский советник фон Трючлер.

Одновременно Риббентроп распорядился о формировании трех рабочих групп комитета по делам Европы. На первую – ее возглавил профессор Бербер – возлагалась “подготовка исторических данных по вопросу о развитии политического устройства Европы с особым учетом прежних форм европейских объединений”. В обязанности второй группы входило рассмотрение вопроса о том, “какие проблемы подлежат урегулированию договорным путем в ходе будущего осуществления нового порядка в Европе”, а также составление перечня проблем общеевропейского характера. Задача третьей группы заключалась в руководстве европейской пропагандой рейха в желаемом для “империи” Риббентропа духе⁴¹.

В качестве главной задачи комитета Риббентроп определил сбор материалов и подготовку документов, которые понадобятся для “урегулирования вопросов нового порядка в Европе в момент окончания войны”. “Поэтому,— говорилось в соответствующих инструкциях,— разработка определенных планов общего устройства будущей Европы пока должна быть отложена... Однако уже сейчас совершенно ясно, что будущая Европа сможет существовать только в том случае, если будет полностью утверждено господствующее положение великогерманского рейха. Следовательно, обеспечение этого господствующего положения должно рассматриваться как основа будущего нового порядка”⁴².

Состоявший из высококвалифицированных дипломатов и профессуры, комитет по делам Европы представлял собой лишь верхушку айсберга. Помимо аппарата министерства иностранных дел, в его распоряжении находились эксперты бюро Риббентропа и других ведомств риббентроповской “империи”, специалисты ряда научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Деятельность комитета приобрела особо интенсивный характер летом—осенью 1943 г. в связи с поражением вермахта на Курской дуге. Национал-социалистический рейх стал все больше и больше ощущать дефицит времени. Рот почему тон подготовленных в то время документов (предложений Г. Фровейна, записки Р. Рана, памятной записки С. фон Ренте-Финка и др.⁴³) резко отличался от первоначальных набросков Риббентропа и его директив от 5 апреля. Более того, Фровейн, Ран и Ренте-Финк, по существу, вступили в полемику со своим шефом по принципиальным вопросам европейской стратегии рейха. Подверглась критике (без упоминания имен) и точка зрения Гитлера на проблему европейской конфедерации.

В отличие от Риббентропа, рекомендовавшего акцентировать внимание на пропагандистской стороне проблемы, Фровейн, например, подчеркивал, что “пропагандистский элемент... может присутствовать лишь в контексте принимаемых всерьез основных идей этого плана (“новой Европы”).— В. Б.). Сам план должен быть таким, чтобы он выдержал любое трезвое рассмотрение ответственных правительств”. Другими словами, план европейской конфедерации должен быть реальным, убедительным и привлекательным, учитывать “стремление народов к миру, справедливому разрешению национальных проблем, экономическому и социальному благополучию”⁴⁴.

В отличие от Гитлера, который в вопросах “нового европейского порядка” не желал идти ни на какие уступки. Ран и Ренте-Финк ставили вопрос иначе. “Угрожает ли этот поворот в сторону создания конфедерации нашим политическим целям в Европе?— читаем в записке Ренте-Финка.— На этот вопрос следует ответить отрицательно. Мы не утратим ни крупницы своей

власти"⁴⁵. Такой же точки зрения придерживался Ран. Он предлагал: "Почему бы нам не обнародовать успокаивающие, соблазнительные или, по меньшей мере, нейтрализующие программы? Возражают, что мы тем самым возьмем на себя обязательства, которые впоследствии не сможем выполнить. С каких это пор мы стали боязливы и целомудренны? Как будто после победы трудно будет найти формулу, которая узаконит наши притязания на господство и даст нам реальную возможность упрочить свое влияние без явного применения силы"⁴⁶.

Критикуя неоднократно высказанные Гитлером опасения насчет того, что любая уступка коллаборационистам может быть истолкована как признак слабости нацистской Германии, переживающей к тому же полосу военных неудач. Ран вновь и вновь повторял, что "подобные соображения не имеют никакого значения в момент, когда мировое общественное мнение на три четверти убеждено в том, что мы потерпим поражение", и разъяснял свою позицию следующим образом: "Нет никакого смысла в моменты военных неудач говорить: сейчас мы не можем заниматься европейской политикой, потому что это будет истолковано как слабость. А в моменты успеха провозглашать: сейчас она нам уже не нужна. Эта политика будет нужна нам всегда"⁴⁷.

Подвергая, наконец, сомнению чрезмерные упования Гитлера на военные средства решения европейской проблемы в ущерб политическим, тот же Ран предлагал альтернативный вариант, ссылаясь на опыт колониальной политики Великобритании. "Есть основания опасаться,— констатировалось в записке дипломата,— что, претерпевая неудачи, мы неизменно будем стремиться к решению исключительно военными средствами, вместо того чтобы именно в таких обстоятельствах проявлять, как это делают, например, англичане, повышенную политическую активность, идя при этом на рассчитанный риск"⁴⁸.

И Фровейн, и Ран, и Ренте-Финк единодушно рекомендовали перейти в решительное политическое наступление, сформулировав "конструктивную программу" европейского будущего с конкретными предложениями по всему комплексу проблем европейской конфедерации. Они выступали за скорейшую разработку "достаточно смелой и широко задуманной" политической концепции "новой Европы", с помощью которой можно было бы, по их убеждению, надеяться на победу во второй мировой войне. Они требовали включить в программу не только политические, но и национальные, культурные, религиозные, экономические, социальные и любые другие пункты—хотя бы для того, чтобы помешать странам антигитлеровской коалиции использовать их против рейха. Исходя из геополитических факторов, они ратовали за основательное "региональное членение", то есть децентрализацию Европы, при которой кроме сильнейшего центра – великогерманского рейха с тяготеющими к нему

германскими и “субгерманскими” (то есть восточными и юго-восточными.—В. Б.) народами — нашлось бы место для Средиземноморья и Западной Европы.

И снова, как и в случае с мартовской запиской Риббентропа, возникает вопрос о методологических принципах, положенных в основу предложений Фровейна, Рана и Ренте-Финка. Формально, на словах, признавая национал-социалистические идеи “нового европейского порядка”, сотрудники имперского министерства иностранных дел не синтезировали их до понимания Европы как иррациональной биополитической общности, возникшей из крови и почвы своей семьи народов, а предпочли воспользоваться практически полезными, по их мнению, терминами геополитиков и школы К. Шмитта. Как и Шмитт, на первое место в международно-правовой организации “новой Европы” они выдвигали принцип невмешательства пространственно чуждых сил. “Важным принципом плана для Европы,— писал Г. Фровейн 7 июня 1943 г.,— должно быть требование, чтобы Европа и любое входящее в ее состав государство не вмешивались в дела чужих континентов... С другой стороны, любое вмешательство, а также приобретение другими континентами любых политических или военных выгод в Европе и Африке должны быть исключены”⁴⁹. Все это было почти дословным повторением шмиттовских рассуждений четырехлетней давности, но преломлялось теперь через призму Сталинграда и других крупнейших поражений нацистского рейха.

Предложения Фровейна, Рана и Ренте-Финка легли в основу пакета документов, подготовленных комитетом по делам Европы и датированных девятым сентября 1943 г.⁵⁰ Тот факт, что среди них имелись проекты положений о европейской конфедерации и даже проект учредительной декларации, которая могла бы быть принята на специально созванном по этому случаю общеевропейском совещании, свидетельствовал о готовности “империи” Риббентропа немедленно приступить к реализации крупной внешнеполитической акции с целью упредить, а по возможности и нейтрализовать европейские планы государств антигитлеровской коалиции, твердо взяв в свои руки инициативу по вопросам будущего устройства Европы.

Авторы документов мидовского комитета пытались представить дело так, будто СССР, Англия и США не в состоянии предложить европейским народам ничего нового, тем более что их планы пересекаются и противоречат друг другу, а интересы вообще не связаны с интересами Европы. В противоположность “неопределенным планам переустройства мира, выдвинутым противниками”, Германия предлагает конструктивный план создания европейской конфедерации, которая должна быть сообществом по возможности всех европейских государств и решать такие важнейшие задачи, как сохранение мира на континенте,

обеспечение общеевропейских интересов во внешних сношениях, совместное отражение большевистской угрозы, совместная оборона от внешней опасности, экономическое сотрудничество, духовный и культурный обмен. Руководство европейской конфедерацией составители документов передавали Германии⁵¹.

Представляется важной точка зрения комитета по делам Европы, согласно которой “политически невозможно строить здание европейского единства на основе идеальных требований. Фундаментом для него могут служить только реальные политические явления и историческое развитие, которое привело к ярко выраженному национальному самосознанию всех европейских народов”. Отсюда следовал вывод; “Решение европейского вопроса может быть осуществлено только на федеративной основе, на свободном... решении европейских государств объединиться в сообщество суверенных государств”⁵². Заявления подобного рода, если рассматривать их в теоретико-идеологическом плане, находились в противоречии с ортодоксальными представлениями в НСДАП, но зато великолепно вписывались в идеологические конструкции нацистских прагматиков. Любопытно, что к лету 1943 г. относится одна из первых попыток министерства иностранных дел приспособить к потребностям новой фазы войны некоторые основополагающие идеи национал-социализма⁵³.

Глубоко встревожили Риббентропа итоги состоявшейся 19—30 октября 1943 г. Московской конференции министров иностранных дел Советского Союза, Великобритании и США. Соглашения, достигнутые на ней (в особенности Декларация по вопросу о всеобщей безопасности)— в американской прессе они получили название “великая хартия вольностей нашего века”, — требовали адекватного ответа от Германии. В течение нескольких дней комитет по делам Европы вы. работал план действий. Риббентропу предлагалось, воспользовавшись очередной годовщиной подписания Антикоминтерновского пакта, выступить с речью по немецкому радио. Выступление преследовало бы цель “заклеймить антиевропейскую политику англичан и американцев, подчеркнуть вызванную ею опасность ослабления, балканизации, а в конечном счете большевизации Европы и одновременно нанести контрудар Московской конференции, выдвинув идею объединенной Европы”⁵⁴, — разумеется, в форме конфедерации и с учетом интересов как великих, так и малых европейских государств.

Проекты европейской конфедерации сопровождались аналогичными планами экономического и социального переустройства континента на основах, предлагаемых прагматически ориентированными руководителями нацистского рейха. Мало того, составление подобных планов зачастую инициировалось “империей” Риббентропа с целью подготовки благоприятной почвы для

проведения эксперимента с европейской конфедерацией. За громогласно провозглашаемыми программами экономического европейского сообщества, “разумного и справедливого социального порядка” и т. д. нередко стояло имперское министерство иностранных дел.

Так было, скажем, с нашумевшими тезисами Г. Хунке “Ключевые вопросы хозяйственно-политической борьбы на современном этапе”, опубликованными в конце сентября 1943 г. и более известными как “Десять тезисов Хунке”⁵⁵. Активную подготовку этой пропагандистской акции в течение нескольких месяцев вели министерство информации и пропаганды, министерство экономики, имперская группа “Промышленность”, рекламный совет германской экономики, ОКБ и риббентроповский МИД⁵⁶. Тезисы представляли собой своеобразный компромисс между прагматиками и ортодоксами в нацистском руководстве. Наряду с некоторыми типично ортодоксальными положениями в них содержались и новые мысли, придающие более привлекательный вид европейскому экономическому сообществу с Германией во главе. Утверждалось, например, что национал-социализм требует от предпринимателей лишь обязательного осуществления права на труд (результатом чего является полная занятость населения) и соблюдения военно-экономических условий и нужд; все остальные проблемы – использование рабочей силы, обеспечение сырьем, инвестиционная политика и т. д. — должны решаться “в соответствии с потребностями дня, а не возвышаться до уровня хозяйственно-политических принципов”⁵⁷.

По заданию имперского министерства иностранных дел Научно-исследовательский институт труда, существовавший при Немецком трудовом фронте, в годы войны занимался организацией “международного сотрудничества” в области социальной политики⁵⁸. В середине марта 1944 г. состоялась подготовленная институтом встреча ученых и специалистов нескольких европейских стран в Бад Зальцбрунне, посвященная проблемам социального устройства будущей “новой Европы”. Участники встречи выразили мнение, что основой европейского социального порядка станет “подлинная социальная справедливость” для всех и каждого, а в заключительном протоколе высказались в пользу “социалистической Европы без пролетариев”⁵⁹. Несомненно, к международной встрече в Бад Зальцбрунне приложила руку “империя” Риббентропа.

Позиция министерства иностранных дел оказала воздействие на тон речей и выступлений министра экономики нацистской Германии В. Функа. Выступление Функа в Кенигсбергском университете (июнь 1944 г.)⁶⁰ и его интервью журналу “Сигнал” в июле того же года⁶¹ свидетельствуют о том, что

в них были учтены и использованы материалы комитета по делам Европы, тезисов Г. Хунке и международной встречи в Бад Зальцбрунне. В Кенигсберге имперский министр экономики говорил о “подлинной экономической интеграции” суверенных европейских государств на основе кооперации, взаимного дополнения и взаимопомощи, когда “всем хорошо”; о ликвидации безработицы и повышении жизненного уровня трудящегося человека как решающих задачах “новой Европы” после окончания войны; об уточнении термина “новый порядок”, который-де означает не подчинение других народов, а их сознательное присоединение к европейскому экономическому сообществу⁶². В интервью журналу “Сигнал” Функ заявил, что сотрудничество в рамках грядущего европейского экономического сообщества должно строиться на основе абсолютной добровольности и без нарушения суверенитета отдельных государств, да к тому же “на благо всех партнеров”⁶³. Судя по всему, в заключительной фазе второй мировой войны существовала тесная координация действий Риббентропа и Функа в сфере европейской пропаганды и практической политики национал-социалистического рейха.

Однако планам европейской конфедерации, с которыми выступало министерство иностранных дел, и проектам европейского экономического сообщества, выдвигавшимся министерством экономики, не суждено было сбыться. Ни те, ни другие не получили одобрения Гитлера. Вряд ли ему импонировали внешнеполитические программы чисто прагматического происхождения, не так прочно связанные идеологическими путями национал-социализма, как программа европейского социализма нацистских ортодоксов. Но, как ни странно, фюрер не поддержал и последнюю. Он руководствовался здесь своими собственными соображениями.

2.3. Европейский социализм

Евроконфедеративные идеи “империи” Риббентропа подверглись критике со стороны биополитически ориентированной “империи” Розенберга. Мировоззренческие споры между прагматиками и ортодоксами в национал-социализме продолжались вплоть до окончания войны, затрагивая как теоретический уровень, так и методологические проблемы.

Сами биополитики различали по меньшей мере три группы европеев, три подхода к реорганизации континента, реально существующих в рейхе. Для первой группы Европа, превратившись из чисто географического понятия в понятие геополитическое, представляла собой “пространственное единство, от которого исходят определенные политически формирующие силы”. В противоположность либеральному учению, отрицающему “естественные” связи

народной общности с пространством и расой, геополитики утверждали, что сотрудничество между соседними народами обусловлено совместным пространством, которое рассматривается в качестве главной причины великопространственных образований.

Ко второй группе европейцев причисляли тех, чей подход к “новому порядку” определялся исключительно соображениями целесообразности, кто призывал к сотрудничеству только для защиты от пространственно чуждых сил. Это были приверженцы своего рода европейской конституции на основе европейского правового договора—типа Лиги Наций. Европа представлялась им сообществом без всякой нравственной идеи, создаваемым лишь в известных политических целях.

Совершенно иначе изображала “новую Европу” третья, по словам В. Дайца, “пока еще немногочисленная группа действительных европейцев”, которая видела в Европе “данную богом динамическую целостность”, “нравственную идею”, “биологический факт”, “сравнительно единую – относительно других семей народов – биологическую субстанцию”, наконец, “единство, удерживаемое невидимой биологической гравитацией, как в Солнечной системе”⁶⁴. “Действительными европейцами” были, понятно, биополитики.

Геополитические и правовые концепции, питавшие риббентроповскую программу европейской конфедерации, оценивались в “империи” Розенберга как не имеющие ничего общего с подлинными интересами европейской семьи народов. Биополитики считали абсолютно бессмысленными рассуждения о том, в какой форме—товарищества ли, федеративной системы и т. п.— должно конституироваться сообщество европейских народов⁶⁵. По их мнению, размышления подобного рода не только наносят ущерб европейской политике рейха, но и в своем развитии способны привести к крупным методологическим ошибкам. “Всякие искусственные конструкции, которые не покоятся на нерушимых законах жизни и природы, на связи крови и почвы, всегда будут индивидуалистическими и империалистическими”⁶⁶ и как таковые неизбежно приведут к либерализму, утверждал В. Дайц.

В связи с этим биополитики обычно цитировали следующее высказывание Дайца: “Вывод о европейском сообществе народов как политико-биологической реальности... опровергается подобными абстрактными конструкциями и направляется в сторону создаваемого к политических целях объединения типа Лиги Наций или пан-Европы. Живое биологически-нравственное единство европейской семьи народов... растворяется здесь в чисто интеллектуальной “конститутивной” паутине абстракций, в картеле, объединении, создаваемом в политических целях, членство в котором можно приобрести либо отказаться от

него по своему собственному усмотрению, исходя из личной выгоды, но которое не имеет ничего общего с метафизическими обязанностями общей крови и почвы. Именно в этом различие между товариществом, покоящемся на общности крови и почвы, и товариществом, создаваемым в политических целях”⁶⁷.

Довольно многословное высказывание Дайца, суть которого на первый взгляд трудно и уловить, было сведено его ближайшими сотрудниками к простой и лаконичной формуле. В рецензии на статью О. Мука, опубликованную в “Журнале геополитики”, Ф. Кюль писал: “Европа не создается – ни интеллектом, ни мечом; она рождается”⁶⁸. Тем самым фиксировалось существенное отличие национал-социалистической биополитики от геополитических и международно-правовых идеологических систем, составляющих основу европейских программ прагматического направления в НСДАП. Если первые (биополитики) исходили из иррационально познанных законов природы и натуралистических законов жизни, то вторые (геополитики и правоведы)—главным образом из прагматически понимаемой целесообразности.

Суровая критика шмиттовских идей давалась Ф. Кюлем в подобном разборе статьи профессора Э. Хубера “Новое международное право”, помещенной в газете “Паризер цайтунг” 17 декабря 1943 г. В великом пространстве Хубер усматривал некую целостность, в которой один великий народ, являющийся ее духовным, экономическим и политическим центром, объединяет другие народы “для совместного труда и совместной обороны”. Основными признаками великого пространства были для него основанная на разделении труда экономика, обеспечивающая автаркию, и возможность препятствовать вмешательству пространственно чуждых сил. Полемизируя с профессором Хубером, Кюль подчеркивал, что “справедливая организация народов может возникнуть лишь тогда, когда великое пространство формируется на базе мировоззренчески обоснованной идеи, вытекающей из закона жизни семьи народов”⁶⁹. Потому-то идею семьи народов биополитики считали единственно возможной основой “нового международного права”⁷⁰, в отличие от ограниченной случайностью либо произволом идеи договора в международном праве либеральной эпохи.

В связи с проблемой организации великого пространства Э. Хубер вслед за К. Шмиттом вводил понятие рейха, подразумевая под ним государственное формирование типа Священной Римской империи немецкой нации и рассматривая его как образец в процессе перестройки Европы. Ответом был лишь новый взрыв негодования. В рейхе Шмитта – Хубера биополитики видели всего-навсего политический феномен, по самой своей сути чуждый натуралистическим законам жизни, подлинным великим пространствам, семье народов, а такая позиция, по их твердому убеждению, грозила отходом от осново-

полагающих принципов национал-социализма. Грубую ошибку профессоров международного права Ф. Кюль усматривал в их стремлении распространить идею рейха как чисто политического образования. “Подобная попытка,— предупреждал он,— наверняка закончится пространственным империализмом. Напротив, ведущее положение рейха в новой Европе будет покоиться... прежде всего на возникающем новом европейском мировоззрении”⁷¹, исходный момент которого опять-таки составляет идея европейской семьи народов.

Кроме того, в противоположность Хуберу Кюль полагал, что идея рейха не в состоянии объединить Европу по-настоящему, ее можно использовать только для преобразования пространства, населенного германцами. Но ведь существуют еще народы Средиземноморья и Восточной Европы. Вот почему сплотить весь континент в подлинное сообщество способна лишь идея биополитической семьи народов как всеохватывающая европейская идея⁷².

В качестве альтернативы геополитикам и правоведам биополитики сформулировали собственные методологические правила, казавшиеся им теперь более точными, чем даже методы познания, разработанные в свое время О. Шпенглером и Ф. Ницше. В годы войны Дайц критиковал Ницше за... непоследовательную переоценку всех прежних духовных ценностей, вполне объяснимую, впрочем, тем, что у Ницше “отсутствовала биополитическая идея (закон автаркии как закон, регулирующий нормальное течение всех естественных форм жизни), а тем самым понимание истинной причины распада всех жизнеспособных... организаций” в XIX веке. Вот почему в разложении всего и вся Ницше обвинял христианство, совершив тем самым крупную методологическую ошибку. Вовсе не христианство, полагал Дайц, было “конечной причиной разложения, а современный английский либерализм. Он, как английская болезнь, способствовал ослаблению Европы”⁷³.

Чтобы преодолеть ошибку Ницше, Дайц предлагал выйти за пределы “диалектической переоценки всех ценностей” и заняться “новой оценкой всех ценностей, обоснованной законами жизни”. “Наша формула гласит,— пояснял нацистский теоретик,— не “Христос и антихрист”, не “человек и сверхчеловек”, а иное: “Ценно все то, что укрепляет и сплавливает соответствующие законам жизни формы, и не имеет ценности все, что ослабляет и разлагает формы, соответствующие законам жизни”⁷⁴. Ключом к новой оценке всех ценностей являлся трактуемый в биополитическом духе закон автаркии.

Шпенглера и его единомышленников в нацистском рейхе биополитики критиковали за их “органическое” мировоззрение, в соответствии с которым всякая организация людей, народов, семей народов подобна организму, то есть состоит из самостоятельных частей, управляемых из центра. Любой организм

всегда строится по иерархическому принципу. Кроме того, организм рождается, а когда приходит время, умирает; его существование ограничено временными рамками.

Такой подход биополитиков, понятно, не устраивал. Семью народов они представляли не органическим, а биологическим образованием, динамической системой, сходной по структуре и функциям с планетной системой, в которой царит “естественная демократия”. “Органические” методы познания Шпенглера преодолевались ими посредством “биологического” мышления, Дайц писал: “Не “органическое” мировоззрение, как у Шпенглера, который мыслил иерархически и вследствие этого вынужден был предсказать гибель Запада, а биологическое мировоззрение... дает непоколебимую, основанную на законах природы, веру в возрождение Запада”⁷⁵.

После краткого изложения методологических приемов, применявшихся нацистскими ортодоксами и прагматиками, мы вплотную подходим к пониманию разницы в их взглядах на проблему перестройки Европы. Если идеи рейха, невмешательства пространственно чуждых сил и другие идеи правоведов и геополитиков легли в основу политической концепции европейской конфедерации, то биополитические идеи – в первую очередь идея семьи народов – оплодотворили концепцию европейского социализма. В первом случае великогерманский рейх становился руководящим государством конфедерации как сильнейшее государство Европы. Во втором случае его положение ядра системы европейского социализма вытекало из иррациональных биополитических законов. Евроконфедеративная программа “империи” Риббентропа была по своему характеру сугубо прагматической, направленной на преодоление чрезвычайных трудностей, с которыми Германия столкнулась в последние годы мировой войны. Евросоциалистическая программа “империи” Розенберга, несомненно, также учитывавшая суровые для рейха реалии войны, все же в гораздо большей степени сочеталась с натуралистическим мировоззрением национал-социализма. По своему характеру она была ортодоксальной и в этом смысле более традиционной, чем риббентроповская. Но в чем суть концепции европейского социализма? Как и кем она разрабатывалась? Как повлияла на внутривнутриполитическую и идеологическую ситуацию в рейхе в конце войны?

Можно утверждать, что формированием программы европейского социализма занималась команда В. Дайца под наблюдением и при поддержке Розенберга⁷⁶. В команду Дайца входили сотрудники отдела по решению специальных задач во внешнеполитическом бюро НСДАП (упраздненном вместе с некоторыми другими ведомствами в январе 1943 г. в связи с поражением

вермахта под Сталинградом⁷⁷), а также Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики и особенно Центрального исследовательского института организации национальной экономики и экономики великого пространства (его все чаще стали называть Институтом Европы). Находившиеся в подчинении Дайца учреждения развили в последние годы войны бурную деятельность, некоторые ее результаты публиковались в издаваемых институтом “Сообщениях”, в серии монографий по европейской тематике⁷⁸, книгах и статьях самого Дайца.

Уже одни названия дайцевских статей (“Народный социализм и европейский социализм”, “Родина и Европа. Свобода народов в европейском единстве”) и книг того времени (вспомним лишь две из них – “Жизненное пространство и справедливая организация мира. Основы антиатлантической хартии” и “Возрождение Европы с помощью европейского социализма. Европейская хартия”)⁷⁹ свидетельствовали не только о настойчивых попытках обоснования евросоциалистической концепции, но и о непомерных амбициях их автора, стремившегося превратить свою систему взглядов в официально признанную внешнеполитическую программу нацистского рейха.

Под европейским социализмом в “империи” Розенберга понимали обусловленные биополитическими законами подлинного жизненного пространства социальные отношения внутри европейской семьи народов. К таким законам относились законы биологической гравитации, автаркии, образа жизни, вырождения и перерождения и, самое главное, европейский нравственный закон. Все они, сформулированные в свое время В. Дайцем, составляли теперь мировоззренческое основание концепции европейского социализма.

Умиротворить Европу, утверждал Дайц, в состоянии лишь народы, организованные в соответствии с законами жизни. Есть лишь три “естественные” организации человеческой жизни—отдельная семья, семья одного народа и семья народов одной расы. Только и них люди рождаются, и покинуть их можно только ценой жизни. Только в них формируются подлинные социальные отношения между людьми. Это биополитические реальности, в недрах которых покоятся “законы всякой истинной политики, всей тотальной, творческой формы совместной человеческой жизни”⁸⁰. Именно потому они являются “первичными формами всякого истинного социализма”. “фундаментом жизненно-законного преобразования” европейской семьи народов.

Все остальные формы организации людей вторичны, второстепенны и, следовательно, несоциалистичны. “Они произошли не из природы и, таким образом, не являются априори нравственными... а получают правовое

содержание лишь задним числом”⁸¹. Они всегда возникают по каким-то утилитарным, своекорыстным соображениям, в результате абстрактной деятельности интеллекта, а не действия жизненных закономерностей. Они представляют собой либо добровольные соглашения, либо принудительные организации, в которые можно в любой момент войти и которые можно покинуть, как только изменится соотношение сил. Кроме голой силы, их ничто не удерживает. Потому они переменчивы, преходящи и в конце концов ведут мир к хаосу.

“Социализм есть сосуществование людей в соответствии с законами жизни”⁸², — поучал В. Дайц. “Подлинный социализм, — писал он в статье “Жизненное пространство и его законы”, — всегда возможен только в отдельной семье, народной семье и в семье народов, ибо лишь в них существует естественная целостность жизни и ее плодотворное напряжение... В силу этого существует только социализм отдельной семьи (который разумеется сам собой), социализм народной семьи (национал-социализм) и, в-третьих, социализм великого пространства (социализм семьи народов), который... был сознательно... провозглашен мною в качестве основного конституционного закона новой Европы”⁸³. Именно на законах жизни европейской семьи народов покоились основы обнародованной биополитиками антиатлантической европейской хартии.

В длинной цепочке дайцевских законов жизни, ведущих к европейскому социализму, последним звеном был европейский нравственный закон, без понимания которого останется неясной в общем-то довольно примитивная схема социальных отношений внутри европейской семьи народов. Чем же мотивировали биополитики необходимость общеконтинентальной нравственности? Они исходили из того, что связь человека со своей семьей и собственным народом представляет собой плодотворную полярность, установленную самой природой. Как только эта связь осознается и становится основой всех желаний и поступков, начинает действовать нравственный закон, названный Дайцем “великой хартией вольности естественного социализма” — как в отдельной семье, так и в семье одного народа⁸⁴.

Но народы европейского континента — не изолированные общности. существующие сами по себе. Все вместе они составляют биополитическую общность высшего типа, в которой так же, как и в отдельной или народной семье, существует плодотворное напряжение между отдельным народом и семьей народов как целым. Следовательно, и в европейской семье народов действует нравственный закон, требующий, чтобы каждый народ подчинялся общему интересу семьи народов в соответствии с лозунгом: “Общее благо выше корыстолюбия”. Будет соблюдена европейская нравственность — станет явью

европейский социализм. Действующий на континенте нравственный закон провозглашался биополитиками основным законом европейского социализма⁸⁵.

Европейский нравственный закон обязателен для всех членов европейской семьи народов. Во имя общего блага “новой Европы” надо поступиться многим, даже государственным суверенитетом, который должен быть приспособлен к нравственному закону. Ведь для каждого народа важен не формальный государственный суверенитет, придуманный либералами и разрушающий “естественную биологическую и нравственную связь”, натуралистическую целостность европейской семьи народов, а суверенитет народный, который способен сохранить самое святое, что только есть у народной общности—ее образ жизни. Народный суверенитет выше государственного потому, утверждали биополитики, что сберегает индивидуальность, своеобразие и неодинаковость каждого народа, а на “творческом неравенстве” людей и народов как раз и зиждется подлинный социализм. Поэтому “существует не только право, но и обязанность на народность”⁸⁶. Европейская семья народов может быть сильной лишь тогда, когда сильны составляющие ее народы, и наоборот, чем сильнее каждый народ, тем крепче вся европейская семья. Нельзя изгнать из семьи хотя бы один “народ-личность”, не подвергая разрушению всю систему, целостность семьи народов⁸⁷.

Только после биополитической перестройки Европы на принципах подлинного социализма В. Дайц считал возможным воссоздание государственного суверенитета нового типа, служащего общему благу семьи народов и европейской нравственности. Идеалом национал-социализма является “не унифицированный европеец, а прочное европейское размежевание в нерушимых рамках семьи народов. И только отсюда затем вновь разовьются новые государственные суверенитеты... как выражение суверенитетов народных. Они не будут больше служить... как прежде, ослаблению народностей – и тем самым ослаблению европейской семьи народов, а укреплению обеих”⁸⁸. Одновременно на качественно новый уровень поднимется и европейский социализм.

В начале 1944 г. В. Дайц опубликовал книгу “Возрождение Европы с помощью европейского социализма. Европейская хартия”, представлявшую собой своеобразный пример воинствующего нацизма и вместе с тем определенный итог биополитических изысканий автора: в ней было синтезировано все то, что им было написано прежде. Евросоциалистическая идея занимала в книге центральное место. Положение о “естественных социальных отношениях”, существующих только в отдельной семье и семье народа, но и в европейской семье народов, Дайц назвал квинтэссенцией сочинения⁸⁹.

Поставленные в работе идеологические проблемы (борьба с “империалистическими” системами—либерализмом Запада и большевизмом Востока; развитие мировоззрения национал-социализма в полемике с прагматическими взглядами в самом рейхе) служили ясно выраженной политической цели—путем изложения, так сказать, “позитивной” национал-социалистической программы для Европы (пусть даже неофициальной!) во что бы то ни стало завоевать у массы населения союзных, нейтральных и оккупированных стран симпатию к Германии, укрепить тем самым ее европейские позиции и создать благоприятные условия сначала для того, чтобы соотношение сил между воюющими сторонами изменилось в пользу рейха, а затем для окончательной победы в войне и перехода к “новому европейскому порядку”.

В своей книге В. Дайц стремился с позиций биополитики доказать, что вторая мировая война была порождена отнюдь не бессмыслицей, а глубоким смыслом, связанным с необходимостью преобразования мира на совершенно новых мировоззренческих началах; с этой точки зрения война—не причина, а следствие глобальной перестройки духа. “Мы хотим,— писал он в предисловии,— попытаться из новой картины мира... выявить принципы жизнепространственного, антиимпериалистического мирового порядка в форме европейской хартии... И продвинуться... к европейскому социализму”⁹⁰.

Оказывается, однако, что правильный путь к конечной цели сопряжен с точным следованием законам жизни, которые нельзя изобрести, но можно только интуитивно почувствовать. “Новая Европа” как политическая идея станет поэтому реальностью только тогда, когда европейские политики, отринув старые ценности, воспримут новое биологическое мировоззрение. Попутно Дайц расправился с геополитическими и правовыми представлениями нацистских прагматиков, которых он критиковал за склонность к уступкам универсальной идеологии прежних времен, нашедшей свое законченное выражение в Атлантической хартии⁹¹.

Задавшись целью “познать европейскую семью народов в качестве развивающегося по своим собственным законам самостоятельного субъекта европейской истории”⁹², биополитик обратил внимание на то, что со времени великих географических открытий Европа как единая целостность распалась на фальшивые великопространственные связки: Западная Европа—Америка и Восточная Европа—Центральная Азия. Распад был вызван утратой связи европейцев с кровью и почвой своего жизненного пространства и, как следствие этого, империалистическим мышлением. Оторвать Западную Европу от Америки и Восточную Европу от неестественных отношений с Центральной Азией,

возродить таким образом биологическую целостность европейской семьи народов, одновременно восстановив подлинный образ жизни каждого народа,— вот, по Дайцу, единственный способ приблизиться к европейскому социализму, к мирной организации Европы и всего мира. Именно в этом процессе, который уже начался, он усматривал глубинный смысл второй мировой войны. С точки зрения национал-социализма вообще и биополитики в частности, именно в войне рождалась европейская нравственность, без которой-де немислим подлинный социализм.

В одном из параграфов своей книги, который так и назывался — “Европейская хартия: европейский социализм”, В. Дайц сформулировал своего рода биополитический кодекс нравственных отношений в формирующейся “новой Европе”. “Европейский нравственный закон...— писал он,— обязывает европейские народы вступать в социальные отношения друг с другом. Говоря конкретно: во-первых, взаимно уважать свою равную народную честь и различия, обусловленные образом жизни; во-вторых, оказывать взаимное предпочтение друг другу в политической, экономической, культурной и социальной сферах—в отличие от отношений с народами, принадлежащими другим семьям народов; и, в-третьих, совместно защищать свое великое жизненное пространство от внешней опасности. В итоге, стало быт-, подчинять свое народное или национальное корыстолюбие общему благу своей семьи народов”⁹³. Эти три основных обязанности европейского социализма характеризовались Дайцем как “основы любой возможной европейской хартии”.

Европейский моральный кодекс, да и вообще вся евросоциалистическая проблематика буквально толкали Дайца к дальнейшему развитию биополитической концепции “нового порядка”, а тем самым и национал-социалистического мировоззрения как такового. Отнюдь не случайно именно к этому времени (лето 1944 г.) относятся его слова о том, что нацистское мировоззрение, “надо надеяться, не является еще окончательным и завершенным” и потому приходится идти непроторенной колеей⁹⁴. После окончания работы над книгой “Возрождение Европы с помощью европейского социализма” он приступил к подготовке статьи под примечательным заголовком “Новый Антимакиавелли”, в которой собирался обратиться исключительно к “философии автаркии”⁹⁵. Новому осмыслению подвергся также закон биологической гравитации, другие законы жизни.

Закон автаркии, рассматриваемый в философском плане, представлялся теперь, с вершин европейского социализма, не только высшим законом существования всякой человеческой общности, но и высшим нравственным законом. Европейский нравственный закон есть, следовательно, не что иное,

как проявление закона автаркии в сфере желаний и поступков⁹⁶, ибо любая общность – европейская семья народов в том числе – в состоянии выполнить закон автаркии, лишь признавая приоритет “общего блага”. В трактуемом таким образом законе автаркии и в вытекающем из него европейском, нравственном законе Дайц видел “рычаг для тотального переворота”, для новой оценки всех ценностей с позиций евросоциализма.

В несколько ином свете, чем раньше, предстал теперь и тесно связанный с законом автаркии другой биополитический закон – биологической гравитации. Известную нам формулу – категорический императив “этического европейского социализма” (“Общее благо европейской семьи народов выше корыстолюбия отдельных составляющих ее народов”) – Дайц дополнил важным положением о том, что и “утрированное общее благо” не должно разрушать “источник жизни общности, а также индивидуальность отдельного человека, отдельной семьи и семьи народа”⁹⁷.

Такая постановка проблемы была в национал-социализме новой. Она позволяла прийти к заключению о принципиальной невозможности построения “естественного социализма” в одной, отдельно взятой народной общности без наличия надстройки в виде европейского социализма, то есть без покоящихся на биополитических законах социальных связей между европейскими народами. На этой основе возникал важный вывод – европейский социализм невозможен без национал-социализма, но и национал-социализм невозможен без европейского социализма. Провалится идея европейского социализма – автоматически потерпит крах германский национал-социализм. Вот почему на качественно ином уровне ставился вопрос об экспорте нацистских идей – теперь уже в форме европейского социализма – и об экспансионистской международной политике национал-социалистического рейха. Деятельность “Коричневого интернационала” казалась теперь, в конце войны, явно недостаточной.

Бросая ретроспективный взгляд на предвоенную ситуацию в Европе, Дайц с сожалением констатировал, что европейский аспект “естественного социализма” в Германии почти полностью игнорировался; единственное исключение составляла, пожалуй, “империя” Розенберга. Последний, по словам Дайца, был “одним из очень немногих, кто с самого начала сознавал европейский аспект национал-социализма и хотел нацелить на него внутреннюю и внешнюю политику (рейха.—В. Б.). ...Только во внешнеполитическом бюро НСДАП,— утверждал биополитик,— проводилась в свое время европейская и тем самым подлинная внешняя политика”⁹⁸. “Подлинная национал-социалистическая внешняя политика,— писал он, обращаясь к Розенбергу,— проводилась только вашим внешнеполитическим бюро, а не министерством иностранных дел”⁹⁹.

Со своей стороны, как полагал В. Дайц, ни итальянский фашизм, ни испанский фалангизм, ни движения Квислинга, Муссерта и т. д. также не уделяли до войны должного внимания европейской проблематике, руководствуясь лозунгом “фашизм – не экспортный товар” и наивно полагая, будто смогут победить в одиночку, вне рамок европейской общности. На самом деле это не так. Конечно, биополитическое обновление осуществляется каждым народом только присущим ему образом жизни и свойственными только ему путями. “Но они должны быть в принципе всегда одинаковыми. Признавать это как раз и является сущностью общеевропейской революции и ее нравственной обязанностью”. Из непризнания же Европы “общей нравственной обязанностью” возникли “многие внешнеполитические ошибки последних 15 лет”¹⁰⁰. Своими, на первый взгляд, абстрактными рассуждениями Дайц призывал, в сущности, к усиленному экспорту идей национал-социалистического евросоциализма в надежде не допустить поражения Германии во второй мировой войне.

Одними идеями дело, однако, не ограничивалось. В 1943—1944 гг. Дайц предпринял практические шаги с целью воплощения в жизнь своей евросоциалистической концепции. Сфера его интересов распространялась на всю Европу, как на Восточную, так и на Западную. В письме Розенбергу от 30 июня 1943 г. он подчеркнул, что из идеи биополитической общности европейских народов вытекают в высшей степени важные политические выводы относительно обращения с народами Восточной Европы – их следует рассматривать как “более-менее близких, членов общей европейской семьи народов”. Используя тезис о европейском социализме, Дайц вместе с сотрудниками управления военной пропаганды ОКВ подготовил несколько листовок, которые были распространены в лагерях для военнопленных и на Восточном фронте уже в октябре – ноябре 1942 г., и, кроме того, сформулировал “принципы движения Власова”, знаменовавшие, как без излишней скромности заявлял биополитик, “поворот в практической восточной политике” Германии¹⁰¹. Одновременно команда Дайца готовила материал для пропаганды среди советских людей, насильственно угнанных на принудительные работы в рейх, разрабатывала другие планы подобного рода.

В целях реализации евросоциалистических идей в восточноевропейском пространстве Дайц вознамерился образовать так называемый Специальный отдел Восток, который в рамках партийно-государственной “империи” Розенберга занимался бы вопросами “духовного руководства восточными народами”, унификации пропаганды и политики рейха в Восточной Европе, сотрудничества в этой сфере с заинтересованными германскими ведомствами,

в первую очередь с ОКВ, аппаратом уполномоченного по использованию рабочей силы, Немецким трудовым фронтом. Дайц даже составил проект распоряжения Розенберга на этот счет¹⁰², но согласия на образование Специального отдела Восток, кажется, не получил. В то время на роль монополиста в восточных делах в розенберговской “империи” претендовал оперативный штаб для оккупированных территорий, руководители которого в то же время тесно сотрудничали с Дайцем в Западной Европе¹⁰³. Все более отчетливо проявлялось разделение труда – оперативный штаб опекал преимущественно восточную часть континента, а команда Дайца – западную.

Вот почему в Голландии, Бельгии и особенно в вишистской Франции (сотрудничеству с которой после сокрушительных поражений вермахта на Восточном фронте в Берлине придавали первостепенное значение) деятельность проповедников нацистского евросоциализма оказалась более результативной. Любопытно, что при проведении своей западной политики Дайц опирался не только на поддержку Розенберга, но и на помощь германского посла в Париже Абеца, командующего Западным фронтом генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, командующего немецкими войсками во Франции генерала фон Штюльпнагеля, начальника военной администрации оккупированных французских территорий министерства-директора Михеля и др. Не меньшую заинтересованность в сотрудничестве с Дайцем и Розенбергом проявляли члены вишистского правительства (министр производства Бишелоннэ, статс-секретарь министерства информации Люшер и некоторые другие), его дипломатические представители в Берлине (посол граф де Бринон), а также коллаборационисты, группировавшиеся вокруг движения “Коллаборасьон. Объединение французских сил за континентальный союз”¹⁰⁴. Все они, как за соломинку, хватались за дайцевские идеи европейского социализма.

Получив согласие Розенберга, Дайц уполномочил бывшего сотрудника внешнеполитического бюро НСДАП Г. Эберта представлять свои интересы в Париже. Пропаганда Эбертом евросоциалистических идей, его переговоры с французскими коллаборационистами привели к тому, что 3 января 1944 г. правительство Виши учредило межведомственный Центр экономических исследований, попечителем которого стал Бишелоннэ. Сотрудники центра были уполномочены изучать проблемы автаркической организации экономики, франко-германского сотрудничества, экономики великого европейского пространства, то есть вопросы, которыми занималась команда Дайца. С самого начала научные изыскания центра ориентировались на тесное взаимодействие с дайцевским Центральным исследовательским институтом организации национальной экономики и экономики великого пространства¹⁰⁵, едва замаскированным филиалом которого и был, по существу, вишистский центр.

Одновременно Эберт вел переговоры о создании во Франции общества, аналогичного Обществу европейского экономического планирования и великопространственной экономики, пост председателя правления в котором, как мы помним, принадлежал В. Дайцу. С французской стороны в переговорах участвовал все тот же министр производства Бишелоннэ. Вскоре пришли к договоренности об учреждении французского Общества научного исследования великого пространства, находящегося в персональной унии и деловом контакте с организацией Дайца¹⁰⁶.

Тогда же, в начале 1944 г., по инициативе В. Дайца вишистское правительство образовало “Европейское издательство”, на паритетных началах возглавлявшееся Эбертом и Люшером. Предполагалось установить сотрудничество вновь созданного французского издательства с издательством Майнхольда в Дрездене, которое специализировалось на издании сочинений Дайца, а также материалов Общества европейского экономического планирования и Института Европы. В качестве первого перевода на французский язык готовилась речь Розенберга “Европейская духовная свобода”¹⁰⁷.

Все три французских новообразования – Центр экономических исследований. Общество научного исследования великого пространства и “Европейское издательство” – представляли собой направляемую из единого центра организацию. В связи с возросшими задачами по пропаганде идей европейского социализма во Франции, Голландии. Бельгии и других странах дайцевский Институт Европы принял расширенную исследовательскую программу¹⁰⁸, суть которой сводилась к дальнейшей разработке евросоциалистической концепции национал-социализма на основе углубленного освоения биополитических законов; последние же Дайц стремился уравнивать с законами, действующими в естественных науках. Как он писал. “сфера неорганического управляется нерушимыми законами природы, сфера органического – неопровержимыми биологическими законами, а сфера социального сосуществования – столь же неизменными законами жизни, которым должна следовать человеческая воля. Эти три группы законов являются законами бытия, вечной жизни всего сущего”¹⁰⁹.

В конце февраля – начале марта 1944 г. В. Дайц находился в Париже, где прочитал серию лекций по двум темам. С лекцией “Возрождение Европы из закона жизни европейской семьи народов” он выступил в германском посольстве, перед офицерами Западного фронта и на собрании вишистских журналистов. В ней повторялись уже известные нам идеи. Новыми были положения лекции “Континентальная политика Наполеона как предтеча европейской политики рейха”¹¹⁰, прочитанной активистам движения “Коллаборасьон”.

Наполеон был назван первым государственным деятелем Нового времени, предпринявшим попытку объединения Европы. Однако путь к этой цели он видел через европейскую конфедерацию, то есть через абсолютизацию государственного суверенитета, а государственная форма не была наполнена им биологическим содержанием;—народной общностью. “Поэтому,—подчеркивал биополитик,— Наполеон оказался в зависимости от чисто империалистической концепции пространства... Он хотел создать не подлинное европейское жизненное пространство, а... пространственное господство европейского континента”¹¹¹. Острые дайцевской критики направлялось, разумеется, не против Наполеона, а против Риббентропа с его программой европейской конфедерации.

Другая ошибка Наполеона состояла, по Дайцу, в том, что он “двинулся в Россию без предварительного разобщения там политических сил”. Но таким способом покорить Россию невозможно. Вот почему наполеоновская политика характеризовалась вектором как “детская болезнь внутри великого процесса европейского возрождения”. Хотя ее нельзя сопоставлять с европейской политикой нацистского фюрера, она все же была необходимым первым шагом в направлении объединения Европы¹¹².

Ознакомившись с отзывом о лекции Дайца, написанным руководителем главного управления “Литература” в аппарате уполномоченного по контролю за духовным и мировоззренческим обучением и воспитанием членов НСДАП Б. Пайром¹¹³ а также с текстом самой лекции, опубликованной на французском языке в журнале “Коллаборасьон”¹¹⁴ Розенберг пришел к заключению, что она “очень хорошо подходила французам”, но вместе с тем запретил переводить ее на немецкий язык, поскольку “с нашей стороны Наполеон... по необходимости должен рассматриваться иначе, чем во Франции”¹¹⁵. Как бы то ни было, французские сюжеты появились в выступлениях Дайца не случайно. В них нашло отражение все возраставшее стремление нацистского руководства представить вишистскую Францию равноправным союзником гитлеровской Германии. Таким образом в Берлине хоть в какой-то мере пытались компенсировать потерю других военно-политических союзников рейха, в особенности фашистской Италии.

Оценка дайцевской лекции была бы далеко не полной, если бы мы не коснулись той ее части, в которой шла речь о новой европейской политике, начатой, по утверждению В. Дайца, державами антигитлеровской коалиции на заключительной фазе мировой войны. Биополитик обвинил СССР и США в заимствовании национал-социалистических идей. “Сталин...— заявил он,— пытается создать новую организацию восточноевропейского пространства путем заимствования национал-социалистической идеи о праве народов на свободное

национальное развитие... И точно так же Рузвельт стремится разрушить Европу, в то время как он вынужден перенять экономические идеи национал-социализма. Оба они с непоколебимой необходимостью закона природы погибнут из-за этих внутренних противоречий”¹⁶.

Подобные заявления шокировали даже хорошо знавших Дайца сотрудников розенберговской “империи”. Тот же Пайр, например, в своем уже упоминавшемся отзыве о лекции Дайца писал, что в оценке политики Сталина и Рузвельта тот заходит слишком далеко.

“Его оптимизм в этих вещах отраден,— продолжал Пайр,— однако мне представляется опасным оперировать формулировками, которые представляют собой только результаты хорошо продуманной теории, но не могут сразу же прийти в соответствие с действительностью. В связи с этим можно лишь упомянуть об оккупации Северной Африки американцами”¹⁷. Тем не менее призывы более реально смотреть на вещи лишь подстегивали Дайца к дальнейшим изысканиям в области европейского социализма.

Подобно тому как прагматическая концепция европейской конфедерации подпиралась идеями европейского экономического сообщества, нового европейского социального порядка и т.п., к ортодоксальным идеям евросоциализма вплотную примыкали политико-идеологические системы взглядов на преобразование Европы, разрабатывавшиеся в конце второй мировой войны в «других подразделениях розенберговской “империи”». Среди них следует упомянуть в первую очередь “европейский план” оперативного штаба для оккупированных территорий.

2.4. “Европейский план” оперативного штаба Розенберга

На заключительной фазе войны большое значение в розенберговской “империи” приобрела деятельность оперативного штаба для оккупированных территорий, игравшего важную роль в организации идеологической борьбы с “международным большевизмом”. В принятом еще в 1941—1942 гг. “Восточном плане” перед оперативным штабом были поставлены три главные задачи: во-первых, “изучать большевизм как мировоззренческую силу”; во-вторых, “представить доказательства большевистских приготовлений к войне”: в-третьих, “исследовать военный потенциал большевизма”¹⁸. Наряду с немецкими специалистами к выполнению “Восточного плана” широко привлекались лица, перешедшие на службу фашистской Германии и нашедшие приют в оперативном штабе.

Нового уровня достигла антисоветская работа штаба в начале 1944 г. По распоряжению Розенберга 1 февраля руководитель особого штаба “Наука” Г.

Хэртле был уполномочен возглавить “духовное столкновение с большевизмом” в рамках всей розенберговской “империи”. Составленный Хэртле план действий предусматривал “далеко идущее привлечение немецкой науки к изучению проблемы марксизма-большевизма”¹⁹, причем “Восточный план” оперативного штаба являлся, по словам Р. Прокша, частично предпосылкой, частично дополнением в решении этой задачи.

План Хэртле подробно обсуждался на рабочем совещании оперативного штаба, состоявшемся 5—7 мая 1944 г. в Ратиборе. Давая ему общую оценку. Прокш заявил в своем выступлении, что план представляет собой “грандиозное политическое поручение немецкой науке”, в котором центр тяжести переносится на “широкое исследование исторических основ (исторический марксизм) и, по возможности, на столь же фундаментальное исследование современного большевистского эксперимента в его “нынешних духовных основаниях”, а также в практических результатах... Постановка проблемы и задач в плане Хэртле,— продолжал Прокш,— является общеевропейской, то есть необходимо найти и освоить для решения этого вопроса все европейские источники”²⁰. С этой целью к выполнению плана привлекались главные рабочие группы оперативного штаба, действовавшие как на Востоке, так и на Западе Европы.

Судя по всему, оперативный штаб Розенберга выступал в роли генерального заказчика, занимаясь общей постановкой проблем, распределяя конкретные темы между исполнителями, обеспечивая их необходимыми источниками. План Хэртле охватывал такие вопросы, как экономическое положение европейских стран, социальная и политическая обстановка в них, социологический анализ народов континента и многое другое – и все это должно было послужить основой для принятия политических решений на уровне высшего руководства рейха.

Сложность и многогранность задач потребовали образования специального координационного органа под руководством Хэртле. В июне 1944 г. в оперативном штабе обсуждался вопрос об учреждении Института по исследованию большевизма²¹. Чуть позже эта идея воплотилась в Рабочем сообществе по изучению всемирной опасности большевизма, которое как раз и занималось определением конкретных исследовательских тем, назначением научных руководителей и разработчиков. Среди многих других экспертов к работам был привлечен, например, специалист по вопросам великого европейского пространства профессор Р. Хён, не только сам согласившийся на сотрудничество с Рабочим сообществом, но и изъявивший готовность предоставить в его распоряжение научных сотрудников руководимого им Сообщества специалистов в области государственного , права – предполагалось, что они займутся изучением государственного и административного права СССР²².

Видимо, в таких же отношениях находился оперативный штаб с так называемым Центром по изучению Восточной Европы, образованным еще 15 июля 1943 г. при имперском министерстве по делам оккупированных восточных областей. Центр, во главе которого был поставлен профессор фон цур Мюлен, координировал работы институтов и прочих учреждений в сфере исследования восточного пространства и готовил рекомендации для правительственных органов¹²³. На учредительном собрании Центра по изучению Восточной Европы присутствовали представители партийных, государственных и научных структур, в том числе сам Розенберг, выступивший там с пространной речью. Среди приглашенных был и профессор Хён.

На исходе второй мировой войны самые тесные связи сложились между оперативным штабом и Институтом континентальноевропейских исследований, возглавлявшимся выходцем с Кавказа профессором А. Никурадзе. 19 мая 1944 г. Никурадзе представил Розенбергу план дальнейшей работы института. В нем фиксировалось семь пунктов – изучение специфических проблем развития северных регионов Восточной Европы, а также Прибалтики, Белоруссии, России, Украины, территории проживания казаков, Кавказа (получившего в плане определение “остмарка Европы”) и Туркестана. Поставленными Никурадзе вопросами затрагивались история, экономика, национальная политика и даже искусство восточноевропейских стран¹²⁴. По просьбе Розенберга оперативный штаб выделил для института Никурадзе необходимые источники и литературу¹²⁵. Деятельность Института континентальноевропейских исследований великолепно вписывалась в план работы Г. Хэртле.

Под руководством оперативного штаба Розенберга в конце второй мировой войны в гитлеровском рейхе была проведена крупная антисоветская и антиевропейская пропагандистская акция, участниками которой были немецкие профессора – специалисты по вопросам марксизма, СССР, другим европейским странам, научные работники в области международного права, политики, экономики, социальных и межнациональных отношений и т.д. К концу 1944 г. общее количество разработок оперативного штаба перевалило за 5000, из них только в 1944 г. было составлено 1087 экспертиз объемом в 16 522 страницы¹²⁶. Материалами оперативного штаба охватывался весь европейский континент. Их постоянно использовали партийные инстанции, ОКБ, эсэсовская “империя” Гиммлера, органы информации и пропаганды, университеты и институты, не говоря уже о подразделениях самой “империи” Розенберга¹²⁷. Авторы и составители материалов, акцентируя внимание на “всемирной опасности большевизма”, стремились сделать все возможное для еще более активной пропаганды идеи “объединенной Европы” нацистского образца.

Поэтому неудивительно, что в течение 1944 г. в оперативном штабе Розенберга зрел некий “Европейский план”, подготовка которого связана с именем начальника главной рабочей группы “Украина” Р. Прокша. В беседах Прокша с Мюке, Гранцином, Шпеером, Рихельтом, Майером и другими сотрудниками штаба постепенно выкристаллизовались первые четыре пункта будущего “Европейского плана”: “1. Национально-политическое исследование народов, составляющих основание соответствующих пространств, с целью определения их психологии, расовой субстанции, биологической силы, социологической структуры и общих социально-экономических условий. 2. Исследование автохтонных сил пространства (европейского—В. Б.) в их исторической обусловленности, историческом развитии и значении в настоящее время. 3. Исследование влияния пространственно чуждых сил в их исторической обусловленности и историческом развитии... 4. Исследование ныне существующего политического взаимодействия сил (большевизм, католическая церковь, американизм: силы, личности, политические программы, цели, точка зрения на государство, организации и т.д.)”²⁸. На основе этих четырех пунктов Прокш уже к осени собирался подготовить подробный “Европейский план” оперативного штаба.

Наряду с составлением “Европейского плана” в последние месяцы 1944 г. в оперативном штабе для оккупированных территорий велись интенсивные подготовительные работы по созданию Специального штаба для решения мировоззренческих вопросов, касающихся Европы. Его начальником Розенберг назначил Г. Мухова, руководителя главной рабочей группы “Бельгия – Северная Франция”, того самого Мухова, который помогал Дайцу в распространении идей европейского социализма на западе континента. Поставленная перед новым образованием задача могла иметь, как выразился начальник оперативного штаба Утикаль, “решающее значение для духовной реорганизации Европы”²⁹. Уточняя это положение на служебном совещании 16 декабря, он сказал буквально следующее:

Низвержение врагов и в особенности завоевание мира зависят... не только от военных и экономических мероприятий. Действительно прочной перестройке Европы можно способствовать лишь тогда, когда нам удастся дать этой новой Европе правильные духовные и культурные основания... Вслед за фюрером рейхслейтер Розенберг... может дать Европе великую концепцию, необходимую для реорганизации”. И дальше: “От нашей работы и активности зависит, будет ли эта концепция претворена в жизнь и, следовательно, возьмут ли во всемирно-историческое время руководство в новой Европе силы, лучшие в расовом и производительном смысле, или она будет уничтожена в большевистском

хаосе”¹³⁰. Оговорка относительно “всемирно-исторического времени” была отнюдь не случайной, она свидетельствовала о том, что руководители оперативного штаба, сознавая скорое поражение нацистского рейха, носились с идеей сохранения национал-социалистической идеологии в послевоенной Европе.

Отправным пунктом на пути к “великой концепции” оперативного штаба стало переосмысление целей, поставленных Германией во второй мировой войне, а само это переосмысление было предопределено катастрофическими для рейха последствиями Сталинградской битвы. Если раньше главной целью войны называлось завоевание жизненного пространства, по меньшей мере равного территории европейского континента, то теперь, на исходе войны, эта цель была отодвинута на второй план. Если на первой фазе войны предпочитали говорить о намеченных захватах нефти и других источников стратегического сырья, о порабощении целых народов и очищении от людей громадных пространств для последующей германской колонизации, то теперь на первый план сотрудники оперативного штаба выдвигали духовные, даже философские цели войны. И все это сочеталось с установками Розенберга.

Вопрос о глубинном смысле второй мировой войны Р. Прокш поставил в одном из своих писем уже 25 августа 1943 г. Там он впервые заметил, что война вообще не может вестись за завоевание новых территорий или, к примеру, за овладение новыми месторождениями руды, угля, нефти и т. д. “За это не умирают”, — патетически восклицал Прокш. Понятно, что продовольствие и промышленное сырье Германии необходимы, и война попутно решает данную проблему, но “все это не является нашей целью... Речь больше не идет только о хлебе, железе и угле, — утверждал он. — Речь идет о субстанции в самом человеке. О лучших человеческих ценностях. О самых глубоких вопросах — о подлинности, истинности в жизни”¹³¹. Что же такое истина? Ответ на данный вопрос давался в полном соответствии с розенберговским “Мифом XX столетия”.

В ряде заметок и писем, относящихся к августу—декабрю 1944 г., Прокш обратил внимание на разную постановку проблем “человек—природа” и “человек — человек” в идеологических системах либеральной демократии и большевизма, с одной стороны, и в национал-социалистической идеологии, с другой. По его словам, США и СССР провозгласили господство человека над природой в качестве новой религии, благодаря чему были ликвидированы связи всего сущего, а на обломках разрушенного природного мира воцарился человеческий произвол. Нарушив гармоническое единство человека с природой, демократия и марксизм не только не приблизились к свободе, но, напротив, отдалились от нее.

По-иному подходит к решению указанных проблем национал-социализм. Для него отношение к “непознанным силам созидания, то есть к богу” является прежде всего вопросом отношения к природе “Истинная религиозность в немецком мире возникла и осталась лишь на почве глубокого благоговения человека перед природой”¹³², — утверждал Прокш. Главную задачу он видел поэтому в восстановлении единства человека и природы, в преодолении таким образом американизма и большевизма и достижении “истинной свободы”.

Как полагали деятели оперативного штаба Розенберга, воссоздание гармонии человека и природы автоматически повлечет за собой изменение отношений между людьми. Вместо эксплуатации человека человеком (как при американизме) и произвола над человеком (что приписывалось большевизму) возродится уважение к человеку, взаимное уважение людей. Такая постановка проблем “человек – природа” и “человек – человек”, восходившая в своих основных чертах к ранним философским построениям Розенберга, оказалась достаточно прочной точкой опоры для переоценки главной цели ведущейся национал-социализмом войны. Конечной целью войны, отмечал Прокш, должно быть возрождение внутренней связи с “силами созидания... и со всем живым”. И чуть ниже: “Вовлечение человека в повсюду действующие законы мироздания; восстановление великой симпатии между человеком и природой, человеком и растением, между человеком и животным; восстановление заботливого и любящего уважения человека к человеку на основе признания... конечного божьего детства всего сущего, — в этом, я думаю, покоится смысл всех отданных сегодня жертв на всех фронтах рейха”¹³³.

Философско-этические упражнения Прокша, типичные, как мы уже знаем, и для других теоретиков розенберговской “империи”, привели его к следующему определению цели войны: “Нашей целью является – отыскать миру добро... Осознать в бытии мира желание бога и поступать в соответствии с ним”¹³⁴. В письме профессору Дубровски от 11 января 1945 г. Прокш призвал немцев подать остальному миру пример построения государства нового типа – “государства заботы, добра, счастливой жизни”¹³⁵. Итак, после войны нацисты обещали устроить всем “счастливую жизнь”.

С подобными же мерками подходил Прокш к вопросам национал-социалистической перестройки Европы. Несмотря на то, что начинался 1945-й год (а может быть, благодаря этому), он говорил о необходимости “нового уважения всех ко всем, всего доброго и ценного ко всему доброму и ценному... Только на такой основе, — полагал он, — может произрасти европейская организация, а в последующем и организация мира... Не посредством эксплуатации и лишения прав, как это мы делаем в настоящее время. А именно

– в меньшей степени политическими методами... скорее, по-человечески”¹³⁶. Фактически на исходе второй мировой войны зарождались элементы еще одной нацистской концепции – национал-социализма с человеческим лицом.

Принцип “взаимного уважения людей” требовал соответствующего переустройства Европы. Подобно Розенбергу и Дайцу, сотрудники оперативного штаба утверждали, что “новая Европа” может быть только и исключительно сообществом сознающих и уважающих себя и других “народных личностей”. “Пришел час Европы,— заявил Прокш, выступая на совещании штаба 17 декабря 1944 г.— Поэтому пора признать: народы Европы очень отличаются друг от друга в духовном и физическом отношении... Мозаика многих возможностей. Но мы не можем отказаться ни от единого камешка в этой мозаике. Если произносится слово “Европа”, подразумеваются они все... Нынешнюю войну за Европу,— продолжал деятель оперативного штаба,— должна сопровождать новая идея. В войнах, которые ведутся за решение идеологических вопросов, всегда побеждают более сильные идеи. В этом заключается духовное поручение рейху”¹³⁷. Вновь затрагивая проблему смысла войны, теперь уже на политическом уровне, Прокш сказал: “Пришла пора Германии определить свою позицию по отношению к народам Европы. Целью является единство многообразия... свобода народов в единстве континента”¹³⁸. То же самое, только в иных условиях, утверждали Розенберг и Дайц в первой половине тридцатых годов. Именно на таком фундаменте строилась розенберговская идея пакта четырех, выдвинутая еще до прихода Гитлера к власти.

По понятным причинам особое внимание в оперативном штабе уделяли Восточной Европе. В отличие от западной части континента, которую, как теперь считали, нужно просто вновь вернуть Европе, на Востоке задача состоит в том, чтобы не только возвратить Европе хотя бы отдельные его фрагменты, но и преобразовать их перед включением в систему “нового порядка”. Достичь же этого можно лишь при условии соблюдения строго сформулированной концепции “новой восточной политики”, основу которой составлял все тот же принцип “уважения к человеку”.

В письме редактору журнала “Ди акцион” М. Видеман от 13 сентября 1944 г. руководитель главной рабочей группы “Украина” признавался: “Как и прежде, я убежден, что мы на Востоке политически провинились и что будущая восточная политика рейха может строиться только на основе уважения к человеку”¹³⁹. Правда, в данном случае уважение к человеку должно обязательно сочетаться со “здоровым признанием качественных пределов”, отделяющих “людей Востока” от “людей Запада”. Задача национал-социализма заключалась, по утверждению Прокша, не в том, чтобы “сеять ненависть, а чтобы убрать из душ

мусор и заботиться о новых народах”, “улучшить характер” восточноевропейских народов, ибо именно с ними, и ни с кем иным, придется заниматься строительством “новой Европы”¹⁴⁰.

В качестве главных программных требований к перестройке восточного пространства Прокш называл предоставление большей инициативы проживающим там народам и их новую социальную организацию на основе уважения к человеку, а также воссоздание единства этнических и государственных границ, чем нацисты пренебрегали на протяжении всех военных лет. Несколько по-иному выглядела теперь и миссия национал-социализма в Восточной Европе. “Мы... должны вести себя,—подчеркивал Прокш,—как советники. я хотел бы почти сказать, как садовники, которые необычайно твердой рукой должны очень хорошо пропалывать разрастающийся сорняк, но вместе с тем в качестве главного поручения и главной задачи должны заниматься воспитанием людей в смысле их... божественного идеала”¹⁴¹. Так в оперативном штабе Розенберга вплотную подошли к вопросу о месте и роли Германии в “новом европейском порядке”.

Проблема эта всегда находилась в фокусе внимания нацизма. Однако теперь, когда война уже была, по существу, проиграна, вынужденно обратились к духовным мотивациям германского лидерства на континенте, к таким понятиям, как “дух” и “душа”, которые невозможно понять формально-логическим путем и интерпретация которых давалась в философских сочинениях Розенберга. А именно, по его утверждениям, “раса, душа и дух – это одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон”¹⁴². Каждая раса имеет свою душу, каждая душа – свою расу, внутреннюю и внешнюю архитектонику, свою особую форму проявления и свой образ жизни; каждая раса имеет, наконец, определенный высший идеал. Смешение народных идеалов, духовных ценностей и образов жизни ни в коем случае недопустимо, ибо в противном случае наступит всеобщий хаос и вселенская катастрофа. В пробуждении рас, их очищении от всего чуждого нацисты видели смысл или, пользуясь терминологией Розенберга, миф XX столетия.

Весь этот джентльменский набор нацистского расового учения вспоминается, когда изучаешь ход мыслей сотрудников оперативного штаба о германской миссии в Европе. Немецкий народ они наделяли особыми духовными качествами и уникальным предназначением – “нести ответственность за духовное наследие в мире”, быть “доверенными будущего”¹⁴³. Справиться с такой колоссальной задачей способен лишь народ, занятый поисками истины, для которого решающим является не “цель и связанный с ней мимолетный эффект”, а “нечто большее, чем просто жить”. Адекватную этой задаче формулировку

Прокш нашел в старой немецкой поговорке “Быть большим, чем казаться”. В ней, содержащей якобы высшие духовные ценности немцев, он видел внутреннее оправдание войны. Следуя за истиной, немецкий народ повсюду в мире будет сеять семена добра, счастья, уважения к человеку. Подобно лекарю, он исцелит мир от всех болезней прошлого⁴⁴.

Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что в теоретических исканиях деятелей оперативного штаба можно заметить неожиданное, на первый взгляд, возвращение к истокам “Мифа XX столетия”, и в этом смысле вполне допустимо говорить о своеобразном круге эволюции национал-социалистического мировоззрения в его розенберговском толковании. В силу вынужденных обстоятельств отказавшись от претензий на завоевание великого жизненного пространства, нацисты в конце войны вновь обратились к духовным поискам иррационально-мистического толка двадцатых годов. Круг замкнулся.

За фасадом гипертрофированных представлений о глобальной миссии предварительно нацифицированного немецкого народа скрывались не менее фантастические надежды, что в самый последний момент еще можно что-то изменить, что войну можно закончить, не допустив поражения рейха и продвижения Советской Армии в Центральную Европу. Составленный на основе европейской концепции “Европейский план” был ориентирован исключительно против СССР, в котором видели гигантскую опасность, нависшую над континентом.

Вопрос о путях выхода из создавшейся для рейха чрезвычайной ситуации специально рассматривался в докладе Р. Прокша “Преобразование германской политики в отношении Украины”, прочитанном на совещании руководящих сотрудников оперативного штаба 16—17 декабря 1944 г. в Ратиборе. По времени доклад совпал с началом Арденнской наступательной операции вермахта на Западном фронте, чем в значительной степени и объясняется столь оптимистичное его название. Заявленная в докладе тема анализировалась с позиций европейской концепции оперативного штаба Розенберга.

Исходя из основных положений этой концепции, в первую очередь из идеи, ориентирующей на временный отказ от захвата великого жизненного пространства, Прокш пришел к заключению, что “желание присоединить к Европе Россию с ее территорией от Ленинграда до Владивостока является утопией и вряд ли станет действительностью когда-нибудь в будущем”⁴⁵. Поскольку речь идет о стране с громадными материальными и людскими ресурсами, после войны она в любой момент может выйти из концерта мировых держав и пойти своим собственным путем. В возникающей вследствие этого ситуации неопределенности кроется постоянная угроза для Европы, причем

независимо от правящего в “новой России” политического режима – большевистского ли или, скажем, власовского, “более национального” оттенка. В любом случае от СССР будет постоянно исходить политическая опасность¹⁴⁶.

В целях нейтрализации будущей “советской опасности” Прокш рекомендовал еще до окончания войны вновь завоевать и “европеизировать” Украину, определив ей роль фильтра между Советским Союзом и центральноевропейским пространством. Решить такую задачу возможно только путем преодоления кризиса доверия украинского народа к германской политике, для чего следует, по его мнению, отказаться от представления о славянских народах как об объекте колониальной эксплуатации и перестроить отношения между Германией и Украиной на основе “высокого уважения к человеку”.

Конкретные предложения Прокша сводились к тому, чтобы без промедления приступить к пропаганде “Европейского плана” среди украинцев, угнанных в рейх на принудительные работы; публично заявить об отказе от методов оккупационной политики, применявшихся на Украине Э. Кохом; признать “украинскую самостоятельность в сообществе новой Европы”; незамедлительно очертить линию западной границы Украины и т. п. Розенберговский сотрудник ратовал за то, чтобы одновременно с повторным вступлением на Украину немецких войск, а еще лучше “уже сейчас” провозгласить на немецкой, чешской либо словацкой территории “новый украинский совет”, то есть что-то вроде марионеточного правительства, которое обратилось бы к Германии с просьбой о протекторате над Украиной, понимаемом как государственная форма перехода к самостоятельности. Только такое развитие событий, по утверждению Прокша, способно спасти Европу, успешно завершить эксперимент по “европеизации” Украины, а затем и по преобразованию всей Восточной Европы. Только такой процесс обеспечит континенту “новое европейское будущее”¹⁴⁷.

Несмотря на свои внешние отличия от дайцевской концепции европейского социализма, европейская концепция оперативного штаба Розенберга находилась с ней в самой тесной генетической близости. И та и другая покоились на одной и той же иррационально-натуралистической методологии, на общих этических принципах, на рассмотрении Европы в качестве изначально существующей целостности, на том, наконец, внимании, которое в умозрительных построениях Дайца и Прокша отводилось европейской идее.

И проекты Дайца, и “Европейский план” оперативного штаба отчетливо выделялись своей ортодоксальной ориентацией и как таковые объективно противостояли риббентроповским планам европейской конфедерации, имевшим ярко выраженный прагматический характер. В конце войны в отношениях между

“империями” Розенберга, Риббентропа, Геббельса, Гиммлера и некоторых других нацистских фюреров по-прежнему действовали тенденции как к отталкиванию, так и к притяжению. Интегрирующим фактором в системе оставался Гитлер.

2.5. Европейская политика национал-социализма в конце войны

С весны 1944 г. в нацистской Германии развернулась одна из последних внутривнутриполитических битв за право определять европейскую стратегию рейха. Предельной остроты достигли споры о соотношении идеологии национал-социализма и внешней политики, о целях войны, об отношении к тому или иному проекту реорганизации Европы в условиях, когда военное положение страны неуклонно ухудшалось, приближаясь к критической отметке. В центре противоречий находилась восточная проблема – с помощью каких идеологических, пропагандистских и политических мероприятий способствовать перелому в пользу рейха на главном фронте второй мировой войны – советско-германском.

Вновь, как и раньше, противоположными точками зрения на европейскую проблематику оказались ортодоксальная и прагматическая. Если представители первой уповали на все новые идеи, концепции, постепенно возвышая немецкий национал-социализм до уровня евросоциализма и переходя на позиции национал-социализма с человеческим лицом, то представители прагматического направления были готовы в случае необходимости пожертвовать даже некоторыми положениями нацистского учения. В отличие от ортодоксов, проповедующих идею первенства национал-социалистической партии над государством и народом, прагматики руководствовались в первую очередь великодержавными соображениями, намечали ближайший внешнеполитический ход с учетом конкретной расстановки сил и были восприимчивы к тезису о примате государства над народом и партией. Все это сказывалось на европейской политике рейха в конце второй мировой войны.

Понятно, что розенберговская “империя” не только первой ввязалась в битву за европейские прерогативы, но и надеялась выйти из нее победительницей. И команда Дайца, и оперативный штаб, и аппарат уполномоченного фюрера по контролю за духовным обучением, и имперское министерство по делам оккупированных восточных областей (оно прекратило существование только 30 апреля 1945 г.)—все они желали видеть Розенберга верховным попечителем европейской политики рейха. С этой целью они настоятельно рекомендовали учредить высшую партийно-государственную инстанцию, которая бы занималась исключительно проблемами “новой Европы”. С ней связывалась последняя надежда на спасение.

На протяжении 1944 г. В. Дайц неоднократно предлагал Розенбергу добиваться воссоздания внешнеполитического бюро НСДАП, исходя из посылки, что подлинная европейская политика национал-социализма проводилась до сих пор не министерством иностранных дел, а именно внешнеполитическим бюро. “Вновь и вновь,— писал он Розенбергу 1 июня,— я направляю вам... просьбу снова образовать внешнеполитическое бюро в форме “управления по делам Великой Европы”. Европа как нравственная идея и обязанность может исследоваться и разъясняться только в вашем ведомстве. Тем самым оно заложило бы также основу для последующего “министерства по делам Великой Европы”... Если вы его не создадите, я опасюсь, что это сделает кто-то другой”¹⁴⁸. Главную задачу сначала управления, а затем министерства по делам Великой Европы Дайц видел в скорейшей реализации идей европейского социализма, в частности, в учреждении Совета семьи народов в целях строительства подлинного европейского мира без гражданских войн между народами континента¹⁴⁹.

В длинном письме Розенбергу от 27 сентября Дайц, касаясь вопроса о переходе к “настоящей европейской политике”, снова подчеркнул, что она не может проводиться министерством иностранных дел – “техническим аппаратом без всяких идей”. Обращаясь к своему шефу с призывом начать “активную и мировоззренчески обоснованную европейскую политику”, Дайц восклицал: “Только так вы сможете защитить и спасти мировоззрение национал-социализм” и предупреждал его: “Вы несете ответственность не только перед Германией, но и перед Европой”¹⁵⁰.

Документы подобного рода поступали в канцелярию Розенберга и из других подразделений “империи”. Интерес представляет, например, меморандум “Принципиальные пункты беседы с рейхслейтером Борманом о концентрации сил”. Его автор настаивал на необходимости “иммунизации немецкого народа против вражеских идеологий” и активной пропаганды европейской идеи, только-только сформулированной сотрудниками оперативного штаба. Далее следовало предложение, важное с точки зрения битвы за полномочия: Рейхслейтер Розенберг является последней моральной и духовной надеждой старых членов партии и немецкого народа”¹⁵¹.

Розенберг и сам, не дожидаясь рекомендаций со стороны, выступал с инициативами по этому вопросу. В письме Борману от 19 мая 1944 г. он утверждал, что события последних лет свидетельствуют о важности усиления и концентрации духовной войны в размерах, многократно превосходящих масштаб идеологического противоборства в начале войны¹⁵². 1 августа в розенберговском послании Гитлеру содержалась просьба поручить ему, Розенбергу,

сформулировать принципы “нового европейского порядка”¹⁵³. Спустя еще несколько дней, 7 августа, он через Ламмерса передал фюреру краткий меморандум с предложением образовать высшую инстанцию для централизованной разработки европейской идеи¹⁵⁴, причем ради этого поста был готов отказаться от претензий на руководство актуальными внешнеполитическими проблемами. Все, что его тогда волновало,— это донесение европейской идеи до всех и каждого, но в особенности до народов нейтральных государств и воюющих на германской стороне легионов из представителей различных европейских стран, с единственной целью организации общеевропейского сопротивления СССР. Для укрепления боевого духа восточных легионов Розенберг рекомендовал давать им какие угодно обещания, про себя сознавая, однако, что “в будущем дела на Востоке могли бы быть урегулированы не совсем так, как представляется сейчас”¹⁵⁵.

В том, что касалось европейских прерогатив, Розенбергу рисовались картины, одна радужнее другой. Но все его надежды, кажется, перечеркнуло письмо Ламмерса от 10 августа 1944 г. Не терпящим возражений тоном тот сообщал, что вопрос о том, когда приступить к формулированию принципов “нового европейского порядка” и применять их во внешней политике рейха, находится в исключительной компетенции фюрера. “В настоящий момент,— подчеркивал Ламмерс,— было бы неприемлемым создавать специальную организацию предлагаемого вами типа для решения этой задачи, не говоря уже о том, чтобы сообщать о создании такой организации общественности. Поэтому я хотел бы просить вас пока не предпринимать никаких шагов для подготовки подобной организации”¹⁵⁶. После письма Ламмерса перспективы образования центрального партийно-государственного органа по делам “новой Европы” с Розенбергом во главе отдалялись на неопределенное время.

Тем не менее и впоследствии Розенберг использовал любой повод для изменения ситуации в свою пользу. Очередным предлогом для возобновления европейских инициатив послужила ему ведущаяся Имmlером и Риббентропом подготовка соглашений с генералом Власовым о формировании “русской освободительной армии” и основании “Комитета освобождения народов России”¹⁵⁷. Название последнего вызвало у Розенберга чувство возмущения, поскольку, как ему казалось, оно оставляло лазейку, посредством которой после войны победжденный СССР будет сохранен в своих прежних границах; в таком случае национальные окраины вновь окажутся под игом “русского империализма”. Цель же, по Розенбергу, состояла в том, чтобы, наоборот, расчленив Советский Союз на национальные части, целиком и полностью зависимые от рейха. По сути дела, Риббентроп и Гиммлер обвинялись в поощрении лозунга “единой и неделимой России”.

Вот почему 12 октября 1944 г. Розенберг направил Гитлеру небольшую памятную записку “Предложение об урегулировании восточной политики” с обширным комментарием к ней¹⁵⁸. Он резко высказался в ней против непродуманной восточной политики некоторых имперских официальных органов (подразумевались “империи” Гиммлера и Риббентропа), не только не согласованной с министерством по делам оккупированных восточных областей, но и объективно лишаящей всякого смысла борьбу восточных легионов, опекаемых Розенбергом. Позиции рейхсфюрера СС и руководителя МИД Розенберг противопоставил свою собственную, в соответствии с которой в германских интересах и в целях подавления большевизма следует добиваться преодоления существовавшего раньше взаимного отчуждения русского, украинского и кавказских народов путем выдвижения общей европейской идеи. “Подобные идеи,— писал Розенберг,— должны соответствующим образом формулироваться имперским министром по делам Востока и соблюдаться... всеми остальными ведомствами”¹⁵⁹. Как видим, теперь он стремился протащить свои европейские прожекты в рамках компетенций имперского министерства по делам оккупированных восточных областей.

Гитлер ответил молчанием. Становилось все более ясно, что никаких прерогатив в сфере идеологического обеспечения “нового европейского порядка” Розенбергу не получить. Складывалась новая военно-политическая ситуация – под напором армий антигитлеровской коалиции границы подвластной Германии европейской территории неумолимо сжимались и уже придвинулись к территории самого рейха. Возник вопрос, как при таких обстоятельствах не потерять немногих еще остающихся союзников, как удержать на своей стороне коллаборационистов, которые могли бы понадобиться для нагнетания политической напряженности в только что освобожденных от нацизма странах. Появилась потребность сместить акценты в идеологии и пропаганде “новой Европы”, приспособить их к нуждам последних месяцев войны. Здесь как нельзя более уместными Розенбергу показались советы В. Дайча.

Восьмым сентября 1944 г. помечен адресованный Розенбергу дайцевский “Меморандум о европейской пропаганде”¹⁶⁰. К нему примыкали памятная записка Ф. Кюля¹⁶¹, упоминавшееся выше письмо Дайча Розенбергу от 27 сентября и некоторые другие документы. В них высказывалась мысль о срочной необходимости перехода на новый уровень европейской идеологии и пропаганды, адекватный суровым реалиям дня. Как мы увидим дальше, предлагавшиеся Дайчем рецепты спасения рейха и “новой Европы” в целом были восприняты Розенбергом.

В “Меморандуме о европейской пропаганде” обращалось внимание на то, что всякое подлинное “обновленческое” движение (немецкий национал-социализм, итальянский фашизм, испанский фалангизм и др.) возникает в условиях крайней нужды, острейшего внутривнутриполитического кризиса. Там, где кризис не достиг предельной глубины, “народные” движения – Квислинга в Норвегии, Муссерта в Голландии и другие – просто не могут добиться конечной победы. Сейчас, осенью 1944 г., такой критический момент наступал в связи с немецким отступлением в Западной Европе и на Балканах. Только сейчас, по Дайцу, “большой массе населения в странах, оккупированных ранее Германией, становится ясно, насколько лучше им было раньше, при германской оккупации... по сравнению с наступившим теперь положением”. Только сейчас, на почве острой нужды, может прорасти семя обновления народов. “До сих пор война была лишь прелюдией”, — утверждал биополитик. Теперь же наступил “великий час Европы”. Национал-социализм обязан поднять знамя духовной борьбы за “новую Европу”, помочь проложить путь “идее возрождения европейской семьи народов... и тем самым основать европейское сообщество народов, европейский социализм”¹⁶².

Той же проблемы касался Дайц в письме Розенбергу от 27 сентября 1944 г. “Только сейчас, — подчеркивал он, — в ходе немецкого отступления, рождается новая Европа... Пришло время, когда Германия только и может начать настоящую европейскую политику” — именно в силу того, что “национал-социалистическое мировоззрение никогда не сможет сохраниться в Европе как изолированный остров, но имеет право на существование только в качестве ядра нового европейского мировоззрения”¹⁶³. Другими словами — если нацистский рейх хочет выжить, он обязан проводить “настоящую европейскую политику” в духе дайцевского европейского социализма.

Понимая, что в сложившихся условиях Розенберг вряд ли получит пост попечителя “новой Европы”, и исходя из реалий войны, Дайц рекомендовал обновить методы германской политики на континенте. Он призывал вернуться к тактике двадцатых годов, “периода борьбы”, когда НСДАП еще не находилась у власти и не могла опираться на силу государственного аппарата при осуществлении своих целей. По мнению биополитика, аналогичная ситуация сложилась и теперь, но только в европейском масштабе, после того как рейх потерял возможность прямого воздействия на многие страны в качестве оккупирующей державы. Итак, Германия должна применять такие методы решения европейской проблемы, какими пользовалась нацистская партия, решая “проблему власти в Германии до 30 января 1933 г.

Что же это за методы? “Проповедь и пресса!”—отвечал Дайц, “забыв” о кровавом терроре и прочем инструментарии нацистской политики веймарских времен. И уточнял: “Сейчас мы должны проповедью и через прессу непрерывно провозглашать новое европейское мировоззрение, которое только и способно вновь объединить народы Европы. Для этого не нужно иметь послов и посланников в отдельных странах”¹⁶⁴. Говоря о проповеди и прессе, Дайц имел в виду идеологическую и пропагандистскую войну – как в плане резкого усиления обеих, так и в смысле их тесной координации. Руководство идеологической войной он оставлял за “империей” Розенберга, в ведении пропагандистской войны предлагал установить сотрудничество с “империей” Геббельса. Для “империи” Риббентропа места в схеме не оставалось.

Именно в этом направлении шли конкретные рекомендации Дайца. Он предлагал до предела взвинтить идеологическую и пропагандистскую войну на основе концепции еврокоммунизма и подключить к проведению этой войны журналистов и деятелей коллаборационистских движений, нашедших последнее убежище в рейхе. “Сейчас мы имеем редкую возможность,— писал Дайц Розенбергу,— принимать у нас (в Германии.—В. Б.) зарубежных журналистов, которые занимали нашу сторону, и руководителей движений за политическое обновление многих стран. Ваша задача, рейхслейтер, заключается в том, чтобы привлечь этих людей и ориентировать их на мировоззренчески разработанные нами принципы нашей европейской политики. В последующем на этих общих принципах каждый народ должен революционным путем осуществить свое собственное народное и в то же время европейское обновление”¹⁶⁵. Рекомендации биополитика представляли собой, в сущности, распространенный на всю Европу идеологически-пропагандистский аналог операции, запланированной гитлеровцами под кодовым наименованием “Вервольф”.

Дайц просил определенных полномочий и для себя, причем мотивировал свою просьбу следующим образом: “Я знаю почти всех национал-революционных активистов стран Западной и Северной Европы и был бы готов – если меня поддержит партайгеноссе Мухов—составить соответствующий план”¹⁶⁶. Его идея заключалась в том, чтобы преобразовать находившийся под его опекой дрезденский Институт Европы в своеобразный центр идеологической переподготовки коллаборационистов всех мастей. В том же институте Дайц предлагал учредить постоянный комитет, состоящий из немецких и зарубежных журналистов, который в тесном контакте с “империями” Розенберга и Геббельса взялся бы за распространение национал-социалистической европейской идеи¹⁶⁷. В случае принятия подобного плана вся европейская идеология и пропаганда, формировавшаяся в розенберговской “империи”, могла сосредоточиться в руках В. Дайца.

В середине сентября 1944 г. один из руководителей Института Европы Ф. Кюль имел серию бесед с представителем зарубежного отдела в геббельсовском министерстве Мэлике. Последний заявил, что его отдел “в полном объеме признает идеи посланника Дайца” как основу европейской пропаганды и занят сейчас переводом “Европейской хартии” на многие европейские языки. Под углом зрения концепции европейского социализма Мэлике обещал воздействовать на руководителей других отделов министерства (Фриче, Дитриха, Браувейлера), но условием перехода к новой европейской пропаганде назвал согласие Геббельса. Об итогах бесед и об открывающихся перспективах Дайц тут же информировал Розенберга, который дал принципиальное согласие на сотрудничество “проповеди и прессы”¹⁶⁸.

В рамках акции “Проповедь и пресса” в Институте Европы качалась активная подготовка к международным встречам эвакуированных представителей коллаборационистских деятелей ряда стран, в первую очередь Франции и Бельгии. На обсуждение выкосились преимущественно идеологические вопросы. Первая встреча подобного рода – так называемая Европейская беседа – была проведена в ноябре 1944 г.¹⁶⁹ Как раз в это время Розенберг завершил работу над меморандумом “Единый континент”¹⁷⁰, и можно предположить, что именно меморандум находился в центре внимания участников беседы.

Розенберговский меморандум представлял собой своеобразный синтез европейских идей, сформулированных в подразделениях “империи”, в частности, в оперативном штабе для оккупированных территорий и Институте континентально-европейских исследований профессора Никурадзе¹⁷¹. Но особенно много идей было почерпнуто из дайцевской концепции евросоциализма. В “Едином континенте” более-менее систематически излагались взгляды Розенберга на Европу, ее прошлое, настоящее и будущее. На этом фоне ставились вопросы о целях второй мировой войны, миссии национал-социализма, месте европейских народов в грядущем “новом порядке”, о “всеобщей социальной справедливости”, которая в случае победы рейха восторжествует в европейской семье народов¹⁷². Меморандум был не чем иным, как той проповедью, о которой просил Дайц в целях идеологической ориентации коллаборационистских сил.

Вместе с тем розенберговский документ отличался неодолимым стремлением использовать последний шанс в борьбе против СССР и в этом отношении играл роль воззвания, обращенного к народам Европы, но особенно к восточным легионам. Не случайно меморандум заканчивался выражением надежды на то, что “все народы Европы услышат... зов судьбы, последуют за

ним и станут вместе бороться за европейский континент, за свою общую честь, чтобы заложить прочные основы для нового возрождения всех творческих сил нашей части света”¹⁷³.

Почти дословно повторяя Дайца, Розенберг говорил о том, что “именно в эти дни жесточайшей борьбы вновь может родиться идея Европы”, не являющаяся более литературной болтовней, а становящаяся живой действительностью. Европейская идея трактовалась Розенбергом как идея единой Европы, в которой нет места противоборству великих держав, враждебных группировок, коалиций. В свою очередь, европейское единство он определял в качестве единства многообразия. Получалось, что единая “новая Европа” может стать реальностью только при условии реализации лозунга европейской семьи народов и ее совместной защиты. Согласно Розенбергу, европейская семья народов представляла бы собой единство всех наций, проживающих на континенте; собственно говоря, это и есть основная предпосылка достижения цели войны – автаркии европейского континента”¹⁷⁴.

Смертельным врагом “новой Европы” в меморандуме назывался коммунизм. Розенберг призывал к мобилизации всех сил, чтобы ни в коем случае не допустить его проникновения в Центральную, Южную и Западную Европу. Максимальная же задача виделась рейхслейтеру в повторной оккупации Восточной Европы. Ради осуществления этой химерической задачи Розенберг объявил о необходимости делать сознательное различие между коммунизмом и народами европейской семьи. Восточным легионам и всевозможным “комитетам национального освобождения” он впервые предложил, так сказать, “позитивный идеал”, за воплощение которого следует вести войну.— “бороться за творческие возможности каждого народа, за самооборону европейского континента, за автаркию и социальное взаимодействие всех европейских наций, за осознание единой судьбы”¹⁷⁵ и так далее. Обещая после победы предоставить самостоятельность восточноевропейским народам (сейчас можно было обещать все, что угодно), Розенберг делал важную оговорку: нужно позаботиться о том, чтобы на востоке Европы никогда больше не проливалась немецкая кровь”¹⁷⁶. Таким образом, даже в критический для рейха момент его не покидала мысль о создании марионеточных структур в восточной части континента, об особой миссии национал-социализма по преобразованию жизни восточноевропейских народов.

“Проповедь”, подобная меморандуму “Единый континент”, дополнялась “прессой”, но здесь Розенбергу не удалось добиться многого. Похоже на то, что команда Дайца не сумела наладить равноправное сотрудничество с имперским министерством пропаганды, и в результате “империя” Геббельса перехватила

инициативу. Она, в частности, опекала работу так называемого третьего конгресса союза национальных журналистских объединений, о котором подробно сообщала газета “Фелькишер беобахтер” в номерах от 13, 14 и 15 декабря 1944 г.

На конгрессе, состоявшемся в Вене, присутствовали представители “двадцати двух европейских наций”, причем не только и не столько журналисты, сколько активные деятели коллаборационистских группировок—делегат по социальным вопросам французской национальной правительственной комиссии М. Деа; вождь валлонских фашистов, командир эсэсовской дивизии “Валлония” Л. Дегрель; руководитель “комитета фламандского освобождения” И. ван де Виль; венгерский министр культов Ф. Райнис и другие. С немецкой стороны в работе конгресса принимали участие преимущественно лица из ближайшего окружения Геббельса (О. Дитрих, Г. Зюндерман и другие), а также представители НСДАП, правительственных учреждений, вооруженных сил.

Конгресс проходил под знаком “новой идеи” – “социалистического преобразования” Европы. Единственно возможным решением проблемы в выступлениях называлось “центральное решение”, при котором все страны группируются вокруг европейского ядра – национал-социалистического рейха. Только в таком случае, как говорил О. Дитрих, можно добиться “социалистического освобождения” и открыть народам путь к “подлинному социальному прогрессу, ведущему в новое великое и счастливое будущее”¹⁷⁷.

За словесной шелухой европейского социализма скрывались конкретные политические лозунги. В речи Зюндермана говорилось о необходимости создания европейского фронта созидательных нации, а в заключительном слове В. Вейса, президента союза национальных журналистских объединений, содержался призыв к формированию “единого фронта душ и сердец Европы в борьбе против большевизма”¹⁷⁸. На выполнение этой задачи ориентировались присутствовавшие на конгрессе журналисты.

Нет сомнения, что активное участие в подготовке венского конгресса принимали В. Дайц и его Институт Европы. Однако ни Розенберг, ни Дайц в сообщениях “Фелькишер беобахтер” не упоминались. Это было лишним свидетельством в пользу того, что на рубеже 1944—1945 гг. пропаганда идеи европейского социализма перешла в руки “империи” Геббельса. Сама же дайцевская концепция преподносилась геббельсовскими пропагандистами с сугубо прагматических позиций.

Поскольку в конце войны в Германии объективно существовала нужда именно в прагматических программах, способных быстро приспосабливаться к постоянно изменяющейся военно-политической обстановке, у Розенберга не

было никаких шансов переиграть Риббентропа. С осени 1944 г. значительно оживилась деятельность комитета по делам Европы при имперском министерстве иностранных дел. Отбросив теперь как неактуальную идею европейской конфедерации, члены комитета приступили к разработке новой “немецкой европейской концепции”, с помощью которой можно было бы обосновать претензии рейха на господство в Европе¹⁷⁹. В полемической форме в комитете обсуждались теоретические и методологические проблемы, в частности, вопрос о необходимости более терпимого отношения к либерализму – как мы знаем, либерализм всегда был объектом жесточайшей критики со стороны национал-социализма. На заседании комитета 18 декабря министерский-директор имперского министерства по делам науки, воспитания и нарезного образования А. Хольфельдер высказался в том смысле, что идеи не могут овладеть массами, если в них нет нужды. Поэтому необходимо делать различие между либерализмом и индивидуализмом¹⁸⁰. В истории нацистской идеологии такая постановка проблемы встречалась, кажется, впервые.

Риббентроповский комитет подготовил и провел в Веймаре международный семинар по теме “Европа в час решения”¹⁸¹. Пятого января 1945 г. формально под эгидой Немецкого института зарубежных исследований собрались более 150 немецких и иностранных ученых, политиков, представителей министерств и ведомств. Был заслушан и обсужден ряд докладов, в том числе о европейском социализме, трактуемом, правда, в духе решений международной встречи в Бад Зальцбрунне, а не с позиций концепции В. Дайца.

Принимавший участие в веймарском семинаре личный представитель Розенберга, начальник специального штаба для решения мировоззренческих вопросов, касающихся Европы, Г. Мухов подчеркивал впоследствии, что на семинаре отсутствовали “ясная установка и взлет революционного желания, целеустремленное немецкое руководство и терминологическая четкость”¹⁸². Высказываниям прагматического толка Мухов противопоставил, как он сказал, “основы нового мировоззрения”, сформулированные в оперативном штабе. Однако самое новейшее мировоззрение розенберговских ортодоксов уже никого не интересовало, особенно “империю” Риббентропа.

Именно в то время Риббентроп предпринял попытку подчинить себе все существовавшие в рейхе организации, занимающиеся вопросами “новой Европы”. Готовилось слияние в так называемый кружок по изучению Европы соответствующих подразделений “империи” Розенберга (по всей видимости, имелись в виду дайцевский Институт Европы, специальный штаб Мухова и Институт континентально-европейских исследований профессора Никурадзе); Немецкого института зарубежных исследований, за которым стоял мидовский

комитет по делам Европы; Европейского управления СС; Зарубежной организации НСДАП; Немецкого трудового фронта и т. д.¹⁸³ Все эти внушительные силы Риббентроп намеревался ориентировать на решение первоочередных практических задач, связанных с подготовкой возможных сепаратных договоренностей с Англией и США.

Дело в том, что в январе 1945 г. к Гитлеру поступило несколько записок, составленных видными деятелями крупного капитала, правительственных инстанций и вооруженных сил, в которых констатировалось, что война фактически проиграна, и давались рекомендации незамедлительно войти в контакт с Англией и США на предмет прекращения военных действий на Западном фронте¹⁸⁴. Фактически речь шла о попытке достижения сепаратного мира с западными державами при условии сохранения нацистского режима в Германии.

По данным Г. Л. Розанова, 17 января Гитлер продиктовал имперскому министру иностранных дел основные положения пакета “мирных предложений” Западу. Для окончательной их шлифовки были привлечены высшие чиновники МИД, и не исключено участие в этом Деле членов комитета по делам Европы. Результатом доработки стал документ, известный как “Меморандум Риббентропа”, который уже девятнадцатого числа был одобрен Гитлером¹⁸⁵.

Запугивая западные державы перспективой большевизации Европы, авторы документа утверждали, что единственным противовесом советской угрозе является национал-социалистический рейх., Только он в состоянии помешать продвижению большевизма на Запад. В создавшейся ситуации, отмечалось в меморандуме, “дальнейшее ослабление Германии является для англичан и американцев самоубийством”. Поэтому следует немедленно прекратить военные действия на Западном фронте и сформировать новую коалицию против СССР в составе Германии, Англии, других европейских стран.

Готовность вступить в военно-политический блок с Великобританией и, возможно, с США оговаривалась, однако, требованием сохранить в составе рейха Эльзас-Лотарингию, Люксембург, Австрию, Судетскую область Чехословакии, а также, значительную часть Польши¹⁸⁶. На такой основе нацистские дипломаты собирались войти в тайный контакт с представителями западных держав.

Один из сотрудников Риббентропа, Ф. Хессе, предложил подкрепить секретный зондаж по дипломатической линии публичным заявлением Гитлера о новой западной политике рейха. В заявлении должно было прозвучать торжественное обязательство Германии “присоединиться к мировому порядку, который будет установлен западными державами”. Гитлер, хотя и отклонил

предложение о своем публичном выступлении, поручил дипломатам изложить эти тезисы представителям Англии и США в устной форме. В беседах с британскими деятелями следовало подчеркивать, что германский рейх не только готов вернуться в “сообщество западных народов” и признать европейский порядок, который будет установлен Англией, но и подчиниться ее мировой гегемонии¹⁸⁷.

Попытки заключения сепаратного мира закончились провалом, сокрушительный удар по ним нанесли решения Крымской конференции руководителей Великобритании, США и СССР, но нас интересует сам факт готовности национал-социалистического рейха присоединиться к “мировому порядку, который будет установлен западными державами”, в случае реализации германских предложений. В этих словах заключалось признание полного краха нацистского европеизма, направленного на принудительное введение в Европе гитлеровского “нового порядка”. Они свидетельствовали о начавшейся агонии европейской идеологии национал-социализма.

Пожалуй, о последней речи А. Розенберга, посвященной “новой Европе”, сообщила газета “Фелькишер беобахтер” 1 марта 1945 г. Выступая перед представителями партийных и государственных органов, вооруженных сил и научных кругов, Розенберг заявил, что европейская революция нерасторжимыми узами связана с судьбоносной борьбой немецкого народа и может победить вместе с победой рейха. Сейчас наступил час испытаний. Докладчик предупредил тех европейцев, которые, как он считал, выступают против “старой Европы” на стороне держав антигитлеровской коалиции – по его убеждению, история когда-нибудь предъявит счет тем, кто вопреки “взаимным законам жизни и традициям” не содействовал сожительству народов на европейском континенте¹⁸⁸.

Розенберг по-прежнему противился упразднению своего Восточного министерства, в рамках которого стремился концентрировать германскую политику в отношении Восточной Европы. Геббельс, критикуя розенберговскую позицию, с издевкой писал: “По тем же причинам я мог бы создать какое-нибудь Западное и Южное министерство”¹⁸⁹. Розенберга все больше покидало чувство реальности.

В марте – апреле 1945 г. в состояние прострации впали и другие зараженные ортодоксией нацистские деятели. Эту особенность точно подметил Геббельс, который 8 апреля внес в свой дневник несколько строк по поводу статьи, опубликованной в журнале “Шварце кор”. Как утверждали авторы статьи, рейх практически потерпел военное поражение, однако идеи национал-социализма сохранятся при любых обстоятельствах. Данная статья, согласно Геббельсу,

выражает точку зрения радикального крыла в нацизме, тех нескольких сверхинтеллектуальных элементов, которые “впали в нирвану”. “Но я буду противодействовать этому самыми жестокими методами”⁹⁰, — подчеркнул в заключение имперский министр информации и пропаганды.

Констатацией интенсивного распада национал-социалистического европеизма мы и закончим наше исследование. Великая победа антигитлеровской коалиции спасла европейские народы от ужасов гитлеровского “нового порядка”, как, впрочем, и от мрачных перспектив биологического угасания в случае, если бы нацистские представления о “новой Европе” воплотились в жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С начала второй мировой войны в фашистской Германии с новой силой развернулась полемика между нацистскими ортодоксами и прагматиками по вопросам “нового европейского порядка”. Ортодоксы (Розенберг, Гесс, Дарре и некоторые другие) в своих представлениях о “новой Европе” исходили из биополитических идей национал-социализма, прагматики (Риббентроп, Геринг, Функ) предпочитали использовать джентльменский набор геополитики и реакционных международно-правовых идей. В центре дискуссий оказались проблемы жизненного пространства и его организации. Географическим и геополитическим доктринам Монро, с которыми выступали прагматически ориентированные деятели, биополитики противопоставили так называемую биологическую доктрину Монро, а международно-правовому принципу организации великого пространства — принцип народной организации жизненного пространства.

После Сталинградской битвы полемика удивительным образом повторилась. В качестве альтернативы геополитикам и правоведам биополитики сформировали свои собственные методологические правила. Они предлагали теперь выйти за пределы ницшеанской “переоценки всех ценностей” и приступить к “новой оценке всех ценностей, обоснованной законами жизни”. Вместо “органического” метода познания они рекомендовали повсеместно внедрять “биологический”. Все это неминуемо сказывалось на европейской стратегии и политике национал-социалистического рейха.

В 1939—1945 гг. ортодоксы прошли более-менее прямолинейный путь к выводу о необходимости дополнения национал-социализма европейским социализмом и в конце войны стремились придать своим программам “человеческий облик”, “гуманизировать” их. В окружении Розенберга зародилась

концепция “национал-социализма с человеческим лицом”. У прагматиков путь был не столь прямолинеен. Наиболее крупным их достижением была навеянная германским поражением под Сталинградом концепция европейской конфедерации, от разработки которой они отошли, как только размеры нацистской Европы сузились до пределов Германии.

Было бы преувеличением говорить о полной противоположности ортодоксальной и прагматической программ “новой Европы”. Иногда—как это было, скажем, в канун германской агрессии против СССР (миссия Гесса) или в конце войны—они сближались либо даже внешне налагались Друг на друга. Но даже во времена крайней их отдаленности они в известной мере дополняли друг друга, представляя нацистский европеизм во всем его многообразии и давая возможность коллаборационистским силам выбирать между альтернативными вариантами одного и того же национал-социализма.

За ортодоксальной и прагматической европейскими программами скрывались определенные политические, а следовательно, и социальные интересы. Осознание их взаимосвязи и взаимозависимости вплотную приводит к выводу о партийно-государственных “империях”, являвшихся центром притяжения для военных, предпринимательских, научных и прочих кругов. Каждый нацистский фюрер – Розенберг, Риббентроп, Гиммлер и другие—стремился создать свой вариант идеологии, стратегии и политики национал-социализма. Для всех “империй” было характерно в годы войны стремление укрепиться не только в самом рейхе, но и за его границами, и превратиться таким образом в “империи” мультинационального типа. Исследование проблемы нацистских “империй”, их роли и места во властной структуре гитлеровского режима, их воздействия на европейскую стратегию и политику Германии еще впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

К ВВЕДЕНИЮ

¹ См.: Чубарьян А. О. Европейская идея в истории: проблемы войны и мира. М., 1987.

² Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки: документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 48; Европа в международных отношениях: 1917-1939. М., 1979. С. 208.

³ В кратком изложении гитлеровский план преобразования Европы выглядел следующим образом. Австрия, Швейцария, Бельгия, Югославия и Чехословакия перестанут существовать в качестве самостоятельных государств. Эльзас и Лотарингия отойдут к Германии, на остальной территории Франции возникнут три марионеточных образования. Изменит свой статус Польша, а также Румыния. На прилегающих к Дунаю землях произойдет перегруппировка и переселение этнических немцев - фольксдойче. Особой миссией будут наделены Финляндия и Болгария - крайние точки будущего оборонительного вала против Советского Союза, простирающегося от Северной Норвегии до Черного моря. Национал-социалистический рейх не только подведет черту под Версальским договором, но и обеспечит немецкому народу столь необходимое ему жизненное пространство (см.: *Calic E. Ohne Maske: Hitler - Breitung Geheimgespräche 1931. F. a. M., 1968, S. 88-90).*

⁴ Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии: 1933-1945. М., 1987. С. 123.

⁵ См.: Там же. С. 124-131.

⁶ Генри Э. Гитлер над Европой. М., 1935. С. 57.

⁷ См., например: *Grossdeutschland: Traum und Tragödie: Rosenbergs Kritik am Hitlerismus. München, 1970. S. 46.*

⁸ *Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik: 1933-1938. F. a. M.; Berlin (West), 1968.*

⁹ *Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Außenpolitik: 1933-1939. Helsinki, 1984.*

¹⁰ *Cecil R. The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. London, 1972.*

¹¹ *Bollmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970.*

¹² *Loock H.-D. Quisling, Rosenberg und Terboven: zur Vorgeschichte und Geschichte der nationalsozialistischen Revolution in Norwegen' Stuttgart. 1970.*

¹³ *Lutzhuft H.-J. Der Nordische Gedanke in Deutschland: 1920-1940. Stuttgart, 1971.*

¹⁴ *Baumgörtner R. Weltanschauungskampf im Drittel Reich: die Auseinandersetzungen der Kirchen mit Altdred Rosenberg. Mainz, 1977.*

¹⁵ *Dallin A. German Rule in Russia: 1941-1945: A Study of occupation Policies. L.; N. Y., 1957. В 1981 г. эта книга была переведена на немецкий язык (см.: Dallin A. Deutsche Herrschaft in Rußland: 1941-1945: Eine Studie über Besatzungspolitik. Künigstein/ Ts.; Düsseldorf, 1981).*

¹⁶ *Herzstein R. E. When Nazi Dreams come True: the Third Reich's Internal Struggle over the Future of Europe after a German Victory: a Look at the Nazi Mentality: 1939-1945. L., 1982. См. также:*

Weinberg G. L. *The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe: 1933-1936.* Chicago; L., 1970.

¹⁷ Billig J. Alfred Rosenberg dans l'action ideologique, politique et administrative du Reich hitlerien: Inventaire commente de la collection de documents conserves an C.D.J.C. provenant des archives du Reichsleiter et Minister A. Rosenberg. P., 1963; Poliakov L, Wulf J. *Das Dritte Reich und seine Denker: Dokumente.* Berlin (West), 1959.

¹⁸ Lukac D. *Treci Rajh i zemlje Jugoistocne Evrope.* D. 1. Beograd, 1982; Myllyniemi S. *Die Nellordnung der Baltischen Lnder 1941-1944: zum national-sozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik.* Helsinki, 1973; etc.

¹⁹ Pdtzold K., WeiЯbecker M. *Hakenkreuz und Totenkopf: die Partei des Verbrechens.* Berlin, 1981; Petzold J. *Die Demagogie des Hitlerlaschismus: die politische Funktion der Naziideologie auf dem Wege zur faschistischen Diktatur.* Berlin, 1982; *Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplanen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945.* Berlin, 1975; *Konzept fr die "Neuordnung" der Welt: die Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg.* Berlin, 1977; Чихон Э. *Банкир и власть.* М., 1977.

²⁰ *Europastrategien des deutschen Kapitals 1900-1945.* Kln, 1977; *Опущ Р. Фашизм и неофашизм.* М., 1988.

²¹ *Аникуев А. А. Германский фашизм и крестьянство (1933-1945 гг.)* Ростов н/Д, 1979; *Безыменский Л. А. Разгаданные загадки третьего рейха.* Ч. 1, 2. М., 1981, 1984; *Бессонов Б. Н. Фашизм: идеология, политика.* М., 1985; *Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии.* М., 1978; *Галкин. А. А. Германский фашизм.* М., 1989; *Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию: германский фашизм рвется к власти.* М., 1972; *Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма.* М., 1973. Т. 1. 2; *Ерусалимский А. С. Германский империализм: история и современность.* М., 1964; *История второй мировой войны 1939-1945: В 12 т.* М., 1973-1982; *История фашизма в Западной Европе.* М., 1978; *Коваль В. С. "Барбаросса": истоки и история величайшего преступления империализма.* Киев, 1989; *Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Преступник номер 1: нацистский режим и его фюрер.* М., 1981; *Одоев С. Ф. Тропами Заратустры (Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию).* М., 1971; *Проктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели.* М., 1989; *Размеров В. В. Экономическая подготовка гитлеровской агрессии (1933-1935).* М., 1958; *Рахмиров П. Ю. Происхождение фашизма.* М., 1981; *Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933-1939 гг.)* М., 1964; *Семилыга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах.* М., 1990; *Фолин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе: 1933-1939 гг.* М., 1963; и др.

²² По мнению Д. М. Проктора, в фашистской Германии параллельно с внешнеполитической программой Гитлера существовал ряд других программ, планов, проектов, представляемых либо как уточнение, либо как завершение или даже как альтернатива основному плану фюрера. Во внешнеполитических концепциях национал-социализма автор выделяет как минимум четыре направления. Он утверждает, что множественность концепций играла немаловажную роль в выработке внешнеполитических решений. Характеризуя Розенберга как "идеологического ментора" фюрера, имевшего свою программу, близкую к гитлеровской. Д. М. Проктор вместе с тем подчеркивает, что Гитлер и Розенберг по-разному оценивали роль и функции Великобритании. Подробнее об этом см.: *Проктор Д. М. Фашизм....* С. 169-173.

К ГЛАВЕ 1: ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАЦИСТСКОГО ЕВРОПЕИЗМА

¹ *Галкин А. А. Германский фашизм.* М., 1989. С. 349.

² *Одоев С. Ф. Идеология агрессии и войны (об истоках фашистского мировоззрения) // Вести*

Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1986. № 1. С. 21.

³ Макс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 365.

⁴ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. С. 279, 280.

⁵ Подробнее об этих группировках и их идеологии см.: *Онуц Р.* Фашизм и неофашизм. М., 1988; *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. М., 1960; Petzold J. Wegbereiter des deutschen Faschismus: die Jung-Konservativen in der Weimarer Republik. Kln. 1978; Sontheimer K. Antidemokratisches Denken in der Weimarer Republik. München, 1968.

⁶ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Güttingen, 1956. S. 210.

⁷ Hitler A. Mein Kampf. Bd. 2. München. 1933. S. 421, 422.

⁸ Daitz W. Völkische Haltung der Wirtschaft: Wirtschaftspolitik als Teil der Kulturpolitik // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. Dresden, 1943. T. 1. S. 68.

⁹ Daitz W. Saat aus niederdeutschen Raum**/Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 119.

¹⁰ Daitz W. Wandlungen des Weltverkehrs//Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 52.

¹¹ Daitz W. Nordischer Seefahrergeist und imperialistisches Handertum// Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 97.

¹² Poliakov L., Wulf J. Das Dritte Reich und seine Denker: Dokumente. Berlin (West), 1959. S. 426; Nationale Wirtschaftsordnung und Großraumwirtschaft: Mitteilungsblatt. Dresden. 1941. № 3 / 4. S. 24.

¹³ Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts: Eine Wertung der seelischgeistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1942. S. 142.

¹⁴ Daitz W. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik: Eine Umwertung aller Werte //Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 29.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Дословный перевод с Немецкого: "Ничего не делать".

¹⁷ Jacobsen H.-A. Karl Haushofer: Leben und Werk. Boppard/ Rhein. 1979

¹⁸ Daitz W. Kontingentwirtschaft als Grundlage der nationalsozialistischen Geld- und Kreditwirtschaftsorganisation //Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 82.

¹⁹ Daitz W. über die Errichtung eines Handelsamtes (Außenhandelskammer); Idem. Grundsätzliches zur nationalsozialistischen Außenhandels- und Verkehrspolitik //Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 32, 36.

²⁰ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 203.

²¹ Rosenberg A. Der Mythos... S. 117.

²² Ibid. S. 126.

²³ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 210; Rosenberg A. Der Mythos... S. 2.

²⁴ Rosenberg A. Der Mythos... S. 119.

²⁵ Hitler A. Mein Kampf. S. 420. 421.

²⁶ Ibid. S. 428.

²⁷ Daitz W. Weltanschauung und Wirtschaft//Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 52.

²⁸ Daitz W. Die germanischen Tugenden als Lebensgesetzlichkeit des deutschen Volkes //Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 103.

²⁹ Hunke H. Grundzüge der deutschen Volks- und Wehrwirtschaft. Berlin, 1939. S. 100.

³⁰ Daitz W. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 33.

³¹ Daitz W. Nordische und mittelmeeerländische Geisfeshaltung-die Fundamente Europas. Lbeck. 1937. S. 5.

³² Neumann F. Behemoth: the Structure and Practice of National Socialism 1933-1944. N. Y., 1963. P. 63.

С. Ф. Одуев отмечает: "...официальные фашистские теоретики, начиная с А. Розенберга и кончая университетскими коммивояжерами нацистских идей, выдавали себя за реформаторов различных вариантов "философии жизни". прежде всего того ее направления, у истоков которого стоял Фр. Ницше. И здесь не было неправды, хотя, конечно, не обошлось без демагогии и спекуляции" (см.: Одуев С. Ф. Идеология агрессии и войны... С.19).

³³ Daitz W. Die germanischen Tugenden... S. 98.

³⁴ Daitz W. Die Verkehrs-idee im mitteleuropäischen Raum // Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 65.

³⁵ Daitz W. Neue Außenhandelspolitik // Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 50.

³⁶ Daitz W. Nationalsozialismus, Faschismus und Südosteuropa // Daitz W. Der Weg... T.2.S.15.

³⁷ Daitz W. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 28.

³⁸ Ibid. S. 29.

³⁹ Rosenberg A. Der Mythos... S. 640, 676.

⁴⁰ Zentrales Staatsarchiv (далее - ZStA) Potsdam. Füllnsanmllung (далее - FS). № 3851. Bl. 20342. Mitteilungen zur weltanschaulichen Lage. 1937. № 3.

⁴¹ Daitz W. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 32.

⁴² Daitz W. Weltanschauung und Wirtschaft. S. 49; Idem. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 30.

⁴³ Daitz W. Saat aus niederdeutschen Raum. S. 136.

⁴⁴ Daitz W. Weltanschauung und Wirtschaft. S. 49.

⁴⁵ Daitz W. Raumgebundene Wirtschaft! //NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. Hamburg, 1932. Sonderdruck. S. 2.

⁴⁶ Daitz W. Kontingentwirtschaft... S. 81; Idem. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 36.

⁴⁷ Daitz W. Weltanschauung und Wirtschaft. S. 50.

⁴⁸ Daitz W. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 36.

⁴⁹ Daitz W. Völkische Haltung der Wirtschaft... S. 77.

⁵⁰ Daitz W. Saat aus niederdeutschen Raum. S. 140.

⁵¹ См.: Volkmann H. -E. Das außenwirtschaftliche Programm der NSDAP, 1930-1933 //Archiv für Sozialgeschichte. Bonn: Bad Godesberg. 1977. Bd. 17. S. 274; Pyze B. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии. М., 1985; Petzold J. Monopole-Mittelstand-NSDAP: zu ideologischen Auseinandersetzungen zwischen den Interessenvertretern des Mittelstandes und des Monopolkapitals in der faschistischen Partei, 1912 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1980. H. 9: Vogelsang R. Der Freundeskreis Himmlers. Göttingen, 1972; Barkai A. Die Wirtschaftsauffassung der NSDAP. Sonderdruck aus: Aus Politik und Zeitgeschichte: Beilage zur Wochenzeitung das Parlament. 1975. B. 9; Teichert E. Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland. 1930-1939: außenwirtschaftliche Konzeptionen zwischen Wirtschaftskrise und Zweiten Weltkrieg. München. 1984; Kissenkoetter U. Gregor Straßer und die NSDAP. Stuttgart. 1978; u. a.

⁵² Daitz W. Zum Umbau der Volks- und Weltwirtschaft // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 15.

77. ⁵³ Daitz W. Wesen und Grenzen produktiver Kreditschöpfung // Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 76.
- ⁵⁴ См.: Daitz W. Grossraumwirtschaft // Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 25. 26.
- ⁵⁵ Ibid. S. 55; Daitz W. Der Weg... Vorwort zur 1. Auflage. S. 3.
- ⁵⁶ Daitz W. Die germanischen Tugenden... S. 102.
- ⁵⁷ Daitz W. Nordische und mittelmeerländische Geisteshaltung... S. 9.
- ⁵⁸ Rosenberg A. Die Mythos... S. 482.
- ⁵⁹ Ibid. S. 508-511.
- ⁶⁰ Daitz W. Die Erneuerung der Wirtschaftsethik... S. 30, 33.
- ⁶¹ Daitz W. Weltanschauung und Wirtschaft. S. 53.
- ⁶² ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Einheitliche Haltung der Binnen- und Außenwirtschaft. Bericht über einen Vortragsabend der Deutschen Weltwirtschaftlichen Gesellschaft. Berlin. 1936. 8. Mai.
- ⁶³ Daitz W. Saat aus niederdeutschen Raum. S. 136.
- ⁶⁴ Daitz W. Wandlungen des Weltverkehrs. S. 54.
- ⁶⁵ Hurster-Philipps U. Wer war Hitler wirklich? Großkapital und Faschismus: 1918-1945: Dokumente. Kuhn, 1978. S. 116.
- ⁶⁶ Daitz W. Der nordische Charakter des Dritten Reiches und Niederdeutschlands Aufgabe // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 107.
- ⁶⁷ Rosenberg A. Der Mythos... S. 135.
- ⁶⁸ См.: Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1936. München, 1937. S. 73.
- ⁶⁹ Laack-Michel U. Albrecht Haushofer und der Nationalsozialismus: ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1974. S. 369.
- ⁷⁰ Hitler A. Mein Kampf. S. 445.
- ⁷¹ Ibid. S. 441.
- ⁷² Rosenberg A. Der Mythos... S. 119.
- ⁷³ Ibid. S. 640.
- ⁷⁴ Hitler A. Mein Kampf. S. 434, 686, 687, 728. ⁷⁵ Ibid. S. 782.
- ⁷⁶ Ibid. S. 430.
- ⁷⁷ Ibid. S. 689, 753, 757.
- ⁷⁸ Ibid. S. 757, 449.
- ⁷⁹ Ibid. S. 742.
- ⁸⁰ См.: Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Außenpolitik. München, 1927; Idem. Raumpolitik! // Nationalsozialistische Monatshefte. München, 1932. H. 26; Idem, Der Mythos des 20. Jahrhunderts.
- ⁸¹ Rosenberg A. Der Mythos... S. 670, 671.
- ⁸² Ibid. S. 640.
- ⁸³ Ibid. S. 642. 675.
- ⁸⁴ Daitz W. Die nationalsozialistische Ostraumpolitik und der Hansa-Kanal: ein Beitrag zum nationalsozialistischen Arbeitsbeschaffungs-Programm. Berlin, 1932. S. 10.
- ⁸⁵ Ibid. S. 3. 4. 5.

⁸⁶ Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1936. S. 17.

⁸⁷ Rosenberg A. Weltanschauung-Macht-Wirtschaft // Europäisches Wirtschaftszentrum (Reden und Vorträge auf dem 6. Grossen Lehrgang der Kommission für Wirtschaftspolitik der NSDAP vom 23.-28. Januar 1939). München, 1939. S. 100.

⁸⁸ Hunke H. Grundzüge... S. 35.

⁸⁹ Ibid. S. 20.

⁹⁰ Ibid. S. 97.

⁹¹ В меморандуме "Основные хозяйственно-политические взгляды и цели НСДАП", датированном 5 марта 1931 г., по этому поводу говорилось: "Для нас, национал-социалистов, народ есть высший человеческий организм на этой земле. Вследствие этого мы ставим в центр всех наших экономических рассуждений народное хозяйство как выражение органической жизни народа. Мы наделяем народное хозяйство задачей служить сохранению и дальнейшему Развитию народности в биологическом и культурном отношении" (Barkai A. Die Wirtschaftsauffassung der NSDAP. S. 11, 12).

⁹² Daitz W. Kontingentwirtschaft... S. 81; Idem. Die Wirtschaftsphilosophie und Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus // NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. 1932. 5. Dez. S. 4.

⁹³ Daitz W. Grundsätzliches zur nationalsozialistischen Außenhandels- und Verkehrspolitik. S. 30; Idem. Die Wirtschaftsphilosophie... S. 4.

⁹⁴ См.: Буханов В.А. Формирование внешнеэкономической концепции германского фашизма (1929-1933) // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск 1989. С.39-52.

⁹⁵ Daitz W. Raumgebundene Wirtschaft! S. 1.

⁹⁶ Daitz W. Grundsätzliches zur nationalsozialistischen Außenhandels- und Verkehrspolitik. S. 30; Idem. Über die Errichtung eines Handelsamtes... S. 35.

⁹⁷ Daitz W. Über die Errichtung eines Handelsamtes... S. 35; Idem. Grundsätzliches zur nationalsozialistischen Außenhandels- und Verkehrspolitik. S. 29, 30.

⁹⁸ Daitz W. Über die Errichtung eines Handelsamtes... S. 34.

⁹⁹ Ibid. S. 35.

¹⁰⁰ См.: Volkman H.-E. Das außenwirtschaftliche Programm der NSDAP S. 274.

¹⁰¹ Daitz W. Die nationalsozialistische Ostseepolitik mit der Hansa-Kanal: ein Beitrag zum nationalsozialistischen Arbeitsbeschaffungs-Programm.

¹⁰² Jacobsen H. -A. Karl Haushofer... Bd. 2. S. 125.

¹⁰³ Daitz W. Die nationalsozialistische Ostseepolitik... S. 9.

¹⁰⁴ Ibid. S. 10.

¹⁰⁵ Ibid. S. 4.

¹⁰⁶ Ibid. S.12.

¹⁰⁷ Daitz W. Die alte Städtehanse mit der kontinentaleuropäische Wirtschaftskreislauf // Nationalwirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft. Dresden, 1941. S. 176.

¹⁰⁸ Daitz W. Nordische und mittelmeerländische Geisfeshaltung... S. 3.

¹⁰⁹ Цит. по: Мельников Д. Е., Черная Л. Б. Империя смерти... С. 126.

¹¹⁰ Daitz W. Saaf alle niederdeutschen Raum. S. 122.

¹¹¹ Daitz W. Volkische Haltung der Wirtschaft... S. 71; Idem. Wandlungen des Weltverkehrs. S. 54.

- ¹¹² Harstr-Philipps U. Wer war Hitler wirklich... S. 116.
- ¹¹³ Ibidem.
- ¹¹⁴ Daitz W. Vulkische Haltung der Wirschaft... S. 69.
- ¹¹⁵ Daitz W. Lsbecks deulche Aufgabe //Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 112; Idem. Dis delltsche Wasserstraßenpolitik im Lichte europzischer Grossraumwirtschaft //Rundschau Deutscher Tschnik. 1939. № 34. S. 1, 2.
- ¹¹⁶ Daitz W. Nationalsozialismus, Faschismus mid Södosteuropa. S. 16.
- ¹¹⁷ Daitz W. Organische Aufbatl von Volks- und Grossraumwirtschaft // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 44, 45.
- ¹¹⁸ Calic E. Ohne Masks... S. 50, 51.
- ¹¹⁹ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 445.
- ¹²⁰ Lang S., Schenck E. Portrait eines Menschheitsverbrechers nach den hinterlassenen Memoirs des ehemaligen Reichsministers Alfred Rosenberg. St. Gallen. 1947. S 150.
- ¹²¹ Ludecke K. J knew Hitler: the Story of a Nazi Who Escaped the Blood Purge. N. Y., 1938. P. 470.
- ¹²² Hitler A. Mein Kampf. S. 699.
- ¹²³ Posenberg A. Der Zukunftsweg... S. 21; Idem. Rallmpolitik. S. 200.
- ¹²⁴ Rosenberg A. Der Zulkunftsweg... S. 143.
- ¹²⁵ Rosenberg A. Der Mythus... S. 640.
- ¹²⁶ Calic E. Ohne Maske... S. 92, 93.
- ¹²⁷ Internationale Presse-Korrespondenz. Berlin. 1932. № 45. S. 1394.
- ¹²⁸ Rosenberg A. Krisis und Neugeburt Europas // Nationalsozialistische Monatshefte. 1932. H. 33. S. 544. Статья помещена также в сборнике статей и выступлений Розенберга (см.: Rosenbsrg A. Blut und Ehre: ein Kamrf für deutsche Wiedsrgebur: Iteden und Aufsätze von 1919-1913. Mynchen. 1934).
- ¹²⁹ Ibidem.
- ¹³⁰ Ludecke R. J knew Hitler... P. 468.
- ¹³¹ Calic E. Ohne Maske... S. 22.
- ¹³² Ludecke K. J knew Hitler... P. 520.
- * ¹³³ См.: Гейден К. История германского фашизма М.: JL.. 1935. С. 168, 175; Patzold K.. Weipbecker K. Hakenkreuz und Totenkopf... S. 92.
- ¹³⁴ Ludecke. K. J knew Hitler... P. 465.
- ¹³⁵ Ibid. P. 468.

К ГЛАВЕ 2: ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ "ИМПЕРИИ" РОЗЕНБЕРГА

¹ Bollmus R. Das Amf Rosenberg und seine Gegner: zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart. 1970. S. 55.

² Ludecke K. J knew Hitler: the Story of a Nazi Who Escaped the Blood Purge. N. Y., 1938. P. 201; Schilbert G. Anfänge nationalsozialistischer Außenpolitik. Кдп. 1963. S. 226.

³ Zentrales Staatsarchiv (далее - ZStA) Potsdam. Akten. NSDAP. Reichstagstraktion. Bd. 10. Bl. 21. R. W. Darre. Agrarpolitische Ostabteilung. 17. November 1930; Bl. 20. Darre an Frick. 5. Dez. 1930;

Bl. 19. Frick. an Darre. 6. Dez. 1930. См. также: Kullisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik: 1933-1939. Helsinki. 1984. S. 44.

⁴ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 44.

⁵ Hanftaengl E. Zwischen Weissen und Brauen Haus: Memoiren eines politischen Außenseiters. München. 1970. S. 289; Cecil R. The Myth of the Master race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. L., 1972. P. 172.

⁶ Ludecke K. J knew Hitler... P. 577, 578.

⁷ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 7 т. Т. 6. С. 12; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. М., 1965. Т. 1. С. 43, 44; см. также: Нюрнбергский процесс: В 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 322.

⁸ Schubert Q. Anfänge... S. 230; Cecil R. The Myth of the Master Race... P. 173.

⁹ Ludecke K. J knew Hitler... P. 605.

¹⁰ Ibid. P. 623.

¹¹ См.: Ibid. P. 639-642.

¹² Анатомия войны: новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971. С. 98.

¹³ ZStA Potsdam. Filmsammlung (далее - FS). № 423/3199. Bl. 186. Rosenberg an Krupp. 26. April 1933; Bl. 187, 188. Krupp an Springorum. 26. April 1933; Bl. 189. Springorum an Krupp, 2. Mai 1933. См. также: Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik: 1933-1938. F. a. M.: Berlin (West), 1968. S. 71. 72.

¹⁴ Анатомия войны... С. 98.

¹⁵ ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 369. Bl. 234-236 R. Grueber L. Denkschrift über die Bildung eines politischen Generalstabes. 14. Mai 1933; Bl. 233-234 R. Grueber an Rosenberg. 15. Mai 1933.

¹⁶ Ibid. Bl. 264-273. Poegl F. Weltblock der Arischen Rasse zur Rettung der Edlen weißen Rasse. 23. Mai 1933; Bl. 263. Poegl an Rosenberg. 23. Mai 1933.

¹⁷ Ibid. Bl. 256.

¹⁸ Ibid. Bl. 193. Tjarks. Betrachtungen über Propaganda für und gegen das Neue Deutschland. 29. Mai 1933.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Rosenberg A. Blut und Ehre: ein Kampf für deutsche Wiedergeburt: Reden und Aufsätze von 1919-1933. München, 1934. S. 313.

²¹ Максимычев И. Ф. Дипломатия мира против дипломатии войны: очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933-1939 годах. М., 1981. С. 27.

²² Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма (1933-1939 гг.) М 1961. С. 228; Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 85.

²³ ZStA Potsdam. FS. № 15201. Bl. E 592595. Richtlinien für die Einrichtung des APA der NSDAP. 1. April 1933.

²⁴ Ibid. Bl. E 592596. Aufgaben des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. O. D.; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 49.

²⁵ Ibid. № 13702. Bl. 646. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933.

Через полтора года, 2 августа 1934 г., Розенберг в беседе с Гессом вновь потребовал для себя

“обидных полномочий в деле руководства высшей политикой всего движения” (см.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 mid 1939/40). Güttingen. 1956. S. 40; ?олков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты: 1933-1938. М., 1966. С. 66, 67).

²⁶ Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 64, 65. См.: также: Akten der Partei-Kanzlei der NSDAP: Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. T. 1. München. 1983. Regesten Bd.2. S. 22, 41, 56. 61.

²⁷ Генри Э. Гитлер над Европой. М., 1935. С. 114, 115.

²⁸ Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 64. См. также: Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 226.

²⁹ ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 645. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933.

³⁰ Ibidem. См. также: Akten der Partei-Kanzlei... Bd. 2. S. 64.

³¹ ZStA Potsdam. FS. № 13-702. Bl. 646. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933.

³² О так называемом кружке друзей рейнхфюрера СС см.: Drobisch K. Der Freundeskreis Himmler: ein Beispiel für die Unterordnung der Naziartei und des faschistischen Staatsapparates, durch die Finanzoligarchie //Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1960. H. 2; Vogelsang R. Der Freundeskreis Himmlers. Güttingen, 1972.

³³ Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 69. 70; Looock H -D. Quisling, Rosenberg und Terboven: zur Vorgeschichte und Geschichte der national-sozialistischen Revolution In Norwegen. Stuttgart, 1971). S. 162, 163; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 57-59.

³⁴ Reichsgesetzblatt 1933. Berlin, 1933. T. 1. S. 743. См. также: Akten der Partei-Kanzlei... Bd. 2. S. 22, M, 62; Boelcke W. Die deutsche Wirtschaft: 1930-1945: Interna des Reichswirtschaftsministeriums, Düsseldorf, 1983. S. 74. 75; Telchert E. Autarkie und Großraumwirtschaft in Deutschland: 1930-1939: außenwirtschaftliche Konzeptionen zwischen Wirtschaftskrise und Zweiten Weltkrieg. München, 1984. S. 71.

Борьба за диктаторские полномочия в сфере внешнеторговой политики продолжалась в фашистской Германии и в последующие месяцы. В дневнике Розенберга (запись от 29 июня 1934 г.) приводится высказывание высокопоставленного чиновника министерства иностранных дел К. Риттера о желательности создания внешнеэкономического ведомства без представителей внешнеполитического бюро НСДАП (см.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 32, 33).

³⁵ См.: ZStA Potsdam. FS, № 617. Unpag. Richtlinien für Auslandskorrespondenz. O. D.; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 61, 62, 202, 203.

³⁶ В дневниках Гоббелса приводятся многочисленные свидетельства конкурентной борьбы между имперским министерством информации и пропаганды и внешнеполитическим бюро НСДАП, Острая конкуренция “интерий” осложнилась личным соперничеством двух нацистских деятелей. В июне 1934 г. Гоббелс сделал в дневнике следующую запись: “Много неприятностей доставляет мне Розенберг. Но когда-нибудь я его упрощу” (Die Tagebücher von Joseph Goebbels: sämtliche Fragmente. München: N. Y.; L.; P. 1987. T. 1. Bd. 2. S. 474). “Розенберг в ссоре со всеми, - писал министр пропаганды 6 апреля 1936 г. - С ним невозможно работать” (Ibid. S. 596. см. также: S. 475, 476, 519, 544, 545, 551, 595 etc).

³⁷ Ludecke K. I knew Hitler... P. 577.

³⁸ Генри Э. Гитлер над Европой. С. 134.

³⁹ ZStA Potsdam. FS. № 15201. Bl. E 592606. Rosenberg A. Das Aussenpolitische Amt der NSDAP.

24 Jan. 1934.

⁴⁰ Ibid. № 13702. Bl. 642. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933.

⁴¹ Ibid. 15201. Bl. E 592624. Кнауер an Rosenberg. Примерно такие же данные приводятся в современных исследованиях (см.: Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 56; Baumgartner R. Weltanschauungskampf im Dritten Reich: die Auseinandersetzungen der Kirchen mit Alfred Rosenberg-Mainz, 1977. S. 15; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 53).

⁴² ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Aufzeichnung für Stabsleiter Schickedanz. 15. Mai 1935.

⁴³ Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 13.

⁴⁴ Schickedanz A. Das Judentum, eine Gegenraße. Leipzig, 1927; Idem. Sozialparasitismus im Völkerleben. Leipzig, 1928.

⁴⁵ Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 60.

⁴⁶ С биографией В. Дайца можно ознакомиться в следующих справочниках: Deutscher Wirtschaftsführer: Lebensgänge Deutscher Wirtschaftspersönlichkeiten. Hamburg: Berlin: Leipzig, 1929. S. 419; Reichshandbuch der deutschen Gesellschaft: das Handbuch der Persönlichkeiten in Wort und Bild. Berlin, 1930. Bd. 1. S. 293, 294; Das Deutsche Führerlexikon 1934/35. Berlin, 1934. S. 89; Degeners wer ist's? Berlin, 1935. S. 267; Wer leitet? Die Männer der Wirtschaft und der einschlägigen Verwaltung einschließlich Adressbuch der Direktoren und Aufsichtsräte. Berlin. 1942. S. 152; Der Grossdeutsche Reichstag. IV. Wahlperiode. Berlin, 1943. S. 180. См. также: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 103-105. Daitz an Rosenberg. 3. März 1939. Кроме того, биографические сведения о Дайце приводятся в ряде исследовательских работ (см.: Neumann F. Behemoth: the Structure and Practice of National Socialism 1933-1944. N. Y. 1963; Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik...; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... etc.

⁴⁷ Daitz W. Zum Umbau der Volks- und Weltwirtschaft //Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. Dresden, 1943. T. 1. S. 14-18.

⁴⁸ Ibid. S. 16, 17; Сэсюли Р. ИГ Фарбениндусти. М., 1948. С. 78.

⁴⁹ Ibid. S. 18; Сэсюли Р. ИГ Фарбениндусти. С. 78.

⁵⁰ См.: Daitz W. Die Wirtschaftsphilosophie und Wirtschaftspolitik des Nationalsozialismus // NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. 1932. 5. Dez. S. 3.

⁵¹ Daitz W. Zum Umbau... S. 16.

⁵² Mlschke A. Werher Daitz //Daitz W. Der Weg... S. 7.

⁵³ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989. С. 165.

⁵⁴ Daitz W. Wir wollen die wirtschafts- und staatspolitische Tat! //NSW. Nationalsozialistische Wirtschaftsdienst. 1932. 8. Aug. S. 2.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Так называемые боксеймские документы представляли собой проекты приказов в момент захвата власти национал-социалистской партией. Из них следовало, что сразу же после взятия власти нацисты намеревались ввести военно-полевые суды и казнить каждого, кто не будет безоговорочно выполнять их приказы. Подробнее об этом см.: Гинцбург Л. Н. На пути в имперскую канцелярию: германский фашизм рвется к власти. М., 1972. С. 219-223

⁵⁸ Daitz W. Die Wirtschaftsphilosophie und Wirtschaftspolitik... S. 2.

⁵⁹ Ibid. S. 3.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Fritzsche R. Aufbau der Wirtschaft im Dritten Reich. Berlin, 1934. Annex. Unpag.

⁶² См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 377, 378. Leibbrandt an Schickedanz. 8. Dez. 1937; Jacobsen H. - A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 60, 61.

⁶³ Leibbrandt G. Die Auswanderung aus Schwaben nach Rußland: 1816-1823: eine schwabische Zeit und Charakterbild. Stuttgart, 1928,

⁶⁴ ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 377, 378. Leibbrandt an Schickedanz. 8. Dez. 1937.

⁶⁵ Humboldt-Universität zu Berlin. Archiv. Rektorat. № 163. Bl. 76. Six an Rust. 23. Mai 1940; Bl. 77. Leibbrandt an Six. 23. Mai 1940; Bl. 81. Schunemann an Rust. 26. Juni 1941: Universitätskurator, Personalia. ? 90. Bl. 1. Der Reichsminister für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung an Universitätskurator. 14 Okt. 1940.

⁶⁶ ZStA Potsdam. FS. № 44836. Interrogation № 2018. Vernehmung des Dr. Georg Leibbrandt am 23. Sept. 1947. Unpag.

⁶⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 1520K Bl. E 592594-E 592595. Richtlinien für die Einrichtung des APA der NSDAP. 1. April 1933; № 14232. Unpag. Der vorläufige Aufbau des APA der NSDAP. 18. April 1933; № 15201. Bl. E592599- E 592606. Das Aussenpolitische Amt der NSDAP. 24. Jan. 1934: № 617. Unpag. Rosenberg A. Einteilung des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 8. Febr. 1935: Ws 4870. Bl. 839543-839545. Diplomatisches Bulletin. Das Aussenpolitische Amt der NSDAP. O. D.: Jacobsen H. - A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 64-66. 634-637: Baumgartner R. Weltanschauungskampf... S. 15; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 50-52.

⁶⁸ Впоследствии немецкая служба академического обмена не фигурировала как отдел внешнеполитического бюро НСДАП.

⁶⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag.- Rosenberg A. Einteilung des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 8. Febr. 1935: Nationalsozialistisches Jahrbuch 1936. München; Berlin, o. J. S. 145.

⁷⁰ В данном случае имелись в виду европейские государства, расположенные к востоку от Германии, то есть государства Восточной Европы.

⁷¹ Речь идет об азиатском Востоке, иными словами, о странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

⁷² ZStA Potsdam. FS. № 4870. Bl. 839544. Diplomatisches Bulletin. Das Aussenpolitische Amt der NSDAP.

⁷³ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 169-181, 244-294; Нюрнбергский процесс: В 8 т. М., 1988. Т. 2. С. 475, 476.

⁷⁴ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее- IMT) Nuremberg, 1949. V. 25. S. 16.

⁷⁵ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 17.

⁷⁶ Internationale Presse-Korrespondenz. Berlin, 1932. № 42. S. 1286.

⁷⁷ IMT. V. 25. P. 16.

⁷⁸ См.: Baumgartner R. Weltanschauungskampf... S. 15, 16.

⁷⁹ IMT. V. 25. P. 16.

⁸⁰ Только в 1938 г. гитлеровцы узнали о том, что майор Ф. Уинтерботэм был сотрудником Интеллидженс сервис. В своих воспоминаниях английский разведчик пишет о встречах и беседах с Гитлером, Гессом, Розенбергом и рядом высших офицеров германских сухопутных и военно-воздушных сил. Играя на их желании удержать Великобританию от вмешательства в европейскую политику третьего рейха, Уинтерботэм заставил их "выложить из первоисточника многое из того",

что хотели узнать в Англии (см.: Уинтерботам Ф. Операция "Ультра". М., 1978. С. 19-21, 27, 28; Winterbotham F. The Nazi Connection. N. Y.: Hagerstown; San Francisco; L. 1978. P. 1, 4, 5). Уинтерботам утверждает, что по его инициативе была организована поездка Розенберга в Лондон осенью 1932 г. Кроме того, он называет барона де Ромни своим агентом (см.: Winterbotham F. The Nazi Connection. P. 21. 30-36).

⁸¹ Гейден К. История германского фашизма. М.; Л., 1935. С. 364.

⁸² Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. Лп., 1961. С. 39, 40; Розанов Г. Л. Германия под властью фашизма... С. 228, 229; Феликс В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе: 1933-1939 гг. М., 1963. С. 142, 143; Симонов В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность: 1933-1939. М., 1974. С. 19; Максимович И. Ф. Дипломатия мира... С. 35; и др.

⁸³ Schubert G. Anfänge... S.214, Cecil R. The Myth of the Master Race Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. London, 1972. P. 175; Weinberg G. L. The Foreign Policy of Hitler's Germany: Diplomatic Revolution in Europe: 1933-1936. Chicago; L., 1970. P. 35; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 90, 91, 185; Fox J. Alfred Rosenberg in London // Contemporary Review. L., 1968. July. P. 11.

⁸⁴ Documents on British Foreign Policy 1919-1939 (далее - DBFP). Ser. Ser. L., 1956. V. 5. P. 228, 229.

⁸⁵ Ibid. P. 204.

⁸⁶ Ibid. P. 204, 205; 212.

⁸⁷ Швагуляк М. // Украина в экспансионистских планах германского фашизма (1933-1939 гг.). Киев, 1983. С. 118.

⁸⁸ Baumgartner R. Weltanschauungskampf... S. 16.

⁸⁹ См.: Akten der Reichskanzlei: Regierung Hitler: 1933-1938. T. I. Boppard/Rhein, 1983. Bd. I.S. 477; Akten zur deutschen auswärtigen Politik: 1918-1945 (далее - ADAP). Ser. C. Guttingen, 1971. Bd. I. T. 2. S. 478-481.

⁹⁰ К этому следует добавить, что в то время, когда Розенберг находился с визитом в Лондоне, Гитлер принял посла Великобритании и через него сделал английскому правительству предложение, по существу совпадающее с розенберговскими (см.: ADAP. Ser. C. Bd. I. T. I. S. 400, 401.)

⁹¹ ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 643. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933.

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren. 1934/35 und 1939/40. Guttingen, 1956. S. 140.

⁹⁷ Ibid. S. 46.

⁹⁸ См.: Безыменский Л. А. Тайная дипломатия принца Гогенлоз // Новая и новейшая история. М., 1980. № 1, 2; Он же. Разгаданные загадки третьего рейха: книга не только о прошлом: 1933-1941. М., 1981.

⁹⁹ Безыменский Л. А. Разгаданные загадки... С. 117.

¹⁰⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 633. Aktennotiz. 20. Febr. 1934.

¹⁰¹ Принц Уэльский - с 20 января по 11 декабря 1936 г. английский король Эдуард VIII.

¹⁰² ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 633. Aktennotiz. 20. Febr. 1934.

¹⁰³ См.: Akten der Parteikanzlei... T. 1. Bd. 2. S. 64.

¹⁰⁴ IMT. V. 25. P. 17.

¹⁰⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 623. Aktennotiz. 13. Mdrz 1934.

По словам майора Уинтерботэма, Гитлер заявил ему, что в будущем мире станут господствовать лишь три державы - Великобритания, США и Германия, причем германская империя будет включать "остальную часть Европы и земли на Востоке". "Все, что мы просим, - продолжал нацистский фюрер, - состоит в том, чтобы Британния..., не вмешивалась в экспансионистские планы Германии" (Winterbotham F. The Nazi Connection. P. 53).

¹⁰⁶ ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 623. Aktennotiz. 13. Mdrz 1934.

¹⁰⁷ Ibid. Bl. 624.

¹⁰⁸ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 44.

¹⁰⁹ IMT. V. 25. P. 17.

¹¹⁰ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 140.

¹¹¹ Ibid. S. 138, 139.

¹¹² Ibid. S. 139.

¹¹³ Ibidem.

¹¹⁴ В мае 1934 г. Гитлер согласился с точкой зрения Розенберга на перспективы национал-социалистской колониальной политики: Германиям должна придерживаться курса на возвращение бывших германских колоний, но не в такой степени, чтобы это было воспринято как "начало новой колониальной политики" (см.: Ibid. S. 18).

¹¹⁵ Ibid. S. 140.

¹¹⁶ Ibid. S. 139.

¹¹⁷ Ibid. S. 20.

¹¹⁸ ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 643. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933; Ibid. № 17755. Unpag. Denkschrift über Rumänien. 1. Febr. 1936.

¹¹⁹ См.: *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933-1939 гг.): Дис.... д-ра нет. наук. Пермь, 1973.

¹²⁰ ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 643. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933; Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 134.

¹²¹ ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 643. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933.

¹²² Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplanen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975. S. 234-239.

Подробный анализ этого документа содержится в монографическом исследовании югославского историка Д. Лукача (см.: Lukal D. Treći Rajh i zemlje Jugoistočne Evrope. D. 1. Beograd, 1982. S. 110-114).

¹²³ В. К. Волков подробно рассматривает вопрос об убийстве в Марселе и его предысторию через призму межведомственных противоречий в нацистской Германии (см.: *Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты: 1933-1938. М., 1966. С. 58-71).

¹²⁴ Weltherrschaft im Visier... S. 234. 235. 236. 239.

¹²⁵ ZStA Potsdam FS. № 13702. Bl. 644. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP.

22. Mai 1933. См. также: ADAP. Ser. C. Bd. 1. T. 2. S. 720.

¹²⁶ ZStA Potsdam. FS. № 430. Bl. 66, 67. Rosenberg A. Kurzer Tätigkeitsbericht des Ausenpolitischen Amtes der NSDAP von 1933-1943.

¹²⁷ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С.49.

¹²⁸ Там же. С. 65; ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Denkschrift über Rumänien. 1. Febr. 1936; ? 430. Bl. 65. Rosenberg A. Kurzer Tätigkeitsbericht des Ausenpolitischen Amtes der NSDAP von 1933-1943.

¹²⁹ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs...S. 48.

¹³⁰ Ibid. S. 58.

¹³¹ IMT.V.25.P.20:

¹³² См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 134; ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Denkschrift über Rumänien. 1. Febr. 1936; Волков В. К. Германо-югославские отношения... С. 64-67.

¹³³ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 135.

¹³⁴ Weltherrschaft im Visier... S. 235, 236.

¹³⁵ См.: Daitz W. Grundsatzliches Zur nationalsozialistischen Außenhandels- und Verkehrspolitik //Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 33; Daitz W. über die Errichtung eines Handelsamtes (Außenhandelskammer) //Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 36.

¹³⁶ Daitz W. über die Errichtung... S. 36.

¹³⁷ Documents diplomatiques français (далее - DDF). Ser. 1. P., 1967. T. 3. P. 733; Karsai E. The Meeting of Gombos and Hitler in 1933 //The New Hungarian Quarterly. Budapest, 1962. V. 3. № 5. P. 180-181.

¹³⁸ Daitz W. Nationalsozialistische Außenhandelsgrundsätze //Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 42.

¹³⁹ Ibid. S. 44-46.

¹⁴⁰ См.: DDF. Ser. 1. T. 3. P. 721.

¹⁴¹ См.: Daitz W. Nationalsozialismus, Faschismus und Südosteuropa // Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 16.

¹⁴² Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 68.

¹⁴³ ZStA Potsdam. FS. № 13672. Bl. 4914949. Interview zwischen Reichsleiter Rosenberg und dem Schweden Swanstroem. 23. Juni 1939.

¹⁴⁴ Ibid. Bl. 4914949, 4914950.

¹⁴⁵ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 334.

¹⁴⁶ Ibid. S. 335.

¹⁴⁷ Hitler A. Mein Kampf. München, 1933. Bd. 2. S. 422.

¹⁴⁸ Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts: eine wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1942. S. 113.

¹⁴⁹ Ibid. S. 640.

¹⁵⁰ Ibid. S. 642.

¹⁵¹ Ibid. S. 676.

¹⁵² Daitz W. Die nationalsozialistische Ostseepolitik und der Hansa-Kanal: ein Beitrag zum nationalsozialistischen Arbeitsbeschaffungs-Programm. Berlin. 1932. S. 5.

¹⁵³ Ibid. S. 6, 8.

- ¹⁵⁴ Ibid. S. 4.
- ¹⁵⁵ Ibid. S. 4, 5.
- ¹⁵⁶ CM.: Looock H.-D. Quisling, Rosenberg und Terboven... S. 166.
- ¹⁵⁷ ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 369. Bl. 227. 228. Vorschläge für die künftige Arbeit. O.D.
- ¹⁵⁸ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 485; Looock H.-D. Quisling, Rosenberg und Terboven... S. 166, 167; Baumgartner R. Weltanschauungskampf... S. 17; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 301.
- ¹⁵⁹ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 485, 486; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 301.
- ¹⁶⁰ Looock H. -D. Quisling, Rosenberg und Terboven... S. 168; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 301.
- ¹⁶¹ Looock H. -D. Quisling, Rosenberg und Terboven... S. 168; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 303.
- ¹⁶² ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 369. Bl. 228. Vorschläge für die künftige Arbeit. O. D.
- ¹⁶³ Baumgartner R. Weltanschauungskampf... S. 18; Looock H. -D. Quisling, Rosenberg und Terboven... S. 170.
- ¹⁶⁴ IMT. V. 25. P. 19, 20.
- ¹⁶⁵ Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 488; Lutzhuft H. -J. Der Nordische Gedanke in Deutschland: 1920-1940. Stuttgart, 1971. S. 56; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 307-309.
- ¹⁶⁶ Luteheft H.-J. Der Nordische Gedanke... S. 57; Looock H. -D. Quisling, Rosenberg und Terboven... S. 171; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 304, 305.
- ¹⁶⁷ CM.: ZStA Rostock. FS. № 14695. Unpag. Aufbau und Ziele der Nordischen Gesellschaft. 17. Jan. 1939.
- ¹⁶⁸ ZStA Potsdam. FS. № 3850. Bl. 19700. Rede des Pg. Mierbach. 2a. Mai 1935.
- ¹⁶⁹ CM.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 303.
- ¹⁷⁰ CM.: ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 153-177. Rosenberg A. Krisis mid Neubau Europas. 28. März 1934.
- ¹⁷¹ Ibid. Bl. 158. 159.
- ¹⁷² Ibid. Bl. 162, 163.
- ¹⁷³ Ibid. Bl. 163.
- ¹⁷⁴ Ibid. Bl. 167, 168.
- ¹⁷⁵ Ibid. Bl. 172, 173.
- ¹⁷⁶ Ibid. Bl. 173. 174.
- ¹⁷⁷ Rosenberg A. Europa, der Norden und Deutschland //Rosenberg A. Gestaltung der Ides: Blut land Ehre. München, 1936. Bd. 2. S. 96
- ¹⁷⁸ Ibid.S.98.
- ¹⁷⁹ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 26.
- ¹⁸⁰ CM.: Daitz W. Die alte Städtehanse und der kontinentaliiuropäischer Wirtschaftskreislauf // Nationale Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft Dresden, 1941. S. 169-176.

- ¹⁸¹ Ibid. S. 173, 174. См. также: Daitz W. Neue Außenhandelspolitik // Daitz W. Der Weg... T. 2. S. 50.
- ¹⁸² Daitz W. Kontinentaleuropäische Grossraumwirtschaft und der Ostseeraum // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 25.
- ¹⁸³ Daitz W. Nationalsozialistische Außenhandelsgrundsätze. S. 44.
- ¹⁸⁴ Daitz W. Neue Außenhandelspolitik. S. 50.
- ¹⁸⁵ Daitz W. Kontinentaleuropäische Grossraumwirtschaft und der Ostseeraum. S. 25. См. также: Muller R.-D. Das Tor zur Weltmacht: die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard/Rhein, 1984. S. 265.
- ¹⁸⁶ Daitz W. Organische Aufbau von Volks- und Grossraumwirtschaft // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 45.
- ¹⁸⁷ Daitz W. Neue Außenhandelspolitik. S. 50. См. также: Idem. Weltanschauung und Wirtschaft // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 58.
- ¹⁸⁸ См.: Daitz W. Die alte Städtehanse... S. 176.
- ¹⁸⁹ Daitz W. Nationalsozialismus, Faschismus und Südosteuropa. S. 16.
- ¹⁹⁰ Ibidem.
- ¹⁹¹ Daitz W. Kontinentaleuropäische Grossraumwirtschaft und der Ostseeraum S. 27.
- ¹⁹² Daitz W. Die alte Städtehanse... S. 175.
- ¹⁹³ Daitz W. Denkschrift über die Errichtung einer Gesellschaft für europäische Grossraumwirtschaft // Daitz W. Der Weg... T. 1. S. 45-49.
- ¹⁹⁴ Ibid.
- ¹⁹⁵ Ibidem.
- ¹⁹⁶ Ibid. S. 47. См. также: Welt Herrschaft im Visier... S. 244.
- ¹⁹⁷ Daitz W. Denkschrift über die Errichtung einer Gesellschaft... S. 49
- ¹⁹⁸ О "новом плане" см.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989. С. 59, 60.

К ГЛАВЕ 3. ПЕРЕХОД РОЗЕНБЕРГОВСКОЙ "ИМПЕРИИ" К ПОЛИТИКЕ "СОЗНАТЕЛЬНОГО ЕВРОПЕИЗМА"

- ¹ См: Schulthess' Europäischer Geschichtskalender 1936. München, 1937.
- ² См: Документы внешней политики СССР М., 1973 Т. 18, С. 372, 374. Т. 19, С. 159, 161.
- ³ Там же. Т. 18. С. 524.
- ⁴ Там же. С. 140.
- ⁵ См.: Schulthess' Europäischer Geschichtskalender... S. 135.
- ⁶ Zentrales Staatsarchiv (далее - ZStA) Potsdam. Filmsammlung (далее - FS), № 617, Unpag. Abendvorträge. O. D.; № 3851. Bl. 20342. Mitteilungen zur weltanschaulichen Lage. 22. Jan. 1937.
- ⁷ Rosenberg A. Der Zukunftsweg einer deutschen Außenpolitik. München, 1927. S. 89. 93.
- ⁸ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Güttingen, 1956. S. 29.
- ⁹ ZStA Potsdam FS. № 617 Unpag. Leibbrandt an Knauer. Ende Febr. 1935.
- ¹⁰ См.: Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 48.

¹¹ См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik; 1933-1938. F. a. M.; Berlin (West), 1968. S. 85.

¹² ZStA Potsdam. FS. № 13702. Bl. 645. Der Aufbau des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. 22. Mai 1933; № 15201. Bl. E 592602. E 592603. Rosenberg A. Das Aussenpolitische Amt der NSDAP. 24. Jan. 1934.

¹³ О "Союзе немецкого Востока" см.: Fiedor K. Bund Deutscher Osten w systemie antypolskiej propagandy. Warszawa; Wrocław, 1977; Rothbarth M. Der "Bund Deutscher Osten" und die faschistische Politik gegenüber der polnischennationalen Minderheit in Deutschland //Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1978. Bd. 22/2. S. 107-118; Lexikon zur Parteiengeschichte: die bürgerlichen und kleinbürgerlichen Parteien und Verbände in Deutschland (1789-1945). Kün, 1983. Bd. 1. S. 308-315.

¹⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 15201. Bl. E 592603. Rosenberg A. Das Aussenpolitische Amt der NSDAP. 24. Jan. 1934.

¹⁵ Ibid. Bl. E 592602.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Климовский Д. С. Зловещий пакт: из истории германо-польских отношений межвоенного двадцатилетия. Минск, 1968; Случ С. З. Германо-польский пакт о ненападении 1934 г. - дестабилизирующий фактор международной обстановки в Европе //Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984. С.84-104.

¹⁷ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 61.

¹⁸ См.: Fleischhauer I. Das Dritte Reich... S. 48; Kuusisto S. Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Außenpolitik: 1933-1939. Helsinki, 1984. S. 143, 144; Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 88, 89.

¹⁹ ZStA Potsdam. FS. № 618. Unpag. Leibbrandt an Brockhausen. 1. Nov. 1937.

²⁰ Ibid. № 617. Unpag. Leibbrandt an Schickedanz. 4. Mai 1935.

²¹ Ibidem.

²² См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 449; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 115.

²³ См.: Швагуляк М. Н. Украина в экспансионистских планах германского фашизма (1933-1939 гг.) Киев, 1983. С. 140, 147, 148, 179 и др; Jacollsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 449, 450; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 115, 116, 119, 136.

²⁴ Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 450.

²⁵ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее - IMT). Nuremberg, 1949. V. 25. P. 19, 20; ZStA Potsdam. FS. № 15201. Bl. № 592617. Kurzer Tätigkeitsbericht des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP. Okt. 1935.

²⁶ См.: Генри Э. Гитлер над Европой. М., 1935. С. ПО-142.а также: Генри Э. Профессиональный антикоммунизм: к истории возникновения. М., 1981. С. 359.

²⁷ Rosenberg A. Bolschewismus als Aktion einer fremden Rasse //Rosenberg A. Gestaltung der Idee: Blut und Ehre. München. 1939. Bd. 2. S. 367, 368.

²⁸ Гейне Э. Гитлер над Европой. С. 115, 116

²⁹ См.: Merker P. Deutschland: sein oder nicht sein? Mexico, 1945. Bd. 2, S. 122

³⁰ Генри Э. Гитлер над Европой. С. 59.

³¹ Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 147.

³² Ibid. S. 148.

³³ Генри Э. Профессиональный антикоммунизм... С. 343.

³⁴ Там же. С. 346.

³⁵ Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 456.

³⁶ Krdmer W. Vom Stab HeЯ zu Dr. Goebbels. Vlotho/Weser. 1979. S. 406.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibid. S. 404, 405.

³⁹ Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 130.

⁴⁰ Ibid. S. 148-150.

По некоторым данным, Эрт еще в 1932 г. критиковал взгляды Розенберга (см.: Lamlehr W. Russia and Germany: a Century of Conflict. L., 1965. P. 178, 179).

⁴¹ Rosenberg A. Der Zukunftsweg... S. 41.

⁴² Rosenberg A. Krisis und Neugeburt Europas //Nationalsozialistische Monatshefte. 1932. H. 33. S. 544.

⁴³ Petersen J. Hitler - Mussolini: die Entstehung der Achse Berlin - Rom: 1933-1936. Тьбинген, 1973. S. 281.

⁴⁴ ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd.153. Bl. 4. Trotha T. Aktennotiz. 29. Aug. 1934.

⁴⁵ Михайленко В. И. Итало-фашистские планы европейского "нового порядка" в 30-е гг. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1987. С. 42.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Лопухов Б. Р. Фашистский и антифашистский вариант "европеизма" в Италии // Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. М., 1986. С. 52.

⁴⁸ См.: Borejsza J. Die Rivalität zwischen Faschismus und Nationalsozialismus in Ostmitteleuropa //Vierteljahrshette für Zeitgeschichte. Stuttgart, 1981. H. 4. 585.

⁴⁹ См.: Лопухов Б. Р. Фашистский и антифашистский вариант... С. 52.

⁵⁰ См.: Там же. С. 53; Ledeen M. Universal Fascism: the Theory and Practice of the Fascist International: 1928-1936. N. Y., 1972. P. 114, 115; ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Barilli an die Leitung der Antikomintern. 10. Okt. 1935.

⁵¹ См.: Лопухов Б. Р. Фашистский и антифашистский вариант... С. 53.

⁵² ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Barilli an die Leitung der Antikomintern. 10. Okt. 1935.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibidem. Gielen an Barilli. 15. Okt. 1935.

⁵⁵ Имеется в виду позиция СССР в Лиге Наций, которая признала Италию агрессором, напавшим на Эфиопию, и приняла решение о применении к ней экономических и финансовых санкций.

⁵⁶ См.: ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Gielen an Leibbrandt. 5. Nov. 1935.

⁵⁷ Шестнадцатого мая 1935 г. СССР и Чехословакия заключили договор о взаимопомощи.

⁵⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Gielen an Leibbrandt. 5. Nov. 1935.

⁵⁹ См.: Михайленко В. И. На пути к формированию фашистской оси Рим-Берлин (по материалам итальянского Центрального государственного архива) //Проблемы итальянской истории.

1982. М., 1983. С. 90.

⁶⁰ См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 79.

⁶¹ См.: Cecil R. The Myth of the Master Race: Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. L., 1972. P. 178.

⁶² Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 79.

⁶³ Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 101. См. также: Akten der Partei - Kanzlei der NSDAP: Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. T. 1. München, 1983. Regesten. Bd. 2. S. 203, 225.

⁶⁴ См.: Baumgartner R. Weltanschauungskampf inn Dritten Reich: die Auseinandersetzungen der Kirchen mit Alfred Rosenberg. Mainz, 1977. S. 16.

⁶⁵ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 104.

⁶⁶ Западногерманский историк В. Михалка пишет, что при разработке своей концепции Риббентроп использовал идеи геополитиков Ф. Ратцеля, Э. Обста, О. Мауля и К. Хаусхофера (см.: Michalka W. Vom Antikominternpakt zum Euro-asiatischen Kontinentalblock: Ribbentrops Alternativkonzeption zu Hitlers aussenpolitischem "Programm" //Nationalsozialistische Aussenpolitik. Darmstadt, 1978. S. 489).

⁶⁷ См.: Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1967. С. 322; Черкасов Н. С., Хлыстова Н.-А. К историографии немецкой геополитики // Методологические и исторические вопросы исторической науки. Томск, 1977. Вып. 12. С. 32.

⁶⁸ Цит. по: Jacobsen H.-A. Karl Haushofer: Leben und Werk. Boppard/Rhein, 1979. Bd. I. S. 544, 547.

Со стороны партийных инстанций, - писал К. Хаусхоферу издатель "Журнала геополитики" К. Фовинкель, - отношение ясное: они упрекают геополитику в чрезмерном подчеркивании влияния пространства" (Ibid. Bd. 2. S.328).

⁶⁹ Гейден Г. Критика немецкой геополитики. М., 1960. С. 147.

⁷⁰ ZStA Potsdam. Akten. Deutsches Auslandswissenschaftliches Institut. Bd. 1436, Bl. 25. Siewert W. Geopolitik als Staatswissenschaft. 2. Sept. 1934.

⁷¹ Ibid. Bl. 12. Geopolitische Reichstagung in Heidelberg. 3. Jan. 1937.

⁷² См.: Jacobsen H.-A. Karl Haushofer... Bd.2. S. 123, 156; ZStA Potsdam. Akten. Deutsches Auslandswissenschaftliches Institut. Bd. 1436, Bl. 16. Geopolitik und Rassenkunde. 3. Febr. 1936.

⁷³ См.: Jacobsen H.-A. Karl Haushofer... Bd. 2. S. 152-155.

⁷⁴ Ibid. S.154.

⁷⁵ См.: Laack-Michel U. Albrecht Haushofer und der Nationalsozialismus: ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1974. S. 140.

⁷⁶ См.: Гейден Г. Критика немецкой геополитики. С. 163; Laack-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 158.

⁷⁷ См.: Laack-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 373-381; Прасолов С. И. Чехословакия в европейской политике: 1935-1938. М., 1989. С. 146-149, 155- 158, 166 и др.

⁷⁸ См.: Jacobsen H. -A. Karl Haushofer... Bd. 2. S. 342-344; Laack-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 170.

⁷⁹ См. Нюрнбергский процесс: В 8 т. Т. 2. М., 1988. С. 627-629. IMT. V. 31. P. 114-116; Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law № 10. Washington, 1949. V. 12. P. 788-790.

⁸⁰ См.: Laack-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 183,184.

⁸¹ Цит. по: *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики. С. 163.

⁸² ZStA Potsdam. FS. № 3580. Bl. 1505082. Geopolitische Arbeitswoche Neustadt. 2. - 7. Jan. 1934. Diehl H. Vortrag 3.

⁸³ См.: Laack-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 368. 369; *Прасолов С. И.* Чехословакия в европейской политике... С. 149.

⁸⁴ Laack-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 368.

⁸⁵ Ibidem. См. также: *Прасолов С. И.* Чехословакия в европейской политике... С. 147.

⁸⁶ См.: Laalik-Michel U. Albrecht Haushofer... S. 368.

⁸⁷ Цит. по: *Мельников Д. Е., Черная Л. Д.* Империя смерти: аппарат насилия в нацистской Германии: 1933-1945. М., 1987, С. 174.

⁸⁸ Archiv des Reichsmlrstandes. Berlin, 1935. Bd. 3. S. 45.

При этом Гиммлер явно пользовался "достижениями" нацистских специалистов по расовым проблемам, которые утверждали: "Ненордический человек занимает промежуточное положение между нордическим человеком и животными, прежде всего человекообразными обезьянами... Нет таких физических и духовных признаков, на основании которых можно было бы отличать людей от животных. Есть лишь отличие между нордическими людьми, с одной стороны, и животными вообще (включая ненордического человека, или недочеловека, как переходную форму), с другой стороны" (Цит. по: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker: Dokumente. Berlin (West), 1959. S. 409.

⁸⁹ Hans Steinacher, Bundesleiter des VDA 1933-1937: Erinnerungen und Dokumente. Boppard/Rhein, 1970. S. 351.

⁹⁰ Ibidem.

⁹¹ Ibid.S.275.

⁹² См.: *Jacobsen H.-A.* Karl Haushofer... Bd. I. S. 291.

⁹³ Halls Steinacher, Bundesleiter... S. 381.

⁹⁴ См.: *Jacobsen H.-A.* Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 234, 233; *Halls Steinacher*, Bundesleiter... S. 385, 386.

⁹⁵ Halls Steinacher. Bundesleiter... S. 390.

⁹⁶ См.: *Дашинцев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки: документы и материалы. М., 1973. Т. I. С. 321-322.

⁹⁷ Там же. С. 137.

⁹⁸ См. Henke J. England in Hitlers politischem Kalkül: 1935-1939. Boppard/Rhein, 1973. S. 101, 104; *Hillgruber A.* England in Hitlers außenpolitischer konzeption //Historische Zeitschrift. München, 1974. Bd. 218. H. I. S. 75; *Michalka W.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik: 1933-1940; außenpolitische Konzeptionen und Entscheidungsprozesse im Dritten Reich. München, 1980. S. 168.

⁹⁹ См.: *Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. I. S. 628.

¹⁰⁰ См.: *Michalka W.* Vom Antikominternpakt zum Euro-asiatischen Kontinentalblock... S. 483, 484, 489; *Idem.* Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik... S. 161, 168; *Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg.* Bd. I. S. 628.

В последнее время некоторые западногерманские историки высказывают сомнение относительно того, что у Риббентропа была самостоятельная, альтернативная гитлеровской,

внешнеполитическая концепция (см.: Düscher H. -J. Das Auswärtige Amt im Dritten Reich: Diplomatie im Schatten der "Endlösung". Berlin, 1987. S. 89; Longerich P. Propagandisten im Krieg: die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München, 1987. S. 42-45).

¹⁰¹ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность: 1933-1939. М., 1974. С. 175.

¹⁰² См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1, Bd. 1. S. 1751 Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 301, 302.

¹⁰³ См.: Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 301.

¹⁰⁴ См.: Bollmus R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970. S. 128.

¹⁰⁵ См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1, Bd. 2. S. 116; Bollmus R. Das Amt Rosenberg... S. 128.

¹⁰⁶ См.: Weltherrschaft im Visier: Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplanen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945. Berlin, 1975, S. 243-245; Europastrategien des deutschen Kapitals: 1900-1945. Kuhn, 1977. S. 629-636.

¹⁰⁷ Weltherrschaft im Visier... S. 244; Europastrategien des deutschen Kapitals... S. 630.

¹⁰⁸ См.: Weltherrschaft im Visier... S. 244, 245; Europastrategien des deutschen Kapitals... S. 631, 632.

¹⁰⁹ Дневник посла Додда: 1933-1938. М., 1961. С. 446, 447.

¹¹⁰ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 380.

¹¹¹ См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1, Bd. 2. S. 288; Bollmus R. Das Amt Rosenberg... S. 98.

¹¹² Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 383.

В бумагах Г. Лейббрандта сохранился чрезвычайно важный документ, относящийся к данному вопросу. В нем, в частности, говорится: "Работа должна вестись в соответствии со следующими принципами: 1. Решающим является исключительно интерес немецкого народа. Основания для оценок необходимо получать из установок фюрера, как они изложены в "Майн кампф", и из различных выступлений рейхслейтера Розенберга... 3. Интересы других народов и групп следует учитывать исключительно под углом зрения немецких интересов и лишь постольку, поскольку они служат немецким жизненным интересам..." (ZStA Potsdam. FS. № 117. Unpag. Grundsätzliches. 27. Jan. 1939; Müller R.-D. Das Tor zur Weltmacht: die Bedeutung der Sowjetunion für die deutsche Wirtschafts- und Rüstungspolitik zwischen den Weltkriegen. Boppard/Rhein, 1984. S. 328).

¹¹³ См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 310.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13708. Bl. 846-849. Vorschläge an den Führer von Reichsleiter Rosenberg und Botschafter von Ribbentrop. 19. Sept. 1937. Изложение этого документа дано в монографиях Якобсена, Баумгартнера и Куусисто. См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 311, 312; Baumgartner R. Weltanschauungskampf... S. 20; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 385.

¹¹⁶ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13708. Bl. 850. Vorschläge an den Führer von Reichsleiter Rosenberg und Botschafter von Ribbentrop. 19. Sept. 1937. Annex 1.

¹¹⁷ См.: Jacobsen H. -A. Nationalsozialistische Außenpolitik. S. 312.

¹¹⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 339-342. Leibbrandt an Rosenberg 27. Okt. 1938; Europas Schicksal im Osten. Breslau, 1938; Leibbrandt G. Jüdische Weltpolitik in Selbsterzeugnissen. München, 1938; Europa und der Osten. München, 1939; Leibbrandt G. Moskaus Aufmarsch gegen Europa.

Мюнхен. 1939. Etc.

¹¹⁹ См.: ZStA Potsdam. FS № 617. Unpag. Leibbrandt an Rosenberg. 4. Nov. 1937; Fleischhauer I. Das Dritte Reich... S 59.

¹²⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 104. Daitz an Rosenberg. 3. März 1939. По этому вопросу см. также: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1. Bd. 2. S.314.

¹²¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 1201. Bl. 1028. Rosenberg an Ley. 28. Mai 1940.

¹²² Daitz W. Grossraumwirtschaft //Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft Grossrallmwirtschaft und Grossrallmpolitik. Dresden, 1943. Т. 2. S. 27.

¹²³ См.: Bollmus R. Das Amt Rosenberg... S.69; Baumgärtner R. Weltanschauungskampf... S. 30.

¹²⁴ См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 86.

¹²⁵ Misstrauische Nachbarn: Deutsche Ostpolitik 1919/1970: Dokumentation und Analyse. Düsseldorf, 1970. S. 110, 111.

¹²⁶ См.: Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S. 86; Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 131; *Швагулик М. Н.* Украина в экспансионистских планах... С. 136.

¹²⁷ *Дашинцев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... С. 126.

¹²⁸ Там же. С. 125.

¹²⁹ Там же. С. 128.

¹³⁰ Там же. С. 124.

¹³¹ Там же. С. 129.

Шестнадцатого ноября 1937 г. в дневнике Геббельса появилась любопытная запись: "Я опасаясь за наши отношения с Англией. Фюрера ориентируют одни подстрекатели. Риббентроп разъярен, так как он не преуспел в Лондоне. Но это в значительной степени результат его крупных тактических ошибок. Во всяком случае, я хочу при случае высказать фюреру иное мнение" (Die Tagebücher von Joseph Goebbels: sämtliche Fragmente. Т. 1. Мюнхен; N.Y.; L.; P., 1987. Bd. 3. S.336)

¹³² См.: Documents on German Foreign Policy 1918-1945. Ser. D. Washington. 1953. V. 5. P. 556, 557.

В своих воспоминаниях Риббентроп пишет о том, что между его ведомством и внешнеполитическим бюро НСДАП существовали постоянные расхождения по вопросам германской политики в скандинавских странах и в Восточной Европе (см.: Ribbentrop J. Zwischen London und Moskau: Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen, Leoni/Stamberger See, 1954. S. 130).

¹³³ См.: Documents on German Foreign Policy... V. 5. P. 557, 558.

¹³⁴ Aus Gurrings Schreibtisch: ein Dokumentenfund. Berlin, 1947. S. 70.

¹³⁵ Ibid. S. 68, 69.

¹³⁶ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 386, 387.

¹³⁷ Misstrauische Nachbarn... S. 117.

¹³⁸ Ibid. S. 115.

¹³⁹ Ibid. S. 117; Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Außenpolitik... S.448.

¹⁴⁰ ZStA Potsdam. PS. № 14695. Unpag. Nordische Schicksalsgemeinschaft. Reichsleiter A. Rosenberg sprach auf der Tagung der Nordischen Gesellschaft in Lbeck. 22. Juni 1938; Ibidem. A. Rosenberg beschließt 5. Tagung der Nordischen Gesellschaft. Lbeck. 21. Juni 1938; Volkischer Beobachter. Berlin. 22. Juni 1938.

¹⁴¹ См.: Hass G. Arnold Rechbergs Vorschläge van 1938 für einen Expansionskrieg gegen

MaЯstages: Dokumentation //Jahrbuch für Geschichte. Berlin, 1976. Bd. 14. S. 397-443; **Анатомия войны: новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны.** М., 1971. С. 180, 181.

¹⁴² **Анатомия войны...** С. 181.

¹⁴³ Daitz W. Deutschland, die Türkei und das europäische Schicksal //Daitz W. Der Weg... Т. 2. S. 24.

¹⁴⁴ ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Einheitliche Haltung der Binnen- und Außenwirtschaft. Bericht über einen Vortragsabend der Deutschen Weltwirtschaftlichen Gesellschaft. Berlin, 1936. 8. Mai.

¹⁴⁵ Daitz W. Saat aus niederdeutschen Raum //Daitz W. Der Weg... Т. 1. S. 136.

¹⁴⁶ Ibid. S. 140.

¹⁴⁷ Daitz W. Nordische und mittelmeerländische Geisteshaltung - die Fundamente Europas. Lbeck. 1937. S. 8.

¹⁴⁸ Ibid. S. 4.

¹⁴⁹ Ibid. S. 8, 9.

¹⁵⁰ Ibid. S. 10.

¹⁵¹ Daitz W. Deutschland, die Türkei und das europäische Schicksal. S. 24.

¹⁵² Daitz W. Nordische und mittelmeerländische Geisteshaltung... S. 8

¹⁵³ Ibidem.

¹⁵⁴ Ibid. S. 10.

¹⁵⁵ Daitz W. Die germanischen Tugenden als Lebensgesetzlichkeit des deutschen Volkes //Daitz W. Der Weg... Т. 1. S. 100.

¹⁵⁶ Ibid. S. 101.

¹⁵⁷ Ibid. S.100.

¹⁵⁸ Ibid. S. 104.

¹⁵⁹ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 69.

¹⁶⁰ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. - август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 126; Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. 21. С. 604, 605.

В монографии Куусисто отмечается, что во внешнеполитическом бюро НСДАП интенсивно занимались вопросами, связанными с Закарпатской Украиной, с лета 1938 г. (см.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 159).

¹⁶¹ Сипалс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность... С. 277.

¹⁶² СССР в борьбе за мир... С. 285.

¹⁶³ Там же. С.162.

¹⁶⁴ По этому вопросу см.: Пушкаш А. О. Венгрия во второй мировой войне: внешняя политика Венгрии (1938-1944 гг. М., 1963. С. 73-75; Пон Н. И. Чехословацко-венгерские отношения (1935-1939). М., 1972. С. 226-229.

¹⁶⁵ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 69.

¹⁶⁶ Ibid. S. 69, 70.

¹⁶⁷ Ibid. S.70.

¹⁶⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Schickedanz A. Die osteuropäischen Fragen! 14.

Juni 1939; Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 141-147; Trials of War Criminals... V. 12. P. 1008-1015.

¹⁶⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Schickedanz A. Die osteuropdischen Fragen!

¹⁷⁰ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 104, 105.

¹⁷¹ См.: Анатомия войны... С. 186-188; СССР в борьбе за мир. С. 233- 234.

¹⁷² СССР в борьбе за мир... С. 362.

¹⁷³ Там же. С. 455.

¹⁷⁴ Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С 172

¹⁷⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13672. Bl. 4914994-4915002. Die Lange Englands. Auszug aus der Rede von Reichsleiter Rosenberg auf der Nordischen Tagung in Lybeck am 20. Juni 1939; ? 14695. Unpag. Aufgaben und Pflichten der Völker. A. Rosenberg auf der Reichstagung der Nordischen Gesellschaft. 21 Juni 1939.

¹⁷⁶ См.: Kuusisto S. Alfred Rosenberg... S. 339.

¹⁷⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Scheldt. Aktenvermerk für Reichsleiter Rosenberg. 16. Juni 1939.

¹⁷⁸ См.: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1, Bd. 2: S. 518.

¹⁷⁹ Cecil R. The Myth of the Master Race... P. 182.

¹⁸⁰ О тайных контактах представителей Германии и Великобритании в преддверии второй мировой войны см.: 1939-й год: Уроки истории. М., 1990. С. 233-242.

¹⁸¹ СССР в борьбе за мир... С. 586.

¹⁸² Там же. С. 587.

¹⁸³ Там же. С. 461.

¹⁸⁴ Там же. С. 588.

¹⁸⁵ Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 72.

¹⁸⁶ Ibid. S. 73.

¹⁸⁷ Ibid. S. 75.

¹⁸⁸ Ibid. S. 75, 76.

ГИТЛЕРОВСКИЙ “НОВЫЙ ПОРЯДОК” И ЕГО КРАХ

К ВВЕДЕНИЮ

¹ См.: *Ерусалимский А. С.* Германский империализм: история и современность (исследования, публицистика). М., 1964. С. 591; *Деборин А. М.* “Срединная Европа” – оружие германских империалистов. Из истории идеологической подготовки двух мировых войн // *Вопр. истории.* 1954. № 8. С. 21—32.

² См.: *Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1989; *Рахмиров П. Ю.* Происхождение фашизма. М., 1981.

³ См.: *Аникеев А. А.* Аграрная политика нацистской Германии в годы второй мировой войны. Ростов н/Д., 1990; *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки третьего рейха. Ч. 1, 2. М., 1981, 1984; *Дишечев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 1, 2. М., 1973; История второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. М., 1973—1982; История фашизма в Западной Европе. М., 1978; *Лебедева Н. С.* Фашистский оккупационный режим // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939—1945. Общие проблемы. М., 1990; *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии. М., 1987; *Размеров В. В.* Экономическая подготовка гитлеровской агрессии, 1933—1935. М., 1958; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991; и др.

⁴ См.: *Ушиков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961; *Прозктор Д. М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989; *Розанов Г. Л.* Конец “третьего рейха”. М., 1985; и др.

⁵ См.: *Семенов И. В.* Рабочий класс и антифашистская борьба в Германии 1933—1945 гг. Челябинск, 1981; *Гинцберг Л. И.* Борьба немецких патриотов против фашизма, 1939—1945. М., 1987; Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939—1945. Общие проблемы. М., 1990; и др.

⁶ См.: Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение второй мировой войны: Сб. М., 1989; Буржуазная историография второй мировой войны. Анализ современных тенденций. М., 1985; *Кульков Е. Н., Ржесевский О. А., Чельшев И. А.* Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1988; *Мерцалов А. Н.* Великая Отечественная война в историографии ФРГ. М., 1989; *Мерцалова Л. А.* Германский фашизм в новейшей историографии ФРГ. Воронеж, 1990; *Она же.* Немецкое Сопротивление в историографии ФРГ. М., 1990; *Она же.* Историки ФРГ о происхождении и сущности внешней политики германского фашизма // Ежегодник германской истории. 1987. М., 1988; *Филатов А. М.* Историография ФРГ: проблемы и дискуссии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. М., 1989; и др.

⁷ Изучение данной темы, по существу, только начинается. В качестве примера можно привести статью Л. М. Макаровой. См.: *Макарова Л. М.* Оценка немецко-фашистского “нового порядка” в буржуазной историографии // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время: Сб. Свердловск, 1989. С. 125—139.

⁸ См.: *Галкин А. А.* Германский фашизм; *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М., 1985.

⁹ См.: *Бессонов Б. Н.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985; *Одоев С. Ф.* Тропами Заратустры. Влияние ницшеанства на немецкую буржуазную философию. М., 1971; *Он же.* Идеология агрессии и войны (об истоках фашистского мировоззрения) // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1986. № 1. С. 16—26; *Галкин А. А.* Фашистский идейный синдром: генезис германского варианта // Вопр. филос. 1988. № 11. С. 124—134; *Филатов М. Н.* Нацистские мифы вчера и сегодня. Критика литературно-политических спекуляций нацизма и неонацизма. Алма-Ата, 1979; *Бланк А. С.* Идеология германского фашизма. Материалы к спецкурсу “Германский фашизм и западногерманский неонацизм”. Ч. 3. Вологда, 1974. На русский язык переводятся и книги зарубежных авторов. См.: *Бурдерон Р.* Фашизм: идеология и практика. М., 1983.

¹⁰ *Ерусалимский А. С.* Германский империализм... С. 604, 605.

¹¹ Там же. С. 591.

¹² *Lang S., Schenck E.* Portrait eines Menschheitsverbrechers nach den hinterlassenen Memoiren des ehemaligen Reichsministers Alfred Rosenberg. St. Gallen, 1947. S. 338; *Rosenberg A.* Letzte Aufzeichnungen. Güttingen, 1955. S. 272.

¹³ Подробнее об этом см.: *Буханов В. А.* Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939. Свердловск, 1991. С. 105—114.

¹⁴ См.: Агрессивная политика держав фашистского блока и происхождение второй мировой войны. С. 14.

¹⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. I—6. Stuttgart, 1979—1989.

¹⁶ См.: Neulen H. W. Europa und das Dritte Reich. München, 1987; *Idem.* Hitlers Neue Europa. München, 1985 (К сожалению, в библиотеки нашей страны книги Г. Нойлена до сих пор не поступили); Giordano R. Wenn Hitler den Krieg gewonnen hätte. Die Pläne der Nazis nach dem Endsieg. Harburg, 1989; Herzstein R. E. When Nazi Dreams come True. The Third Reich's Internal Struggle over the Future of Europe after a German Victory. A Look at the Nazi Mentality, 1939—1945. L., 1982.

¹⁷ См.: Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939

К ГЛАВЕ I

¹ См.: Душичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. I. М., 1973. С. 57, 123—130, 132—137.

² См.: Kluge P. Nationalsozialistische Europaideologie // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1955. H. 3. S. 270—272; Schwabe K. Deutsche Hochschullehrer und Hitlers Krieg (1936—1940) // Die deutschen Eliten und der Weg in den Zweiten Weltkrieg. München, 1989. S. 314—319. Германский историк Л. Грухман характеризует геополитические, фелькишские и правовые концепции великого пространства. См.: Gruchmann L. Nationalsozialistische Grossraumordnung. Die Konstruktion einer "deutschen Monroe-Doktrin". Stuttgart, 1962. S. 9, 20, 21.

³ Best W. Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung // Festgabe für Heinrich Himmler. Darmstadt, 1941. S. 33.

⁴ См.: Schmitt C. Grossraum gegen Universalismus. Der völkerrechtliche Kampf um die Monroedoktrin // Schmitt C. Positionen und Begriffe im Kampf mit Weimar—Genf—Versailles. 1923—1939. Hamburg, 1940. S. 295—302; *Idem.* Völkerrechtliche Grossraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte. Berl.; Wien, 1939. Подробный анализ взглядов К. Шмитта см.: Gruchmann L. Nationalsozialistische Grossraumordnung... Stuttgart, 1962.

⁵ См.: Гинцберг Л. И. На пути в имперскую канцелярию. Германский фашизм рвется к власти. М., 1972. С. 186. См. также: Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация, идеология, методы. М., 1978. С. 116, 117.

⁶ Доктрина Монро — декларация принципов внешней политики США, провозглашенная в форме послания президента Дж. Монро конгрессу 2 декабря 1823 г. "Американские континенты, — указывалось в послании, — не должны рассматриваться впредь в качестве объекта для будущей колонизации любой европейской державой". В обмен на это США пообещали не вмешиваться во внутренние дела европейских государств. Фактически авторы доктрины Монро выдвигали принцип разделения мира на европейскую и американскую системы.

⁷ Цит. по: Schmitt C. Grossraum gegen Universalismus... S. 302.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem. Шмиттовскую трактовку доктрины Монро дает в своей монографии Л. Грухман. См.: Gruchmann L. Nationalsozialistische Grossraumordnung... S. 22—27, 51—65, 121—145.

¹⁰ Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt 1941. № 3/4. S. 24, 26.

¹¹ Ibid. S. 26. м

¹² См.: Best W. Völkische Grossraumordnung // Deutsches Recht. Ausgabe A. 1940. H. 25. S.

1006, 1007.

¹³ Ibid. S. 1007.

¹⁴ См.: *Stuckart W.* Die Neuordnung der Kontinente und die Zusaitimenarbeit auf dem Gebiete der Verwaltung //Reich, Volksordnung, Lebensraum. Bd. I. Darmstadt, 1941. S. 6, 7.

¹⁵ *Daitz W.* Monroe-Doktrin der Lebensrdume //Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. Dresden, 1943. T. 3. S. 32; *Idem.* Das neue Europa, seine Lebenseinheit und Rechtsordnung // Deutsches Recht. Ausgabe A. 1940. H. 49. S. 2082.

¹⁶ Так национал-социалисты называли теоретиков, придерживающихся принципов либеральной демократии.

¹⁷ См.: *Huhn R.* Reich. Grossraum. Grossmacht. Darmstadt, 1942. S. 23—26

¹⁸ Ibid. S. 28.

¹⁹ *Best W.* Nochmals: Vulkische Grossraumordnung statt: "Vulkerrechtliche .Grossraumordnung"! //Deutsches Recht. Ausgabe A. 1941. H. 29. S. 1534.

²⁰ *Huhn R.* Grossraumordnung und vulkisches Rechtsdenken // Reich. Volksordnung, Lebensraum. 1941. Bd. I. S. 286.

²¹ Ibid. S. 270—272.

²² *Huhn R.* Reich. Grossraum. Grossmacht. S. 44.

²³ *Daitz W.* Echte und unechte GroЯрдume //Daitz W. Der Weg... T. 3. S. 21.

²⁴ *Huhn R.* Reich. Grossraum. Grossmacht. S. 36, 37.

²⁵ *Huhn R.* Grossraumordnung und vulkisches Rechtsdenken. S. 282

²⁶ Ibid. S. 283, 284.

²⁷ *Stuckart W.* Die Neuordnung der Kontinente... S. 4.

²⁸ См.: *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung. S. 34.

²⁹ См.: *Daitz W.* Das neue Europa, seine Lebenseinheit und Rechtsordnung S. 2082; *Idem.* Monroe-Doktrin der Lebensräume. S. 32; *Idem.* Die Grundlagen europдischer Marktordnung //Das Neue Europa. Dresden, 1941. S. 19; *Idem.* Die "Englische Krankheit" des Kontinents //Daitz W. Der Weg... T. 3. S. 49; *Idem.* Echte und unechte GroЯрдume. S. 16, 20; *Idem.* Der Lebensralim und seine Gesetze //Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts fйr Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Dresden, 1943. H. I. S. 5.

³⁰ См.: *Huhn R.* Grossraumordnung und vulkisches Rechtsdenken. S. 285. 286 *Idem.* Reich. Grossraum. Grossmacht. S. 42.

³¹ *Huhn R.* Reich. Grossraum. Grossmacht. S. 44.

³² Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt. 1941. №3/4. S. 24.

³³ *Daitz W.* Echte und unechte GroЯрдume. S. 25.

³⁴ Ibid. S. 16.

³⁵ См.: Ibid. S. 28; *Daitz W.* Autarkie als Lebens – und Wirtschaftsordnung //Daitz W. Der Weg... T. 3. S. 113.

³⁶ *Daitz W.* Echte und unechte GroЯрдume. S. 29.

³⁷ Ibid. S. 16, 18.

³⁸ Ibid. S. 26, 27.

³⁹ Ibid. S. 18.

⁴⁰ См.: Ibid. S. 19; *Daitz W.* Monroe-Doktrin der Lebensrdume. S. 31; *Idem.* Die Erneuerung des Reiches und die Wiedergeburt Europas aus dem Lebensgesetz der europdischen Vulkfamilie // *Daitz W.* Der Weg... Т. 3. S. 77, 78. Весной-летом 1942 г. нацистские цензоры рекомендовали убрать из статей В. Дайца термины "индийско-малайское жизненное пространство" и "Северная и Южная Америка" под тем предлогом, что употребление, например, последнего термина означало бы признание "панамериканской общности, в то время как наша (германская.— В. Б.) пропаганда стремится доказать южноамериканцам жизненную необходимость их связи с Европой". Понятно, что все эти рекомендации объяснялись развитием событий на фронтах второй мировой войны. См.: Zentrales Staatsarchiv Potsdam (далее—ZStA). Filmsammlung (далее—FS). № 5009. Bl. D 693547—D 693549. Trtztzschler zu Pol. Archiv 160. 18. Mai 1942; Bl. D 693553 — D 693554. Andres an das Reichsministerium fr Volksaufklrung und Propaganda. 8. Juli 1942.

⁴¹ См.: *Daitz W.* Die Erneuerung des Reiches und die Wiedergeburt Europas... S. 78; *Idem.* Echte und unechte GroJrdume. S. 19.

⁴² См.: *Jacobsen H.-A.* Karl Haushofer. Leben und Werk. Bd. I. Boppard/Rhein, 1979. S. 615; *Schermunn A.* Afrika als Ergdnzung der europdischen Grossraumwirtschaft // *Europdische Grossraumwirtschaft.* Vortrge gehalten auf der Tagung zu Weimar vom 9.—11. Okt. 1941. Leipzig, 1942. S. 47; ZStA Potsdam. FS. № 3565. Bl. 1504106, 1504107, Betr. Geopolitik/Heft 12. O. D. Помимо этого пользовались термином "Атлантропа", имея в виду, что и Европа и Африка омываются водами Атлантического океана. См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14163. Bl. 106. *Surgel H.* Grossraumplanung (Deutsche Bergwerkszeitung. 5. April 1942).

⁴³ См.: *Semjonow J.* Auf dem Wege zur groJeurasischen Autarkie // *Volk und Raum.* April 1940. S. 250, 259.

⁴⁴ Цит. по: *Jacobsen H.-A.* Karl Haushofer... Bd. 2. S. 517, 521, 522. Помеченные восьмым июля 1941 г. размышления Фовинкеля по поводу кризиса геополитики и путей его преодоления см.: Ibid. S. 511—516.

⁴⁵ *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 19.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung. S. 34.

⁴⁸ См.: *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 5.

⁴⁹ См.: *Daitz W.* Monroe-Doktrin der Lebensrdume. S. 34; *Idem.* Neuordnung Europas aus Rasse und Raum/Nationalsozialistische Monatshefte. Nov. 1940. S. 531.

⁵⁰ См.: *Rosenberg A.* Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkmpfe unserer Zeit. Mnchen, 1942. S. 482.

⁵¹ *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 10.

⁵² Ibid. S. II, 12.

⁵³ Цит по: *Unger A.* Unterredungen mit Bismark. Berl., o. J. S. 45. См. также: Против фашистской фальсификации истории: Сб. ст. М.; Л., 1939. С. 145.

⁵⁴ См.: *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 8, 9, 14.

⁵⁵ См.: *Daitz W.* Das europdische Sittengesetz als Strukturgesetz der europdischen Grossraumwirtschaft // *Daitz W.* Der Weg... Т. 3. S. 43.

⁵⁶ Ibid. S. 42, 43.

⁵⁷ См.: *Daitz W.* Echte und unechte Grossrdume. S. 25.

⁵⁸ *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 7.

⁵⁹ См.: *Daitz W.* Die "Englische Krankheit" des Kontinents. S. 51, 53, 58; *Idem.* Echte und unechte Grossrdume. S. 12; *Idem.* Großasien und seine Wirtschaftsordnung // *Daitz W.*, *Der Weg...* T. 3., S., 74.

⁶⁰ См.: Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht. Sept. 1940—Sept. 1942. Forschungen und Erkenntnisse. O. O., 1942. S. 35.

⁶¹ См.: *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 9.

⁶² См.: *Ibid.* S. 13; *Idem.* Die Erneuerung des Reiches und die Wiedergeburt Europas... S. 90.

⁶³ См.: *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze. S. 16.

⁶⁴ См.: *Ibidem.*

⁶⁵ Подробнее об этике национал-социализма см.: *Политова Ю. М.* Реакционная сущность националистических идей в этике германского фашизма. Дис... канд. филос. наук. Тамбов, 1969:

⁶⁶ См.: *Daitz W.* Echte und unechte Grossrdume. S. 25; Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 33.

⁶⁷ Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft. e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 33.

⁶⁸ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Auslandswissenschaftliches Institut. Bd. 830. Bl. I. Schnadt P. Werner Daitz' Lehre: Völkerfamilie im Lebensraum. См. также: *Stuckart W.* Die Neuordnung der Kontinente... S. 5.

⁶⁹ См.: *Daitz W.* Echte und unechte Grossrdume. S. 29.

⁷⁰ *Ibid.* S. 15, 18.

⁷¹ См.: *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung. S. 34, 35.

⁷² См.: *Stuckart W.* Aufgaben und Ziele einer neuen Verwaltungswissenschaft // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Darmstadt, 1942. Bd. 2. S. 66, 70.

⁷³ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2373. Bl. 664. Bericht über das Historiker-Lager der Reichsdozentenführung (7. bis 10.42 in Augsburg).

⁷⁴ См.: *Best W.* Grundfragen einer deutschen Grossraumverwaltung.. S. 53—58.

⁷⁵ См.: *Daitz W.* Das europäische Sittengesetz... S. 44.

⁷⁶ Herrenschicht oder Führungsvolk? // Reich, Volksordnung, Lebensraum Darmstadt, 1942. Bd. 3. S. 122—141. О В. Беете как авторе этой статьи пишет германский историк Г. Бухгейм. См.: *Buchheim H.* Befehl und Gehorsam // *Buchheim H., Broszat M., Jacobsen H.-A., Krausnik H.* Anatomie des SS-Staates. Bd. I. Olten und Freiburg im Breisgau, 1965. S. 342.

⁷⁷ Herrenschicht oder Führungsvolk. S. 136.

⁷⁸ *Ibid.* S. 139.

⁷⁹ *Stuckart W.* Staatsangehörigkeit und Reichsgestaltung // Reich, Volksordnung, Lebensraum. Bd. 5. S. 57.

⁸⁰ *Ibid.* S. 60.

⁸¹ *Ibid.* S. 68.

⁸² Подробнее об этом см.: *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. 1939—1944. Территория генерал-губернаторства. М., 1971. С. 31, 36, 37; *Григорьянц Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше. 1939—1945 гг. Попытки германизации и колонизации "присоединенных" польских земель. М., 1979. С. 109, 110; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 81, 82, 86, 87, 92, 93 и др.; *Broszat M.*

Nationalsozialistische Polenpolitik 1939—1945. Stuttgart, 1961. S. 118—176; *Majer D.* "Fremdvölkische" im Dritten Reich. Ein Beitrag zur nationalsozialistischen Rechtssetzung und Rechtspraxis in Verwaltung und Justiz unter besonderer Berücksichtigung der eingegliederten Ostgebiete und des Generalgouvernements. Boppard/Rhein, 1981. S. 217, 218, 327, 328; etc.

⁸³ О "Списке немецкого народа" см.: - *Григорьяни, Т. Ю.* Оккупационная политика фашистской Германии в Польше... С. 108, 109, III—128; *Семиряга М. И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. С. 97, 98; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. I. Berl., 1974. S. 471; Das Grosse Lexikon des Dritten Reiches. München, 1985. S. 122; *Kamenevsky I.* Secret nazi plans for Eastern Europe. A Study of Lebensraum Policies, N. Y., 1961. P. 84—85; *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 66; ZStA Potsdam. FS. № 44163. Unpag. Vernehmung des Dr. Wilhelm Stuckart am 25. 7. 1947; etc.

⁸⁴ *Stuckart W.* Staatsangehörigkeit und Reichsgestaltung. S. 81.

⁸⁵ См.: Ibid. S. 84—90; The National Archiv of the United States. A microfilm Publication. Microcopy T—120. Roll 1306. Fr, 489071—489089. Zur Rechtslage der Schutzangehörigen. Berl., April 1941; etc.

⁸⁶ См.: *Stuckart W.* Staatsangehörigkeit und Reichsgestaltung. S. 91.

⁸⁷ См.: *Daitz W.* Sozialpolitische Fragen der Gegenwart. Berl., 1939.

⁸⁸ В первом отчете о деятельности Общества европейского экономического планирования и великопространственной экономики со ссылкой на английскую "Daily Express" от 24 ноября 1939 г. сообщалось о том, что в начале войны Гитлер поручил Дайцу заняться работами по осуществлению континентальной блокады Великобритании. См.: Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau, I. Tätigkeitsbericht. Dresden. Sept. 1940. S. 10—11.

⁸⁹ См.: Ibid. S. 22, 24; Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 63—65; Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Jahrbuch 1941. Dresden, 1941. S. 9, 10; Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Beiträge. Dresden, 1942. S. 9, 10; Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945. Köln, 1977. S. 930—933.

⁹⁰ Так называемые боксгеймские документы представляли собой проекты приказов в момент захвата власти национал-социалистической партией. Из них следовало, что сразу же после взятия власти нацисты намеревались ввести военно-полевые суды и казнить каждого, кто не будет безоговорочно выполнять их приказы. Подробнее см.: *Гинцберг Л. И.* На пути в имперскую канцелярию... С. 219—223.

⁹¹ О В. Бесте см.: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berl., 1959. S. 479; *Jöckel E.* Frankreich in Hitlers Europa. Die deutsche Frankreichspolitik im Zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1966. S. 64; Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее — IMT). V. 38. P. 103; Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935. Berl., 1934. S. 54; The International Who's Who 1945—1946. L., o. D. P. 73; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. Mexiko, o. D. S. 516; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. L., 1982. P. 16, 17; *Rich N.* Hitler's war aims. V. 2. L., 1974. P. 436; *Stockhorst E.* Fünftausend Kupfe. Wer war was im Dritten Reich. Velbert, 1967. S. 56; CC в действии. Документы о преступлениях CC. М., 1968. С. 619; Правда. 1982. 8 марта, 20 июня; За рубежом. 1982. № 2. С. 19.

⁹² Сведения о Р. Фрайслере можно почерпнуть из следующей литературы: Das Deutsche Führerlexikon 1934/1935. S. 130, 131; Der Grossdeutsche Reichstag. IV. Wahlperiode. Berl., 1943. S. 209; Taschenbuch für Verwaltungsbeamte 1943. Berl., 1943. S. 33; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S. 525; *Stockhorst E.* Fünftausend Kupfe... S. 142, 143; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. P. 81.

⁹³ См.: Wer leitet? Die Мдннер der Wirtschaft und der einschldgigen Verwaltung einschlieЯlich AdreЯbuch der Direktoren und Aufsichtsrдte. Berl., 1942. S. 25; Das Deutsche Fдhrerlexikon 1934/1935. S. 38; IMT. V. 39. P. 408—412, 446—448; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S. 514; *Stockhorst E.* Fдnftausend Kupfe... S. 39; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. P. 10.

⁹⁴ О В. Штуккарте см.: СС в действии... С. 619; Das Deutsche Fдhrerlexikon 1934/1935. S. 483; Taschenbuch fдr Verwaltungsbeamte 1943. S. 13, 14; Trials of War Criminals before the Nurenberg Military Tribunals under Control Council Law. № 10. Wash., 1950. V. 12. P. 16, 22, 24, 31, 32, 33; V. 13. P. 2201; V. 14. P. 632, 638, 639, 715; Survey of International Affairs 1939—1946. Hitlers Europe. L., 1954. P. 108; IMT. V. 32. P. 13, 14, 68; *Stockhorst E.* Fдnftausend Kupfe... S. 417; The International Who's who 1945—1946. P. 847; *Wistrich R.* Who's who in nazi Germany. P. 310; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S. 556; *Jцckel E.* Frankreich in Hitlers Europa... S. 46, 47, 79, 80, 231; *Rich N.* Hitler's war aims. V. 2. P. 444; *Буханов В. А.* "Имперская крепость Белград". Германские планы колонизации Юго-Восточной Европы (1939—1941) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 24, 25.

⁹⁵ Краткие сведения об адмирале О. Гроосе см.: Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd. I. Frankfurt/Main, 1965. S., 232, 234, 241, 287, 288; *Thomas G.* Geschichte der deutschen Wehr- und Rдstungswirtschaft (1918 — 1943/45). Boppard/Rhein, 1966. S. 379; Das Deutsche Fдhrerlexikon 1934/1935. S. 157. См. также: *Белли В. А., Боголенов В. П., Еремеев Л. М.* и др. Блокада и контрблокада. Борьба на океано-морских сообщениях во второй мировой войне. М., 1967. С. 627, 628.

⁹⁶ См. о Г. Хунке: Bericht ьber die Ermittlungen in bezug auf die Deutsche Bank, Frankfurt/Main, 1971. S. 48— 50; Wer leitet. S. 425; Das Deutsche Fдhrerlexikon 1934/1935. S. 207; Der Grossdeutsche Reichstag. IV. Wahlperiode. S. 252; *Stockhorst E.* Fдnftausend Kupfe... S. 212; *Merker P.* Deutschland. Sein oder nicht sein? Bd. 2. S.. 532; *Herbst L.* Der totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939—1945. Stuttgart, 1982. S. 96, 248; etc.

⁹⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 1201. Bl. 1208. Rosenberg an Ley. 28. Mai 1940.

⁹⁸ См.: Gesellschaft fдr europдische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Grдndung und Aufbau. Вклейка между с. 10 и 11 (Daily Express. 24. Nov. 1939).

⁹⁹ См.: Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства. Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза: Оп. 25, ед. хр. 20, д. 9, л. 117. Серое досье. Германия. Иностранные источники. О новом устройстве Европы, 1-я книга.

¹⁰⁰ Gesellschaft fдr europдische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Grдndung und Aufbau... S. 9. В другом месте того же отчетного доклада о целях Общества говорится так: "Уже во время войны исследовать научные основы для тесного континентального сотрудничества народных хозяйств стран Европы, экономически умиротворить континент и помочь установлению нового эффективного экономического порядка вместо прежнего, разрушенного английской блокадой". См.: Ibid. S. 11. В 1941 г. появилось следующее дополнение: "Способствовать возникновению Европы, вечного центрального жизненного пространства народов белой расы, как естественного единства, находящегося в соответствии с законами жизни и пространства". См.: Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Jahrbuch 1941. S. 9. См. также: *Grosser H.* Europas entscheidende Stunde. Grдndung der Gesellschaft fдr europдische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. // Rundschau Deutscher Technik. 19. Okt. 1939. S. 1; ZStA Potsdam. FS. № 5880. Bl. 339403—339404. Das Ausland zur Grдndung der Gesellschaft fдr europдische Wirtschaftsplanung und Gross-raumwirtschaft.

¹⁰¹ См.: *Daitz W.* Die europдische Grossraumwirtschaft // *Daitz W.* Der Weg... T. 3. S. 59—64; ZStA Potsdam. FS. № 5880. Bl. 339401—339402. *Daitz W.* Grundgedanke der Grossraumwirtschaft. O. D.; ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 446. Bl. 2, 3. Europas neue Wirtschaftsordnung.

4. Dez. 1939; *Daitz W.* Wirtschaftliche Zusammenarbeit Europas. Grundgedanken europäischer Grossraumwirtschaft // *Diplomatisches Bulletin*. 16. Dez. 1940; *Idem.* Grundgedanken europäischer Grossraumwirtschaft // *Soziale und wirtschaftliche Mitteilungen*. Febr. 1940. Unpag.

¹⁰² См.: ZStA Potsdam. FS. № 5880. Bl. 339401. *Daitz W.* Grundgedanke der Grossraumwirtschaft. O. D.

¹⁰³ См.: *Чихон Э.* Банкир и власть. М., 1977. С. 243—245, 248, 249.

¹⁰⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 1201. Bl. 1028. Rosenberg an Ley. 28. Mai 1940.

¹⁰⁵ *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945.* Berl., 1975. S. 258; *Europastrategien des deutschen Kapitals 1900—1945.* Köln. 1977. S. 669

¹⁰⁶ ZStA Potsdam. Akten, Osteuropa-Institut, Breslau. Bd. 68. Bl. 22. *Predyhl A.* Das Institut für Weltwirtschaft an der Universität Kiel. O. D.

¹⁰⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 8320. Bl. 1288612. OKW. Wehrwirtschafts- und Rüstungsamt, III an WW III—VII. 5. Sept. 1939.

¹⁰⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 101. Daitz an Rosenberg. 3. Nov. 1939.

¹⁰⁹ Так, авторами изданного Обществом европейского экономического планирования ежегодника за 1942 г. значились проф. К. Рат, проф. А. Шюрман и проф. В. Вейгман (все из Геттингенского университета), проф. Б. Куске (Кельнский университет), проф. Э. Хам (Берлинский университет), проф. Т. Майер (университет Марбурга), проф. Ф. Рериг (Берлинский университет), проф. Р. Хён (директор Института исследований государства при Берлинском университете), проф. Б. Шульц (Высшая техническая школа, Дрезден), проф. Г. Бехтель (Высшая техническая школа, Мюнхен), доктор В. Грзель (директор государственного статистического управления) и др. См.: *Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Beiträge...* S. 6—8. Германская пресса широко пропагандировала материалы ежегодников и другие публикации общества. См., например: ZStA Potsdam. FS. № 10649. Bl. 1382121. Dienst aus Deutschland. № 242. 15. Okt. 1942; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14163. Bl. 32. Wirtschaftspolitischer Dienst. № 253. 31. Okt. 1942; *Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft.*

¹¹⁰ *Weltherrschaft im Visier...* S. 259; *Europastrategien des deutschen Kapitals...* S. 669.

¹¹¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 3973. Bl. 405699. Ergebnis der Besprechung über den Arbeitsplan des Wirtschaftswissenschaftlichen Planungsausschusses der Südosteuropa-Gesellschaft bei Min. Rat Reinhardt am 24. I. 1942.

¹¹² Так гитлеровцы называли Австрию после аншлюса 1938 г.

¹¹³ ZStA Potsdam. FS. № 2308. Bl. 558388, 558389. Daitz an Byrckel 21. März 1940.

¹¹⁴ См.: *Ibid.* Bl. 558387. Byrckel an Daitz. II. Apr. 1940; Bl. 558386. Heinrichsbauer an Daitz. 20. Mai 1940.

¹¹⁵ *Völkischer Beobachter.* Berl., 30. Juni 1940.

¹¹⁶ См.: *Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau...* S. 20.

¹¹⁷ См.: Archivio Centrale dello Stato. Ministero della Cultura Popolare. Busta 87. Fascicolo I. Germania. Dr. Bernabei. Informazione. O. D.

¹¹⁸ См.: *Ibid.* Istituto nazionale per le Relazioni Culturali con l'estero. Il direttore—Pavolini. 20 agosto 1940.

¹¹⁹ *Weltherrschaft im Visier...* S. 259; *Europastrategien des deutschen Kapitals...* S. 669, 670.

¹²⁰ Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975. С. 55.

¹²¹ 31 июля 1940 г. Гитлер заявил, что Англия потеряет последнюю надежду, если будет разгромлен СССР. Поэтому весной 1941 г. "Россия должна быть ликвидирована". См.: *Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг.* Т. 2. М., 1969. С. 80, 81.

¹²² Betriebsarchiv des VEB Carl Zeiss Jena Bd. W 54. Unpag. Niederschrift über den Vortrag Herrn Dr. Schlotterer in der Reichsgruppe Industrie am 19.6.40.

¹²³ *Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945.* Bd. I. Berl., 1971. S. 373.

¹²⁴ См.: *Daitz W. Politische Wirtschaft // Arbeit und Wirtschaft.* 1940. April. S. 37—38.

¹²⁵ Ibid. S. 38.

¹²⁶ ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 5953. Bl. 63 R. Europa als Wirtschaftsgemeinschaft. Prof. Dr. Hunke sprach in Litzmannsdorf (Ostdeutscher Beobachter. Posen. 2. Aug. 1940). См. также: *Hunke H. Grundzüge der deutschen Volks- und Wehrwirtschaft.* Berl., 1940. S. 22.

¹²⁷ См.: *Daitz W. Europäische Grossraumwirtschaft und amerikanischer Großraum // Arbeit und Wirtschaft.* 1940. Nov. S. 1; *Idem. England und Kontinent // Arbeit und Wirtschaft.* 1940. Juli—Aug. S. 14.

¹²⁸ См.: *Best W. Völkische Grossraumordnung // Deutsches Recht.* Ausgabe A. 22. Juni 1940. S. 1006, 1007; *Daitz W. Grundgedanken europäischer Grossraumwirtschaft; Idem. Die italienische Autarkie in der europäischen Grossraumwirtschaft // Arbeit und Wirtschaft.* 1940. Juni. S. 9—10; *Idem. England und der Kontinent; Idem. Europäische Grossraumwirtschaft und amerikanischer Großraum; Idem. Neuordnung Europas aus Rasse und Raum; Idem. Der ostasiatische Lebensraum als Wirtschaftseinheit // Arbeit und Wirtschaft.* 1940. Dez. S. 19—22; *Idem. Monroe-Doktrin der Lebensräume; Idem. Autarkie als Lebens- und Wirtschaftsordnung // Daitz W. Der Weg...* Т. 3. S. 112—123; *Idem. Das neue Europa, seine Lebens- und Rechtsordnung; etc.*

¹²⁹ См.: *Wirtschaftsraum ersetzt nicht Lebensraum // Die wirtschaftspolitische Parole.* 1940. 5. Aug. S. 472, 473; *Der deutsche Lebensraum. Stoffsammlung für die weltanschauliche Erziehung der Waffen – SS.* O.O. O.D.; *Großdeutsch denken! // Aufklärungs- und Redner-Informationsmaterial der Reichspropagandaleitung der NSDAP und des Reichspropagandaamtes der Deutschen Arbeitsfront.* 1940. Lieferung 9 (Sept. 1940). Staatspolitik. Bl. 1—5.

¹³⁰ См.: *Die Vergangenheit warnt. Dokumente über die Germanisierungs- und Austilgungspolitik der Naziokkupanten in der Tschechoslowakei.* Prag, 1962, S. 65; *Душинев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма...* Т. 1. С. 58—60; и др.

¹³¹ См. об этом: *Чемцов И. Н. Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Июнь—сентябрь 1940 // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. 1933—1943.* Свердловск, 1979. С. 90—147.

¹³² См.: *Petzold J. Monopole—Mittelstand—NSDAP. Zu ideologischen Auseinandersetzungen zwischen den Interessensvertretern des Mittelstandes und Monopolkapitals in der faschistischen Partei 1932 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1980. H. 9. S. 870.

¹³³ *Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны.* М., 1971. С. 241.

¹³⁴ ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 6612. Bl. 622. Eicke Der Außenhandel der Zukunft. 18. Juni 1940.

¹³⁵ Анатомия агрессии... С. 93.

¹³⁶ См.: *Funk W.* Wirtschaftliche Neuordnung Europas! Sonderdruck aus dein "Sydost-Echo". 26. Juli 1940. О.О., О.Д. Любопытно, что в самом "Sydost-Echo" (откуда взят отдельный оттиск!) эти фразы вообще отсутствуют. Интервью В. Функа начинается здесь со следующих слов: "Национал-социалистическая экономическая политика никогда не позволяла себе руководствоваться в своих методах грубой догматикой. Мы всегда использовали тот метод, который казался нам самым целесообразным в конкретной ситуации. Мы и в будущем не хотим создавать искусственные конструкции". См.: *Funk W.* Europas neue Wirtschaftsordnung. Ein Gespräch des Reichswirtschaftsminister mit dem Hauptschriftleiter des "Sydost-Echo" // Sydost-Echo. 26. Juli 1940.

¹³⁷ См.: Betriebsarchiv des VEB Carl Zeiss Jena. Bd. W 54. Unpag. Reichsgruppe Industrie. Die Geschäftsführung an die Wirtschaftsgruppen. 15. Jan. 1942.

¹³⁸ Documents on German Foreign Policy (далее—DGFP). Ser. D. V. 10. L., 1957. P. 454; ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68939. Bl. 136. Sitzung eines Handelspolitischen Ausschusses am 9. Aug. 1940.

¹³⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 5008. Bl. D 692568. Andres. Zu Pol. Archiv 641. 15. Apr. 1941; Bl. D 692569. Hohenthai. Zu Pol. Archiv 641. 21. Apr. 1941. В январе 1941 г. позиция министерства иностранных дел по этому вопросу претерпела изменения. Теперь пропагандистская деятельность Общества европейского экономического планирования не возбранялась, но все материалы, подготовленные его сотрудниками, должны были проходить предварительную цензуру в соответствующем отделе МИД. Высокопоставленные чиновники министерства надеялись таким образом установить надзор за деятельностью общества. См.: Ibid. Bl. D 692570—D 692572. Grünbeck an Hohenthai. 7. Mai 1941.

¹⁴⁰ ZStA Potsdam. FS. № 2308. Bl. 558384, 558385. Bormann an Daitz. 18. Nov. 1940; Akten der Partei-Kanzlei der NSDAP. Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. T. I. Bd. 2. München, 1983. S. 641; *Herzstein R. E.* When Nazi Dreams come True. The Third Reich's Infernal Struggle over the Future of Europe after a German Victory. A Look at the Nazi Mentality, 1939—1945. L., 1982. P. 118, 119.

¹⁴¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 85. Bormann an Daitz. 29. Okt. 1941; Bl. 83, 84. Daitz an Bormann. 11. Nov. 1941; Bl. 81, 82. Daitz an Rosenberg. 20. Nov. 1941; Akten der Partei-Kanzlei... T. I. Bd. 2. S. 641, 754, 841, 865.

¹⁴² См.: Betriebsarchiv des VEB Carl Zeiss Jena. Bd. W 54. Unpag. Reichsgruppe Industrie. Die Geschäftsführung an die Wirtschaftsgruppen. 15. Jan. 1942. См. также: *Чихон Э.* Банкир и власть. С. 249.

¹⁴³ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1354. Daitz an Rosenberg. 1. Aug. 1944.

¹⁴⁴ См.: Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. Gründung und Aufbau... S. 13—15; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 762. Vowi Abt. Betr.: Beitrag für ein wissenschaftliches Institut. Aug. 1940; Bl. 764. Lange an Daitz. Aug. 1940.

¹⁴⁵ ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 765. Zentralforschungsinstitut für nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft gegründet ("Reichsanzeiger". 22. März 1941); Gesellschaft für europäische Wirtschaftsplanung und Grossraumwirtschaft e. V. 2. Tätigkeitsbericht... S. 15.

¹⁴⁶ См.: Wirtschaft in der Lebensraumn-Wissenschaft. Die Gründungsfeier des Zentralforschungsinstituts für nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft // Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt. 1941. № 3/4. S. 23, 24.

¹⁴⁷ Ibid. S. 28.

¹⁴⁸ См.: Ibid. S. 28, 29.

¹⁴⁹ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14163. Bl. 81. Ein Institut für Grossraumwirtschaft an der Uni Heidelberg ("Der praktische Betriebswirtschaft". Juli 1942).

¹⁵⁰ См., например: Institut für Grossraumwirtschaft an der Universität Heidelberg. Arbeitsbericht für das Jahr 1942/43. Heidelberg, 1943.

¹⁵¹ Das politische Tagebuch Alfred Rosenberg aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Guttingen, 1956. S. 75. Не случайно на совещании 28 августа 1939 г. в рейхсканцелярии Гитлер вынужден был сказать: "Пакт с Советским Союзом неправильно понят партией. Это пакт с сатаной, чтобы изгнать дьявола". См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник... Т. 1. С. 74. Приведенная нами дневниковая запись Розенберга воспроизводится в недавно изданной монографии германского историка Э. Нольте. См.: *N ylte E.* Der eurordische Byrgerkrieg 1917—1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987. S. 313.

¹⁵² Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 73.

¹⁵³ Ibid. S. 84.

¹⁵⁴ См.: Ibid. S. 197—211.

¹⁵⁵ См.: *Pötzold K., WeiЯbecker M.* Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berl., 1982. S. 316; *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970. S. 128, 129.

¹⁵⁶ См.: Konzept für die "Neuordnung" der Welt. Die Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg. Berl., 1977. S. 39; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. I. S. 214; *Bergbahn V. R.* NSDAP und "geistige Führung" der Wehrmacht 1939—1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1969. H. I. S. 20.

¹⁵⁷ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 87, 79, 83, 86. Из других источников явствует, что в 1939—1940 гг. Розенберг предлагал образовать высший партийный орган — "Идеологическое управление НСДАП", который поглотил бы другие подразделения партии, в том числе внешнеполитическое бюро. См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1. Bd. 2. S. 518.

¹⁵⁸ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 166, 167.

¹⁵⁹ См.: Ibid. S. 100, 103. Еще одной причиной принятого Гитлером решения было острое межведомственное соперничество в нацистском рейхе. См.: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente. Т. 1. Bd. 4. München— N.Y.—L.—Paris, 1987. S. 39, 43. Среди нацистских руководителей не было единства даже в понимании термина "мировоззрение". См.: Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950. Frankfurt/Main, 1974. S. 198.

¹⁶⁰ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 100, 101; Нюрнбергский процесс: В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 456. Коллекция документов о "Высшей школе НСДАП" помещена в кн.: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berl., 1959. S. 127—164.

¹⁶¹ См.: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker... S. 132—139.

¹⁶² См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 762. Vowi Abt. Betr.: Beitrag für ein wissenschaftliches Institut. Aug. 1940.

¹⁶³ *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker... S. 133.

¹⁶⁴ См.: Ibid. S. 134.

¹⁶⁵ См.: *Baumgörtner R.* Weltanschauungskampf im Dritten Reich. Die Auseinandersetzungen der Kirche mit Alfred Rosenberg. Mainz, 1977. S. 33; *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner... S. 148, 149. Г. Эберт был назначен первым начальником оперативного штаба. 1 апреля 1941 г. на этом посту его сменил Г. Утикаль.

¹⁶⁶ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 266. Der Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluss 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal zur Dienstbesprechung am 16.12.44 in Ratibor.

¹⁶⁷ Ibid. Bl. 264.

¹⁶⁸ См.: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker... S. 157. По другим данным, рейхскомиссар Нидерландов А. Зейс-Инкварт не допустил передачи архива этого института в руки оперативного штаба Розенберга. См.: *Inventar von Quellen zur deutschen Geschichte in Pariser Archiven und Bibliotheken.* Koblenz, 1986. S. XXXVIII. К апрелю 1941 г. оперативный штаб Розенберга переправил из Западной Европы в Германию 7000 ящиков с "научным и архивным материалом мировоззренческих противников" национал-социализма. См.: *Akten der Partei-Kanzlei...* T. I. Bd. 2. S. 689.

¹⁶⁹ *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker... S. 155, 156 По этому вопросу см. также: *Akten der Partei-Kanzlei...* T. I. Bd. 2. S. 689; *Inventar von Quellen zur deutschen Geschichte...* S. XXXVII.

¹⁷⁰ См.: *Rosenberg A.* Unser Kampf gegen Versailles. Rede des Reichsleiters A. Rosenberg in Danzig am 14. April 1940 aus Anlaß der Eröffnung der Ausstellung "Los von Versailles". Danzig, 1940. См. также: *Idem.* Die Überwindung des Versailles Diktates // *Rosenberg A.* Tradition und Gegenwart. Reden und Aufsätze 1936—1940. Blut und Ehre. Bd. 4. München, 1941. S. 379—401; *Idem.* Die Revolution Europas // *Völkischer Beobachter.* Berl., 1940. 12/13. Mai (На эту статью обратили внимание представители предпринимательских кругов германского рейха. См.: ZStA. Potsdam. FS. № 14756. Unpag. Reichert an E. Poensgen, H. Poensgen, P. Maulick, O. Petersen, W. Steinberg, W. Zangen, K. Guth. 15. Mai 1940); *Idem.* Nordische Schicksalsgemeinschaft // *Mitteilungen der Nordischen Gesellschaft.* Hamburg-Kontor. Hamburg, 1940. F. I. S. 1—8; *Idem.* Nordische Schicksalsgemeinschaft // *Rosenberg A.* Tradition und Gegenwart... S. 422—432; *Völkischer Beobachter.* Berl., 1940. 10. Juli.

¹⁷¹ См.: *Rosenberg A.* Nordische Schicksalsgemeinschaft // *Mitteilungen der Nordischen Gesellschaft...* 1940. F. I. S. 4; *Die Aktion.* Dez. 1940. S. 102.

¹⁷² См.: *Rosenberg A.* Nordische Schicksalsgemeinschaft. S. 5, 7. См. также: *Idem.* Unser Kampf gegen Versailles... S. 15, 17.

¹⁷³ *Rosenberg A.* Nordische Schicksalsgemeinschaft. S. 6; *Die Aktion.* Dez. 1940. S. 101.

¹⁷⁴ *Rosenberg A.* Die Revolution Europas.

¹⁷⁵ См.: *Rosenberg A.* Nordische Schicksalsgemeinschaft. S. 5. Эту же мысль он повторил 25 мая 1940 г. в докладе "Культура и война", прочитанном в Праге. См.: *Völkischer Beobachter.* Berl., 1940. 27. Mai.

¹⁷⁶ ZStA Potsdam. FS. № 3851. Bl. 20795. Hartlieb W. Tagung der Gauschulungsleiter. 3—5. Juni 1940.

¹⁷⁷ См.: *Lutzhift H.-J.* Der Nordische Gedanke in Deutschland. 1920—1940. Stuttgart, 1971. S. 373.

¹⁷⁸ Об этом см.: *Белоусова З. С.* "Пакт четырех" 1933 года // *Новая и новейшая история.* 1972. № 2. С. 136—153.

¹⁷⁹ Подробнее о Нордическом обществе см.: *Бухинов В. А.* Европейская стратегия германского фашизма. 1933—1939. Свердловск, 1991. С. 81—85.

¹⁸⁰ См.: *Rosenberg A.* Europa, der Norden und Deutschland // *Rosenberg A.* Gestaltung der Idee. Blut und Ehre. München, 1936. Bd. 2. S. 96, 98.

¹⁸¹ О политике "сознательного европеизма" см.: *Бухинов В. А.* Европейская стратегия

германского фашизма... С. 92, 93, 116.

¹⁸² См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Aktenvermerk für Reichsleiter Rosenberg. 16. Juni 1939; Unpag. Die politische Vorbereitung der Norwegen-Aktion. 15. Juni 1940; *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik. 1933—1939. Helsinki, 1984: S. 342.

¹⁸³ См.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. I. С. 399. См. также: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 91—95. В дневнике Гальдера имеется следующая запись, помеченная 1 января 1940г.: "Скандинавия... Швеция и Норвегия строго нейтральны. Генерал (sic!) Квислинг. Норвегия (идея Розенберга) не имеет никакой поддержки. Мы заинтересованы в том, чтобы Норвегия оставалась нейтральной. Если Англия будет угрожать нейтралитету Норвегии, тогда наша позиция изменится". (*Гальдер Ф.* Военный дневник... Т. I. С. 213.)

¹⁸⁴ *Дашичев В. И.* Банкротство стратегий германского фашизма... Т. I. С. 429, 430; Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 108.

¹⁸⁵ Там же. С. 429; Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 108.

¹⁸⁶ См.: DGFP. Ser. D. V. 9. P. 389—391; V. 10. P. 93—95, 138—141, 491—495, 581.

¹⁸⁷ Ibid. V. 10. P. 272.

¹⁸⁸ См.: Ibid. P. 273—274.

¹⁸⁹ См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 68.

¹⁹⁰ Нюрнбергский процесс: В 8 т. Т. 2. С. 474.

¹⁹¹ См. запись в дневнике Розенберга от 14 декабря 1939 г.: "Все эти годы мое бюро проводило всю эту работу на Юго-Востоке, в основном испытывая сопротивление министерства иностранных дел". Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs... S. 93.)

¹⁹² Ibid.

¹⁹³ Ibid. S. 79.

¹⁹⁴ Ibid. S. 84.

¹⁹⁵ Ibid. S. 79, 80.

¹⁹⁶ См.: ZStA Potsdam. FS. № 430. Bl. 75. Rosenberg A. Kurzer Tätigkeitsbericht des Aussenpolitischen Amtes der NSDAP von 1933—1943. Anhang 2. Rumänien.

¹⁹⁷ См.: *Lukac D.* Treni Rah i zemlje Jugoistonne Evrope., D. 2. Beograd, 1984. S. 511, 512; *Bertin F.* L'Europe de Hitler. T. 2. Paris, 1977. P. 52; *Odic S. Komarica S.* Yugoslavia in the German Plans of Conquest (with Special Reference to Bosnia and Herzegovina) // The Third Reich and Yugoslavia. 1933—1945 Beigrade, 1977. P. 452, 453; *Де Йонг Л.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. С. 348, 349.

¹⁹⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Schickedanz A. Die osteuropdischen Fragen! 14. Juni 1939: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs.. S. 141—147; Trials of War Criminals before the Nuremberg Military Tribunals... V. 12. P. 1009—1015.

¹⁹⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 17755. Unpag. Schickedanz an Lammers. 13. Sept. 1939.

²⁰⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Leibbrandt G. Aktennotiz. Sept. 1939; Leibbrandt G. Aktennotiz. Besprechung mit dem Abgeordneten Preziosi. Sept. 1939.

²⁰¹ См.: Taubert E. Der antisowjetische Apparat der deutschen Propaganda-ministeriums // *Krdmer W.* Vom Stab HeЯ zu Dr. Goebbels. Vlotho/Weser, 1979. S. 407.

²⁰² См.: Die Aktion. Sept.—Okt. 1939. S. 5, 8.

²⁰³ См.: ZStA Potsdam. FS. № 620. Unpag. Aktennotiz. 20. Febr. 1940.

- ²⁰⁴ ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Leibbrandt an Rosenberg. 20. Nov. 1939
- ²⁰⁵ Ibid. Unpag. Leibbrandt G. Aktennotiz. 30. Jan. 1940.
- ²⁰⁶ Ibid. Unpag. Leibbrandt G. Information über Ostpolitik. 3. Mai 1940.
- ²⁰⁷ См.: Ibid. Unpag. Aktennotiz für Reichsleiter Rosenberg. O. D.; Государственный архив Житомирской области (далее—ГАЗО). Ф. Р—1151 с. Оп. 1, д. 18, л. 53. Leibbrandt an General Schubert. 29. Mai 1941; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 1. М., 1965. С. 201, 202, 207.
- ²⁰⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Rosenberg an Guring. 5. Okt. 1940; Rosenberg an Ribbentrop. 23. Okt. 1940; Das Deutsche Reich und der zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 153.
- ²⁰⁹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Aktennotiz für Reichsleiter Rosenberg. O. D.; *Leibbrandt G. Mögliche Zusammenarbeit zwischen Amt Osten und dem OKW*, WPr. Vorschläge. 7. Febr. 1940.
- ²¹⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 292. *Leibbrandt G. Besprechung mit Generalgouverneur Reichsleiter Frank—Hohe Schule*. 29. Juni 1940.
- ²¹¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 617. Unpag. Aktennotiz für Reichsleiter Rosenberg. O. D.
- ²¹² Цит. по: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. 2. С. 93.
- ²¹³ См.: Преступные цели — преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. 1941—1944 гг. М., 1985. С. 40—45; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. Документы, материалы. М., 1987. С. 81, 82; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 2. С. 163—167. Подобные идеи Розенберг высказал в инструкции для рейхскомиссара Остланда. См.: ZStA Potsdam. Akten. Reichsministerium für die besetzte Ostgebiete. Bd. 49. Bl. 50 a. Rosenberg an Lohse. 21. Juli 1941; “Unternehmen Barbarossa”. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984. S. 332.
- ²¹⁴ Цит. по: Преступные цели—преступные средства... С. 45, 41; Преступные цели гитлеровской Германии... С. 81, 107; Нюрнбергский процесс над глав. ными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 164, 166, 167.
- ²¹⁵ См.: Преступные цели — преступные средства... С. 40.
- ²¹⁶ Например, 8 ноября 1941 г. Гитлер заявил: “Наша великая цель: чтобы мы в этой борьбе устранили, наконец, опасность Востока, для Европы и благодаря этому больше не позволили мобилизовать против Европы беспредельную плодовитость и необъятные богатства Востока, а поставили все это на службу Европе”. См.: *Berliner Monatshefte*. Dez. 1941. S. 743.
- ²¹⁷ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 1. С. 206; Преступные цели—преступные средства. С. 44.
- ²¹⁸ Цит. по: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. 2. С. 24.
- ²¹⁹ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 3 т. Т. 1. С. 211.
- ²²⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 1148. Anweisung für die Behandlung der Reichsthemen 1942/43. 2. Juli 1942.
- ²²¹ См.: *Daitz W.* Osteuropa—Lebensstil und Agrarverfassung // *Daitz W.* Der Weg... Т. 3. S. 97—110. Эта статья упоминается в фундаментальном исследовании американского историка А. Даллина. См.: *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Künigstein/Ts., 1981. S. 80.
- ²²² См.: *Daitz W.* Osteuropa... S. 101, 104, 108, 109.

²²³ Текст "нового аграрного порядка" см.: Deutsche Besatzungspolitik in UdSSR. 1941—1944. Dokumente. Kцln, 1980. S. 221—224; Misstrauische Nachbarn Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse. Dsseldorf, 1970. S. 168—172.

²²⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 5009. Bl. D. 693552. Grнbeck an Trutzschner. 26. Juni 1942.

²²⁵ См.: Daitz W. Das Reich als europдische Ordnungsgedanke // Berliner Monatshefte. Okt. 1941. S. 637—646; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14160. Bl. 36. Verlag fцr Pressekorrespondenzen: Der Grossraum der Zukunft. Werner Daitz цber den europдischen Ordnungsgedanken. 19. Juli 1941. Впервые статья была опубликована в майском номере журнала Института организации европейской экономики. См.: Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. Mitteilungsblatt. 1941. № 5/6.

²²⁶ Daitz W. "Englische Krankheit" des Kontinents. S. 52.

²²⁷ Rosenberg A. Deutschlands Kampf um Europa // Beitrдge zur Frage der Neuordnung Europas. Sonderdruck aus "Arbeit und Wirtschaft". 1942. S. 8, 11.

²²⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 1141—1144. Gedankenfцhrung. O. D;

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Ibid. Bl. 1150—1154. Eine Ansprache von Stabsleiter Dr. Stellrecht auf der letzten Arbeitstagung des Amtes Parteiamtliche Lehrmittel. O. D. Тем не менее еще в начале 1942 г. по распоряжению Розенберга все сотрудники гражданской администрации в оккупированных восточных областях обязаны были прочитать книгу некоего Альсдорфа "Индия", чтобы "поближе познакомиться с опытом и проблемами, возникающими при управлении другими народами". См.: ГАЖО. Ф. Р—1151 с. Оп. 1, д. 21, л. 52. Klemm an die Gebietskommissaren. 27. Febr. 1942. Книга Альсдорфа вышла в серии "Weltpolitische Вьcherei", котирую издавал Г. Лейббрандт.

²³¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 1158—1159. Eine Ansprache von Stabsleiter Dr. Stellrecht.

²³² См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 267. Der Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluц 1944. Ansprache des Stabsfцhrers Pg. Utikal zur Deinstbesprechung am 16. 12. 44 in Ratibor.

²³³ Текст указа Гитлера см.: Преступные цели – преступные средства... С. 263, 264. См. также инструкцию Геринга от 1 мая 1941 г. в кн.: Нюрнбергский процесс: В 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 481, 482.

²³⁴ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 159. Bl. 11. Auslandsdienst. Bericht № 1858/41. Italien. 19. Nov. 1941.

²³⁵ Ibid.

²³⁶ См.: Lubs W. Die Verwaltung der besetzten Ostgebiete // Reich, Volksordnung. Lebensraum. Bd. 5. S. 139.

²³⁷ См.: Ibid. S. 164, 165. Этот партийный орган был упразднен только 1 сентября 1944г: См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. I. Bd. 2. S. 1049. 105.

²³⁸ См.: Lubs W. Die Verwaltung der besetzten Ostgebiete. S. 165.

²³⁹ См.: Rheinbaben W. Frankreich in einem Neuen Europa // Berliner Monatshefte. Mai 1941. S. 307, 316.

²⁴⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 176. Rosenberg A. Eine Aufzeichnung. 12. Nov. 1941.

²⁴¹ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13438. Bl. 1719393. Aktenvermerk цber Besprechung im Reichswirtschaftsministerium цber Ostfragen am 21. Nov. 1941; Expansionsrichtung Nordeuropa. Dokumente zur Nordeuropapolitik des faschistischen deutschen Imperialismus 1939 bis 1945. Berl., 1987. S. 120—122. За особые заслуги в деле "подключения иностранцев к освоению оккупированных

восточных областей" Розенберг ходатайствовал о вручении Маллетке почетного золотого значка НСДАП. См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 439. Rosenberg an Bormann. 15. Jan. 1943.

²⁴² ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 744. Vermerk über die Beteiligung des Auslandes an der wirtschaftlichen Erschließung des Ostraumes. O.D.

²⁴³ Ibid. Bl. 741. Guring an Rosenberg. 3. Jan. 1942.

²⁴⁴ См.: Преступные цели – преступные средства... С. 45; Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза... С. 82.

²⁴⁵ Преступные цели—преступные средства... С. 41. В инструкции для всех рейхскомиссаров на оккупированных восточных территориях Розенберг писал: "При проведении этой огромной работы на Востоке речь идет в основном об основании крупной государственной формации, включающей в целом около 70 миллионов человек, и водворении другой государственной формации (России) в свое старое жизненное пространство". См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 1. С. 210. Во время битвы под Москвой, когда, казалось, третий рейх вот-вот одержит победу, Розенберг ужесточил свою позицию. "В нынешней ситуации,— подчеркивал он в середине ноября 1941 г.,—германский рейх не может более брать на себя усиленную заботу о чужой народности, которая оказалась в нынешнем тяжелом положении не по немецкой вине". Подробнее об этом см.: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 1077.

²⁴⁶ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 183, 184.

²⁴⁷ См.: Там же. С. 214—216, 222, 223, 235.

²⁴⁸ Там же. С. 234.

²⁴⁹ См.: *Broutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen, 1954. S. 2; *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941—1944. Zum nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. Helsinki, 1973. S. 55, 64—66; *Fleischhauer I.* Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 77; *Baumgörtner R.* Weltanschauungskampf im Dritten Reich... S. 23.

²⁵⁰ См.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 2. С. 238.

²⁵¹ См.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее—ADAP), Ser. E. Bd. 8. S. 511; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. S. 114; *Longerich P.* Propagandisten im Krieg. Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München, 1987. S. 210. Цель "русского комитета" состояла в том, чтобы сформулировать "историческое обоснование для нового раздела всего восточноевропейского пространства", доказать, что раздел этот обусловлен историей и международным правом и представляет собой "политическую необходимость для будущего". См.: *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. 1941—1944. О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 78.

²⁵² По этому вопросу см.: ADAP. Ser. E. Bd. 2. S. 246; Bd. 3. S. 120, 121; *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland... S. 145, 146.

²⁵³ См.: ADAP. Ser. E. Bd. 4. S. 222—224.

²⁵⁴ Текст указов см.: Преступные цели – преступные средства... С. 54, 55, 241. О том, что Гитлер возложил на Геринга общее руководство экономикой на подлежащих захвату советских территориях, стало известно, еще в апреле 1941 г. См.: Там же. С. 24.

²⁵⁵ См.: Там же. С. 53. На заседании внешнеполитического бюро НСДАП 29 мая 1941 г., куда были приглашены представители министерства иностранных дел и военно-экономических

организаций, Лейббрандт заявил даже, что деятельность Восточного министерства будет иметь прежде всего чисто пропагандистский характер. См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. S. 156.

²⁵⁶ См.: *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Lnder...* S. 125. Результатом этой борьбы всех против всех стали "путаница противоречащих друг другу указаний, разное поведение немецких служб по отношению к русским" и частично даже "необузданность политического мышления", как пишут авторы многотомного труда по истории второй мировой войны, ссылаясь на архивные источники. См.: *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 79. Между тем бывший чиновник имперского министерства по делам оккупированных восточных областей Г. Рике писал в 1949 г., что "сложная проблема управления русскими территориями... вообще не могла быть решена без тесного сотрудничества" различных немецких министерств и ведомств. См.: *Riecke H.-J. Problems im Military History with Reference to German Military Government in World War H (July 1949) // World War II. German Military Studies*. V. 22. N. Y.; L., 1979. Unpag.

²⁵⁷ См.: *Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41)*. Berl., 1970. S. 298; *Давыдов В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма... Т. 2. С. 27.

²⁵⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 1161. Rosenberg an Lammers. 14. Juni 1941; *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Lnder...* S. 60; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 115. Со своей стороны, Геринг стремился воспрепятствовать тому, чтобы Розенберг образовал свое собственное министерство экономики. См.: *Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR. 1941—1944. Dokumente*. Kln, 1980. S. 185.

²⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Преступные цели—преступные средства...* С. 62, 63, 243—254; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 1. С. 152—195. См. также: *Deutsche Besatzungspolitik in der UdSSR...* S. 195—203; "Unternehmen Barbarossa". *Der Deutsche Oberfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analyse, Dokumente*. Paterborn, 1984. S. 385—391.

²⁶⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 1125, 1126. Stellungnahme ber das Verhltnis der Reichsminister fr die besetzte Ostgebiete und des Reichskommissar fr die Festigung des deutschen Volkstums. 23. Sept. 1941; *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Lnder...* S. 125, 126; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 90. "Работать с Розенбергом либо под его руководством определенно является самым трудным, что только есть в НСДАП",— жаловался Гиммлер Борману 25 мая 1941 г. См.: *Baumgrtner R. Weltanschauungskampf im Dritten Reich...* S. 23.

²⁶¹ См.: *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Lnder...* S. 126, 129; *Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*. S. 155; *Akten der Partei-Kanzlei...* Т. 1. Bd. I. S. 630.

²⁶² См.: *Akten der Partei-Kanzlei...* Т. 1. Bd. I. S. 630; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 5/1. S. 91; *Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Lnder...* S. 127; *Mller R.-D. Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium // Militrgeschichte. Probleme—Thesen—Wege*. Stuttgart, 1982. S. 394; *Brutigam O. Oberblick ber die besetzten Ostgebiete...* S. 11; *Мадаучик Ч.* Военные цели третьего рейха на Востоке // *Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе*: Сб. ст. по истории так называемого "Дранга нах остен". М., 1965. С. 271.

²⁶³ См.: *Labs W. Die Verwaltung der besetzten Ostgebiete*. S. 142; IMT V. 27. P. 288; *Dallin A. Deutsche Herrschaft in Ruland...* S. 129; *Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion*. S. 84; *Mller R.-D. Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium*. S. 393.

²⁶⁴ См.: *Mller R.-D. Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium*. S. 393.

²⁶⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 1161. Rosenberg an Lammers. 14. Juni 1941; *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der Baltischen Länder... S. 126, 127; *Möller R.-D.* Die Rolle der Industrie in Hitlers Ostimperium. S. 393; *Kamenetsky I.* Secret nazi Plans for Eastern Europe... P. 71; *Majer D.* Führerunmittelbare Sondergewalten in den besetzten Ostgebieten. Entstehung und Wirksamkeit // Verwaltung contra Menschenführung im Staat Hitlers. Studien zum politisch-administrativen System. Göttingen, 1986. S. 384.

К ГЛАВЕ 2

¹ См.: *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1989. С. 5, 517; История второй мировой войны. 1939—1945. Т. 6. М., 1976. С. 81—86.

² См.: Konzept für die "Neuordnung" der Welt. Kriegsziele des faschistischen deutschen Imperialismus im zweiten Weltkrieg. Berl., 1977. S. 109, 110.

³ См., например, тезисы доклада начальника штаба оперативного руководства Йодля 7 ноября 1943 г., прочитанного рейхслейтерам и гаулейтерам в Мюнхене. См.: *Дашинцев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 2. М., 1973. С. 477—492.

⁴ См.: Анатомия войны. Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении второй мировой войны. М., 1971. С. 415.

⁵ Цит. по: Анатомия агрессии. Новые документы о военных целях фашистского германского империализма во второй мировой войне. М., 1975. С. 249.

⁶ Анатомия войны... С. 419. На совещании в министерстве пропаганды 20 февраля 1943 г. Геббельс заявил, что сейчас нужно говорить не о "наших завоеваниях на Востоке", а о крестовом походе против большевизма. Как явствует из дневниковых записей Геббельса тех дней, он оставлял западным державам лишь один выбор — либо национал-социалистически ориентированная, либо большевистская Европа. См.: Konzept für die "Neuordnung" der Welt... S. 112, 114.

⁷ См.: Анатомия войны... С. 410—412; *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939—1945. Bd. 2. Berl., 1985. S. 136.

⁸ См.: *Eichholtz D.* Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft... Bd. 2. S. 136, 152, 160, 161.

⁹ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Arbeitsfront. Bd. 14166. Bl. I. DAF Gauleitung Moselland. Dienstblatt № 1. 15. Jan. 1943; Akten zur deutschen auswärtigen Politik (далее—ADAP). Ser. E. Bd. 4. Göttingen, 1975. S. 117, 118; *Hildebrand K.* Vom Reich zum Weltreich. Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919—1945. München, 1969. S. 716. В специальной директиве партийной канцелярии НСДАП от 18 декабря 1942 г. содержалось требование перейти к широкой пропаганде следующего тезиса: "В новой Европе рядом с Германией будет стоять самостоятельная сильная Италия. Италия должна пользоваться своим неприкосновенным жизненным пространством, которое она будет свободно организовывать в политической, экономической и культурной сферах в интересах всей Европы". См.: ZStA Potsdam. FS. № 382. Bl. 64606. NSDAP. Partei-Kanzlei. Vertrauliche Informationen. F. 79. 18. Dez. 1942.

¹⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 703—705. Hasselblatt an Leibbrandt. 14. Dez. 1942.

¹¹ См.: *Myllyniemi S.* Die Neuordnung der Baltischen Länder... S. 207.

¹² См.: ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 722. Besprechung beim Reichsminister für die besetzte Ostgebiete. Vortragsnotiz. 22. Dez. 1942; Bl. 728, 729. Zimmermann. Interner Zusatzbericht zu dem Protokoll der Sitzung mit den Befehlshabern der Heeresgebiete vom 18. Dez. 1942; *Dallin A.* Deutsche

Herrschaft in Rußland 1941—1945. Eine Studie über Besatzungspolitik. Künigstein/Ts., 1981. S. 163, 560, 561; *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация, 1941—1944. О роли вермахта и его руководящих, органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974. С. 260, 261; *Коваль В. С.* О политическом кризисе оккупационного режима на Украине // *Немецко-фашистский оккупационный режим, 1941—1944 гг.* М., 1965. С. 65.

¹³ ZStA Potsdam. FS. № 13739. Bl. 729. Zimmermann. Interner Zusatzbericht zu dem Protokoll der Sitzung mit den Befehlshabern der Heeresgebiete vom 18. Dez. 1942.

¹⁴ См.: *Коваль В. С.* О политическом кризисе оккупационного режима... С. 67; *Семиряга М. И.* Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // *Вопр. истории.* 1985. № 3. С. 6, 7; *Он же.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991. С. 51; *Dallin A.* Deutsche Herrschaft in Rußland... S. 164; *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem. Stuttgart, 1970. S. 144.

¹⁵ См.: *Анатомия агрессии...* С. 251; *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (далее—IMT).* V. 41. Nuremberg, 1947. P. 187. В розенбёрговской декларации содержался призыв к народам Восточной Европы “взяться за оружие для борьбы против большевизма”. См.: *Cecil R.* The Myth on the Master Race. Alfred Rosenberg and Nazi Ideology. L., 1972. P. 214.

¹⁶ *Анатомия агрессии...* С. 250. Подобные идеи содержались и в циркулярном письме имперского министерства по делам оккупированных восточных областей от 3 декабря 1942 г. См.: *Konzept für die “Neuordnung” der Welt...* S. 99.

¹⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13380. Bl. 1775761. Riecke an Göring. 13. Jan. 1943; Bl. 1775757—1775758. Riecke an Göring. 18. Mrz 1943.

¹⁸ См.: ADAP. Ser. E. Bd. 5. S. 36.

¹⁹ См.: *Misstrauische Nachbarn. Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Dokumentation und Analyse.* Düsseldorf, 1970. S. 186—191.

²⁰ Текст Атлантической хартии см.: *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы.* Т. I. М., 1946. С. 167; *Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы:* В 2 т. Т. I. М., 1983. С. 131, 132.

²¹ См.: *Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von Jahrhundertwende bis Mai 1945.* Berl., 1975. S. 358, 359.

²² См.: *Documents on the History of European Integration.* V. I. Berl.; N. Y. 1985. P. 51.

²³ *Die Weizsäcker-Papiere, 1933—1950.* Frankfurt/Main, 1974. S. 337.

²⁴ Цит. по: *Jacobsen H.-A.* 1939—1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 286, 287.

²⁵ Государственный архив Житомирской области. Ф. Р—1151 с. Оп. 1, д. 137, л. 13. *Leyser* an die Gebietskommissare. 27. Mrz 1943. В своей директиве от 15 февраля 1943 г. Геббельс также требовал выявлять “зверства большевистской системы”. См.: ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 480. *Der Reichspropagandaleiter der NSDAP an alle Reichsleiter, Gauleiter, Gaupropagandaleiter.* 15. Febr. 1943.

²⁶ См.: *Rosenberg A.* Der Weltkampf und die Weltrevolution unserer Zeit. Sonderdruck der Zeitschrift “Ostland”. Riga, 1943. S. 3.

²⁷ См.: *Парсиданова В. С.* К истории Катынского дела // *Новая и новейшая история.* 1990. № 3. С. 31; *Они же.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941—

1945. М., 1982. С. 27—88, 113—119.

²⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны... Т. 1. С. 104.

²⁹ См.: *Haushofer A. Gedanken zur Friedensordnung. Denkschrift // Lauck-Michel U. Albrecht Haushofer und der Nationalsozialismus. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1974. S. 381—395.* Американский историк Херцштейн утверждает, что идея образования “Соединенных Штатов Европы” возникла в гитлеровском рейхе сразу же после капитуляции Бельгии. Ее изложил сотрудник Риббентропа барон А. фон Штеенграхт. См.: *Herzstein R. E. When Nazi Dreams come True. The Third Reich's Internat Struggle over the Future of Europe after a German Victory. A Look at the Nazi Mentality, 1939—1945. L., 1982. P. 225,226.*

³⁰ См.: *Haushofer A. Gedanken zur Friedensordnung... S. 382—384.*

³¹ См.: *Ibid. S. 384, 385.* Видимо, на основании высказанных А. Хаусхофером идей Риббентроп зимой 1941/1942 гг. подготовил обширный меморандум для Гитлера. Министр иностранных дел высказался в нем за проведение “европейской конференции, на которой должна быть зафиксирована и гарантирована самостоятельность и неприкосновенность европейских государств”. Он поддержал идею заключения мирных договоров Германии с Францией, Бельгией, Голландией, Норвегией, Балканскими государствами и “восстановленной Польшей”. Во всем этом Риббентроп видел предпосылку для достижения взаимопонимания с Англией в будущем. См.: *Ribbentrop I. Zwischen London und Moskau. Erinnerungen und Letzte Aufzeichnungen. Leoni/Starnberger See, 1954. S. 257.*

³² См.: *Documents on the History of European Integration. V. I. P. 76—78, 98—107, etc.*

³³ См.: *ZStA Potsdam. FS. № 14591. Unpag. Verschiedene Sydostinformationen. Fñhrungs-Sonderwñsche im Sydosten. 4. Sept. 1941; NSDAP. Vereinigte Grenzlandmter der Gauleitungen Wien – Niederdonau. Pressestelle. Vertrauliche Mitteilungen, Sydosteuropa. Wochenbericht № 137. Bl. 7; Wochenbericht № 175. Bl. 39; Wochenbericht № 183. Bl. 30; Wochenbericht № 189. Bl. 37 (здесь сообщалось о начавшейся пропаганде “венгерской доктрины Монро”); *Gudolin A. Der Norden, der Ostraum und das Neue Europa. Mñchen, 1943; Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976. С. 356; Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Истоки, планы, реализация. I.IX.1939 – 19.XI.1942. Кишинев, 1981. С. 130, 134—136.**

³⁴ См.: *ZStA Potsdam. Akten. Auswdrtiges Amt. Bd. 61120. Bl. 133—135. Steinacker an Triska. 25. Mdrz 1942; FS. № 5008. Bl. D 692608—D 692609. Thielke an Auswdrtiges Amt. 17. Mai 1941; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. I. Berl., 1974. S. 419, 420.*

³⁵ *ADAP. Ser. E. Bd. 4. S. 510, 511; Akten der Partei-Kanzlei der NSDAP. Rekonstruktion eines verlorengegangenen Bestandes. T. I. Bd. I. Mñchen, 1983. S. 770.*

³⁶ См.: *ADAP. Ser. E. Bd. 5. S. 437.*

³⁷ *Ibid. S. 439.*

³⁸ См.: *Ibid. S. 440, 439.*

³⁹ См.: *Ibid. S. 440.*

⁴⁰ Цит. по: *Konzept fñr die “Neuordnung” der Welt... S. 109.*

⁴¹ См.: *Анатомия агрессии... С. 252, 253.*

⁴² Там же. С. 254.

⁴³ См.: *Анатомия агрессии... С. 256—270, 274—280; ADAP. Ser. E. Bd. 6. S. 413, 414; Documents on the History of European Integration. V. I. P. 55—56, 132—145, 150—162.*

⁴⁴ См.: *Анатомия агрессии... С. 256.*

⁴⁵ Там же. С. 278.

⁴⁶ Там же. С. 267.

⁴⁷ Там же. С. 269.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 259.

⁵⁰ См.: Там же. С. 280—300.

⁵¹ См.: Там же. С. 282, 286—291, 297.

⁵² См.: Там же. С. 283.

⁵³ См.: *Weltherrschaft im Visier...* S. 355—358.

⁵⁴ См.: *Анатомия агрессии...* С. 301.

⁵⁵ См.: *Weltherrschaft im Visier...* S. 358, 359. Анализ тезисов Хунке содержится в кн.: *Herbst L. Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft. Die Kriegswirtschaft im Spannungsfeld von Politik, Ideologie und Propaganda 1939—1945.* Stuttgart, 1982. S. 249—251; *Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft...* Bd. 2. S. 425.

⁵⁶ См.: *Анатомия войны...* С. 428; ZStA Potsdam. FS. № 2348. Bl. 1358809. Mohnssen an die Wirtschaftsinspektion Syd. 27. Aug. 1943; *Herbst L. Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft...* S. 249; *Eichholtz D. Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft...* Bd. 2. S. 425, 426.

⁵⁷ См.: *Weltherrschaft im Visier...* S. 358.

⁵⁸ См.: ZStA Potsdam. FS. № 2308. Bl. 558219. Pohl an Heinrichsbauer. 8. Okt. 1943.

⁵⁹ См.: *Soziale Ordnung der Vernunft und der Gerechtigkeit* // *Neue Internationale Rundschau der Arbeit.* 1944. H. I. S. 3; *Eine Europäische Sozialwissenschaftliche Aussprachetagung* // *Neue Internationale Rundschau der Arbeit.* 1944. H. 2. S. 65.

⁶⁰ См.: *Funk W. Wirtschaftsordnung gegen Währungsmechanismus* // *Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft.* 1944. № 3/4. S. 143—158, В подготовке текста кенигсбергской речи В. Функа принимал участие директор Института мирового хозяйства в Киле А. Предель. См.: *Herbst L. Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft...* S. 305.

⁶¹ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 842—853. Bechener. Entwurf zu einem Interview für Reichswirtschaftsminister und Präsident der Deutschen Reichsbank Dr. W. Funk für die Zeitschrift "Signal". Juli. 1944.

⁶² См.: *Funk W. Wirtschaftsordnung gegen Währungsmechanismus.* S. 155, 157. Подробный анализ кенигсбергской речи В. Функа содержится в кн.: *Herbst L. Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft...* S. 306—308. По мнению Л. Хербста, в своей речи имперский министр экономики стремился не только объединить всех на основе страха перед большевизмом, но и показать европейцам привлекательную картину дальнейшего развития континента посредством политического коллаборационизма и экономического сотрудничества с рейхом. См.: *Ibid.* S. 311.

⁶³ См.: ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Reichsbank. Bd. 7018. Bl. 843. Bechener. Entwurf zu einem Interview... Juli 1944.

⁶⁴ См.: *Daitz W. Vaterland und Europa. Völkische Freiheit in der europäischen Bindung* // *Brüsseler Zeitung.* 15. Dez. 1943.

⁶⁵ См.: *Kühl F. Die Idee der Völkerfamilie als sachliches und terminologisches Ordnungsprinzip* // *Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft.* 1944. № 3/4. S. 167.

⁶⁶ *Daitz W. Zur totalen Schau durch Neuwertung aller Werte* // *Mitteilungen des*

Zentralforschungsinstitut für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 3/4. S. 14.

⁶⁷ Цит. по: *Kohl F.* Die Idee der Völkerfamilie... S. 167.

⁶⁸ *Kohl F.* Einige Klarstellungen zum Thema "Europa" // Mitteilungen des Zentralforschungsinstitut für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 2. S. 136. См. также формулировку В. Дайца: "Новая Европа не может быть учреждена посредством провозглашения конфедерации, удерживаемой лишь внешне – правовым договором. Европа как осознанная биологическая целостность снова возникнет вследствие процесса естественного слияния своих народов". См.: *Daitz W.* Vaterland und Europa... // *Brüsseler Zeitung*. 15. Dez. 1943.

⁶⁹ *Kohl F.* Zur Aufgabe des Reiches in der Neuordnung Europas // Mitteilungen des Zentralforschungsinstitut für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 2. S. 139.

⁷⁰ См.: *Ibid.* S. 140.

⁷¹ *Ibid.* S. 141.

⁷² См.: *Ibid.* S. 141, 142.

⁷³ См.: *Daitz W.* Zur totalen Schau durch Neuwertung aller Werte. S. 18.

⁷⁴ *Ibid.*

⁷⁵ *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus. Europa-Charta. Amsterdam, 1944. S. 160, 145, 146. Дайц писал: "Общность вообще не является организмом. Она принципиально отличается от него тем, что организм является отдельной сущью (растение, человек, животное) и состоит из самостоятельных, соединенных элементов, которые управляются центром. Напротив, общность состоит из самостоятельных, свободно движущихся членов, из особой собственной воли, которые сами добровольно объединяются в систему свободной организации согласно закону "Общее благо выше корыстолюбия". ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1346. *Daitz W.* Die Grundsätze des europäischen Sozialismus. 5. Sept. 1944.

⁷⁶ Наиболее важные теоретические работы В. Дайца редактировал Розенберг. См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1370. *Daitz an Koeppen*. 10. Juni 1944

⁷⁷ См.: *Poliakov L., Wulf J.* Das Dritte Reich und seine Denker. Dokumente. Berl., 1959. S. 149; *Kuusisto S.* Alfred Rosenberg in der nationalsozialistischen Aussenpolitik. 1933—1939. Helsinki, 1984. S. 56; *Pötzold K., Weißbecker M.* Hakenkreuz und Totenkopf. Die Partei des Verbrechens. Berl., 1982. S. 352; *Bollmus R.* Das Amt Rosenberg und seine Gegner... S. 143, 144. Вопрос об упразднении внешнеполитического бюро НСДАП поднимался и раньше, вероятно, по инициативе Бормана. Но в октябре 1942 г. решением Гитлера деятельность бюро была продлена по меньшей мере до окончания войны. См.: ZStA Potsdam. FS. № 13735. Bl. 443. Puttkammer. Aktennotiz. 7. Okt. 1942. Entwurf des Antwortschreibens an Reichsleiter Bormann. По этому вопросу см. также: Akten der Partei-Kanzlei... T. I. Bd. 2. S. 782, 841.

⁷⁸ См.: *Ratenieks A.* Was bringt die Neuordnung Europas den europäischen Völkern. Dresden, 1942; *Knudsen T.* Rußland und Europa. Dresden, 1943; *Meier H.* Europas Wirtschaftskraft. Dresden, 1944; etc.

⁷⁹ См.: *Daitz W.* Völkischer Sozialismus – Europäischer Sozialismus // *Nationalsozialistische Monatshefte*. 1943. Juli/Aug. S. 345—349; *Idem.* Völkischer Sozialismus und europäischer Sozialismus // Mitteilungen des Zentralforschungsinstitut für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 2. S. 6—11 (Статья Дайца "Народный социализм—европейский социализм" упоминается в исследовании американского историка Р. Херцетайна. См.: *Herzstein R. E.* The War that Hitler Won. The most infamous Propaganda Campaign in History. L., 1979. P. 163); *Idem.* Vaterland und Europa.

Вулкische Freiheit in der europdischen Bindung//Brüsseler Zeitung. 15. Dez. 1943; *Idem* Lebensraum und gerechte Weltordnung. Grundlagen einer Anti-Atlantikcharta. Amsterdam, 1943; *Idem*. Wiedergeburt Europas durch Europdischen Sozialismus. Europa-Charta. Amsterdam, 1944. В 1943 г. вторым изданием вышла книга Дайца "Путь к народной экономике, великопространственной экономике и великопространственной политике". См.: *Daitz W.* Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. Dresden, 1943.

⁸⁰ См.: *Daitz W.* Die Wiedergeburt Europas aus dem Selbstbestimmungsrecht der Lebensrdume // *Daitz W.* Der Weg... Т. 3. S. 8.

⁸¹ См.: *Daitz W.* Вулкischer Sozialismus – Europdischer Sozialismus. S. 349; *Idem*. Wiedergeburt Europas durch Europdischen Sozialismus... S. 114; ZStA Potsdam. Akten. Deutsche Auslandswissenschaftliches Institut. Bd. 830. Bl. I. *Schnadt P.* Werner Daitz' Lehre: Вулкерfamilie im Lebensraum ("Deutsche Zeitung in den Niederlanden". 11. April 1943).

⁸² *Daitz W.* Вулкischer Sozialismus – Europdischer Sozialismus. S. 345, 349.

⁸³ *Daitz W.* Der Lebensraum und seine Gesetze // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1943. № I. S. 12.

⁸⁴ См.: *Daitz W.* Вулкischer Sozialismus – Europdischer Sozialismus. S. 346.

⁸⁵ См.: *Ibid.* S. 347; *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europdischen Sozialismus... S. 48, 141. Дайц полагал, что с помощью биологического нравственного закона национал-социализму удастся "умиротворить" не только Европу, но и весь остальной мир. См.: *Ibid.* S. 141.

⁸⁶ См.: *Daitz W.* Vaterland und Europa...; *Idem*. Вулкischer Sozialismus – Europdischer Sozialismus. S. 347, 348.

⁸⁷ См.: *Daitz W.* Вулкischer Sozialismus – Europdischer Sozialismus. S. 347.

⁸⁸ *Daitz W.* Vaterland und Europa...

⁸⁹ См.: *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europdischen Sozialismus... S. 115. Германский историк Л. Херbst отмечает, что, в отличие от выступлений имперского министра экономики В. Функа, в книге В. Дайца – "значительно ближе к основным принципам национал-социализма" – ставился под сомнение именно суверенитет отдельных государств в будущей Европе. См.: *Herbst L.* Der Totale Krieg und die Ordnung der Wirtschaft... S. 309.

⁹⁰ *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europdischen Sozialismus... S. 11.

⁹¹ См.: *Ibid.* S. 12, 15, 16, 25, 159, 160.

⁹² *Ibid.* S. 29.

⁹³ *Ibid.* S. 139.

⁹⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1359. Daitz an Koeppen. 13. Juli 1944.

⁹⁵ См.: *Ibid.* Bl. 1387, 1388. Daitz an Rosenberg. 1. Juni 1944.

⁹⁶ См.: *Ibid.*; *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europdischen Sozialismus... S. 143.

⁹⁷ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1341. Daitz W. Die Grundsätze des europdischen Sozialismus. 5. Sept. 1944.

⁹⁸ *Ibid.* Bl. 1390. Daitz an Rosenberg. 1. Juni 1944.

⁹⁹ *Ibid.* Bl. 1394.

¹⁰⁰ См.: *Ibid.* Bl. 1390, 1391.

¹⁰¹ См.: *Ibid.* Bl. 1416, 1417. Daitz an Rosenberg. 30. Juni 1943.

¹⁰² См.: *Ibid.* Bl. 1415. Entwurf einer Verfügung von Rosenberg. Juni 1943.

¹⁰³ См.: Ibid. Bl. 1400. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944.

¹⁰⁴ См.: Ibid. Bl. 1399; Bl. 1447. Ebert an Rosenberg. 30. Jan. 1944. О группе "Коллаборасьон" см.: ADAP. Ser. E. Bd. 6. S. 319; *Littlejohn D.* The Patriotic Traitors. A History of Collaboration in German Occupied Europa 1940/1945. L., 1972. P. 222.

¹⁰⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1447. Ebert an Rosenberg. 30. Jan. 1944; Bl. 1398. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944; ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68908. Bl. 1. Deutsche Botschaft in Paris an Auswärtiges Amt. 3. Aug. 1944; Collaboration in den Praxis // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 2. S. 166, 167.

¹⁰⁶ См.: ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68908. Bl. 1, 2. Deutsche Botschaft in Paris an Auswärtiges Amt. 3. Aug. 1944; ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1398. Daitz an Rosenberg. 5. Mai. 1944.

¹⁰⁷ См.: ZStA Potsdam. Akten. Auswärtiges Amt. Bd. 68908. Bl. 2. Deutsche Botschaft in Paris an Auswärtiges Amt. 3. Aug. 1944; ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1398—1400. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944; Bl. 1406. Daitz an Koeppen. 29. März 1944.

¹⁰⁸ См.: Das erweiterte Forschungsprogramm des Europa-Instituts // Mitteilungen des Zentralforschungsinstituts für Nationale Wirtschaftsordnung und Grossraumwirtschaft. 1944. № 3/4. S. 199—201.

¹⁰⁹ Ibid. S. 199, 200.

¹¹⁰ См.: Collaboration in den Praxis. S. 166; *Herzstein R. E.* When Nazi Dreams come True... P. 122—124.

¹¹¹ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1381. Payr B. Napoleons Kontinentalpolitik als Vorläuferin der Europapolitik des Reiches. Vortrag von W. Daitz, gehalten am 4. März 1944 in der Maison de la Chimie zu Paris vor Anhängern der "Collaboration-Bewegung". O. D.

¹¹² См.: Ibid. Bl. 1382.

¹¹³ См.: Ibid. Bl. 1381—1384; Bl. 1380. Payr an Koeppen. 31. Mai 1944; ZStA Potsdam. FS. № 13673. Koeppen an Payr. 22. Mai 1944.

¹¹⁴ См.: *Daitz W.* La politique continentale de Napoleon, anticipation de la politique européenne du Reich // Collaboration. Mars—avril. 1944.

¹¹⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1379. Koeppen an Daitz. 8. Juni 1944.

¹¹⁶ Ibid. Bl. 1383. Payr B. Napoleons Kontinentalpolitik als Vorläuferin der Europapolitik des Reiches. Vortrag von W. Daitz... См. также: *Daitz W.* Wiedergeburt Europas durch Europäischen Sozialismus... S. 27.

¹¹⁷ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1384. Payr B. Napoleons Kontinentalpolitik als Vorläuferin der Europapolitik des Reiches. Vortrag von W. Daitz...

¹¹⁸ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 225, 226. Zweite Arbeitstagung des Einsatzstab von Reichsleiter Rosenberg in Ratibor am 5. bis 7. Mai 1944.

¹¹⁹ См.: Ibid. Bl. 227.

¹²⁰ Ibid. Bl. 227, 228, 230.

¹²¹ См.: *Шуманн В.* Кризис гитлеровского фашизма. Стратегические концепции германского империализма в конце второй мировой войны // Ежегодник германской истории. 1983. М., 1984. С. 123.

¹²² См.: ZStA Potsdam. FS. № 13673. Bl. 4916742. Hülzle an Huhn. 19. Juli 1944; Bl. 4916741.

Hdrtle an Koeppen. 31. Aug. 1944.

¹²³ См.: Государственный архив Житомирской области. Ф. Р—1151 с. Оп. 1, д. 162, л. 4. Amtsblatt des Reichsministers für die besetzte Ostgebiete. Ausgabe A. Berl., 28. Juli 1943. S. 3.

¹²⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1489. Nikuradse an Koeppen. 2. Juni 1944. Дайц стремился подключить институт профессора Никурадзе к выполнению своей евросоциалистической программы. См.: Ibid. Bl. 1400. Daitz an Rosenberg. 5. Mai 1944.

¹²⁵ См.: Ibid. Bl. 682. Utikal an Wunder. 3. Juli 1944; Bl. 684. Verzeichnis der Sachgebiete der Ostbycherei des Einsatzstabes Rosenberg für die besetzte Gebiete, für welche bei der Kontinentaleuropäischen Forschung Interesse bestehen. O. D.; Bl. 678. Utikal an Wunder. 9. Aug. 1944; Bl. 812. Nikuradse an Utikal. 8. Nov. 1944.

¹²⁶ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd.. 7. Bl. 276. Der Einsatzstab von Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluss 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal zur Dienstbesprechung am 16.12.1944 in Ratibor.

¹²⁷ См.: Ibid. Bl. 276 R. Седьмого ноября 1944 г. Г. Утикаль передал отчетный доклад оперативного штаба статс-секретарю партийной канцелярии Г. Клопферу. Последний пообещал обратить внимание Бормана на "значение позитивной работы штаба", а также сообщить розенберговскому сотруднику время, благоприятное для представления доклада Гитлеру. См.: Akten der Partei-Kanzlei... T. 1. Bd. I. S. 1013.

¹²⁸ ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 99. Proksch R. Auszug aus dem Monatsbericht 5/1944. Die Arbeitstagung in Ratibor.

¹²⁹ Ibid. Bl. 268. Der Einsatzstab von Reichsleiter Rosenberg am Jahresschluss 1944. Ansprache des Stabsführers Pg. Utikal... am 16. 12. 1944 in Ratibor.

¹³⁰ Ibid. Bl. 282.

¹³¹ Ibid. Bl. 123, 124. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.

¹³² Ibid. Bl. 106—107. Auszug aus einer Stellungnahme zu der Arbeit von Dr. Will vom 30. Aug. 1944.

¹³³ Ibid. Bl. 115, 116. Proksch R. Auszug aus einem Brief an der Chef des "Georg Westermann Verlages", Braunschweig, vom 9. Okt. 1944.

¹³⁴ Ibid. Bl. 123, 124. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.

¹³⁵ Ibid. Bl. 123.

¹³⁶ Ibid. S. 125.

¹³⁷ Ibid. Bl. 260, 261. Auszug aus dem Bericht des Stabeinsatzführers R. Proksch anlässlich der Arbeitstagung des Einsatzstabes von Reichsleiter Rosenberg in Ratibor am 17.12.1944 zu der Frage: um die "Neugestaltung der deutschen Ukrainepolitik".

¹³⁸ Ibid. Bl. 262.

¹³⁹ Ibid. Bl. 109. Proksch R. Auszug aus einem Brief an Frau Wiedemann, Schriftleiterin der "Aktion", vom 13. Sept. 1944.

¹⁴⁰ См.: Ibid. Bl. 124, 126. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.

¹⁴¹ Ibid. Bl. 109. Proksch R. Auszug aus einem Brief an Frau Wiedemann, Schriftleiterin der "Aktion", vom 13. Sept. 1944.

¹⁴² См.: Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40. Guttingen, 1955. S. 210; *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts. Eine Wertung der seelisch-*

geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1942. S. 2.

¹⁴³ См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 7. Bl. 126. Antwortschreiben des R. Proksch an Prof. Dubrowski vom 11. Jan. 1945.

¹⁴⁴ См.: Ibid. Bl. 124; Bl. 115. Proksch R. Auszug aus einem Brief an Chef des "Georg Westermann Verlages"... vom 9. Okt. 1944.

¹⁴⁵ Ibid. Bl. 240. Auszug aus dem Bericht des Stabseinsatzführers R. Proksch... am 17.12.1944 zu der Frage: um die "Neugestaltung der deutschen Ukrainepolitik".

¹⁴⁶ Ibid.

¹⁴⁷ См.: Ibid. Bl. 249, 254—256, 259, 262.

¹⁴⁸ ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1395. Daitz an Rosenberg. 1. Juni 1944.

¹⁴⁹ См.: Ibid. Bl. 1337. Daitz an Rosenberg. 5. Sept. 1944; Bl. 1348. Daitz W. Die Grundsätze des europäischen Sozialismus. 5. Sept. 1944; Weltherrschaft im Visier... S. 372.

¹⁵⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1326, 1327. Daitz an Rosenberg. 27. Sept. 1944.

¹⁵¹ ZStA Potsdam. FS. № 13671. Bl. 49/3220, 49/3221. Grundsätzliche Besprechungspunkte mit Reichsleiter Bormann über die Konzentration der Kräfte. 7. Sept. 1944.

¹⁵² См.: ZStA Potsdam. Akten. Dienststelle Rosenberg. Bd. 138. Bl. 129. Rosenberg an Bormann. 19. Mai 1944.

¹⁵³ Подробное изложение розенберговского меморандума от 1 августа 1944 г. см.: *Herzstein R. E. When Nazi Dreams come True...* P. 65, 66.

¹⁵⁴ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13671. Bl. 49/3313. Rosenberg an Bormann. 7. Aug. 1944; Akten der Partei-Kanzlei... T. I. Bd. 2. S. 1041.

¹⁵⁵ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13671. Bl. 9/13313—49/13314. Rosenberg an Bormann. 7. Aug. 1944.

¹⁵⁶ ZStA Potsdam. FS. № 2379. Bl. 523. Lammers an Rosenberg. 10. Aug. 1944.

¹⁵⁷ По этому вопросу см.: ADAP. Ser. E. Bd. 8. S. 510, 511, 629, 630, 635, 636, *Reitlinger O. The House built on Sand. The Conflicts of German Policy in Russia 1939—1945.* L., 1960. P. 367.

¹⁵⁸ См.: IMT. V. 41. P. 185—194.

¹⁵⁹ Ibid. P. 192, 193.

¹⁶⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1332—1336. Daitz W. Denkschrift über Europa-Propaganda. 8. Sept. 1944.

¹⁶¹ См.: Ibid. Bl. 1330, 1331. Kahl F. Mitwirkung des Propagandaministeriums an Europa-Propaganda. 13. Sept. 1944.

¹⁶² См.: Ibid. Bl. 1334, 1335. Daitz W. Denkschrift über Europa-Propaganda 8. Sept. 1944.

¹⁶³ Ibid. Bl. 1325, 1326. Daitz an Rosenberg. 27. Sept. 1944.

¹⁶⁴ Ibid. Bl. 1325.

¹⁶⁵ Ibid. Bl. 1326.

¹⁶⁶ Ibid.

¹⁶⁷ См.: Ibid. Bl. 1336. Daitz W. Denkschrift über Europa-Propaganda 8. Sept. 1944.

¹⁶⁸ См.: Ibid. Bl. 1330, 1331. Kahl F. Mitwirkung des Propagandaministeriums an Europa-Propaganda. 13. Sept. 1944; Bl. 1329. Daitz an Koeppen. 18. Sept. 1944; Bl. 1328. Koeppen an Daitz. 22. Sept. 1944.

¹⁶⁹ См.: Akten der Partei-Kanzlei... Т. 1. Bd. 1. S. 1013, 1019; Bd. 2. S. 1067.

¹⁷⁰ См.: ZStA Potsdam. FS. № 13681. Bl. 941—967. Rosenberg A. Der einige Kontinent. 16. Nov. 1944.

¹⁷¹ Осенью 1944 г. Никурадзе писал: “Для нас ядром любой организации мира становится Европа... Без Европы вообще невозможна организация мира... Безрейха нет никакой Европы и без Европы – никакого рейха”. См.: ZStA Potsdam. FS. № 730. Bl. 1476. Nikuradse A. Notiz für die Besprechung mit SS-Obergruppenführer Berger über die Zusammenarbeit der Kontinentaleuropäischen Forschung mit dem SS-Hauptamt. O. D.

¹⁷² См.: ZStA Potsdam. FS. № 13681. Bl. 948, 956, 960, 962. Rosenberg A. Der einige Kontinent. 16. Nov. 1944.

¹⁷³ Ibid. Bl. 967.

¹⁷⁴ См.: Ibid. Bl. 946, 948, 949, 956.

¹⁷⁵ См.: Ibid. Bl. 961.

¹⁷⁶ См.: Ibid. Bl. 955.

¹⁷⁷ См.: Völkischer Beobachter. Berl., 13. Dez. 1944.

¹⁷⁸ См.: Ibid. 15. Dez. 1944.

¹⁷⁹ См.: Weltherrschaft im Visier... S. 378.

¹⁸⁰ См.: Ibid. S. 377.

¹⁸¹ См.: Ibid. S. 381 – 383; Völkischer Beobachter. Berl., 31. Jan. 1945.

¹⁸² Weltherrschaft im Visier... S. 382.

¹⁸³ См.: Ibid. S. 382, 383.

¹⁸⁴ См.: Розинов Г. Л. Конец “Третьего рейха”. М., 1990. С. 117 – 119.

¹⁸⁵ См.: Там же, С. 120.

¹⁸⁶ См.: Там же, С. 122 – 123.

¹⁸⁷ См.: Там же, С. 127.

¹⁸⁸ См.: Völkischer Beobachter. Berl., 1 Мдрз. 1945.

¹⁸⁹ Goebbels J. Tagebücher. 1945. Die letzte Aufzeichnungen. Hamburg, 1977. S. 271.

¹⁹⁰ Ibid. S. 521.

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ БУХАНОВ
(1948-1995)

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1948, 5 января
родился в г.Новомосковске Днепропетровской обл. (Украина)

1955-1966
учился в средней школе в г.Коростышеве Житомирской обл. (Украина)

1966-1971
студент исторического факультета Уральского университета

1971-1972
учитель истории средней школы № 13 г.Полевского Свердловской обл.

1972-1975
аспирант кафедры новой и новейшей истории Уральского университета

1975-1984
ассистент кафедры новой и новейшей истории Уральского университета

1980 защита кандидатской диссертации “Германская экономическая экспансия в Юго-Восточной Европе (1933-1939)” в совете Московского университета

1981 научная командировка в Германскую Демократическую Республику

1984-1994
доцент, с 1992 г. и.о.профессора кафедры новой и новейшей истории Уральского университета

1988-1990

докторантура

1991 защита докторской диссертации “Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах: Идеино-политические проблемы” в совете Уральского университета

1991 издана монография “Европейская стратегия германского фашизма (1933-1939)”

1994-1995

профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского университета

1994 издана монография “Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах (1939-1945): Идеино-политические проблемы”

1995, 19 июня

скончался в г.Екатеринбурге

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВИЧА БУХАНОВА

Буханов В.А. Борьба империалистов за стратегическое сырье в странах Юго-Восточной Европы в 1933-1935 гг. // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. – Свердловск, 1975. – С.3-20.

Буханов В.А. Роль государств Юго-Восточной Европы в военно-экономических приготовлениях фашистской Германии (март 1935 – ноябрь 1937) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933-1941). – Свердловск, 1976. – С.3-24.

Буханов В.А. Германская экономическая экспансия в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и захвата Чехословакии (ноябрь 1937 – март 1939) // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1978. – С.25-41.

Буханов В.А. Германская экономическая экспансия в Юго-Восточной Европе: январь 1933 – август 1939 гг. / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1980. – 23 с.

Буханов В.А. Экономическая экспансия фашистской Германии в Юго-Восточной Европе в период предвоенного политического кризиса (март – август 1939) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1982. – С.3-18.

Буханов В.А. Деятельность Общества Юго-Восточной Европы “Вена” в начальный период второй мировой войны // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1983. – С.97-110.

Буханов В.А. Политика Среднеевропейского экономического совета в Дунайском бассейне и на Балканах в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 – июнь 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. 1932-1945. – Свердловск, 1984. – С.89-103.

Буханов В.А. Подготовка фашистской Германии к установлению “нового порядка” в экономике оккупированных и зависимых стран Европы (май – октябрь 1940) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1986. – С.89-106.

Буханов В.А. К вопросу о деятельности “Общества Юго-Восточной Европы” в начальный период второй мировой войны // Советское славяноведение. – 1987. – № 2. – С.16-24.

Буханов В.А. “Промышленное планирование Юго-Восток”: Эволюция государственно-монополистического капитализма в Германии в связи с планами экономического порабощения балкано-дунайских стран (октябрь 1940 – ноябрь 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1987. – С.25-48.

Буханов В.А. [Рецензия на книгу]: *Эйхгольц Д.* История германской военной экономики. 1939-1945. – Берлин, 1985. – Т.2.1941-1943 // Новая и новейшая история. – 1987. – № 2. – С.218-221.

Буханов В.А. “Промышленное планирование Юго-Восток”: Германские планы экономического порабощения балкано-дунайских стран в годы второй мировой войны // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. – Свердловск, 1988. – С.142-161.

Буханов В.А. “Имперская крепость Белград”: Германские планы колонизации Юго-Восточной Европы (1939-1941) // Советское славяноведение. – 1989. – № 1. – С.20-31.

Буханов В.А. Формирование внешнеэкономической концепции германского фашизма (1929-1933) // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1989. – С.39-52.

Буханов В.А. “Коричневый интернационал” (30-е гг.) // Европа в системе международных отношений (1917-1945). – Свердловск, 1990. – С.73-83.

Буханов В.А. Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах. 1933-1945: Идеино-политические проблемы / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. – Свердловск, 1991. – 35 с.

Буханов В.А. Европейская стратегия германского фашизма: 1933-1939. – Свердловск, 1991. – 164 с. . [Рецензия: *Гипцберг Л.И.* // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С.226-229]

Буханов В.А. О попытках реформирования нацистской партии в конце второй мировой войны // Демократия и тоталитаризм: Европейский опыт XX в. – Екатеринбург, 1993. – С.83-86.

Буханов В.А. Гитлеровский “новый порядок” в Европе и его крах. 1939-1945: Идеино-политические проблемы. – Екатеринбург, 1994. – 165 с. [Рецензия: *Гипцберг Л.И.* // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С.226-229]

Буханов В.А. Национал-социалистический режим в Германии (*в печати*).

КНИГИ, ОПЕРЕДИВШИЕ ВРЕМЯ

Вместо послесловия

Каждый пишет, как он
слышит.

Каждый слышит, как
он дышит,

Как он дышит, так и
пишет,

Не стараясь угодить...

Булат Окуджава

В 1991 и 1994 гг. вышли две монографии Валентина Александровича Буханова, посвященные нацистским замыслам “освоения” Европы, попыткам их реализации и их краху. Эти книги продолжили укоренившуюся в отечественной науке традицию изучения проблематики “третьего рейха”, одновременно обозначив новый уровень познания сущности и внешних проявлений национал-социалистической диктатуры – запредельного зла XX века.

Вдумчивые специалисты в области германской истории хорошо поняли значимость и перспективность научных изысканий Буханова. Именно об этом писал в своей рецензии на его труды доктор исторических наук Лев Израилевич Гинзберг. Но прочитать обстоятельный отзыв, опубликованный в одном из ведущих научных журналов, Валентин Александрович, увы, уже не смог. 3-й номер “Новой и новейшей истории” был разослан подписчикам через несколько дней после кончины выдающегося уральского ученого.

Книги Валентина Александровича были написаны основательно и неспешно, на основе солидных исторических источников. Выпускник Уральского университета, представлявший созданное профессором Иваном Никаноровичем Чемпаловым научное направление, но избравший несколько иную тематику исследований, получил возможность длительной работы в архивах и библиотеках Германской Демократической Республики. Главное внимание при этом было уделено фондам Центрального государственного архива в Потсдаме, изучению документов т.н. “ведомства Розенберга”, в состав которого входили внешнеполитическое бюро НСДАП, аппарат уполномоченного фюрера по контролю над мировоззрением и воспитанием членов нацистской партии. А в годы второй мировой войны и министерство по делам оккупированных восточных областей. Значительная часть архивных материалов была впервые введена Бухановым в научный оборот: эти документы не нашли отражения в публикациях историков ГДР и ФРГ.

Предшественники Валентина Александровича (труды которых он высоко ценил) рассматривали европейскую политику “третьего рейха” преимущественно как процесс осуществления территориальных захватов, становления и краха оккупационного режима, не касаясь, как правило, идейных установок и концептуальных основ нацистского европеизма, их эволюции по мере приближения к поражению коричневой империи. Работы Буханова не только восполнили существенный пробел в историографии национал-социализма, но, по существу, открыли новое направление в исследовании германской и европейской истории 1933-1945 гг.

Труды В.А. Буханова далеко выходят за рамки разрабатываемой им проблематики. За частными, казалось бы, аспектами функционирования и краха нацистского оккупационного режима пытливый взгляд исследователя различал важнейшие теоретические проблемы истории тоталитарной диктатуры. В их постановке и решении ученый находился на уровне мировой историографии германского фашизма, а нередко и опережал этот уровень.

Он был убежден в неполноте, в односторонности привычной для советской историографии жесткой идеологизированной схемы, трактовавшей фашистскую диктатуру исключительно как результат деятельности “наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала”.

Это известное определение, более полувека считавшееся непререкаемым и обязательным для историков-марксистов, описывало, отражало, а частично и объясняло некоторые (но только некоторые!) важные черты нацистской диктатуры.

Однако стандартная для марксистской литературы формулировка не была и не могла быть исчерпывающей. Она была разработана в конце 1933 г., до того, как нацистская диктатура прошла решающую фазу унификации, до того, как режим выказал свои наиболее существенные черты. Не были определены критерии, согласно которым проводилась граница между “наиболее” и “наименее” реакционными и т.д. элементами финансового капитала. За гранью “классической концепции фашизма” оставались чрезвычайно важные тематические пласты: формирование и функционирование массовой социальной базы германского фашизма, нацистская идеология, политический механизм гитлеровской диктатуры и роль в нем Гитлера, наконец, европейские концепции “третьего рейха”.

Гипотеза, трактовавшая фашизм исключительно как концентрированное выражение интересов одной социальной группы - промышленников и финансистов, претендовала на монопольное выражение научной и политической истины. Путь к многомерным научным исследованиям фашизма в русле марксистской теории был заведомо перекрыт. Задача исторической науки сводилась к доказательству (если не комментированию) того, что было уже заранее определено высшими партийными инстанциями. Валентин Александрович был одним из первых российских ученых, который был глубоко убежден в необходимости серьезной и тщательной разработки

альтернативных теоретических моделей национал-социалистического режима. Его книги являются подступом к принципиально новым интерпретациям нацистской диктатуры.

В трактовке Буханова существование гитлеровской системы власти было неотъемлемо от острейшего противоборства различных фашистских кланов и клик (автор именует их “империями”). На основе множества архивных документов он впервые рассматривает ход и результаты противоборства “империи Розенберга” с “империями” Риббентропа, Геринга, Геббельса. “Классическое определение фашизма” стояло на пути исследования этих процессов: оно исходило из понимания гитлеровской диктатуры как системы власти, исходившей из одного источника монополистического капитала, прямой агентурой которого будто бы были Гитлер и иные нацистские фюреры.

Обсуждение проблемы противоречий и конфликтов во властных структурах “третьего рейха” началось в ФРГ в конце 70-х годов. <??> Возникла (и, по существу, продолжается по сей день) дискуссии по проблеме “монократия или поликратия?”, сыгравшей немалую роль в приращении научных знаний о национал-социализме. Однако споры ученых ФРГ о возможностях исследования проблематики гитлеровской Германии в рамках категорий “монократия” и “поликратия” нередко носили достаточно отвлеченный характер, в то время как аргументы российского историка были основаны на анализе громадных пластов эмпирического материала.

Последние годы были самыми плодотворными в биографии ученого. В докладах Буханова на международных конференциях, проведенных при его деятельном участии в Екатеринбурге в 1992-1993 гг., выдвигалось настоятельное, глубоко обоснованное требование новых подходов к проблематике характера и степени действенности национал-социалистической идеологии. Это тем более важно потому, что долгое время советская наука попросту отрицала само существование такой идеологии или же явно недооценивало степень ее воздействия на широкие массы населения. Смерть пришла к ученому, когда его мысль выходила на новый виток теоретического осмысления германской и европейской истории, когда у него появились ученые-единомышленники.

Сегодня, когда так много говорят об упадке российской науки, труды ученого, воспитанного и работавшего в стенах славного Уральского университета, свидетельствуют о неисчерпаемом исследовательском потенциале российской исторической науки. Имя Буханова стоит в одном ряду с такими яркими представителями Екатеринбургской исторической школы, как Михаил Яковлевич Сюзюмов, Владимир Васильевич Адамов, Маргарита Адольфовна Поляковская, Иван Никанорович Чемпалов.

Несколько лет назад, когда и в России, и в Германии отмечалась очередная горькая годовщина начала операции “Барбаросса”, состоялся диалог знаменитого российского мыслителя Михаила Яковлевича Гегфера и немецкого профессора-историка Вольфганга Айхведе. Речь шла о том, что примирение народов не должно

обернуться забвением трагического прошлого. Познание прошлого, понимание его смысла, уроков и последствий - это, по словам Гефтера, предельно трудная задача, которая требует "мужества вопрошания и исследовательских усилий". В трудах <??> я вижу чрезвычайно яркое воплощение категорий, о которых говорил Гефтер.

Я всегда буду благодарить судьбу, позволившую мне узнать Валентина Александровича и стать его другом. На публикациях профессора Буханова лежит неизгладимая печать его неповторимой личности, его эрудиции, таланта и интеллектуального мужества, несуетливости в выводах, умения слушать, слышать и понимать оппонента. Он был скромным человеком, а написал книги, опередившие время и ставшие достоянием мировой науки, книги, в которых, говоря словами Гегеля, "мысль резюмирует богатое содержание". Он высоко поднял планку исследований в сфере германской истории, и наш долг состоит в том, чтобы не снижать эту планку.

Глубоко своевременный и современный характер творчества уральского историка становится очевидным, когда окунаемся в научную и политическую атмосферу сегодняшней ФРГ, где в течении нескольких лет в центре общественного внимания находится проблематика гитлеровской оккупационной политики на территории СССР. Институтом социальных исследований в Гамбурге была подготовлена документальная экспозиция "Война на уничтожение. Преступления Вермахта в 1941-1944 гг." Выставка - это только верхушка айсберга, только часть фундаментального исследовательского проекта, осуществленного на базе материалов из архивов Германии и стран СНГ. Экспозиция, которая побывала уже в двух десятках крупных городов ФРГ, вызывая самые разные чувства посетителей, затронула болевые точки германской исторической науки и германского исторического сознания. Вновь и вновь ставится на обсуждение проблема ответственности за преступления нацистского режима против народов нашей страны, против народов Европы.

Преступный оккупационный режим на территории СССР - и об этом убедительно писал Валентин Александрович - был предвестником экономического и политического порабощения Европы. В скрижали истории навек внесена Великая победа, достигнутая ценой непомерных усилий и неисчислимых жертв нашего народа и спасшая, по глубокому убеждению автора, мировую цивилизацию "от ужасов гитлеровского "нового порядка" как, впрочем, и от мрачных перспектив биологического угасания в случае, если бы нацистские представления о "новой Европе" воплотились в жизнь".

Я начал это послесловие словами Булата Окуджавы. Дело не только в том, что Окуджава был любимым поэтом Валентина Александровича, который великолепно знал его песни и мог говорить о них часами. Дело еще и в том, что эти два человека были очень похожи - стремлением к свободе мысли и к истине, бескорыстностью, обостренным чувством справедливости, твердостью в отстаивании собственных убеждений. Я и закончу словами Окуджавы, которые могут обозначить генеральную целевую установку неконъюнктурной исторической науки:

...А прошлое ясней, ясней, ясней...

А.И. Борозняк

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абец О. 251
Айке Р. 306
Айххольц Д. 306, 314, 317
Александр II, король Югославии 75, 200
Альбрехт 233
Альсдорф 311
Андрес 301, 307
Аникеев А.А. 279
Антонеску И. 202, 231
- Бакке Г. 172, 173
Балелла 180
Барту Л. 75, 200
Бастинини Д. 119, 120
Баумгэртнер Р. 11, 278, 286, 287, 308, 312, 314
Безыменский Л.А. 279
Белли В.А. 304
Белоусова З.С. 309
Бербер 233
Бергбан 308
Бергер Г. 322
Бернабей 306
Бертельзон А. 187
Берген Ф. 310
Бессонов Б.Н. 279
Бест В. 61, 146-149, 151, 152, 158, 166-169, 171-173, 184, 303
Бехенер 317
Бехтель 305
Бёмер К. 58, 63, 104, 115
Бек 124
Бискупский В. 96
Бисмарк О. 160
Бишелоннэ 251
Бланк А.С. 279
Бломберг 120
- Боймлер А. 42
Боголепов В.П. 304
Болдуин С. 70
Боле В. 53
Больмус Р. 11
Борман М. 186, 195, 220, 265, 314, 318, 320
Брайтинг О. 44
Браувейлер 269
Де Бринон 251
Бройтигам О. 312, 314
Бросцат М. 303
Брэтиану Г. 75
Бураццкий Ф.М. 299
Буххейм Г. 303
Бэрлоу Д. 70
Бюркель Й. 179, 180
- Вагеман Э. 185
Вагенер О. 185
Вагнер 233
Вагнер Р. 105
Вайды-Воевода А. 75
Вайсбекер 308, 318
Ванситтарт 66
Везенмейер Э. 202
Вейгман В. 305
Вейс В. 272
Вейцекер Э. 308, 315
Видеман М. 260
Де Виль Й., ван 271
Виль Э. 233
Вильсон В. 147
Власов А.А. 219, 228, 250, 266
Воле В. 110
Вулф Й. 279, 280, 294, 303, 308, 309, 318
Вундер 320

Гадолин А. 316
 Галкин А. А 13, 279, 286, 291,
 293, 298, 299
 Гальдер Ф. 306, 308, 309
 Гартлиб В. 309
 Гаус Ф. 233
 Геббельс Й. 27, 39, 53, 83, 92, 98,
 99, 103, 263, 269, 275, 285, 296,
 314, 316
 Гейдрих Р. 195
 Гембеш 77
 Генлейн К. 83, 97
 Генри Э. 10, 53, 96
 Геринг Г. 92, 113, 129, 136, 177,
 182, 184, 190, 192, 201, 205, 207,
 217, 220, 221, 226, 275, 312, 313
 Гесс Р. 70, 103, 105, 107, 110,
 151, 183, 192, 206, 275, 276, 284,
 287
 Гилен А. 102
 Гиммлер Г. 46, 48, 83, 92, 94,
 108, 123, 142, 143, 146, 149, 156,
 173, 177, 181, 183, 195, 207, 220-
 222, 225-227, 256, 263, 266, 294,
 314
 Гинцберг Л.И. 279, 286, 299, 300,
 303
 Гитлер А. 9, 14, 17, 18, 23, 27-30,
 33, 34, 41, 43-49, 56, 60, 64, 70,
 75, 92, 103, 104, 107, 110, 112,
 113, 117, 120, 125, 130, 134, 136,
 137, 143, 146, 173, 182, 187, 192-
 194, 199, 200, 205-208, 213, 220,
 222-224, 226, 230, 234, 239, 260,
 263, 265-269, 273, 279, 288, 303,
 306, 308, 311-313, 316, 318, 321
 Гогенлоз-Лангенбург М. 69, 70
 Гога О. 75, 201, 202
 Де Голль Ш. 219
 Гранцов В. 172

Григорьянц Т.Ю. 303
 Гранцин 256
 Гроос О. 172, 174, 304
 Гроссер Г. 179
 Грухман Л. 300
 Грэвель В. 305
 Грюбер Л. 50
 Грюнбек 311
 Гуттерер Л. 172
 Гюнтер Г. Ф. К. 82, 83,

 Дайц В. 14-24, 26, 28, 30-35, 39-
 41, 55, 58-61, 63, 69, 77, 80, 81,
 86-90, 119, 125-129, 147, 148,
 150-168, 171-175, 177-190, 194,
 198, 204, 209-211, 216, 220, 224,
 240, 242-257, 259, 260, 263-273,
 286, 301, 318-320
 Даллес А. 69
 Даллин А. 11, 311
 Дарре В. 47, 82, 83, 173, 177,
 183, 201, 207, 275
 Дашичев В.И. 278, 279, 295, 296,
 298, 300, 306, 309-311, 313, 314
 Деа М. 271
 Деборин А.М. 298,
 Дегрель Л. 97, 230, 271
 Детердинг 69
 Дин А. 50, 55, 172
 Дитрих О. 31, 269, 271
 Додд У. 113
 Доусон Д. 104
 Дрекслер О. 220
 Дубровски 259
 Дуквиц Г. 63, 75

 Екель Э. 304
 Еремеев Л.М. 304
 Ерусалимский А.С. 141, 279,
 298, 299

Жиордано Р. 144, 299

Зандиг К. 189

Заукель Ф. 218

Зейс-Инкварт А. 308

Зельцнер К. 172

Зергель Г. 301

Зибер Э. 189

Зиверт В. 105

Зиверт Г. 93

Зикс Ф. 233

Зыруп Ф. 172

Зюндерман Г. 271

Ильгнер М. 49, 50

Имхоф 189

Инсабато Э. 102, 103, 120, 204

Де Ионг Л. 310

Йодль А. 314

Каменеcki И. 314

Каус Л.Ф. 83

Квислинг В. 133, 198-200, 230,
249, 267, 309

Кейтель В. 220

Кемсли 133

Кеплер 55

Кеппен В. 318-320, 322

Керскен Г. 110

Керрл Г. 177

Кинг 228

Клейнман В. 172

Клем 311

Клопфер Г. 320

Клюке П. 300

Кнауэр Э. 57, 63,

Кнудсен Т. 318

Коваль В. 315

Кодряну К. 75, 76

Козельски Е. 101, 102

Комарица С. 310

Кон Ф. 118

Кох Э. 220, 263

Краусник Г. 303

Кремер В. 310

Крупп Г. 49, 50

Крюгер К. 22

Кубе В. 94

Куза А. 75, 76

Кульков Е.Н. 299

Курсель О. 54, 57, 110

Куске Б. 305

Куусисто З. 11, 278, 285-287,
290, 292, 293, 295, 297, 298, 309,
318

Кюль Ф. 241, 242, 267, 269

Лаак-Михель У. 282

Лабс В. 214, 312, 314

Лаваль П. 231

Ламмерс Г. 52, 131, 203, 220,
221, 265, 266, 310, 313, 314, 321

Ланг С. 283

Ланге К. 187, 307

Ландфрид Ф. 189

Лебедев Н.И. 156

Лебедева Н.С. 298

Левит И.Э. 316

Лей Р. 53, 83, 296, 304, 305

Лейббрандт Г. 58, 62, 63, 93, 96-
98, 100, 102, 117, 118, 120, 203-
205, 219, 225, 295, 311, 313

Лейзер 228

Лерх В. 172

Ликус 115

Литлджон Д. 319

Лозе Г. 83, 84, 219

Лонгерих П. 295

Лонгерт В. 147, 152, 187-189

Лоок Г.-Д. 11

Лоренц В. 110

- Лукач Д. 279
 Лутце В. 83
 Лутцхефт Г.-Ю. 11, 279
 Людеке К. 43, 45-49, 56, 94
 Люшер 251
- Мадайчик Ч. 314
 Майер 256
 Майер Д. 303, 314
 Майер Т. 305
 Макарова Л.М. 299
 Макдональд Р. 70
 Маллетке В. 63, 202, 216, 220, 312
 Мароцке В. 172
 Маулик П. 309
 Мегерле 233
 Меервальд 172
 Мейер Г. 318
 Мельников Д.Е. 10, 278
 Менде Г. 93
 Меркер П. 292, 304
 Мерцалов А.Н. 299
 Мерцалова Л.А. 299
 Меско З. 97
 Михайлов И. 97
 Михель 251
 Монро Дж. 300
 Монсен 317
 Мук О. 241
 Мус Г. 172, 177
 Муссерт А. 97, 230, 249, 267
 МуССолини Б. 101-103, 120, 181, 231
 Мухов Г. 257, 269, 273
 Мыльниемеи З. 279, 312-315
 Мэлике 269
 Мюке 256
 Мюлен, фон цур 255
 Мюллер Н. 313, 315
 Мюллер Р.-Д. 291, 295, 314
- Наполеон I 252, 253
 Науман Ф. 30
 Нейрат К. 48, 52, 55, 66, 90, 121
 Никурадзе А. 256, 270, 273, 320, 322
 Нисланд Г. 52
 Ницше Ф. 18, 157, 242, 276, 280
 Нойлен Г. 144, 299
 Нольте Э. 308
 Носкова А.Ф. 303
- Обермюллер Х. 63, 104
 Одич С. 310
 Одуев С.Ф. 279
- Павелич А. 97
 Паволини 306
 Пайр Б. 253, 320
 Парсаданова В.С. 316
 Пегль Ф. 502
 Петерсен О. 293
 Петцольд Й. 279, 306, 308, 318
 Политова Ю.М. 302
 Поляков Л. 279, 280, 294, 303, 308, 309, 319
 Поэнсген Г. 309
 Поэнсген Э. 309
 Предель А. 172, 178, 179, 317
 Прециози 204, 310
 Прокш Р. 213, 254-263, 321
 Проэктор Д.М. 132
 Путкамер 318
 Пэтцольд К. 279, 283, 308, 318
- Размеров В.В. 279
 Райнис Ф. 271
 Райтлингер Дж. 322
 Ран Р. 234, 235
 Рат К. 305
 Ратенау В. 30, 176

Ратениекс А. 318
 Раумер 115
 Рахшмир П.Ю. 279
 Рачинский Э. 130
 Рейнбабен В. 312
 Рейнхардт Ф. 305
 Рейхерт 306
 Рема Э. 47
 Рентельн А. 220
 Ренте-Финк С. 234-237
 Рериг Ф. 305
 Рехберг А. 124
 Ржешевский О.А. 299
 Риббентроп И. 46, 64, 71, 83, 92, 103, 104, 107, 110, 112, 113, 119, 122, 125, 134, 136-138, 143, 144, 156, 174, 182, 190, 191, 199-207, 220, 223, 229, 231-234, 236-240, 252, 263, 266, 268, 272-276, 293, 295, 296, 316
 Рике Г.-Ю. 313
 Ринтелен 233
 Рихельт 256
 Рич Н. 304
 Розанов Г.Л. 273, 279, 284, 287, 298, 322
 Розенберг А. 10, 11, 14-16, 18-21, 23, 24, 26-28, 30, 31, 37, 43-49, 51-55, 57, 67-70, 74, 79, 81, 83, 84, 90, 92, 94, 96, 97, 100, 103, 112, 118, 119, 120, 122-125, 130, 131, 134, 136, 142-144, 147, 148, 156, 159, 166, 171, 174, 177, 178, 180-183, 188, 190-209, 211-223, 225-227, 229, 231, 243, 249, 250-280, 283-285, 287, 288, 291, 292, 295, 308-314, 318, 320, 321
 Ропп В. 65, 66, 133, 134
 Рузвельт Т. 147
 Рузвельт Ф. 253
 Рунштедт Г. 251

Руст Б. 178
 Рюле 233
 Саймон Д. 66
 Самсонов А.М. 314
 Семенов И.В. 299
 Семенов Ю. 301
 Семиряга М.И. 303
 Сесил Р. 11, 278, 284, 287, 293, 298, 315
 Сименс К. 50
 Сиполс В. Я. 130
 Скарфольо К. 180
 Сталин И.В. 219, 253
 Стиннес Г. 176
 Суриц Я. 3. 91

Тальберг Н. 93
 Тауберт Э. 97-99, 310
 Тим Э. 82, 122
 Тиссен А. 176
 Титулеску Н. 75, 201
 Томас Г. 177, 304
 Томс В. 189
 Триска Г. 226, 316
 Трота Т. 57, 58, 63, 79, 81, 82, 133
 Трючлер Г. 233, 311

Уинтерботэм О. 66, 70
 Уистрич Р. 304
 Унгер А. 302
 Утикаль Г. 195, 257, 308, 320
 Ушаков В.Б. 287

Фален Т. 172
 Федер Г. 185
 Филатов М.Н. 299
 Филистов А.М. 299
 Фишбек Г. 180
 Фляйшхауэр И. 291, 292, 296,

303, 312, 314
Фовинкель К. 156, 294
Фрайслер Р. 172, 173, 304
Франк Г. 206, 214
Фраш А. 94
Френцель 233
Фрик В. 48, 83
Фрич 121
Фриче Г. 269
Фровейн Г. 234-236
Функ В. 121, 177, 182, 184, 185-
187, 189, 190, 207, 238, 239, 243,
275, 307, 317, 319
Фус 189

Хабихт Т. 97 -
Хагемейером Г. 118
Хайнрихсбауэр А. 180, 305, 317
Хам Э. 305
Ханфштэнгль Э. 48
Хайлш Р. 66
Хаппиус Б. 104
Хартнак 189
Хассельблат В. 225, 315
Хаусхофер А. 27, 104, 106, 107,
110, 229, 230, 316
Хаусхофер К. 60, 104-106, 110,
156, 293, 294
Хельферих Г. 110
Хельферих К. 176
Хен Р. 147, 149-152, 171, 172,
174, 255, 305
Хенке 233
Хербст Л. 304, 317, 319
Херцстайн Р. 11, 144, 278, 299,
307, 316, 318, 320, 321
Хессе Ф. 274
Хехт 109
Хильдебрандт К. 83, 315
Хирлем К. 47
Хирль К. 22

Хольфельдер А. 272
Хор С. 70
Хоф 83
Хубер Э. 241
Хунке Г. 22, 32, 172, 174, 183,
238, 304, 317
Хуман-Хайнхофен 115
Хэртле Г. 213, 254-256

Цанген В. 185, 309
Цимерман 315

Чаммер унд Остен Г. 83, 172, 180
Челлен Р. 23
Челышев И.А. 299
Чемберлен 66
Чемпалов И.Н. 306
Черная Л.Б. 10, 278, 279
Чиано 120
Чихон Э. 176, 279, 305, 307

Шахт 49, 55, 62, 90
Швабе К. 300
Шварц К. 49
Шейдт Г. 216, 220
Шенк Э. 283, 299
Шикеданц А. 57, 58, 63, 75, 132,
199, 203, 219, 220
Ширах Б. 83
Шлоттерер Г. 182, 184, 185, 189,
216, 306
Шмиден 233
Шмидт 233
Шмитт Г. 49, 55
Шмитт К. 146-151, 154, 156, 171,
172, 229, 230, 236, 241, 300
Шмитхеннер 189
Шнадт П. 166, 302, 319
Шой Э. 172
Шойбнер-Рихтер 57
Шпеер 256

Шпеер А. 223, 224
Шпенглер О. 14, 242, 243
Шпрингорум Ф. 50
Штайнахер Г. 109-111, 295
Штеенграхт 233, 316
Штейнберг В. 309
Штельрехт Г. 212, 213, 311
Штокхорст Э. 304
Штрассер Г. 44-46, 64, 185
Штуккарт В. 147, 148, 151, 167,
169-173, 304
Штюльпнагель О. 251
Шуберт 284, 310

Шульц Б. 305
Шуманн В. 320
Шустер Э. 189
Шюрман А. 305

Эберт Г. 194, 216, 251, 308
Эккерт 63
Энгельгардт Э. 95
Эрт А. 97-99, 102

Якобсен Г.-А. 11, 278, 280, 283-
287, 290-297, 301, 303, 315

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Европейская стратегия германского фашизма. 1933-1939.	
<i>Научный редактор В.И. Михайленко</i>	7
Введение	8
Глава 1. Идеологические и внешнеполитические основания нацистского европеизма	13
Глава 2. Формирование европейской концепции “империи” Розенберга.....	47
Глава 3. Переход розенберговской “империи” к политике “сознательного европеизма”	93
Заключение	139
Гитлеровский “новый порядок” и его крах. 1939-1945.	
Идейно-политические проблемы.	
<i>Научный редактор А.И. Борозняк</i>	142
Введение	143
1. На пути к “новому европейскому порядку” (сентябрь 1939 – ноябрь 1942)	148
2. Провал нацистских планов преобразования Европы (ноябрь 1942 – май 1945)	226
Заключение	279
Примечания	281
Валентин Александрович Буханов: даты жизни и деятельности	332
Основные научные труды В.А. Буханова	334
Книги, опередившие время. Вместо послесловия.	336
Именной указатель	340

ISBN 5-7525-0654-9

**Издательство Уральского университета
ЛР № 0257 от 22.11.96 г.**